И. Х. Калмыков
Р. Х. Керейтов
А. И. Сикалиев

НОГАЙЦЫ

Черкесск 1988

Ногай Китапханасы

И. Х. Калмыков, Р. Х. Керейтов,
А. И.-М. Сикалиев

НОГАЙЦЫ

Историко-этнографический
очерк

Ответственный редактор доктор исторических наук
Я. С. СМИРНОВА

СТАВРОПОЛЬСКОЕ КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
КАРАЧАЕВО-ЧЕРКЕССКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ЧЕРКЕССК 1988

63.5(2—6 КЧ)
К 17

Рецензент: старший научный сотрудник
сектора этнографии НИИ ИЯЛ Даг. ФАН СССР,
кандидат исторических наук
ИСЛАММАГОМЕДОВ А. И.

Художники: *Батыров С. С.*
Хахандуков М. Р.

К 17

Калмыков И. Х., Керейтов Р. Х., Сикалиев А. И. Ногайцы. Ставропольское книжное издательство, Карачаево-Черкесское отделение 1988.— 232 с.
ISBN 5-7644-0241-7.

Историко-этнографический очерк «Ногайцы» посвящен процессу формирования и истории расселения ногайцев. В книге даны развернутая характеристика хозяйству, материальной и духовной культуре, обычаям и верованиям ногайцев, живущих на Северном Кавказе. Особое внимание в работе уделено процессу развития ногайцев за годы Советской власти.

К $\frac{0503020900\text{-}110}{M159(03)\text{-}88}$ без объявл.

63.5(2—6КЧ)

ISBN 5-7644-0241-7

© Карачаево-Черкесское отделение
Ставропольского
книжного издательства 1988

ПРЕДИСЛОВИЕ

В предлагаемой книге рассматриваются происхождение и история, хозяйственный и общественный быт, материальная и духовная культура ногайского народа. Особое внимание уделяется огромным изменениям, происшедшим в жизни ногайцев за годы Советской власти, прогрессивному влиянию на них русского и других братских народов. Это и понятно, так как Великая Октябрьская социалистическая революция освободила ногайцев от социального и национального гнета, позволила им коренным образом преобразовать свою экономику, общественные и семейные отношения, материальную и духовную культуру.

Монография написана на основе архивных источников, как опубликованных, так и выявленных авторами в фондах центральных и местных архивов; этнографических материалов, собранных во время экспедиционных работ 1970-х — 1980-х годов в местах расселения ногайцев на Северном Кавказе, в Дагестанской АССР и Астраханской области; литературы, посвященной ногайцам.

Книга подготовлена коллективом ученых Карачаево-Черкесского ордена «Знак Почета» научно-исследовательского института истории, филологии и экономики. Авторами являются старший научный сотрудник, кандидат исторических наук И. Х. Калмыков (Введение, главы I, II, разделы о просвещении и культурно-просветительской работе, здравоохранении, физкультуре и спорте в главе V), старший научный сотрудник, кандидат исторических наук Р. Х. Керейтов (главы III, IV, разделы об этногенезе в главе I, раздел о народных знаниях в главе V, Заключение), старший научный сотрудник А. И.-М. Сикалиев (разделы о литературе и фольклоре в главе V). Руководство подготовкой книги осуществлено Р. Х. Керейтовым.

ВВЕДЕНИЕ

Под этническим наименованием «ногайцы» (самоназвание «ногъайлар») в настоящее время известна часть населения Северного Кавказа, Дагестана и Астраханской области, говорящая на одном из тюркских языков. Язык этой народности лингвисты относят к кипчакской группе тюркских языков, внутри которой он вместе с казахским и каракалпакским образует кипчакско-ногайскую подгруппу [1].

В среде ногайцев в настоящее время реально продолжают бытовать два диалекта и один говор, возникшие в результате территориальной разобщенности народа. Диалектные народно-разговорные речи — караногайский и кубанский, а говором признана речь ногайцев Нефтекумского района Ставропольского края [2]. Своеобразна речь ногайцев Астраханской области [3]. Носители караногайского диалекта проживают в Ногайском районе Дагестана, кубанского диалекта — в Карачаево-Черкесии.

В антропологическом типе ногайцев есть как монголоидные, так и европеоидные элементы [4].

На Северном Кавказе ногайцы не имеют единой этнической и административной территории. В тех районах, где сосредоточена большая часть ногайцев, местными партийными и советскими органами были созданы все необходимые условия для их планомерного социально-экономического и культурного развития. Такими районами являются Ногайский район и г. Махачкала в Дагестанской АССР, Адыге-Хабльский район и г. Черкесск в Карачаево-Черкесской АО. Отсюда поступают в другие районы с ногайским населением периодическая печать, учебно-методическая, художественная и другая литература, ведутся радиопередачи на ногайском языке.

Свыше двадцати лет экономическими и культурными очагами для ногайцев в юго-восточной части Ставропольского края являлись также Ачикулакский и Каясулинский районы, которые теперь включены в состав Нефтекумского района с его административным и культурным центром г. Нефтекумском.

По переписи 1979 г. в СССР проживало 59546 ногайцев, в том числе в

---

[1] Баскаков Н. А. Ногайский язык. В кн.: Языки народов СССР. Тюркские языки, т. II. М., 1966, с. 280.

[2] Грамматика ногайского языка, ч. I. Черкесск, 1973, с. 6.

[3] Виктории В. М. Социальная организация и обычное право ногайцев Нижнего Поволжья. Автореф. канд. дисс. Л., 1985.

[4] Ярхо А. И. Ногайская экспедиция (предварительное сообщение).— Советская Азия, 1930, № 5—6; Трофимова Т. А. Этногенез татар Поволжья в свете данных антропологии. М.— Л., 1943, с. 48—110; Народы Кавказа, т. I. М., 1960, с. 26.

ДАССР — 24977, в ЧИ АССР — 6093, в Ставропольском крае — 24812, из них в Карачаево-Черкесской автономной области — 11872 [5].

В документах предпоследней и последней всесоюзной переписи населения СССР ногайцы отнесены к разделу «Народности Дагестана», хотя в их число включены и ногайцы, проживающие в других районах Северного Кавказа.

Картина расселения ногайцев в ДАССР следующая. Основная масса их проживает в Ногайском районе с территорией 12 тыс. кв. км, созданном в 1929 г. на Терско-Кумской равнине Ногайской степи. Здесь они расселены в селениях Терекли-Мектеб (районный центр), Уйсалган, Карагас, Ортатюбе, Червленые Буруны, Боранчи, Куянбатар, Нариман, Бажиган, аул Ленина, аул Калинина, Яныгы аул, Сулу-Тюбе, Карасув, Кумлы, Батир мурза, Южно-Сухокумск. В Ленинском районе ДАССР ногайцы живут в аулах: Ас-аул, Мейт-аул, Кум-аул и с. Главсулак. В Бабаюртовском районе — в аулах Тамаза-Тюбе, Кеме-Тюбе, Новая Коса, Токсанак и в районном центре с. Бабаюртовское. В Тарумовском районе — в станице Александра Невского, в ауле Чобутлы и Алексей-ауле. В Кизлярском районе проживают ногайцы в аулах: Монгол-аул, Яментей-аул, Кыстырылган, Макар аул, Ново-Владимировка, Боранбай, Сангиши, Огузер и Кизляр.

На запад к Пятигорью раскинулся Нефтекумский район Ставропольского края. В этом районе ногайцы живут в следующих селениях: Абрам-Тюбе, Тукуй-Мектеб, Коясула, Махмуд-Мектеб, Ильяс-Кишлау, Кунай, Бийсей, Ямангой, Нукус, Артезиан, Кара-Тюбе, Бияш, Ачикулак. В Степновском районе они населяют аул Иргаклы. К Ногайской степи относится и современный Шелковский район Чечено-Ингушетии. В этом районе ногайцы сейчас проживают в селениях Сарысу, Каршыга, Красный Восток, Шестой совхоз, Шелковский аул и станица Червленая.

Таким образом, ногайцы в своей основной массе сосредоточены в трех районах Ногайской степи с ее сходными почвенно-климатическими условиями.

Ногайская степь полупустынна. Она покрыта перевеянными древнеаллювиальными песками. Супесчаные почвы и задернелые пески содержат необходимые питательные вещества для растительности, а также обладают способностью удерживать влагу, что имеет большое значение в условиях засушливой зоны.

Гидрографическая сеть в Ногайской степи слабо развита, но грунтовые воды залегают сравнительно близко. Кроме пресных грунтовых вод, здесь много напорных артезианских источников.

Климат в Ногайской степи континентального типа. Он характеризуется жарким летом и холодной зимой с неустойчивостью средних температур и с резким преобладанием испаряемости над осадками. Годовое количество осадков — около 300 мм. Больше всего осадков в мае и июне, что способствует быстрому появлению в полупустыне зеленого покрова и оживлению ее обитателей. Уничтоженные летними суховеями травы вновь зеленеют к ноябрю. В декабре-январе выпадает снег, который держится до конца февраля.Однако снежный покров слаб, со снежными и прогалинными участками.

В Ногайской степи постоянно дуют восточные и западные ветры (48% в общегодовом цикле). Зимою здесь свирепствуют холодные ветры, которые иногда сносят не только снеговой покров, но и плодородные слои почвы. Холодные ветры к весне сменяются горячими воздушными потоками из Казахстана. Они несут с собою суховеи, нередко переходящими в пыльные бури. Суховеи пагубно действуют на растительный мир, ослабляя корневую систему и сокращая содержание влаги в плодородных слоях почвы. Воздушные потоки из восточных районов страны определяют собой климат Ногайской степи приблизительно в течение полугода.

Зима длится с декабря по февраль. Она характеризуется более или менее устойчивым температурным режимом и держится на уровне ниже нуля. Весна

[5] Численность и состав населения СССР. М., 1984, с. 71, 76, 84, 91.

наступает во второй половине марта, но в отдельные годы почти до последней декады апреля заморозки чередуются с оттепелями. Во второй декаде мая начинается лето. Оно отличается продолжительностью и жарой (до 40—50° С). Поверхность песков иногда накаляется до 70°. От зноя и горячих воздушных потоков растительность и посевы злаковых и овощных культур быстро желтеют. Осень наступает в октябре. Для нее обычны сухие теплые дни с туманами по утрам. Изредка, с конца октября, бывают ранние осенние заморозки.

В растительном покрове господствуют степные растения и свойственные полупустыням сухолюбивые полукустарники. В степное разнотравье вкраплены плотнодерновые злаки: сибирский житняк, тонконог, ковыль Иоанна, ковыль-тырса и др. Красивее всего степь весной, когда зеленые массивы украшены яркими цветами эфемеров.

Большая часть Ногайской степи представляет собой естественные пастбища. Земледелие здесь имеет подчиненное значение. Построенный в 1958 г. Терско-Кумский канал (82-километровый участок) позволил оросить около 3400 кв.км площади[6]. Сейчас на орошаемых землях колосятся зерновые культуры и плодоносят виноградники.

Другой территорией, на которой компактно живут ногайцы, является Адыге-Хабльский район Карачаево-Черкесской автономной области. В нем они населяют аулы Адиль-Халк (быв. Шабазовский), Икон-Халк (быв. Тохтамышевский), Кубан-Халк (возник в советское время), Кизил-Тогай (возник в советское время), Эркин-Юрт (быв. Ураковский), Эркин-Халк (быв. Нижне-Мансуровский). Живут они также в ауле Кизил-Юрт (быв. Балтинский) Хабезского района КЧАО. Много ногайцев проживает в рабочем поселке Эркин-Шахар, в а. Адыге-Хабль, Ильичевском, а также в областном центре — г. Черкесске.

В Карачаево-Черкесии ногайцы расселились в северо-западной части области. По природно-климатическим показателям эта территория занимает здесь наиболее благоприятное положение. Почва, осадки и тепловой режим позволяют местному населению выращивать основные виды колосовых, овощных и технических культур, совмещая это со скотоводством на пастбищных угодьях горных районов Карачаево-Черкесии. За годы социалистических преобразований земледелие в сочетании со скотоводством стало основным направлением хозяйственной деятельности кубанских ногайцев.

В Ставропольском крае есть еще два ногайских аула — Канглы в Минераловодском и Карамурзинский — в Кочубеевском районах.

Ногайцы проживают и за пределами нашей страны. Больше всего их в Турции, хотя официальная статистика не дает о них сведений[7]. Небольшая этническая группа ногайцев имеется также в Румынии[8].

Истории и этнографии ногайцев посвящен значительный круг работ, хотя связанная с этим проблематика освещена в них очень неравномерно.

При рассмотрении этногенеза ногайского народа были привлечены работы Плано Карпини, Рубрук[9], В. Г. Тизенгаузена[10], П. Голубовского[11], А. Пономарева[12], К. К. Кудряшова[13], Б. Д. Грекова и А. Ю. Якубовского[14], М. Г. Са-

---

[6] Малая Советская Энциклопедия, изд. 3, т. 6, с. 684.
[7] Численность и расселение народов мира. М., 1962, с. 205.
[8] Народы Кавказа, т.1. М., 1960, с. 301.
[9] Путешествие в восточные страны Плано Карпини и Рубрука. М., 1957.
[10] Тизенгаузен В. Г. Сб. материалов, относящихся к истории Золотой орды, т. 1. СПб., 1884.
[11] Голубовский П. Печенеги, торки и половцы до нашествия татар. История южнорусских степей IX—XIII вв. Киев, 1884.
[12] Пономарев А. Куманы-половцы.— ВДИ, 1940, № 3—4.
[13] Кудряшов К. А. По ловецкие степи. М., 1948.
[14] Греков Б. Д., Якубовский А. Ю. Золотая орда и ее падение. М. — Л., 1950.

фаргалиева[15], Т. М. Минаевой[16], З. В. Анчабадзе[17], Г. А. Федорова-Давыдова[18], С. А. Ахинжанова [19], Е. П. Алексеевой [20], С. А. Плетневой [21] и других исследователей.

Завоевание половцев-кипчаков монголами, образование Золотой Орды получили освещение во многих дореволюционных исследованиях. Среди них заслуживают внимания работы А. Малиновского[22], Н. М. Карамзина[23], В. В. Вельяминова-Зернова[24], Г. Перетятковича[25], В. Д. Смирнова[26]. Эти же вопросы продолжали изучать и советские историки. В трудах таких ученых, как Н. И. Веселовский[27], П. П. Иванов[28], А. Н. Новосельский[29], М. Г. Сафаргалиев[30], Б. Д. Греков и А. Н. Якубовский[31], Г. А. Федоров-Давыдов[32], были глубоко проанализированы история образования Золотой Орды и ее распад, а вместе с тем и отдельные вопросы истории Ногайской Орды. Из названных работ особый интерес по теме исследования представляют труды М. Г. Сафаргалиева. В своей кандидатской диссертации и последующих публикациях он осветил дипломатические отношения Ногайской Орды с соседними народами, ее экономику и социальную структуру.

Сообщения по истории и этнографии ногайцев мы находим и во многих других работах, начиная уже с XIV—XV вв. Это работы И. Шильтбергера[33] и С. Герберштейна[34], а во второй половине XVI в. — А. Дженкинсона[35] и М. Броневского[36]. Затем сведения о ногайцах появились в работах Жана де

---

[15] Сафаргалиев М. Г. Распад Золотой орды. Саранск, 1960.

[16] Минаева Т. М. К вопросу о половцах на Ставрополье по археологическим данным. В кн. :Материалы по изучению Ставропольского края. Вып. II. Ставрополь, 1964.

[17] Анчабадзе З. В. Кипчаки Северного Кавказа по данным грузинских летописей XI—XIV вв.— В кн.: О происхождении балкарцев и карачаевцев. Нальчик, 1960.

[18] Федоров-Давыдов Г. А. Кипчаки Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. М., 1966.

[19] Ахинжанов С. М. О внешнем облике кипчаков-половцев.— В кн.: Письменные памятники и проблемы истории культуры народов Востока. Л., 1969.

[20] Алексеева Е. П. Древняя и средневековая история Карачаево-Черкесии. М., 1971.

[21] Плетнева С. А. Половецкая земля. В кн.: Древнерусские княжества X—XIII вв. М., 1975; ее же. Кочевники средневековья М., 1982.

[22] Малиновский А. Исторические и дипломатические собрания дел, происходивших между российскими великими князьями и бывшими в Крыму татарскими царями с 1462 по 1533 годы. СПб., 1793.

[23] Карамзин Н. М. История государства Российского, т. 6, 7, 8, 9 и др.

[24] Вельяминов-Зернов В. В. Исследование о касимовских царях и царевичах, ч. II. СПб., 1864.

[25] Перетяткович Г. Поволжье в XV и XVI веках. М., 1877.

[26] Смирнов В. Д. Крымское ханство под верховенством Оттоманской Порты до начала XVIII в. СПб., 1887.

[27] Веселовский Н. И. Хан из темников Золотой орды Ногай и его время.— Зап. Российской Академии наук по отделению исторических наук и филологии, 1922, т. XIII, №6.

[28] Иванов П. П. Очерки истории каракалпаков.— Труды Института востоковедения АН СССР, 1935, т. VII.

[29] Новосельский А. Н. Борьба Московского государства с татарами в первой половине XVII в. М.— Л., 1948.

[30] Сафаргалиев М. Г. Ногайская орда в середине XVI в. Рук. канд. дис. М., 1938; его же. Ногайская орда во второй половине XVI в. — В кн.: Сборник научных работ Мордовского пединститута. Саранск, 1949; его же. Распад Золотой орды.— Ученые записки Мордовского гос. университета, 1960, вып. XI; его же. Распад Золотой орды. Саранск, 1960.

[31] Греков Б. Д., Якубовский А. Н. Указ. раб.

[32] Федоров-Давыдов Г. А. Указ раб.

[33] Путешествие Иоанна Шильтбергера по Европе, Азии и Африке с 1394 по 1427 годы. — Зап. Новороссийского университета, т. I, вып. I—II. Одесса, 1867.

[34] Герберштейн С. Заметки о Московии. СПб., 1886.

[35] Дженкинсон А. Путешествие в Среднюю Азию в 1558—1560 гг.— Английские путешественники в Московском государстве. Л., 1937.

[36] Описание Крыма Мартина Броневского.— ЗООИД, т. VI, 1867.

Люка[37], Д'Асколи[38], Э. Челеби[39], Феррана[40], А. Олеария[41], С. Г. Гмелина[42], И. Г. Георги[43], Г. Гербера[44], Клеемана[45], И. А. Гильденштедта[46], П. С. Палласа[47], Е. Д. Фелицына[48] и др. К XIX в. относятся работы А. Павлова[49], А. А. Скальковского[50], А. П. Архипова[51], Г. Малявкина[52], Г. Ананьева[53], Н. Семенова[54] и Н. Дубровина[55], в части своей уже специально посвященные ногайцам. В начале XX в. ногайцам посвящаются труды А. И. Якобий[56], С. В. Фарфоровского[57], И. Л. Щеглова[58], П. Н. Пашина[59], А. Сергеева[60], Ф. И. Капельгородского[61] и др.

Одновременно с печатными публикациями в архивных хранилищах оседают рукописные работы о ногайцах. Среди них заслуживают внимания труды таких ученых-энтузиастов, как П. Н. Прозрителев[62] и Ф. И. Капельгородский[63].

После победы Великой Октябрьской социалистической революции к изу-

---

[37] Описание перекопских ногайских татар, черкесов, мингрелов и грузин Жана де Люка, монаха доминиканского ордена (1625).— ЗООИД, т. XI, 1879.

[38] Д'Асколи. Описание Черного моря и Татарии, составленное доминиканцем Эмиддио Дортелли Д'Асколи, префектом Каффы, Татарии и пр., в 1634 г.— ЗООИД, т. XXIV, 1902.

[39] Челеби Э. Книга путешествия, вып. 1. М., 1961.

[40] Ферран. Путешествие из Крыма в Черкесию через земли ногайских татар в 1709 г. доктора Феррана.— Русский вестник, 1842, т. 6, кн. 2.

[41] Олеарий А. Описание путешествия в Московию и через Московию в Персию и обратно. СПб., 1906.

[42] Гмелин С. Г. Путешествие по России, ч. II. СПб., 1777.

[43] Георги И. Г. Описание всех обитающих в Российском государстве народов, их житейских обрядов, обыкновений, одежд, жилищ, украшений, забав, т. II. СПб., 1799.

[44] Гербер Г. Описание стран и народов вдоль западного берега Каспийского моря.— В кн.: История, география и этнография Дагестана XVIII—XIX вв. М., 1958.

[45] Клееманово путешествие из Вены в Белгород и Новую Килию, также в земли буджакских и ногайских татар и во весь Крым в 1768, 1769 и 1770 годах. СПб., 1783.

[46] Гильденштедт И. А. Географическое и историческое описание Грузии и Кавказа из путешествия г-на акад. И. А. Гильденштедта через Россию и по Кавказским горам в 1770, 1771, 1772 и 1773 годах. СПб., 1809.

[47] Паллас П. С. Путешествие по Крыму академика Палласа в 1793 и 1794 годах.— ЗООИД, т. XIII, 1881.

[48] Фелицын Е. Д. Западно-кавказские горцы и ногайцы в XVIII столетии по Пейсонелю.— КС, вып. 2. Екатеринодар, 1891.

[49] Павлов А. О ногайцах, кочующих по Кизлярской степи, СПб., 1842.

[50] Скальковский А. А. О ногайских татарах, живущих в Таврической губернии.— ЖМНП, т. XI, 1843.

[51] Архипов А. П. Домашняя ногайская утварь.— Географические известия, вып. I. СПб., 1850; его же. Этнографический очерк ногайцев и туркмен.— В кн.: Кавказский календарь на 1859 г. Тифлис, 1858.

[52] Малявкин Г. Караногайцы.— В кн.: Терский сборник, вып. 3, кн. 2, 1893.

[53] Ананьев Г. Караногайцы, их быт и образ жизни.— В кн.: СМОМПК, вып. II, 1894.

[54] Семенов Н. Туземцы Северо-Восточного Кавказа. СПб., 1895.

[55] Дубровин Н. История войны и владычества русских на Кавказе, т. I, кн. I. СПб., 1871.

[56] Якобий А. И. Тюрки степей Северного Кавказа. СПб., 1901.

[57] Фарфоровский С. В. Ногайцы Ставропольской губернии. Историко-этнографический очерк. ЗКОИРГО, вып. VII, кн. II, 1909; его же. Народное образование у ногайцев Северного Кавказа в связи с их современным бытом.— ЖМНП, 1909, № 12.

[58] Щеглов И. Л. Турхмены и ногайцы Ставропольской губернии, т. I—III. Ставрополь, 1910—1911.

[59] Пашин П. Н. Из поездки к ногайцам с антропологической целью.— РАЖ, 1912, т. VIII, № 1(29).

[60] Сергеев А. Ногайцы на молочных водах (1790—1832). Исторический очерк.— ИТУАК. Симферополь, 1912, № 48.

[61] Капельгородский Ф. И. Караногай.— ЗТОЛКС, 1914, № 10.

[62] Прозрителев П. Н. Турхмены и ногайцы Ставропольской губернии. Рукопись хранится в Ставропольской краевой библиотеке.

[63] Капельгородский Ф. И. Караногай, страна кочевников и патриархального быта. Рукопись хранится в библиотеке Института истории, языка и литературы Дагестанского филиала АН СССР.

чению истории ногайского народа первым обратился И. Т. Мутенин [64]. Вскоре началось также исследование ногайского фольклора [65].

Из публикаций советского времени особого упоминания заслуживает ряд исторических и этнографических работ. Это работы Е. П. Алексеевой, многие годы плодотворно изучающей историю народов Карачаево-Черкесии и в том числе ногайцев [66]. В соавторстве с И. М. Аджиевым ею опубликована историко-этнографическая статья «Ногайцы» [67]. Ногайцам посвящены также специальные очерки С. А. Токарева [68] и Л. Н. Кужелевой, которая позднее особо исследовала преобразования в хозяйстве и быту ногайцев [69].

Социально-экономическая проблематика разрабатывалась в исследованиях Б. Кочекаева и В. П. Невской [70], историко-этническая и историко-культурная — в значительном числе этнографических монографий [71]. Специально семье и материальной культуре ногайцев посвящены работы Р. Х. Керейтова [72] и С. Ш. Гаджиевой [73].

История, культура и быт ногайского народа в какой-то степени нашли освещение и в ряде других работ. Среди них можно назвать такие издания, как «Очерки истории Карачаево-Черкесии» (т. I, Черкесск, 1967; т. II, 1972), «Современная культура и быт народов Дагестана» (М., 1971) и «Современный быт и культура народов Карачаево-Черкесии» (Черкесск, 1983—1984).

Как явствует из этого краткого обзора работ, они в основном затрагивают отдельные вопросы истории и этнографии ногайцев на различных этапах их истории. Поэтому они не дают сколько- нибудь полного представления о прошлом и настоящем ногайского народа. В настоящем очерке делается попытка обобщить то, что уже было сделано и, главное, восполнить многочисленные существующие пробелы.

За годы Советской власти ногайский народ уверенно шел к вершинам социализма и за этот период создал высокоразвитую экономику, неузнаваемо преобразил культуру и быт. Ногайские поэты и прозаики, композиторы и художники внесли большой вклад в сокровищницу литературы и искусства нашего великого многонационального государства.

В настоящее время ногайский народ, как и все братские народы Карачаево-Черкесской автономной области, воодушевленные историческими решениями XXVII съезда КПСС, уверенной поступью идет по пути строительства коммунизма. Сегодняшнее поколение ногайцев достигло таких высот, которых

---

[64] Мутенин И. Т. Исторические сведения о ногайцах и караногайцах, населяющих Грозненскую область.— Изв. Грозненского областного института и музея краеведения. Грозный, 1947; его же. Ачикулакские ногайцы. Рукопись хранится в библиотеке Института истории, языка и литературы Дагестанского филиала АН СССР.

[65] Подробнее см. в гл. V настоящей работы.

[66] Алексеева Е. П. Очерки по экономике и культуре народов Черкесии в XVI—XVII вв. Черкесск, 1957; ее же. Древняя и средневековая история Карачаево-Черкесии. М., 1971.

[67] Алексеева Е. П., Аджиев И. М. Ногайцы.— В кн.: Народы Карачаево-Черкесии (историко-этнографические очерки). Ставрополь, 1957.

[68] Токарев С. А. Этнография народов СССР. М., 1958.

[69] Кужелева Л. Н. Ногайцы.— В кн.: Народы Кавказа, т. I. М., 1960; ее же. Социалистические преобразования в хозяйстве и быту ногайского народа. М., 1966. Рук. канд. дисс.

[70] Кочекаев Б. Социально-экономическое и политическое развитие ногайского общества. Черкесск, 1973; Невская В. П. Земельная реформа и отмена крепостного права в Черкесии.— ТКЧНИИ, вып. III, сер. ист. Черкесск, 1959.

[71] Волкова Н. Г. Этнонимы и племенные названия Северного Кавказа. М., 1973; ее же. Этнический состав населения Северного Кавказа в XVIII — начале XX века. М., 1974; Калоев Б. А. Земледелие народов Северного Кавказа. М., 1981; Кобычев В. П. Поселения и жилища народов Северного Кавказа в XIX—XX вв. М., 1982; Смирнова Я. С. Семья и семейный быт народов Северного Кавказа. Вторая половина XIX—XX в. М., 1983 и др.

[72] Керейтов Р. Х. Семья и брак у кубанских ногайцев в прошлом и в настоящем. М., 1973. Авт. канд. дисс.; его же. Новые черты в свадебном обряде кубанских ногайцев.— СЭ, 1973, № 3 и др.

[73] Гаджиева С. Ш. Очерки истории семьи и брака у ногайцев XIX — начале XX в. М., 1976; Гаджиева С. Ш. и Гольштейн А. Ф. Из истории жилища дагестанских ногайцев XIX—XX вв.— УЗИИЯЛ, вып. XX. Махачкала, 1970.

и не могли себе представить предыдущие поколения. Это результат последовательного проведения в жизнь принципов ленинской национальной политики, влияния взаимопомощи народов СССР и прежде всего помощи великого русского народа.

«Итоги пройденного пути убедительно свидетельствуют: национальный вопрос, оставшийся от прошлого, в Советском Союзе успешно решен. Для национальных отношений в советском обществе характерен как дальнейший расцвет наций и народностей, так и их неуклонное сближение, которое происходит на основе добровольности, равенства, братского сотрудничества. Здесь недопустимо никакое искусственное подталкивание, как и сдерживание назревших объективных тенденций развития. Это развитие несет с собой в отдаленной исторической перспективе полное единство нации»,[74]— говорится в новой редакции Программы КПСС.

Во время работы над монографией авторы использовали не только дореволюционную и советскую историко-этнографическую литературу о развитии материальной и духовной культуры ногайского народа, но и привлекли архивные данные и полевые материалы, собиравшиеся на протяжении ряда лет в различных районах Северного Кавказа. Особо отмечают авторы ценные советы и замечания А. И.-М. Сикалиева, а также выражают глубокую благодарность информаторам, сообщившим ценные историко - этнографические сведения.

---

[74] Программа Коммунистической партии Советского Союза. М., Политиздат, 1986, с. 44.

ГЛАВА I

ИСТОРИЧЕСКИЙ ОЧЕРК

I.I. Этногенез ногайцев

Задолго до возникновения этнонима «ногъай» ногайский народ, как и многие другие народы, исторически складывался из различных древних племен и народов. Согласно исследованиям Т. А. Трофимовой, «население степной полосы до нашествия татар состояло из различных тюркских племен — огузских, печенежских и половецких, известных по восточным источникам под именем кипчаков, по западным — куманов»[1]. По А. И. Сикалиеву, в состав ногайцев вошли представители угорских и печенежских племен, а также хазары, булгары, кипчаки[2]. При этом процесс складывания ногайцев, как и многих других народов, шел путем миграции, расселения, а также завоевания одних этнических групп другими[3].

Судя по этнонимам, этническую основу народа составили древние тюркские племена, обитавшие на просторах Прииртышья, Северо-Западной Монголии, Дешт-и-Кипчака, Средней Азии, Северного Кавказа. Это подтверждается племенными и родовыми названиями, бытующими у ногайцев и в настоящее время. Среди множества племен и родов, вокруг которых консолидировались другие, самыми распространенными были уйгуры, уйсуны, найманы, керейты, кипчаки, дурмены (доьрмоьн), катаганы, кунграты, мангыты, кенегесы, канглы, асы, булгары и другие, история которых уходит в древность.

Одними из самых древних являются уйсуны, восходящие к древним европеоидным усуням, которые в IV—V вв. до н. э. входили в конфедерацию протогуннских племен[4]. По В. В. Бартольду, усуней насчитывалось 630000 душ, и главная ставка их, по-видимому, находилась на юго-восточном берегу Иссык-Куля[5]. В. В. Бартольд допускал мысль, что усуни как народ исчезли из поля зрения истории в середине V в., и только их имя осталось у казахов[6]. Однако как отдельный род со своим знаком-тамгой они сохранились у ногайцев и многие ногайцы носят фамилию Исуновы.

Компонентом, принявшим участие в этногенезе ногайцев, является древнее племя канглы, отождествляемое с племенем кангюй. По данным В. В. Бартольда, канглы говорили на тюркском языке[7]. Их владения охватывали огромную территорию в Средней Азии[8] с центром на нижней и средней Сыр-Дарье или в Хорезме[9]. Впоследствии канглы, как и усуни, были завоеваны хуннами и

---

[1] Трофимова Т. А. Этногенез татар Поволжья в свете данных антропологии. М.— Л., 1949, с. 50.

[2] Сикалиев А. И.-М. Древнетюркские письменные памятники и ногайцы.— СТ, 1970, № 4, с. 132.

[3] Бромлей Ю. В. Современные проблемы этнографии. М., 1981, с. 257.

[4] Зуев Ю. А. К этнической истории усуней.— В кн.: Новые материалы по древней и средневековой истории Казахстана. Алма-Ата, 1960, с. 13; Трофимова Т. А. Указ. раб., с. 28.

[5] Бартольд В. В. Соч., М., 1963, т. II, ч. I, с. 27.

[6] Там же, с. 25.

[7] Там же, т. 5, с. 125.

[8] Эрматов М. Этногенез и формирование узбекского народа. Ташкент, 1968, с. 60.

[9] Толстов С. П. Древний Хорезм. М., 1948, с. 25.

вместе с ними дошли до восточных пределов Европы, а затем приняли участие в образовании различных народов, в том числе ногайцев, среди которых они и сейчас известны как «канглы».

Особенно важную роль в этногенезе сыграли кипчаки. Вокруг них потом консолидировались все остальные вошедшие в состав ногайцев племена. Есть основания полагать, что кипчаки были «организующей политической основой новой общности»[10], в данном случае ногайцев, у которых сохранилась фамилия Купчаковы (Къыпшакъ). В VIII—IX вв. н. э. кипчаки двинулись от Иртыша к западу и заняли огромную территорию, которая стала называться Дешт-и-Кипчак. Монгольское нашествие повлияло на расселение кипчаков (половцев русских летописей) в южнорусских степях и на Северном Кавказе. Многие племена откочевали с ранее занимаемых территорий, а «степи от Урала до Дуная служили для кочевок остатков половцев и предшествовавших им тюркских племен, объединявшихся с частью кипчаков под общим названием ногаев»[11].

Заметное место в составе ногайцев заняли найманы. По Рашид-ад-Дину, они имели свое государство в верховьях Иртыша по соседству с керейтами и киргизами[12]. С VI по XI в. найманы вместе с уйгурами составляли государство тогуз-огузов[13]. Усиление монголов, их нападения на соседние государства не миновали найманов. В результате многолетних войн их государство ослабло и в 1218 г. было окончательно разгромлено объединенными силами монголов[14]. После этого этнические группы найманов, вовлеченные в орбиту монгольских завоеваний, расселились в разных областях огромной территории Золотой Орды и приняли участие в образовании многих народов.

Керейты уже в домонгольскую эпоху насчитывали «множество племен и колен»[15] и создали свое государство, которое занимало также часть современной Монголии. В пору своего возвышения Чингисхан нашел союзника в лице керейтского Ванхана. Но впоследствии он обрушился на керейтское государство и подчинил его себе[16]. Образование и распад Золотой Орды способствовали миграции керейтов, вошедших в состав ногайцев.

Заметную роль в этногенезе ногайцев сыграли древние конграты (ногайск. «конъырат»), распавшиеся на несколько родов. Они жили «в районе современного Улан-Батора»[17], вошли в состав Золотой Орды, в период ее распада участвовали в образовании казахов, узбеков, каракалпаков, ногайцев. Конграты оставили много топонимов.

В состав ногайцев вошли также представители населения древнебулгарского государства — асы и булгары[18]. Потомки асов подразделяются на «шомишли (шоьмишли)-ас», «дорт (доьрт)-уллу-ас», «кара-ас», «култы-ас», «акъ-ас»[19], имеют родовые тамги и, в отличие от многих экзогамных фамилий, эндогамные. Материалы раскопок Хумаринского городища, относимого по времени сооружения к VIII в. — эпохе господства Хазарского каганата, основным населением которого были булгары, обнаруживают аналоги с жилищем ногайцев[20].

Как видим, в формировании ногайцев участвовали самые различные

---

[10] Плетнева С. А. Кочевники средневековья. М., 1982, с. 61.

[11] Аристов Н. А. Заметки об этническом составе тюркских племен и народностей и сведения об их численности.— ЖС, 1896, вып. III—IV, с. 314.

[12] Рашид-ад-Дин. Сборник летописей, т. I, кн.I. М.— Л., 1952, с. 137.

[13] Петров К. И. Очерк происхождения киргизского народа. Фрунзе, 1963, с. 71.

[14] Рашид-ад-Дин. Указ. раб., т. I, кн. 2, с. 121, 122, 147, 179, 180.

[15] Там же, с. 128.

[16] Бартольд В. В. Указ. раб., т. II, ч. I, с. 505.

[17] Муканов М. С. Этнический состав и расселение казахов Среднего жуза. Алма-Ата, 1974, с. 61.

[18] Сикалиев А. И. Указ .раб., с. 132.

[19] Дополнительные материалы были собраны автором во время этнографической экспедиции 1984 и 1985 гг. в Астраханскую область среди астраханских ногайцев.

[20] Биджиев Х. Х. Хумаринское городище. Черкесск, 1983, с. 34, 37.

племена. Некоторые из них известны и до нашей эры, многие имели свои государства. В разные эпохи они входили в состав Хуннского союза, тюркских каганатов, булгаро-хазарских объединений. Большие миграции различных племен вызвали политические события, связанные с образованием и распадом Золотой Орды. На развалинах Золотой Орды наряду с Узбекским, Астраханским, Казанским, Сибирским, Крымским ханствами возникла Ногайская Орда, куда вошли различные племена и роды, ставшие ее основой [21]. Среди этих групп по численности и влиянию первое место, пожалуй, занимали кипчаки.

I.2. Половцы-кипчаки южнорусских степей и Северного Кавказа

Уже в недрах Золотой Орды началось формирование ногайских и других народностей вокруг наиболее древних тюркоязычных племенных союзов, прошедших путь от монгольских и среднеазиатских степей до юго-восточных границ Руси и северо-восточного побережья Черного моря. В составе тюркоязычных племен, оказавшихся впоследствии под властью золотоордынских ханов, были кипчаки, канглы, кунграты, найманы, керейты, уйсуны, кенегесы, аргыны и другие крупные родо-племенные объединения. «Процесс смешения кочевников Дешт-и-Кипчака и сложения новых кочевых образований, начавшийся в XIII в.,— писал Г. А. Федоров-Давыдов,— получил свое завершение в XV в. И, действительно, в XV в. нет половцев-кипчаков в старом смысле. В большой орде кочуют «татары», в Астраханских степях население также называется «татарами», в восточной части Золотой орды известны казахи, узбеки и мангиты-ногайцы»[22].

В прошлом в ногайской среде наиболее широко были представлены кипчаки. Еще в начале XIX в. они продолжали выступать как самостоятельное родо-племенное объединение. Одновременно вокруг них объединялись более мелкие группы.

Как уже говорилось, в русских летописях кипчаки известны под названием половцев. О происхождении этого этнонима высказаны различные суждения. Большинство ученых склонны считать, что он произошел от старославянского «плава» — «солома»; отсюда русское «полова» и далее «половый» — бледный, соломенно-желтый, бледно-желтый. Отсюда же впоследствии возникли польско-чешский этноним «плавцы», немецкие «палог» и «флава» и другие [23].

В VIII—IX вв. между Волгой и Яиком обитали печенеги. В IX в. их стали теснить торки. В конце IX в. под ударами печенежского племенного союза распался Хазарский каганат. Однако и печенеги недолго удерживались в степных районах юга России. Под натиском славян, торков и, наконец, половцев, печенеги перекочевали к низовьям Дуная. В XII—XIII вв. остатки печенегов слились с половцами, а затем и с монголо-татарами.

Последним тюркским народом, вытеснившим торков с земель, ранее занятых печенегами, были половцы. Первое их появление на южной границе Руси датируется 1054 г.[24] и связано с именем половецкого хана Блуша. С этого времени «началась сложная, полная браков и битв, набегов и военных союзов совместная двухсотлетняя история двух народов. Достаточно даже поверхностного знакомства с русской летописью, чтобы убедиться, насколько тесно сплe-

---

[21] Трофимова Т. А. Указ. раб., с. 50.

[22] Федоров-Давыдов Г. А. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. М., 1966 с. 248.

[23] Пономарев А. Куманы-половцы.— ВДИ, 1940, № 3—4 (12—13), с. 336—337; Попов А. И. Названия народов СССР. Л., 1973, с. 127.

[24] Греков Б. Д., Якубовский А. Ю. Золотая орда и ее падение. М.—Л., 1950, с. 18.

тались судьбы русских и половцев в XI—XII вв.»,— пишет С. А. Плетнева [25].

К. Кудряшов сгруппировал половцев-кипчаков по местам их обитания. Им были выделены следующие географические районы с половецким населением: подунайский, приднепровский, приморский (междуречье Днепра и Дона), донецкий, зааральский и предкавказский [26]. Эти районы в дальнейшем были вновь подтверждены, уточнены и основательно изучены С. А. Плетневой по половецким каменным изваяниям [27]. Она же отмечает, что русские не сталкивались с северокавказскими половцами, и поэтому из русских летописей мы ничего не можем получить для восстановления политической истории этого объединения [28].

Кипчакское каменное изваяние. Ленинград. Эрмитаж.

Первые подробные сведения о кипчаках-половцах Северного Кавказа сообщил З. В. Анчабадзе, изучив грузинские летописи того времени. В результате анализа этих летописей он пришел к выводу, что во второй половине XI в. кипчаки уже обитали на Северном Кавказе [29].

В 1951, 1956 и 1959 годах Т. М. Минаева обследовала аланское городище X—XI вв. близ а. Кубина Карачаево-Черкесской автономной области. Она обнаружила здесь несколько разнородных и разновременных могильников, в том числе несколько курганов с половецкими захоронениями. На основе археологического инвентаря и погребальных обрядов могильников она пришла к выводу, что «кубинские курганы, появившиеся не ранее конца XI в., а по всей вероятности в XII в., должны были принадлежать половцам, кочевавшим в это время в степях Восточной Европы и Северного Кавказа» [30].

О кочевьях половцев-кипчаков на Северном Кавказе свидетельствуют и другие археологические находки, обнаруженные и изученные археологами в а. Икон-Халк, в с. Подлужном около Ставрополя, под Пятигорском, у с. Воздвиженского Ставропольского края. Кочевья половцев-кипчаков не ограничивались степными районами быв. Ставропольской губернии и Терской областью. Прослежено наличие половецких курганов от предгорий Анапы до окрестностей Новороссийска. О кипчакском элементе в кавказском

[25] Плетнева С. А. Половецкая земля. В кн.: Древнерусские княжества X—XIII вв. М., 1975, с. 260.

[26] Кудряшов К. К. Половецкие степи. М., 1948, с. 18.

[27] Плетнева С. А. Половецкие каменные изваяния.— В кн.: Археология СССР. Свод археологических источников. Е 4—2. М., 1974.

[28] Плетнева С. А. Половецкая земля, с. 297.

[29] Анчабадзе З. В. Кипчаки Северного Кавказа по данным грузинских летописей XI—XIV вв.— В кн.: О происхождении балкарцев и карачаевцев. Нальчик, 1960, с. 117.

[30] Минаева Т. М. К вопросу о половцах на Ставрополье по археологическим данным.— МИСК, вып. II. Ставрополь, 1964, с. 171.

этническом массиве свидетельствуют и характерные каменные бабы. Всесторонне изучив дошедшие до нас каменные изваяния, Т. М. Минаева разделила их на две группы, причем большую часть изваяний определила как половецкие, что позволило в значительной степени уточнить границы расселения кипчаков на Северном Кавказе.

Появление половцев-кипчаков на Северном Кавказе изменило его прежнюю этническую карту. «Центральное Предкавказье,— отмечает З. В. Анчабадзе,— не было единственным местом расселения кипчаков на территории Северного Кавказа в XI—XII вв. Определенная часть их обитала и в Приморском Дагестане. Эту часть кипчаков автор грузинской анонимной истории XII в., подробно описавший царствование своего современника Давида Строителя (1089—1125 гг.), называет «дербентскими кипчаками»[31]. В дальнейшем часть половцев из Центрального Предкавказья переселилась в 1118—1120 гг. в Грузию через Дарьяльский проход. В конце первой четверти XII в. на военной службе у грузинского царя находилось 40 тысяч воинов-кипчаков, а 5 тысяч отборных солдат составляли личную гвардию Давида Строителя[32]. Переселение кипчаков в Грузию продолжалось и в XIII в.

Источники позволяют составить некоторое представление о социально-экономическом строе кипчаков-половцев южнорусских степей и Северного Кавказа того времени. Общество четко делилось на богатых и бедных. По мнению С. А. Плетневой, «родовой строй отмирал, в его недрах, прикрытый древними обычаями, зарождался феодализм»[33]. К аналогичному заключению на основе грузинских источников пришел и З. В. Анчабадзе[34].

В структуре кипчакского общества уже в XII в. зарождалась своего рода феодальная лестница. Во главе родо-племенных объединений стояли князья (солтаны), которых русские летописи называли ханами. Им подчинялись беки. Иерархическую лестницу замыкали свободные воины. «Власть ханов и солтанов по старым племенным обычаям была выборной и ограничивалась советом старейшин — съездом аристократии. Однако в связи с тем, что и те, и другие могли избираться только из определенных богатых и знатных родов, власть по существу оставалась наследственной»[35].

Дальнейшее развитие раннефеодального общества половцев южнорусских степей способствовало объединению их земель. Первым, кто объединил половецкие земли в одно государство, был хан Кончак. Однако уже при Юрии Кончаковиче это государство вновь возвращается к аморфному состоянию, что облегчило его завоевание татаро-монголами.

О хозяйственной деятельности кочевников южнорусских степей Плано Карпини писал: «Они очень богаты скотом, верблюдами, быками, овцами, козами, лошадьми»[36]. Из сообщений Ибн Баттуты известно, что в стране кипчаков «много скота; притом у скотины их (кипчаков) нет пастухов, ни сторожей, вследствие строгости постановлений их за воровство»[37].

Главным занятием кипчаков южнорусских степей было кочевое скотоводство. Скот круглый год содержался на подножном корму. По характеристике С. А. Плетневой, «кочевые орды с огромными стадами занимали все удобные для кочевий слабо защищенные или малозаселенные земли и держались на них до тех пор, пока более сильный противник не вытеснил их с этих земель»[38]. У кипчаков Закавказья, в частности Грузии, существовало полукочевое

---

[31] Анчабадзе З. В. Указ. раб., с. 118.
[32] Там же, с. 119.
[33] Плетнева А. С. Половецкая земля, с. 300.
[34] Анчабадзе З. В. Указ. раб., с. 121—122.
[35] История СССР. С древнейших времен до наших дней, т. I. М., 1966, с. 458.
[36] Путешествие в восточные страны Плано Карпини и Рубрука. М., 1957, с. 28.
[37] Тизенгаузен В. Г. Сб. материалов, относящихся к истории Золотой орды, т. I. СПб, 1884, с. 283.
[38] Плетнева С. А. Половецкая земля, с. 262.

скотоводство с яйлажно-вертикальной системой. Они имели зимние стоянки «кышлаг» и летние — «яйлаг»[39]. И, по-видимому, в предгорьях Северного Кавказа кипчаки-половцы придерживались такой же формы скотоводческого хозяйства.

Наряду со скотоводством кипчаки занимались и ремеслом. Среди них имелись кузнецы, седельщики, каменщики и т. д. Особым уважением пользовались кузнецы-оружейники, которые занимались изготовлением холодного оружия. Большого мастерства достигли к XII в. каменотесы. Изучением кипчакских каменных статуй продолжают заниматься и по сей день. В подавляющем большинстве это были абстрактные скульптуры. Только некоторые из них отличались необычайной реалистичностью и имели портретное сходство[40].

Кипчакское каменное изваяние. Государственный исторический музей.

О внешнем облике кипчаков З. В. Анчабадзе пишет: «В грузинских летописях нет прямых указаний по этому поводу, но некоторые косвенные данные позволяют допустить предположение, что кипчаки (или определенная часть их) отличались европеоидными, а не монголоидными чертами. Дело в том, что ни один грузинский автор, в том числе и историк Давида Строителя, подробно описывающий кипчаков на основании личного знакомства с ними, ничего не говорит об их монголоизме»[41]. В связи с этим С. М. Ахинжанов приходит к выводу, что «можно сделать заключение о расовой неоднородности и о значительной европеоидной примеси кипчаков-половцев»[42].

Как было сказано выше, при сыне Кончака Юрии половецкое государство распалось. Разрозненные эфемерные кочевые союзы половцев не смогли устоять против татаро-монгольского нашествия в XIII в. «Монголы,— пишет исследователь Г. А. Федоров-Давыдов,— оказались сильнее половцев своей дисциплиной, единством власти, отсутствием в момент завоевания розни в среде кочевой аристократии»[43].

Татаро-монгольское нашествие на Кавказ и на Русь перекроило прежнюю этническую карту. В 1220—1223 годах армия Джебея и Субедея вторглась в Грузию и затем оказалась на Северном Кавказе и Дагестане. Русская летопись сообщает: «И мы слышахом яко многы страны поплениша ясы, обезы, касоги и половец безбожный множество губиша и иных загнаша

[39] Анчабадзе З. В. Указ. раб., с. 121.
[40] История СССР. С древнейших времен до наших дней, т. 1., с. 6.
[41] Анчабадзе З. В. Указ. раб., с. 120.
[42] Ахинжанов С. М. О внешнем облике кипчаков-половцев.— В кн.: Письменные памятники и проблемы истории культуры народов Востока. Л., 1969, с. 42.
[43] Федоров-Давыдов Г. А. Указ. раб., с. 230.

и тако гумроша убиваеми гневом божьимь и пречистыя его матере»[44]. По сведениям Ибн эль-Асира, монголы «направились в земли кипчаков, одного из самых многочисленных племен тюркских и губили всех тех, которые сопротивлялись им; остальные бежали в болота и на вершины гор, покинув землю свою»[45]. Первое нашествие монголов на Северный Кавказ завершилось разгромом алан и половцев, но монголы не утвердили своего господства над краем[46]. Дальнейшее завоевание Северного Кавказа происходило одновременно с покорением южнорусских земель.

Нашествие монголов на Северный Кавказ повело к полному завоеванию половецких земель. Лишь небольшая часть половцев с ханом Котяном успела бежать в Венгрию[47]. Венгерские кипчаки бесследно исчезли в стране лишь во времена турецкого господства (1541—1699 гг.)[48].

Военные походы монголов (1235—1236 гг.) на Дешт-и-Кипчак сопровождались, как и на Северном Кавказе, жесточайшей репрессией. Нашествие принесло кочевникам большие бедствия: страна была разорена, значительная часть населения уничтожена. «Одним из тяжелейших последствий,— пишет Г. А. Федоров-Давыдов,— монгольского завоевания для половцев, так же как и для оседлых народностей, был вывоз рабов, переселение их и продажа в другие страны. ...Некоторые представители мамлюкских правителей Египта были кипчаками по происхождению: предки их были проданы из Дешт-и-Кипчак в XIII веке»[49]. В Египте и Сирии первыми мамлюками, захватившими власть в свои руки, были так называемые султаны Бахрии. «Этнические бахриты,— отмечает К. Э. Босфорт,— в массе своей были кипчаками из южнорусских степей с некоторой примесью монголов и курдов»[50].

В период господства монголов в степях исчезают крупные объединения половцев. Начиная со второй половины XIII в. русская летопись не упоминает ни одного имени половецкого хана.

В самом начале борьбы половцев против монголов в Дешт-и-Кипчаке началось смешение родо-племенных объединений. «Как и следовало ожидать,— отмечал Б. Я. Владимирцов,— рассеивание родов происходило в результате поражения на войне. Враги-победители разъединяли роды, сородичи оказывались рассеянно живущими среди чужих родов»[51]. Победители дошли до того, что начали именовать половцев «татарами». Под этим именем монголы подразумевали не только кипчаков-половцев, но и булгар, маджар, буртасов и другие крупные этнические подразделения, говорившие на тюркских языках.

Во время кавказских походов в состав монгольских войск входили и поволжские половцы. Кавказские половцы выступали связующим звеном между населением Золотой Орды и Северного Кавказа. Эта связь не прекратилась и после распада Золотой Орды. Половецкие традиции в дальнейшем продолжили ногайцы, которые начали формироваться как самостоятельный народ уже в недрах монгольской государственности в период деятельности Ногая. При нем в его улусные земли входили и плодородные районы Причерноморья и Предкавказские степи[52]. По всей вероятности, с того времени началось распространение этнонима «ногай» и среди половцев, кочевавших на Северном Кавказе.

---

[44] ПСРЛ, т. I, вып. 1. Л., 1926, с. 446.

[45] Тизенгаузен В. Г. Указ. раб., т. I, с. 3.

[46] Лавров Л. И. Нашествие монголов на Северный Кавказ.— История СССР, 1965, № 5, с. 98.

[47] Сафаргалиев М. Г. Распад Золотой орды. Саранск, 1960, с. 22.

[48] Немет Ю. Два кипчакских географических названия в Венгрии.— В кн.: Исследования по тюркологии. Алма-Ата, 1969, с. 26—27.

[49] Федоров-Давыдов Г. А. Указ. раб., с. 235.

[50] Босфорт К. Э. Мусульманские династии. М., 1971, с. 101.

[51] Владимирцов Б. Я. Общественный строй монголов. Монгольский кочевой феодализм. Л., 1934, с. 63.

[52] Материалы по истории каракалпаков. М.—Л., 1935, с. 20.

1.3. Образование и распад ногайских орд

Этноним «ногайцы» восходит к имени хана Ногая, как уже отмечалось, начавшим свою деятельность при золотоордынском хане Берке.

Жизни и деятельности темника Ногая, сыгравшего в истории Золотой Орды значительную роль, посвящен ряд работ [53]. Поскольку с его именем связаны возникновение этнонима и начало формирования древнего ядра ногайского этноса, кратко изложим основные этапы деятельности Ногая.

Дед Ногая был седьмым сыном Джучи. От отца Ногай унаследовал земли, расположенные между Днепром и Днестром [54]. В первые годы правления улусом он намеревался содействовать миру между монгольскими улусами. Как показала дальнейшая история монголов, этого не случилось. С укреплением власти в наследственном улусе Ногай начал распространять свое влияние на другие улусы.

В течение 30 лет Ногай вел борьбу за власть в Золотой Орде. Борьба эта носила ожесточенный характер и привела к разрыву отношений между Ногайским улусом и Золотой Ордой. Вскоре после отложения Ногая от Золотой Орды начались войны за восстановление монгольской империи и создание единого государственного управления. Организатором и вдохновителем этих войн был хан Токтай, решивший при поддержке монгольских царевичей избавиться от Ногая.

Об обстоятельствах и времени гибели Ногая в литературе существуют различные сведения. По одним данным, Ногай, раненный, бежал и между 1294 и 1296 гг.[55] был убит. По другим — он попал в плен и был убит в 1300 г.[56] Однако и после поражения Ногая на территории улуса продолжались военные действия. Остатки войск Ногая возглавили его сыновья и в течение трех лет вели вооруженную борьбу с Золотой Ордой. Внутренние распри, возникшие в борьбе за овладение престолом между сыновьями Ногая, не позволили им одержать победу в следующих сражениях с ханом Токтаем. Война завершилась признанием власти Токтая над улусом. Таким образом, временно было восстановлено единство страны в Джучиевом улусе. Однако один из племянников Ногая с тремя тысячами всадников оставил пределы улуса; многие переселились в Прикаспийские степи.

С ликвидацией Ногайского улуса имя Ногая не исчезло в памяти его обитателей. В конце XIV в. оно возродилось в качестве этнического самоназвания целого народа в рамках очередного государственного объединения, во главе которого стоял Едигей. Отделившаяся от Большой Орды и когда-то принадлежавшая к улусу темника Ногая орда стала называться Ногайской, а слово «мангыт» осталось как название одного из восемнадцати племен, входивших в ее состав»[57].

Что же способствовало появлению и широкому распространению в XIII — конце XIV в. имени Ногая в качестве этнического самоназвания народа? Представляется возможным обратить внимание на следующее обстоятельство. Как было сказано выше, Ногай оставался крупным государственным деятелем около сорока лет. За это время его слава распространилась не только в улусе, но и далеко за его пределами. Имя Ногая знали в Золотой Орде, в Венгрии, Румынии, Польше, Прибалтике, на Северном Кавказе и в Закавказье, а также в странах Ближнего Востока. Всеобщее признание полководческих заслуг Ногая и страх перед его именем не могли не повлиять

---

[53] Архимандрит Леонид. Хан и его влияние на Россию и южных славян. ЧИОИДД, 1863, кн. 3; Веселовский Н. И. Хан из темников Золотой Орды. Ногай и его время. ЗРАНОИФ, 1922, т. XIII, № 6 и др.

[54] Сафаргалиев М. Г. Распад..., с. 42.

[55] Новый энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона, т. 28, с. 800.

[56] См.: Веселовский Н. И. Хан из темников Золотой Орды Ногай и его время.— ЗРАНОИФ, 1922, т. XIII, № 6. Советская историческая энциклопедия, т. 10. М., 1976.

[57] Очерки истории СССР (XIV—XV вв.). М., 1953, с. 465.

и на улусных жителей созданного им государства. Они начали именовать себя «людьми ногайского улуса», а созданное им государство «старинным юртом Ногая»[58]. Слово «старинный» указывает на то, что государство Ногая уже имело свою самостоятельную и давнюю историю. О том, что еще при жизни Ногая его имя прилагалось к подвластным ему людям, свидетельствует следующее: во время войны с венграми в 1385 г. воинов Ногая, участвовавших в этом походе, современники называли «ногайскими татарами»[59].

Н. А. Аристов отмечал, что «степи западной половины улуса от Урала до Дуная служили для кочевок остатков половцев и предшествовавших им тюркских племен, объединившихся с частью кипчаков под общим названием ногаев, по имени племянника Берке-хана Ногая, который в конце XIII в. ставил и свергал ханов по своему усмотрению, опираясь на силы, с которыми кочевал по Южной России»[60].

Источники не указывают какие родо-племенные объединения входили в основной улус Ногая, расположенный между Днепром и Днестром. Известно только, что Ногай в своем государстве опирался главным образом на половцев-кипчаков и на асов. Последние не изменили ему и в самое трудное для Ногая время. «С переходом большинства монголов на сторону Токтая,— писал М. Г. Сафаргалиев,— Ногай мог опереться только на половцев и на алан (асов), оставшихся «верными сподвижниками Ногая»[61].

В связи с тем, что источники указывают на наличие в ногайском улусе асов, определенный интерес для выяснения этногенеза ногайцев представляет их место в составе ногайского населения Северного Кавказа в XIX в. Асы продолжали составлять в ногайской среде значительную долю. У аксаевских и костековских ногайцев на северо-западе Дагестана асы по численности не уступали ни кипчакам, ни найманам. Они имели здесь свой племенной союз, куда входили: дер-гуллу-ас (асы, имеющие рабов), тарту-улу-ас (асы большого Тарту), чимишлу-ас (асы с тамгой в виде половника)[62]. Асы входили также в племенной союз ас-костамгалыев в Караногайских степях[63]. Следующий массив асов находился в среде едышкульцев Ставропольской губернии, где они также имели свой особый родовой союз. И, наконец, асы встречались в среде кубанских ногайцев. Может быть, предками кавказских асов были те асы, которые после поражения Ногая переселились в Прикаспийские степи.

Этническое наименование «ногайцы» вновь появляется в источниках в конце XV в. Его возрождение непосредственно связано с деятельностью Едигея, включившего в Мангитское объединение бывших улусных людей темника Ногая. С образованием Мангитского улуса термин «ногайцы» постепенно приобретает более широкую известность. «На всей обширной территории расселения улусов Ногайской орды,— пишет Е. П. Алексеева,— ее население сознавало свою принадлежность к данной орде, т. е. считало себя ногайцами. Уже во второй половине XV в. эта народность имела собирательное имя «ногаи», «нагаи», под которым стала известна своим соседям»[64].

Имя Едигея как одного из активных государственных деятелей Золотой Орды появляется в истории орды в конце XIV в., в период борьбы между Тохтамышем и Тимуром за власть в кочевом мире. В начале 1380-х годов Тохтамышу удалось военной силой восстановить в прежних границах Джучиев улус. В его военных походах немаловажную роль сыграл Едигей, который

---

[58] Тизенгаузен В. Г. Указ. раб., т. II, с. 71.

[59] Веселовский Н. И. Указ. раб., с. 34.

[60] Аристов Н. А. Заметки об этническом составе тюркских племен и народностей.— ЖС, 1896, вып. III—IV, с. 314.

[61] Сафаргалиев М. Г. Распад..., с. 60.

[62] Семенов Н. Туземцы Северо-Восточного Кавказа. СПб., 387, 399.

[63] Капельгородский Ф. Караногай, страна кочевников и патриархального быта. Рукопись, л. 64.

[64] Алексеева Е. П. Древняя и средневековая история Карачаево-Черкесии. М., 1971, с. 201.

командовал левым крылом войск Тохтамыша. Едигей пользовался у Тохтамыша доверием и даже стал его зятем [65]. При дворе Тохтамыша служил и старший брат Едигея Исабек.

В конце 1370-х годов Едигей, изменив Тохтамышу, появился в стане Тимура. Ему удалось убедить Тимура, что необходимо принять срочные меры против Тохтамыша, пока в его орде идет брожение среди правящей верхушки. Судя по сообщению Ибн-Арабшаха, Едигей обратился к Тимуру с настоятельным предложением: «Подымись с твердою решимостью,— говорил он,— и я тебе порука в том, (что) нет крепости, которая тебя задержит, и нет преграды, которая тебя остановит... Богатства же там поддадутся угону и сокровища придут (к тебе) на своих ногах!... Тогда Тимур с величайшею быстротою приготовился к завоеванию Дешт-Берке»[66].

В 1391 г. войска Тимура перешли восточную границу Золотой Орды. Сражение произошло на р. Кундурча. Тохтамыш с небольшим отрядом бежал с поля боя. В этом сражении принял участие и Едигей.

После ухода Тимура в свой стан все его военачальники разъехались по своим улусам. Когда об этом стало известно Тимуру, он направил посла к Едигею. Тот ответил: «Отправьтесь к вашему господину, облизывайте его руки и сообщите ему, что сроку нашего обещания тут конец и, что я (далее) не причастен ему, ибо страшусь Аллаха»[67]. С этого времени, т. е. с осени 1391 г., Едигей становится самостоятельным правителем Мангитского улуса. «Вернувшись,— писал М. Г. Сафаргалиев,— к своему улусу, племени Мангит, Едигей как глава этого племени объявил себя князем Мангитского юрта, на базе которого позднее была организована Ногайская орда»[68].

Владея Мангитским улусом, Едигей одновременно оставался неограниченным правителем всей Золотой Орды при Тимур-Кутлуке. «Он,— писал Ибн-Арабшах,— водворял в султанство кого хотел и смещал его с него, когда хотел; прикажет — и никто не противится ему, проведет грань — и (никто) не переступит эту черту»[69].

На протяжении двадцати лет Едигей вел борьбу с сыновьями и внуками Тохтамыша. В 1395 г. он с ханом Булат-Султаном совершил поход на Русь. Во время осады Москвы пришло сообщение, что Золотой Ордой завладел Джалал-ад-дин с помощью литовцев [70]. Едигею срочно пришлось снять осаду и вернуться в Дешт-и-Кипчак. Джалал-ад-дин вынужден был уйти в направлении Крыма, откуда он изгнал наместника, назначенного ханом Булат-Султаном.

В 1412 году разгорелась борьба за власть между восемью сыновьями Тохтамыша. Первым пал Джалал-ад-дин. За небольшой промежуток времени погибло шестеро сыновей Тохтамыша, а остальные были убиты Едигеем [71]. В 1418—1419 гг. Едигей правил страной единолично, подчинив себе знать.

Чтобы восстановить экономическую мощь орды, он решил заключить мир с литовским князем Витовтом, у которого находился Кадыр-Берди — один из последних сыновей Тохтамыша, претендовавший на престол в Орде. Призывая Витовта к заключению мира, Едигей писал ему: «Не могу утаить от внимания пресветлейшего князя, что мы оба с тобой идем к закату жизни нашей, а та кровь, которая между нами была пролита, всасывалась в землю, ветер развеял слова укора и гнева, пламя войны очистило сердца от зла, а вода угасила пламя»[72]. Однако его переговоры не принесли Орде ни мира, ни спокойствия. Кадыр-Берди, снарядив с помощью Витовта огромное войско, выступил против Едигея в начале 1420 г. Сражение произошло на земле Орды. Оно

[65] Тизенгаузен В. Г. Указ. раб., т. I, с. 151.
[66] Тизенгаузен В. Г. Указ. раб., т. I, с. 151.
[67] Там же, с. 469.
[68] Сафаргалиев М. Г. Распад..., с. 158.
[69] Тизенгаузен В. Г. Указ. раб., т. I, с. 472.
[70] Щеглов И. Л. Указ. раб., с. 68.
[71] Там же, с. 68—69.
[72] Сафаргалиев М. Г. Распад..., с. 193.

стало последним и решающим как для еще молодого воина Кадыр-Берди, так и для умудренного опытом Едигея. «Встретились они,— писал Эльб-Айни,— и произошли между ними бои великие... С обеих сторон было убито много народу; Кадыр-Берди (сам) был убит во время схватки, и сторонники его бежали. Едигей также был поражен множеством ран, и войско его также обратилось в бегство»[73].

Едигей, правя всей страной и своим улусом на протяжении более 20 лет, по-видимому, постоянно стремился к тому, чтобы сохранить территориальную целостность и экономическое благосостояние личного улуса. По сообщению Ибн-Арабшаха, Едигей, прежде чем покинуть Тимура в 1391 г., «послал гонцов к своим родичам, соседям и племенам левого крыла, без ведома о том Тимура (сказать), чтобы они ушли из своих мест и откочевали из своих родных краев, направляясь туда, где самый центр и местности до него (представляют) трудное сообщение и много опасностей, чтобы они, коли возможно, на одном привале не оставались два дня, и чтобы они (непременно) поступили так, иначе Тимур, застигнув их, рассеет их и погубит всех. Они последовали тому, что предписал Идеху, и шли, не останавливаясь»[74]. Таким образом, в самый критический момент он нашел выход из положения и предотвратил неминуемое разорение Мангитского улуса.

Благодаря удачному географическому расположению Мангитского улуса, а также предпринятым самим Едигеем мерам по усилению улуса, он стал обладать более устойчивым социально-экономическим потенциалом по сравнению с другими улусами Золотой Орды. Поэтому здесь сложились необходимые условия для консолидации различных племен под собирательным термином «ногай». Численный рост ногайского населения и распространение этнонима «ногай» на все племена улуса повели к переименованию при преемниках Едигея Мангитского улуса в Ногайскую Орду.

В дальнейшем, несмотря на распад улуса Ногая, его преемники продолжали пользоваться собирательным этническим самоназванием, вкладывая в это понятие былое единство. О том, что самоназвание продолжало бытовать и после ликвидации улуса, свидетельствует сообщение турецкого историка Джаннаби, который считал, что Едигей был «главою поколения ногайцев»[75]. Часть населения в улусе Едигея относилась «к улусу темника Ногая и поэтому называла себя ногайцами»[76].

Следовательно, этническое название, сложившееся в период активной деятельности Ногая, продолжало существовать в народе, и как только его носители вновь оказались сосредоточенными в рамках одной улусной системы, созданной Едигеем, термин «ногайцы» начинает объединять определенные родо-племенные группы. К этому времени этническое наименование «ногайцы» уже широко бытовало в улусе среди таких крупных родо-племенных объединений, как кипчак, канглы, кенегес, конграт, кирейт,кият, конклык, аргын, сырын (ширин), сун (уйсун), найман, тогучан, чублак и другие, которые входили в состав Ногайской Орды[77]. Наряду с общим самоназванием эти племенные группы продолжали пользоваться своими наименованиями. По-видимому, более всего особняком стояли мангиты, хотя к этому времени они полностью тюркизировались. Немаловажную роль в этом сыграла наследственная власть, основанная Едигеем и унаследованная его сыновьями и внуками.

В то же время перечень родо-племенных объединений, выступавших под общим названием «ногайцы» в составе Ногайской Орды, уже свидетельствовал о том, что они составляли основную массу по сравнению с мангитским племенем.

---

[73] Тизенгаузен В. Г. Указ. раб., т. I, с. 532.

[74] Там же, т. I, с. 467.

[75] Сафаргалиев М. Г. Распад..., с. 226.

[76] Алексеева Е. П. Очерки по экономике и культуре народов Черкесии в XVI—XVII вв. Черкесск, 1957, с. 36.

[77] Алексеева Е. П. Древняя и средневековая история..., с. 200; Сафаргалиев М. Г. Ногайская орда в середине XVI в. Рук. канд. дисс. М., 1939, с. 38—41.

В этой связи следует отметить, что дети и внуки Едигея, находившиеся у власти, впоследствии именовали себя ногайскими князьями, а свою родословную вели от основателя Мангитского юрта [78].

По завещанию Едигея первым правителем Мангитского юрта стал его сын Газий [79], который подчинил Мангитскому юрту ряд племен и тем самым значительно расширил государственные границы. Деятельность Газия не оставила в улусе сколько-нибудь заметного следа. Более способным государственным деятелем оказался другой сын Едигея Нураддин, унаследовавший улус отца в районе Яика. В 1430-х годах он расширил территорию улуса за счет левобережных районов Волжской низменности. С его именем историки связывают и появление в государственной иерархии ногайцев должности нураддина — второго лица после правящего в орде князя [80].

По мнению польского географа Матвея Меховского, окончательное оформление Ногайской Орды произошло при внуке Едигея Вокассе (Оккассе) [81]. С того времени орда фактически начала развиваться самостоятельно в окружении аналогичных государственных объединений, возникших на развалинах Золотой Орды.

После ликвидации остатков золотоордынских улусов на исторической арене начинает выступать как претендент на бывшие земли татаро-монгольских правителей Крымское ханство. Его хану Магомет-Гирею в начале 1520-х годов удалось посадить на престол в Казани и Астрахани преданных ему правителей. Но вскоре это вызвало беспокойство ногайских князей. Организатором сопротивления крымскому господству в Волжском бассейне являлся ногайский князь Агыш, которому удалось уговорить своего брата Мамая принять участие в этой борьбе [82]. Объединенными силами они неожиданно ворвались в Астрахань, в бою погибли Магомет-Гирей, его сын и их приближенные [83]. В дальнейшем, преследуя остатки рассеянных войск хана, ногайцы разорили Крым. Однако это поражение не принесло продолжительного мира. Крымская правящая верхушка, залечив раны, вновь стала проводить агрессивную политику. Вся вторая четверть XVI в. пестрит военными походами крымских ханов в Волжский бассейн.

В ожесточенной борьбе с крымскими ханами ногайцы восстанавливают мирные отношения с Москвой. Первое посольство было направлено ногайским князем Шейдяком к только что вступившему на престол Ивану IV. Дипломатический шаг Шейдяка некоторые ногайские князья восприняли недоброжелательно. В этот же период политику сближения с Россией проводил и другой князь Ногайской Орды, Урак, имя которого прочно вошло в эпическое сказание ногайцев, а также получило топонимическое отражение в некоторых районах волжской дельты [84].

В конце XV и особенно в XVI вв. среди улусов, выделившихся из состава Золотой Орды, наибольшую известность начинает приобретать Ногайская Орда. «Ногаи выдвигаются между своими соплеменниками и обращают на себя внимание своих соседей»,— отмечал Г. Перетяткович [85].

Ногайская Орда располагала значительными земельными ресурсами. Более древним и основным кочевьем на ее территории был район р. Яик,

---

[78] Вельяминов-Зернов В. В. Исследование о касимовских царях и царевичах, ч. II. СПб., 1864, с. 418. — Временник Моск. общества истории и древностей российских, кн. 10. М., 1851, с. 130.

[79] Ибрагим С. К. Сочинения Масуда бен Османи Кухистани. «Тарики Абулхаирхани».— Известия АН Каз. ССР, серия истории, археологии и этнографии, в. 3. Алма-Ата, 1958, с. 86.

[80] Вельяминов-Зернов В. В. Указ. раб., с. 418.

[81] Матвей Меховский. Трактат о двух Сарматиях. М., 1935, с. 92—93.

[82] Герберштейн С. Записки о Московии. СПб., 1866, с. 156.

[83] Малиновский А. Историческое и дипломатическое собрание дел, происходивших между российскими великими князьями и бывшими в Крыму татарскими царями с 1462 по 1533 годы. СПб., 1793, с. 234.

[84] Олеарий Адам. Описание путешествия в Московию и через Московию в Персию и обратно. СПб., 1906, с. 387.

[85] Перетяткович Г. Поволжье в XV и XVI веках. М., 1877, с. 134.

поскольку в его низовьях находилась столица орды — город Сарайчик, остававшийся зимней резиденцией ногайских правителей до окончательного распада орды. Через столицу проходила главная караванная дорога, которая соединяла Восточную Европу со Средней Азией. Удачное географическое расположение столицы позволяло ногайским князьям контролировать движение караванов и взимать пошлины за провоз товаров.

Относительно географии Большой Ногайской Орды в «Книге Большому Чертежу» сказано: «А промеж Хвалинского моря и Астрахани казацкие орды и от верху Янка к Волге больших ногаев»[86]. Поскольку эти сведения носят самый общий характер, восстановим картину расселения ногайцев по специальным исследованиям.

На западе граница Ногайской Орды шла по левобережью Волжской низменности, называвшаяся тогда Ногайскою стороною, или же ногайскою границей. Правый берег Волги Ногайская Орда занимала после окончательного распада Золотой Орды. Начиная с конца первой четверти XVI в. правый берег Волги стал постоянным уделом ногайских князей. Один из ногайских мурз Алчагир в 1508 г. в письме к Василию III писал:«... ино мое кочивище Волга»[87].

На северо-востоке граница Ногайской Орды проходила по притокам Иртыша и в районе его верховьев. Здесь она граничила с Сибирским ханством. Ногайцы пересекали со своими стадами пространства от Урала (Яика) до Тюмени»[88].

Восточная граница орды простиралась по течению Эмбы до Аральского моря. Здесь она терялась в низовьях Сыр-Дарьи. По сообщению Ч. Валиханова, Алтайские горы являлись границею между Ногайской Ордой и Казахским ханством[89]. М. Г. Сафаргалиев писал, что «в первой половине XVI в. ногайцы кочевали у низовья Сыр-Дарьи, у берегов Аральского моря, у Каракума, Барсункума и у северо-восточных берегов Каспийского моря»[90].

Со времен образования Ногайской Орды в нее вошли и «оставшиеся под властью монголов в степях Предкавказья кипчаки-половцы, которые в значительной мере ассимилировали мангитов, воспринявших от половцев тюркский язык и многие элементы их культуры. Кочевья ногайцев, занимая часть степей Северного Кавказа, простирались далеко на восток, в Заволжье, на Яик, доходя до Аральского моря и Иртыша»[91].

Ногайская Орда одновременно располагала значительными людскими ресурсами и отличалась от других подобных государственных образований тем, что ее управленческая система уже на первых порах была более устойчивой. В первой половине XVI в. она могла без труда выставлять до 300 тыс. воинов. О военной силе небольшой части орды свидетельствует число войск князя Юсуфа, который мог один снарядить 120 тыс. войска[92]. Благодаря военной силе, Ногайская Орда в течение XVI в. продолжала играть большую роль в делах соседних ханств. Она вмешивалась в их дела, получала от них дань и т. д. В Казани существовало даже посольство от ногайцев, носившее название «мангитское место». Во главе его посольства стоял ногайский князь, который следил за доставкой причитающейся Ногайской Орде дани. Орда получала дань и с Сибирского юрта. Здесь также находился представитель ногайской

---

[86] Книга Большому Чертежу. М.— Л., 1950, с. 147.

[87] Посольская книга по связям России с Ногайской ордой. 1489—1508 гг. М., 1984, с. 80. Эти данные, а также некоторые материалы по главе «Хозяйство» представлены Р. Х. Керейтовым, за что автор приносит ему благодарность.

[88] История народов Узбекистана, т. II. Ташкент, 1947, с. 24.

[89] Валиханов Ч. Сочинения. СПб., 1904, с. 293.

[90] Сафаргалиев М. Г. Распад..., с. 230.

[91] Гарданов Б. А. Исторический очерк.— Народы Кавказа, т. I. М., 1960, с. 77.

[92] Гераклитов А. А. История Саратовского края в XVI—XVIII вв. Саратов — Москва, 1923, с. 111.

правящей верхушки и «ногайская знать пользовалась известной частью доходов»[93].

Многолюдность Ногайской Орды и ее воинская организация позволяли отдельным мурзам не только успешно отстаивать границы своего улуса, но и идти со своими дружинниками на военную службу в соседние ханства. В качестве воинов ногайцы неоднократно отстаивали интересы Казанского и Астраханского ханств. Ногайское влияние распространялось также и путем брачных связей между представителями привилегированных сословий. «Ногаи,— отмечал П. И. Иванов,— занимали выгодное положение между Золотой Ордой и восточными ее областями, носившими название Белой Орды. В связи с этим ногаи имели возможность играть весьма значительную политическую и торгово-посредническую роль как в казахских степях, так и на территории Среднего Поволжья»[94].

В конце первой половины XVI в., в связи с усилившейся агрессией крымских ханов в Волжском бассейне, Россия активизировала свою внешнеполитическую деятельность в этом районе. Для установления длительного и прочного мира в Волжском бассейне требовалось прежде всего покончить с влиянием крымских ханов на казанские и астраханские дела. Именно при таких обстоятельствах Россия пошла на дальнейшее сближение с Ногайской Ордой. Если в конце XV в. дипломатические отношения между Россией и Ногайской Ордой еще продолжали носить стихийный характер, то в начале второй половины XVI в. они становятся постоянными.

После установления дипломатических отношений с Ногайской Ордой в Москве для пребывания послов был организован «Ногайский двор». Он находился за Москва-рекою, недалеко от Кремля. Но когда наладилась регулярная дипломатическая связь между Москвой и ордой с целью расширения торговли, орде дополнительно отвели участок для содержания скота в районе бывшего Симонова монастыря[95].

Присяга, данная России, обязывала ногайцев, «кочуя по соседству с русскими границами, стерегчи пределы России от неожиданных вторжений крымцев, действуя против них или давая знать в Москву о приготовлениях крымского хана и о его движениях на русские украины»[96].

Со своей стороны, Россия оказывала военную и экономическую помощь Ногайской Орде до и после ликвидации Астраханского и Казанского ханств. «Вслед за присоединением Астрахани и всей Волги, между Россиею и ногайцами начинаются более тесные сношения»,— отмечал Г. Перетяткович[97].

В начале второй половины XVI в. Ногайская Орда перенесла ряд серьезных бедствий. В течение нескольких лет в стране происходили междоусобные войны за престол между сторонниками Измаила и Юсуфа, которые завершились тем, что за Измаилом были официально признаны земли по Янку, а Юсуф получил право кочевать около Волжского устья.

В 1555 г. Юсуф был убит, и вновь разыгрались междоусобные войны между его сыновьями и Измаилом. «Трагическая развязка судьбы Юсуфа послужила лишь началом кровавой семейной распри и междоусобицы среди ногайского княжеского рода, которая продолжалась на протяжении почти целого десятилетия до смерти Измаила (1563) и закончилась полным разорением и распадом Ногайской орды»[98],— писал В. М. Жирмунский. В борьбе за власть сыновей Юсуфа поддерживал крымский хан. Часть мурз, недовольная политикой Измаила, откочевала на крымскую сторону. Эти события окончательно подорвали экономику орды и способствовали ее ослаблению.

---

[93] Очерки истории СССР, XIV—XV. М., 1953, с. 463.

[94] Иванов П. И. Очерки истории каракалпаков.— Тр. Института востоковедения АН СССР, т. VII. М.— Л., 1935, с. 26.

[95] Гераклитов А. А. История Саратовского края в XVI—XVIII вв. Саратов — Москва, 1923, с. 110.

[96] Там же, с. 110.

[97] Перетяткович Г. Поволжье в XV и XVI веках, с. 328.

[98] Жирмунский В. М. Указ. раб., с. 461.

Приход ногайских послов к Ивану Грозному. Никоновская летопись.

В ходе междоусобной борьбы в Ногайской Орде многие противники Измаила покинули орду и стали служилыми людьми в Московском государстве. Они же во главе отрядов впоследствии неоднократно наводили страх на Ливонский орден. «От этих ногайских феодалов,— отмечал В. М. Жирмунский,— потомков Идиге, отъехавших в годы междоусобицы на русскую службу, кроме уже названных князей Юсуповых и Урусовых, вели свое происхождение многие, позднее частично вымершие, княжеские и дворянские роды Кутумовы, Шейдаховы, Байтерековы, Тахтаревы и др.»[99].

В годы распрей страну постиг голод. 1557 и 1558 годы были неурожайными, вследствие чего значительная часть населения орды ушла в Крымскую сторону. Большую материальную помощь Ногайской Орде оказала Россия. В своих письмах Ивану Грозному князь Измаил выражал чувства благодарности за оказанную помощь.

Отношения между Иваном Грозным и Измаилом были на редкость дружественными. Незадолго до своей смерти (1563 г.) Измаил поручил своих детей царю, который должен был решить «кому на каком улусе быти; и о всем том велел им смотрети на тебя (т. е. на царя) и слушать во всем. А от их

[99] Жирмунский В. М. Указ. раб., с. 471—472.

Астраханские ногайцы. Гравюра А. Олеария.

недругов приказал тебе, чтобы ты берег их»[100]. Иван Грозный «относился к Измаилу как к надежному союзнику, оказывал ему доверие и помощь в ногайских делах, нередко по его совету и в его интересах и в некоторых других случаях проявлял и личную заботу о нем и о его семье»[101].

Во время правления Измаила князь Казий основал Казиев улус, или же так называемую Малую Ногайскую Орду на Северном Кавказе. Затем к востоку от Большой Ногайской Орды обособилась другая орда во главе с князем Ших-Мамаем. Она в период правления его сыновей получила название Алты-улы (букв.: «шесть сыновей»). Алтыульский улус «занимал степи в окрестностях Синего моря или Арала, и находился в тесной связи с Бухарою и Хивою»[102]. В начале XVII в. Алтыульский и Казиев улусы русские дипломаты считали самостоятельными и независимыми от Большого Ногая объединениями. Еще раньше, чем предыдущие улусы, вдоль Эмбы обособилась небольшая группа ногайцев, за которой со временем утвердилось название джембойлуковцы (от «джем» — ногайск. Эмба и «бойлук» — «вдоль»).

Бесконечные междоусобные войны в Ногайской Орде, разруха и голод окончательно подорвали экономику и расстроили улусную систему. Особенно орда почувствовала свою слабость после того, как значительная часть ее населения оказалась сгруппированной в рамках независимых улусов. После кончины Измаила к власти пришел его старший сын Тинахмет (1563—1578 гг.), затем страною правил младший сын Измаила Урус (1578—

[100] Перетяткович Г. Указ. раб., с. 290.
[101] Жирмунский В. М. Указ. раб., с. 482.
[102] Карамзин Н. М. История государства Российского. СПб., 1824, т. XI, с. 85.

1590 гг.). Тинахмет следовал в ногайско-русских отношениях традициям своего отца. Он ежегодно сообщал царю, в каких районах орда намерена летовать или зимовать, а иногда даже спрашивал царя, где орда должна кочевать. В 1577 г. Тинахмет писал царю: «на сее зимы по Яику ли мне велишь зимовати или по Волге, о том бы если ко мне приказал с сим моим человеком»[103]. Тинахмет стремился избежать столкновений с соседними народами, чтобы сохранить силу и значение орды в приволжских степях. Однако с приходом к власти его младшего брата Юнуса между ордой и ее соседями начались столкновения, что привело к ее ослаблению. «Ногайцы из полноправных соседей постепенно переходят в разряд простых наемников, живущих подачками из Москвы и к концу XVI в. совершенно теряют былое значение»[104],— отмечал А. А. Гераклитов. Положение улучшилось только при князе Иштереке (1600—1612 гг.). Он избегал междоусобных войн, предотвращал столкновения внутри правящего княжеского рода и сумел с помощью Московского государства нормализовать экономическую жизнь орды.

Восстановлению экономики орды во многом способствовали предоставленные ей Россией льготы на внешнем и внутреннем рынках. «Пожаловали,— говорится в документе того периода,— мы вас, для нынешние ваши скудости, с ваших базаров, как учнете торговати в нашей Царской отчине, в Астрахани, с ваших лошадей и с товаров наших царских пошлин на нынешней год имати не велели, есмя, и жити б вам под нашею высокою рукою в тишине и в покое, и Улусы б свои полнили по-прежнему»[105].

В какой-то мере подняв экономику орды, Иштерек приступил к завоеванию Казиева улуса, «чтобы от моря Черного до Каспийского и далее, на Восток и Север, не было в степях иной Орды Ногайской кроме Иштерековой, верной Царю Московскому»[106]. Походы Иштерека против Казиева улуса были продиктованы и тем, что воины Малого Ногая постоянно тревожили своими набегами улусных людей Большого Ногая и жителей южных районов России. Россия оказывала регулярную военную помощь орде.

Однако Иштерек так и не смог покорить Малую Ногайскую Орду. Его походы лишь окончательно разорили кочевников-ногайцев. Слабость Большой Ногайской Орды сразу же выявилась, как только она столкнулась с калмыками в 1630 г. «Конец существования Больших ногаев в качестве самостоятельной территориально-политической единицы,— писал П. И. Иванов,— был связан с появлением в долине Яика и в низовьях Волги калмыков в начале второго десятилетия XVII в. и окончательным их укреплением в этих районах в начале 30-х годов того же столетия»[107].

Вторая половина XVII в. для значительной части ногайского населения Поволжья стала веком расставания с территорией, освоенной в эпоху развитого средневековья их далекими предками. Ногайцы большими партиями ежегодно оставляли приволжские степи. Так, в 1670 г. едисанский Сиюнч-мурза Седулов со своим улусом в 15 тыс. кибиток ушел из-под власти калмыков и соединился со Степаном Разиным в окрестностях Астрахани. Ногайский отряд принял участие во взятии Царицына, Астрахани, в штурме других городов Поволжья.

Благодаря победам разинцев в Поволжье, ногайские кочевники обрели свободу, но ее плодами они пользовались недолго. Поражение войск Степана Разина вынудило значительную часть едисанцев оставить обжитые районы в низовьях Поволжья и перекочевать в Притеречные степи Северного Кавказа. В честь Разина один из больших холмов в этом районе впоследствии был назван «Степан бугор»[108].

В 1671 г. вслед за улусом Сиюнч-мурзы Седулова ушла с Волги на Кубань

---

[103] Перетяткович Г. Указ. раб., с. 298.
[104] Гераклитов А. А. Указ. раб., с. 114.
[105] Карамзин Н. М. Указ. раб., том XI, с. 41.
[106] Там же, с. 84.
[107] Иванов П. И. Указ. раб., с. 31.
[108] Мутенин И. Т. Ачикулакские ногайцы. Рукопись, с. 5.

большая партия ногайцев из той же едисанской этнической ветви. Тогда калмыкский Аюк-хан совершил поход в Терские степи к Малым Ногаям и вновь подчинил их. От Малых Ногаев он направился к Большим Ногаям и едисанцам, которые в это время кочевали в верховьях Кубани, и здесь «держал в атаке с два месяца и забрал по-прежнему на Волгу»[109].

Следующий уход с Волги остатков Большой Ногайской Орды связан с деятельностью мурз Джакшита и Агаша. В 1696 г. они со своими подданными вновь ушли на Северный Кавказ, соединившись с едисанцами и джембойлуковцами. На Тереке они влились в состав Малых Ногаев и признали над собою власть крымского хана[110].

Миграция ногайского населения с Волги на Кубань продолжалась и в начале XVIII в. В 1715 г. кубанский Бакты-Гирей-султан совершил поход на Волгу и увел оттуда оставшихся среди калмыков едисанцев и джембойлуковцев. Накануне последнего ухода с Волги едисанцев насчитывалось 12 тыс. кибиток, джембойлуковцев — 3 тыс. кибиток[111].

После окончания в 1724 г. междоусобных войн среди калмыков астраханский губернатор Волынский предписал новому правителю «татар никаких в улусах своих не держать и ушедших не возвращать без указу государева»[112].

Начиная с XV в. на Северном Кавказе и на северо-востоке Крыма, а также в Бессарабии постепенно формируется более или менее устойчивое ногайское население. В 1500 г. «ногайцы, в том числе 30000 человек, опустошили Северную Бессарабию и утвердились в южной, именно в Буджаке, получив название Белгородской орды»[113]. В литературе ее именовали также Аккерманской ордой. Она кочевала в южной части Бессарабии, в низовьях Днестра и Днепра, и вдоль Черного моря. Основали Белгородскую Орду едисанцы[114].

До переселения едисанцев в Бессарабию они обитали в северных областях Крыма. Картину переселения едисанцев Эвлия Челеби рисует следующим образом: «не дав хану (крымскому) плату за пастбища, они (ногайцы) снялись с кочевья и без остановки двинулись к крепости Кылбурун и отсюда переправились на судах через Днепр. Затем они прошли к крепости Очаков, а на пятый день преодолели реку Днестр и обосновались в окрестностях Аккермана. Они уплатили положенное бендерскому бею, прибрежному аге и десяти агам буджакских татар и успокоились»[115]. Между тем и после переселения ногайцы не освободились от налогового гнета крымского хана. В 1660 г. ногайцы, воспользовавшись не выгодными для Крыма международными обстоятельствами, отказались внести очередную дань. Тогда на их территорию вторглись войска под командованием крымского хана Мухамед-Гирея. Накануне решающего сражения хан предложил ногайцам возвратиться в Крым, но последние отказались. На следующее утро разыгралось сражение, продолжавшееся два дня. Ногайцы понесли значительные людские потери[116].

В первой половине XVIII в. Белгородская Орда пополнилась за счет поселенцев-едисанцев. В 1728 г. во избежание дальнейших столкновений с калмыками, мурза Бакты-Гирей увел часть едисанцев с Кубани через Крым в Белгородскую Орду[117]. Во второй половине XVIII в. была сделана попытка вернуть их снова в Крым, но международное положение не позволило осуществить это намерение. Вновь вернулись к этому вопросу в начале XIX в., когда русская армия под командованием Михельсона вошла в Бессарабию. Для ведения переговоров с представителями Белгородской Орды была образована делегация из ногайцев, обитавших в то время в районе Молочных вод. «После

---

[109] Бутков М. Г. Указ. раб., с. 171.
[110] Щеглов И. Л. Туркмены и ногайцы Ставропольской губернии, т.I. Ставрополь, 1910, с.77
[111] Бутков П. Г. Указ. раб., с. 172.
[112] Там же.
[113] Смирнов В. Д. Указ. раб., с. 491.
[114] Щеглов И. Л. Указ. раб., с. 77.
[115] Челеби Эвлия. Книга путешествия, вып. I. М., 1961, с. 194.
[116] Там же, с. 191—193.
[117] Бутков П. Г. Указ. раб., с. 172.

недолгих переговоров вся Буджакская Орда, в количестве 7000 души об. п., согласились переселиться в Россию»[118],— писал А. Сергеев.

В марте 1807 г. был подписан договор из одиннадцати пунктов. В частности, переселявшимся ногайцам предоставлялось право избирать своего мурзу и придерживаться своей религии; они наделялись обширными землями в вечное пользование, получали пособие пшеницей, ячменем и просом, строевой лес по льготным ценам [119] и т. д. Этот документ свидетельствует о дружественных отношениях, которые сложились между Россией и ногайцами. Он показывает также, что белгородские ногайцы уделяли большое внимание земледелию, скотоводству, строили постоянные жилища.

Часть Белгородской Орды (3945 человек) поселили на Молочных водах, остальных (2459 чел.) распределили между Екатеринославской и Херсонской губерниями. Таким образом, когда-то единая орда оказалась разделенной. Можно предполагать, что одной из причин оставления ордой России в 1812 г. было непродуманное размещение ее членов.

Несмотря на то что переселенцы были размещены в трех административных единицах, надзор за ними по-прежнему осуществлял Хаджи-Гирей, произведенный в полковники. В его подчинении находились войсковой старшина, три сотника и десять хорунжих. Последние занимались главным образом сбором налогов. Сам полковник непосредственно подчинялся начальнику Ногайского приставства де Мезону.

Экономическое состояние белгородских, или буджакских, ногайцев в 1812 г. характеризует выдержка из письма генерала Ришелье, адресованного на имя де Мезона. «Буджакские ногайцы, вышедшие из-за Днестра в хорошем состоянии, но до сих пор остаются плохо водворенными»[120]. Под словами «плохо водворенными» Ришелье, видимо, имел в виду чрезмерно затянувшееся размещение переселенцев. Комментируя содержание приведенной выдержки, А. Сергеев констатировал: «Плохое ли водворение, подговоры и обещания пленных турок, поселенных между ногайцами, или страх перед французами были причиной этого, неизвестно, но в 1812 г. (23 октября) Буджакская Орда неожиданно снялась и ушла в Турцию»[121]. Безусловно, объективные причины, приведенные А. Сергеевым, имели место в той трагедии ногайцев, но наиболее действенной из них все же была протурецкая агитация, имевшая место не только среди ногайского населения в Крыму, но и на всем Северном Кавказе на протяжении XIX в.

Буджакская Орда явилась первой жертвой турецких агентов. Вслед за ней в последующие годы ногайцы стали переселяться в Турцию и из других районов Крыма и Северного Кавказа.

На Северном Кавказе предводитель Малой Ногайской Орды Казий проводил политику, направленную против Большой Ногайской Орды, и в этом он находил постоянную поддержку крымского хана. Казий со своими воинами неоднократно ходил на Волгу и уводил оттуда людей Большого Ногая. Его действия были также направлены против тех улусов, которые шли с Северного Кавказа в Астрахань для соединения с Большой Ордой. По этому поводу, жалуясь на поведение Казия, Исмаил писал царю: «Которые улусы к нам идут, и он их воюет. А которые части шли из Азова в Астрахань, и он их повоевал же»[122].

К концу XVI в. Казиев улус агрессивно действовал на юге России. Улус грабил не только юг России, но и Поволжье. Как уже отмечалось, бесконечные разорительные нападения Казиева улуса на улусы Большого Ногая вынудили

---

[118] Сергеев А. Ногайцы на Молочных водах (1790—1832). Исторический очерк.— ИТУАК, 1912, № 48, с. 33.

[119] Сергеев А. Указ. раб., с. 33—34.

[120] Скальковский Г. О ногайцах-татарах, живущих в Таврической губернии.— ЖМНП, 1843, ч. XI, № 10—12, с. 181.

[121] Сергеев А. Указ. раб., с. 36.

[122] ПДРВ, т. X, с. 91.

князя Иштерека совершить военный поход на Северный Кавказ. В 1615 г. воины Иштерека «взяли у Казиевых черкас украдом робят и жонок. Да и в вдругоред те же ногайские люди приходили под Казыева ж кабаки Шеншукова, а хотели их повоевать оманом, также, как и крымский царь. И Казый-мурза, узнав их воровство, собрався с уздени своими, тех ногайских людей побил»[123]. В годы правления Иштерека воины Большого Ногая неоднократно совершали походы против кавказцев.

В 1633 г. улусы Большого Ногая обратились к царю за военной помощью против Казыева улуса. Одновременно князь Большого Ногая Канай снарядил 20-тыс. войско. Для его подкрепления по указанию царя был организован отряд из стрельцов под командованием Волконского. Кроме того, в походе участвовали также и люди из Терского городка, в том числе отряд в 350 человек, приведенный князем Шолохом Черкасским. Малые Ногаи потерпели поражение, а победители получили большую добычу[124].

После удачного похода объединенных вооруженных сил и поражения Малого Ногая военные действия Казиева улуса против соседних народов прекратились.

1.4. Занятия и классовая структура ногайского общества

Основным занятием ногайцев было кочевое скотоводство. «Этот народ пастушеский,— отмечал Дженкинсон в 1557 г.,— владеющий множеством скота, составляющим все его богатство»[125].

Кочевники разводили верблюдов, крупный рогатый скот, лошадей, овец и коз. При этом особое внимание они уделяли выращиванию выносливых коней, способных переносить длительные переходы. Лошадь являлась основным средством передвижения при военных набегах, тягловой силой во время перекочевок и постоянным спутником пастуха-кочевника. По словам Олеария, ногайские лошади были «сильны и очень выносливы»[126]. Лошадей кочевники выращивали табунным способом. Круглый год их содержали на подножном корму, сено им давали редко. Ногайские коневоды вывели несколько пород лошадей.

Лошади шли и на продажу. Ногайских лошадей можно было встретить на рынках Казани, Астрахани и других городов Поволжья. В XVI в. ногайцы неоднократно заполняли лошадьми рынки Москвы и Подмосковья, о чем свидетельствуют многочисленные документы того времени[127]. Если лошади являлись принадлежностью мужской части населения и в средневековую эпоху были призваны служить главным образом военным целям, то крупный рогатый скот на протяжении всей истории ногайского общества оставался кормильцем народа. Разведению крупного рогатого скота население орд уделяло очень большое внимание. «Их рогатый скот велик ростом и силен, подобно польскому»[128],— отмечал Адам Олеарий.

Ногайский крупный рогатый скот пользовался большим спросом на рынках Волжского бассейна. Он мог конкурировать и с российским крупным рогатым скотом, но отдаленность Москвы не позволяла кочевникам пользоваться центральнороссийским рынком.

Немаловажную роль у ногайцев играло и верблюдоводство. Дженкин-

---

[123] Кабардино-русские отношения в XVI—XVIII вв., т. I. М., 1957, с. 90.

[124] Попко И. Терские казаки с стародавних времен, с. 55; Кабардино-русские отношения в XVI—XVIII вв., т. I, с. 409.

[125] Известия англичан о России в XVI в. СПб., 1887, с. 38.

[126] Олеарий Адам. Указ. раб., с. 405.

[127] ПДРВ, вып. VII, с. 337—343; ПСРЛ, XII, 1, с. 121—125, 132, 140, 281, 326о XIII, II, с. 348 и другие; СРИО 59, № 5, с. 55; 59 № 25, с. 357 и др.

[128] Олеарий Адам. Указ. раб., с. 405.

сон был свидетелем перекочевки одного небольшого улуса, когда в качестве тягловой силы использовалась тысяча верблюдов, запряженных в арбы. О разведении ногайцами верблюдов Олеарий писал, что «у них имеются и верблюды, но редко с одним, а обыкновенно с двумя горбами на спине; последних они зовут боггур, а первых товэ»[129]. По словам Э. Челеби, ногайцы во время перекочевок ставили свои шатры на верблюдов и на повозки[130].

Всем социальным слоям было доступно овцеводство. Из-за неприхотливости овец, их разводили повсеместно. Овечья шерсть применялась во всех сферах жизнедеятельности. Шерстяные изделия служили в качестве одежды, постельных принадлежностей, ими утепляли юрту снаружи и внутри т. д. Овечьи шерсть и шкуры также служили предметом торговли на рынках Приволжского бассейна.

Ногайцы разводили также кур, индеек и водоплавающих птиц.

Развитию скотоводческого хозяйства способствовали бескрайние пастбищные угодья Приволжской низменности с их богатой растительностью. «Это плодородие, — отмечали Какаш и Тектандер, — послужило причиной тому, что татары (ногайцы) не имеют постоянного жительства, а перекочевывают из одного места в другое, получая все нужное для своего существования... Свои жилища они возят за собою на повозках о двух колесах, куда впрягаются верблюды. Когда трава кругом вся съедена, то они двигаются на несколько миль далее, пока не найдут нового удобного места»[131]. Олеарий также писал о ногайцах: «Летом у них нет постоянного местопребывания в каком-либо месте; они меняют и перемещают свое местопребывание всякий раз, как им приходится искать для скота свежих и хороших пастбищ. Тогда они ставят свои избы на высокие телеги, которые всегда стоят возле них и перекочевывают с женами, детьми и домашним скарбом, размещенным на коровах, волах, лошадях и верблюдах»[132].

По вековой традиции одна часть кочевников обычно начинала свое передвижение со скотом с юга на северо-запад и северо-восток в первый же весенний месяц. Другая часть постепенно двигалась вдоль западного побережья Каспийского моря на юг к Кумской низменности. Г. Перетяткович описал это следующим образом. «Обыкновенно они заранее распределяли, какой части орды в каких местах кочевать; места для кочевок чаще всего обозначались именами рек, вероятно, потому что по их берегам находились богатые пастбища. Ногайцы, как и их соплеменники татары, зиму проводили около Каспийского моря, а летом уходили вверх по Уралу и Волге. Таким образом, подвигаясь постепенно, они доходили нередко до р. Кумы и до окрестностей Казани»[133]. Летние месяцы ногайцы проводили вдали от зимних стоянок и только в начале осени возвращались в теплые края с высокими тростниковыми зарослями и глубокими балками, которые защищали скот от ветров и снежных бурь. Зимними стоянками служили устье Волги и северо-восточное побережье Каспийского моря.

Наряду со скотоводством ногайцы занимались рыболовством и охотой. Они ловили рыбу на Волге, Ахтубе, Бузане, Еман-Бозузене, Еманце, Кара-Бузане и Янке[134]. Особенно процветало рыболовство на Волге. «На Волге...— писал А. Олеарий,— совершается чрезвычайно богатая ловля рыбы всевозможных сортов; рыба эта весьма дешева, так как за 1 грош можно купить 12 больших карпов, а 200 стерлядей или малых осетров (это очень вкусная рыба) за 15 грошей. Здесь же имеется и очень много рачков; так как ни татары, ни русские не едят их, то их без всякого внимания выбрасывают»[135].

[129] Олеарий Адам. Указ. раб., с. 405.

[130] Челеби Эвлия. Указ. раб., вып. 2, с. 53.

[131] Какаш и Тектандер. Путешествие в Персию через Московию, 1602—1603 гг. ЧОИДР, кн. 2, 1892, с. 403.

[132] Олеарий Адам. Указ. раб., с. 403.

[133] Перетяткович Г. Указ. раб., с. 137—138.

[134] ЧОИДР, ч. 1, 1918, с. 143.

[135] Олеарий Адам. Указ. раб., с. 400—401.

Охотничий промысел служил дополнительным источником существования. Охотились, главным образом, с помощью ловчих птиц — соколов и ястребов. Особенно практиковалась соколиная охота на пернатую дичь в тростниковых зарослях и на лесистых островах в дельте Волги.Охотились также на лосей, зайцев, медведей и кабанов. Последних ногайцы по низким ценам продавали русским поселенцам [136].

В кочевом мире скот, пастбища и охотничьи угодья были сосредоточены в руках князей и мурз. Последние владели огромными отарами и табунами. В то же время в среде ногайцев имелось много кочевников, которые не имели скота. Из их среды верхушка общества получала дешевую рабочую силу на протяжении всей истории существования Ногайской Орды. Бедняки за небольшую плату служили пастухами и охранниками при отарах.

Современники Ногайской Орды, а также большинство специалистов, занимавшихся ее историей, отрицали существование земледелия в хозяйственной структуре кочевников-ногайцев. Однако исторические источники и устнопоэтическое творчество народа говорят о другом.

При князе Измаиле Ногайская Орда начала тесно сотрудничать с Россией, что нашло отражение в документах того времени. Особенно ценным для нас является одно сообщение Измаила. В 1557 г. он писал царю: «а пашню Сарайчиковскую пода взяла... и ты бы нам прислал на семена судно хлеба» [137]. Таким образом, ногайцы наряду со скотоводством занимались и земледелием и, по-видимому, вдали от пригородных земель. Последнее обстоятельство, очевидно, и ввело современников орды в заблуждение, поскольку посевы оказывались вне поля их зрения.

Приведенный текст дает возможность делать и другие выводы. Во-первых, что масштабы земледелия позволяли не только в какой-то степени удовлетворять потребности в зерне, но и засыпать часть урожая на семена для следующего года. Во-вторых, просьба Измаила выслать целое судно семян свидетельствует о значительных размерах посевных площадей, обрабатываемых ногайцами в тот период.

Бытование земледелия у ногайцев в прошлом подтверждают также многочисленные пословицы и поговорки, ставшие теперь достоянием специалистов благодаря их систематизации и публикации [138].

Ногайцы, кочевавшие в окрестностях Астрахани, кроме того занимались выращиванием бахчевых культур, а также садоводством. «Что касается садовых плодов,— отмечал А. Олеарий,— то они здесь так великолепны, что лучших не находили даже в Персии: это яблоки, квиты, грецкие орехи, большие желтые дыни, а также арбузы, именуемые у турок и татар каравиз — так как они очень холодят... Подобного рода арбузов и дынь татары доставляли еженедельно возов 10—20 в Астрахань на рынок по очень дешевой цене» [139]. О выращивании овощей и фруктов жителями окрестностей Астрахани сообщал также и Ф. А. Котов на исходе первой четверти XVII в. [140]

Однако посевы злаковых и овощных культур в кочевом мире не удовлетворяли полностью потребности в этих продуктах. Поэтому ежегодно ногайцы дополнительно запасались хлебом, выменивая его у соседей на скот и продукты животноводства.

Ногайцы продолжали заниматься земледелием и после распада орд. Земледельческая культура достигла наивысшего подъема у тех ногайцев,

---

[136] Олеарий Адам. Указ. раб., с. 401.

[137] Древняя российская вивлиофика, ч. 29, с. 284—285.

[138] Калмыкова С. Ногайские пословицы.— Труды Черкесского исследовательского института, вып. II. Черкесск, 1954, с. 323—328; Джанибеков А. Х. Ш. Ногайские пословицы. Рукопись, его же. Очерки по истории ногайцев. Рукопись, 1935, и др.

[139] Олеарий А. Указ. раб., с. 401.

[140] Хождение на Восток Ф. А. Котова в первой четверти XVII века.— Изв. отд. русского языка и словесности Академии наук,— т. XII. СПб., 1908, с. 73.

Кочевье ногайцев. Гравюра А. Олеария.

которые на исходе средневековья обитали в Закубанском крае. Что касается занятий ногайского населения Бессарабии, Крыма, Северного Кавказа и Дагестана, они будут рассмотрены подробно в других разделах работы и в главе второй.

Кочевое натуральное хозяйство Ногайской Орды не могло обходиться без домашнего ремесленного производства. Кочевники сами изготовляли одежду, строили жилища. Из шерсти валяли бурки для мужчин, из овечьих шкур шили тулупы, шубы, шапки. Сами ногайские мастера делали из дерева арбы, сельскохозяйственные орудия, предметы домашнего обихода. Конскую сбрую с металлическими украшениями умели изготовлять лишь отдельные мастера. Вооружены были ногайцы мечами, копьями, луками и стрелами. Оружие, в особенности огнестрельное, получали главным образом от соседей. В XVI—XVII вв. ногайцы получали от русских пищали, порох, шлемы, панцири [141].

Таким образом, Ногайская Орда свыше двух столетий просуществовала в основном на базе кочевого скотоводства и отчасти земледельческого хозяйства; одновременно развивались домашние ремесла по обработке животноводческого сырья и дерева, удовлетворявшие потребности кочевника-скотовода.

В эпоху существования Ногайской Орды в среде кочевников уже широко бытовали такие понятия, как «улусные» и «юртовские» жители. Каждое из них в какой-то мере отражает те общественные процессы, которые протекали в кочевом мире. Более древним из этих понятий, пожалуй, является слово «улус», восходящее, по-видимому, ко времени возникновения племен, во главе которых стояли племенные вожди. По всей вероятности, они и создали это понятие, определяя им границы своих владений. Затем оно применялось в более широком плане в Золотой Орде, а позже — и в Ногайской Орде.

Улусная система позволяла кочевникам иметь определенную территорию с пастбищными угодьями и водоемами (озера, колодцы, реки) и т. д. Благодаря такой системе владения землей, столкновения между улусами происходили сравнительно редко.

Как правило, улус объединял множество крупных родо-племенных групп, во главе которого стоял мурза. В свою очередь, родо-племенные группы имели своих предводителей. В эпоху расцвета Ногайской Орды в ней имелось большое количество улусов. М. Меховский считал Ногайскую Орду «наиболее многочисленной и самой крупной ордой»[142]. В составе улусных подразделений

[141] Алексеева Е. П. Очерки по экономике и культуре..., с. 88.

[142] Меховский М. Указ. раб., с. 93.

насчитывалось восемнадцать племен [143]. Русские документы именовали кочевников — членов улусов «улусными людьми».

В отличие от улусных ногайцев, оседло живущих в столице Ногайской Орды — Сарайчике, называли «юртовскими людьми». Они и занимались земледелием [144]. Но в XIX в. это понятие резко изменило прежнее содержание. В официальных документах того времени под «юртовскими» начали подразумевать государственных крестьян тюркской языковой группы Волжского бассейна [145].

Во главе Ногайской Орды стоял князь, звание которого было наследственным по мужской линии ее основателя. Князь в орде имел неограниченную власть. Он мог самостоятельно объявить войну, вести мирные переговоры с соседними государствами, смещать неугодных ему должностных лиц и т. д. В то же время он был самым крупным скотовладельцем.

Постоянной резиденцией князя был г. Сарайчик, в котором он проводил большую часть времени в окружении семьи и знатных мурз. Здесь же он вел переговоры с послами Москвы и соседних народов.

Вторым лицом в государстве был нурадлин. Обычно это был один из сыновей князя, чаще всего старший сын от первого брака. После смерти князя он автоматически становился у руля управления. Третьим лицом в орде являлся военачальник — кековат. Звание князя в орде мог носить только тот, кто находился у власти. Остальные члены княжеской семьи считались мурзами. Русские летописцы именовали их «детьми и холопами»[146] князя.

Мурзы играли в орде значительную роль. Они владели обширными и богатыми улусами, получая строго по наследству. Главы улусов фактически являлись неограниченными властелинами в своих землях, независимыми от главы всей орды. «Ногайские мурзы,— отмечал М. Г. Сафаргалиев,— стоявшие во главе больших и малых улусов, лишь условно признавали ногайских князей своими «старшими братьями», каждый мурза называл себя «государем в своем государстве»[147]. Такая самостоятельность мурз, отсутствие централизованного управления страной, откочевки улусов, междоусобные войны непрестанно ослабляли и разоряли орду.

К феодальной верхушке принадлежали и так называемые карачи и уланы, которые, по-видимому, сложились из предводителей родо-племенных групп. Эта социальная прослойка играла довольно большую роль в ногайском обществе [148]. Привилегированную часть населения замыкали служители культа.

Господствующий класс Ногайской Орды русские источники называли «улусными лучшими людьми», а кочевников-скотоводов, за счет которых жили «лучшие люди» — «черными людьми».

Улусные простые люди («черные люди») находились в полной зависимости от ногайских феодалов. «Они обязаны были кочевать со своими мурзами, во время походов являться со своим оружием и запасом продовольствия, «сколько одному человеку поднять можно», и вносить определенную подать в пользу господина»[149].

В Ногайской Орде существовало и домашнее рабство. «Домашнее рабство весьма распространенное в ханствах, у ногайцев имело еще большее значение. При дворах мурз на положении домашних слуг были пленные и купленные холопы (рабы). Труд рабов применялся и в хозяйствах кочевых татар при пастьбе скота, рытье колодцев и собирании топлива. Часть холопов, оставшихся в орде, превращалась в крепостных»[150].

---

[143] Очерки истории СССР XIV—XV вв. М., 1953, с. 465.
[144] Перетяткович Г. Указ. раб., с. 98.
[145] Небольсин П. Очерки Волжского низовья. СПб., 1852, с. 52.
[146] ПДРВ, ч. 28, с. 263.
[147] Сафаргалиев М. Г. Указ. раб., с. 231.
[148] Перетяткович Г. Указ. раб., с. 145.
[149] Очерки истории СССР XIV—XV вв., с. 466.
[150] Там же.

В XV—XVI вв. для ногайского общества были характерны те же раннефеодальные отношения, которые существовали во всех соседних ханствах кочевого мира. В них «родовая общинная собственность на кочевья противоречиво сочеталась с частной собственностью на стада, составлявшие главное богатство скотоводов-кочевников и экономическую основу растущей общественной дифференциации. При этом общинной землей фактически больше пользовался тот, у кого были большие стада, а лучшие и наиболее удобные пастбища постепенно переходили во владение кочевых феодалов и отдельных более богатых и знатных родов. Патриархальные формы «родовой помощи» скрывали различные виды феодальной зависимости и эксплуатации богатыми бедных, т. е. не имеющих достаточного для пропитания количества скота»[151].

Наряду с феодализмом в его кочевом варианте в среде ногайцев бытовали и пережитки патриархально-родового строя. Повсеместно «сохранялось представление об общеродовой ответственности за преступление, совершенное родичами». Иногда за обидчика отвечало «его племя», преступника брал на поруки «род»[152] и т. д.

Таким образом, Ногайская Орда по своей хозяйственной и социальной структуре не отличалась от других государственных образований, возникших на развалинах Золотой Орды.

1.5. Политическая история ногайцев в XVII—XIX вв.

В начале XVII в. часть ногайцев уже обитала на севере Крымского полуострова. «Ногайские татары,— писал итальянский автор этого времени,— живут вне полуострова и граничат с Россией (т. е. Малороссией), Московским государством и стороной черкесов. Их страна — одна часть которой (лежит) в Европе, а другая в Азии, так как одни из них живут по сю сторону Азовского моря, азиатские же по ту сторону того же моря — Великого»[153]. По сообщению другого итальянского автора, д'Асколи[154], побывавшего в Крыму в 1634 г., ногайцы начали осваивать Крым уже в начале XV в., т. е. до образования Больших и Малых Ногаев. В дальнейшем же приток ногайского населения в Крым стал возрастать.

Более точные сведения о расселении ногайцев в Крыму и на Северном Кавказе появляются лишь в XVIII в. В документе, датированном 1770 г., кочевки ногайцев определены следующими земельными участками. Едисанской Орде принадлежали равнинные земли южной части Херсонской губернии. Ее население в литературе иногда называли Очаковской Ордою. Едишкульская Орда занимала земли Днепровского и Мелитопольского уездов Таврической губернии. Эти районы были отведены орде в 1759 г. Крым-Гиреем для охраны границы от запорожцев[155].

На восток от Крыма кочевали азовские ногайцы и по Кубани — кубанские ногайцы. Кочевья кубанских ногайцев подробно указаны в документе 1789 г. В нем говорится, что Едисанская Орда правого поколения кочевала от устья Сасык-Ея и Буглу-Тогая вниз по течению и около Ейского базара, а также по Чембуре и в верховьях Кагальника. Левое поколение Едисанской Орды занимало территорию от устья Есенея и Челбаса вверх по течениям рек и вдоль Кабаша и Куюнтюне. Джембойлуковцы кочевали от устья Сасык-Ея и по течению Большого Ея. Представители Буджакской Орды вели оседлый

---

[151] Жирмунский В. М. Указ. раб., с. 418.

[152] Очерки истории СССР XIV—XVIII вв., с. 455—466.

[153] Жан де-Люк. Описание перекопских и ногайских татар, черкесов, мингрелов и грузин, с. 485.

[154] Д'Асколи. Описание Черного моря и Татарии.— ЗООИД, т. XXIV, 1902, с. 129.

[155] Скальковский Г. Указ. раб., с. 110; Сергеев А. Указ. раб., с. 10.

Пир А. В. Суворова у Ени-кале городка после подписания мирного договора с ногайцами. Репродукция картины А. Ф. Морозова.

образ жизни на Чебакле. Незначительная часть Едишкульской ветви обитала по Сухому Чембуре, между едисанцами правого поколения. Четыре родоплеменных объединений Едишкульской Орды имели свои наделы. За членами мынского рода были закреплены устья рек Кирпилей и Зенгели, китайский род кочевал по Онгалану, Конгору, Каракубани и по Кубани. Бурлацкая группа находилась между Копылой, Темрюком и Ачуевым, а кыпчакская занимала Таманский полуостров [156].

Наиболее ранние сведения о численности кубанских ногайцев появляются в 1782 г. По данным военного ведомства, едисанцев насчитывалось 20 тыс. казанов (т. е. семей), джембойлуковцев — 11 тыс., едышкульцев — 25 тыс. и каракитайцев — 5400 казанов [157].

В 1783 г. было официально объявлено о присоединении Крыма к России. В этой связи, чтобы вывести ногайцев из-под влияния Турции, власти решили переселить кубанских ногайцев в уральские, тамбовские и саратовские степи. В конце июня 1783 г. были завершены подготовительные работы к переселению. На это мероприятие было отпущено ногайцам 200 тыс. рублей пособия [158]. В том же месяце под Ейском собралось свыше 3 тыс. ногайцев, которые затем направились к Дону. Между тем крымский хан Шагин-Гирей стал возбуждать ногайцев к возмущению «посредством тайно рассылаемых писем» [159]. Ногайские мурзы, поддавшиеся агитации, решили вернуть людей на Кубань. Суворов и другие русские военачальники попытались убедить ногайских мурз быть верными данной ими присяге, однако их старания не дали результатов. Орда, шедшая на Кубань, наткнулась на военный отряд под командованием Житкова и при столкновении понесла значительные потери.

Поражением орды воспользовались крымские и турецкие агенты, которые с новой силой развернули агитацию среди ногайцев. Поддавшись этой агитации, ногайские мурзы во главе с Тав-султаном в августе 1783 г. совершили нападение

---

[156] Пределы кочевья кубанцев с российскими владениями в 1789 г.— ЗООИД, т. 3, 1853, с. 589.

[157] Бобровский П. Суворов на Кубани в 1778 г., за Кубанью в 1783 г. ВС, 1900, № 1—2, с. 15. См. также: Петрушевский А. Суворов в Астрахани, на Кубани и в Кременчуге (1780—1787).— ВС, т. CXIII, 1882.

[158] Сергеев А. Указ. раб., с. 14.

[159] Бобровский П. Указ. раб., с. 19.

на Ейскую крепость, но, потерпев неудачу, вынуждены были снять осаду и уйти на Кубань.

Первого октября 1783 г. на Урупе в районе Кременчук и Сары-Чигера произошло столкновение между ногайцами и царскими войсками под командованием Суворова. Затем, чтобы избежать дальнейшего кровопролития, Суворов направил парламентеров к другой части ногайцев, и переговоры завершились мирным исходом.

Одновременно против ногайцев действовало другое войско под командованием генерал-майора Леонтьева. Первого октября 1783 г. оно атаковало едисанцев в верховьях Лабы. В общей сложности в долинах Урупа и Лабы ногайцы потеряли убитыми около 7 тыс. человек. Многие из них после этих боев переселились в Турцию, другие откочевали к адыгам и абазинам [160].

В 1784 г. крымскими военными властями кубанским ногайцам были отведены под кочевья Ейские степи. С 1784 по 1790 гг. сюда переселилось около 3 тыс. семей. Но, в связи с усилением турецкой агрессии на Северном Кавказе, вновь возникла необходимость их переселения. Военные власти, воспользовавшись политической обстановкой на Кавказе, переселили одну часть ногайцев к туркменам и ногайцам, кочевавшим по Куме и на северо-западе Прикаспия, другую — на Молочные воды Таврической губернии. В последнем районе оказались поселенными едишкульцы, едисанцы и джембойлуковцы. Едишкульцам отвели земли от р. Берды до Обыточной, джембойлуковцам — от Обыточной до Лозоватки, а едисанцам от Лозоватки до Молочной [161]. В 1793 г. на Молочных водах насчитывался 5091 человек, но эти данные неточны, так как ногайцы неохотно давали себя переписывать [162].

С первых же дней переселения ногайцев в Таврическую губернию, вся политика местных властей по отношению к ним была направлена на то, чтобы сделать их оседлыми. О том, как проводилась эта политика, будет сказано ниже.

Вслед за первыми переселенцами в Таврическую губернию в 1793 г. были направлены к ним из окрестностей Анапы 7925 ногайцев, а в 1795 г. сюда переехали еще 534 человека из-под Георгиевской крепости. Кроме того, ногайское население на Молочных водах пополнялось в 1795 г. за счет прибывших кочевников из Кизлярской степи. По сведениям главы ногайского населения Баязет-бея, в 1801 г. в округе проживали 16 053 ногайцев.

Управление ногайцами на Молочных водах осуществлялось местным аппаратом из ногайских мурз, защищавших интересы господствующего класса. Первым административным лицом, назначенным военными властями губернии, был Джанмамбет-бей Халильга-бей [163]. Его сменил в 1793 г. Баязет-бей [164], остававшийся начальником Ногайской Орды на протяжении 12 лет. Своими действиями он снискал недовольство народа. На него неоднократно поступали жалобы, ногайцы открыто писали, что они «против начальника из своих» [165]. В 1805 г. царская администрация вынуждена была наконец послать к ногайцам комиссию в составе генерала Розенберга и чиновника Шостакова. Баязет-бей был удален [166].

При Баязет-бее аппарат управления ногайцами официально именовался экспедицией. В составе экспедиции значились: начальник экспедиции, письмоводитель, подканцелярист, переводчик, татарский писарь и шесть словесных судей. Все должности при экспедиции были распределены между мурзами во главе с Баязет-беем, который был и самым крупным крепостником. В конце XVIII в. только у одного Баязет-бея было 1611 крепостных [167].

---

[160] Бобровский П. Указ. раб., с. 31—34.
[161] О татарах ногайских Таврической губернии. ЦГВИА, ф. ВУА, оп. 1, д. 19069, л. 9.
[162] Там же, л. 9.
[163] О татарах ногайских Таврической губернии. ЦГВИА, ф. ВУА, оп. 1, д. 19069, л. 9.
[164] О татарах ногайских Таврической губернии. ЦГВИА, ф. ВУА, оп. 1, д. 19069, л. 8.
[165] Сергеев А. Указ. раб., с. 20.
[166] ЦГВИА, ф. ВУА, оп. 1, д. 19069, л. 10.
[167] Сергеев А. Указ. раб., с. 43.

Управленческий аппарат содержался за счет ногайцев, которые проживали в то время в 44 аулах. Ежегодно экспедиция получала с населения 4500 руб.

К и без того обременительным повинностям начальник экспедиции добавил к общей сумме налогов содержание двух полков ногайского войска. В первый же год «создания войска» он собрал с населения 60 тыс. рублей[158], в основном присвоенных начальником экспедиции.

В 1805 г. управление ногайским населением стало осуществляться на основании нового «Положения для управления ногайцев», разработанного комитетом министров. По «Положению», управление ногайцами было передано Таврическому гражданскому губернатору, но надзор за ними в пределах их кочевья вел пристав ногайских орд.

Реорганизация административного аппарата не изменила положения кочевников. Содержание лишь приставского аппарата ежегодно обходилось им в 2 тыс. руб. Кроме того, они на свои деньги содержали в каждом ауле старшину, сотника и десятника.

С самого начала XIX в. военные и гражданские власти Таврической губернии стали требовать от руководителей ногайцев проводить повсеместно политику оседания. Этой задаче были подчинены все последующие действия местных и губернских властей. Последние исходили из того, что оседлый образ жизни позволит более надежно контролировать родо-племенные группы и ограничит их общение с жителями различных районов Северного Кавказа.

Осуществление политики перевода к оседлости власти начали с того, что приобрели в счет налогов строительный материал. Выдача его ногайцам началась в 1806 г. Чтобы стимулировать оседание, власти приступили к строительству мечетей и жилых домов для служителей религии.

К 1811 г. в 47 ногайских аулах уже имелись 4043 дома и 669 кибиток, а к 1812 г. были зарегистрированы только 407 семейств, без постоянных жилищ.

Ногайцы, осевшие в Таврии, лишились прежних возможностей заниматься в широких масштабах скотоводством. Но в то же время значительно возросли размеры посевных площадей за счет освоения плодородных земель.

Современная эмблема г. Бердянска. На ее верхней части ногайская юрта и плуг.

Экономическое развитие и рост народонаселения на Молочных водах в начале XIX в. вынудили местные власти обратиться в Сенат с просьбой разрешить строительство города на территории Ногайского приставства. В 1812 г. было разрешено строить на месте с. Обиточного г. Ногайск. Однако город застраивался и заселялся очень медленно. В 1825 г. в нем имелись всего 34 жилых дома с населением 298 человек. Чтобы поднять экономическое значение строящегося города, разработали проект сооружения пристани на Обиточной косе, но местность оказалась непригодной. Строительство перенесли в район Бердянской косы, где она и была открыта в 1830 г. Порт был приписан к Ногайску, хотя и находился на значительном расстоянии от него; со временем здесь вырос г. Бердянск. Ногайск же постепенно превратился из ведущего когда-то приставского города в рядовой населенный пункт.

В 1842 г. в Таврической губернии была проведена административная реформа. Из Днепропетровского и Мелитопольского уездов образовали три уезда: Днепропетровский, Мелитопольский и Бердянский. В результате ногайцы оказались разбросанными в трех уездах и утратили прежние экономические и культурные связи. Так была нарушена начавшаяся консолидация различных родо-племенных групп на общей территориальной и экономической основе в Ногайском приставстве.

---

[158] ЦГВИА, ф. ВУА, оп. 1, д. 19069, л. 9.

Несмотря на притеснения со стороны местных властей и собственных мурз, ногайцы Таврической губернии оставались преданными своей Родине. Эту преданность они доказали во время Отечественной войны и в период Крымской кампании.

Во время войны с французами ногайцы только одной Аргинской волости Днепропетровского уезда внесли в фонд победы над врагом по 5 руб. с человека. Сумма взноса составила свыше 50 тыс. руб.[169] Пожертвования были сделаны ногайцами и других уездов. Многие ногайцы с оружием в руках воевали против захватчиков.

С первых же дней военных действий на Крымском полуострове и на восточном побережье Черного моря турецкое командование рассчитывало на поддержку коренных народов Крыма и Северного Кавказа, но последние не только отказались участвовать на стороне Турции, Англии и Франции, но с оружием в руках выступили против врагов России. «Сколько-нибудь путной помощи горцы союзникам, к полному разочарованию последних, не оказали»[170],— отмечал Е. В. Тарле. Особенно коснулась Крымская война 1853—1856 гг. ногайцев Таврической губернии. Им, как и другим жителям Крымского полуострова, пришлось принять в ней непосредственное участие. «Ногайцы высказывали искреннее сочувствие к трудному положению, в котором находилась их новая родина, приняв деятельное участие в поставке подвод и припасов, встрече войск, размещении в своих домах раненых и в пожертвованиях»[171],— писал А. Сергеев.

В период войны ногайцы сделали значительные пожертвования деньгами и продовольствием. Достаточно отметить, что ими были отправлены 940 голов крупного рогатого скота для продовольствия защитникам Крымского полуострова и снаряжены 75 подвод для непосредственного участия на фронте. Кроме того, они на своем транспорте перевезли с театра военных действий в населенные пункты 4700 раненых солдат и офицеров и для их содержания в пути следования внесли около 600 руб. В своих аулах ногайцы организовали 5 госпиталей. Ногайцы также приняли участие в добровольческом ополчении горских народов Северного Кавказа.[172]

Поражение царизма в Крымской войне не могло не повлиять на положение ногайцев Таврической губернии, так как они испытали на себе больше невзгод, чем ногайцы других регионов Северного Кавказа и Дагестана. Этим обстоятельством воспользовались турецкие агенты, которых было немало в среде ногайского населения Крыма. Агентурная сеть действовала и в среде кубанских и ставропольских ногайцев. «Эмиссары Турции и часть феодалов Кавказа, продолжавшая ориентироваться на Турцию, а также клерикальные круги, вели антирусскую пропаганду и сумели одурманить часть населения Закавказья и Северного Кавказа...»[173]

В результате в конце 1850-х годов кубанские и ставропольские ногайцы стали переселяться в Турцию. Их примеру последовали таврические ногайцы. Картину их расставания с родными местами А. Сергеев описывал следующим образом: «Расставанье с родиной и соседями — русскими, с которыми ногайцы жили хорошо, носило драматический характер. В ногайских селениях раздавался плач женщин и детей. На кладбищах происходили потрясающие сцены прощания с родными могилами. Когда русские крестьяне уговаривали остаться, ногайцы со слезами отвечали: «нельзя — все идут, грех оставаться»[174].

---

[169] Маркевич А. К столетию Отечественной войны. Таврическая губерния в связи с эпохой 1806—1814 гг.— ИТУАК, 1913, № 49, с. 488.

[170] Тарле Е. В. Крымская война, ч. II. М.— Л., 1960, с. 519.

[171] Сергеев А. Указ. раб., с. 192.

[172] Ибрагимбейли Хаджи Мурат. Кавказ в Крымской войне 1853—1856 гг. М., 1971, с. 248.

[173] Ибрагимбейли Хаджи Мурат. Указ. раб., с. 339.

[174] Сергеев А. Указ. раб., с. 202.

Переселение ногайцев продолжалось с апреля по октябрь 1860 г. За это время из Таврической губернии ушли 48345 чел. и с Кубани 16 тыс. чел. Переселения повторялись и в последующие годы. К концу 1864 г., по официальным данным, в Таврической губернии оставалось лишь 37 ногайцев.

Царская администрация не приняла каких-либо мер для предотвращения этой национальной трагедии. «Пропаганда эмиссаров Турции и Англии,— пишет Хаджи Мурат Ибрагимбейли,— не оказала бы эффективного воздействия на умы населения, если бы не внутренние социально-политические причины, порождавшие недовольство народных масс. Царизм, отбирая земли у местных жителей, вызывал резкое недовольство у них. К тому же само царское правительство было заинтересовано в переселении в Турцию части «некоторых горцев», и даже содействовало им в этом»[175].

Какие цели преследовал царизм, содействуя переселению ногайского народа в султанскую Турцию? Во-первых, он хотел тем самым избавиться от тех, кто при соответствующих обстоятельствах мог бы стать резервом национально-освободительного движения в империи. Во-вторых, царизм, поощряя переселение, освобождал плодородные земли, занятые ногайцами. Оставленные переселенцами земли власти раздавали помещикам, офицерам, представителям местной феодальной знати. В их лице царизм создавал себе опору на окраинах России.

Турецкие власти поселили переселенцев-ногайцев из Таврической губернии в Болгарии и Румынии, но после русско-турецкой войны 1877 г. их заставили переселиться в Брусский и Кокийский вилайеты Турции. В начале XX в. значительное количество ногайцев проживало в горах Эски-шахир, Кокия, Карамен и в ближайших от них селениях [176]. В «единоверной» Турции переселенцы оказались в невыносимых условиях. «Положение переселенцев, отмечалось в то время,— стало невыносимым... Это сборище нищих и голодных оборванцев, в доме нет ничего» [177].

Уже в первые годы пребывания в Турции ногайцы стали подавать прошения русскому послу, чтобы им разрешили вернуться в Россию. Посольство оказалось буквально заваленным такими прошениями. Чтобы обмануть общественное мнение России, царизм разрешил отдельным «благонадежным» ногайским семьям вернуться на родину. Так, в 1863—1864 гг. из Турции возвратились 110 семей. Разместили их в Перекопском уезде Таврической губернии. «Этот обратный прием ногайцев,— отмечал А. Сергеев,— в русское подданство был допущен, однако, как исключение» [178].

После распада Ногайской Орды Северный Кавказ становится основным районом обитания ногайцев. Здесь родо-племенные объединения выступали самостоятельными единицами, совершая перекочевки со скотом на свободных земельных угодиях. Традиционная хозяйственная система и бесконечные межплеменные столкновения за пастбища способствовали образованию ряда обособленных районов с ногайским населением.

В отличие от северо-западного Кавказа, восточные его районы были освоены главным образом выходцами из Малой Ногайской Орды и лишь отчасти из Большой (в Сулакской низменности).

Оседание ногайцев в Сулакской низменности завершилось в конце XVII в. «Довей-Мурза до пришествия Петра I в Персию,— писал П. Г. Бутков,— с тремя своими братьями и аулами кочевал подле гор, от Аксая к Сулаку, по степи» [179]. Однако военные события, развернувшиеся на Кавказе в XVIII в., не оставили ногайское население в стороне. В 1722 г. Петр I,

---

[175] Ибрагимбейли Хаджи Мурат. Указ. раб., с. 339.
[176] Сергеев А. Указ. раб., с. 222.
[177] Журнал «Мусульманин», Париж, № 1, 1908, с. 3.
[178] Сергеев А. Указ. раб., с. 218.
[179] Бутков П. Г. Материалы для новой истории Кавказа, с 1722 по 1803 гг., ч. I. СПб., 1869, с. 178.

возвращаясь из иранского похода, дал указание переселить часть сулакских ногайцев во главе с Довей-Мурзою на Волгу. Приказ царя был выполнен, но не коснулся ногайцев, во главе которых стоял мурза Еманчиев. Подвластные ему кочевники в то время находились во владениях Тарковского шамхала. Переселенцы из Сулака, пробыв год на Волге, вновь перекочевали в Дагестан, за исключением улусных людей Каспулата Агайшеева.

Пребывание Петра I на Кавказе и, в частности, в Дагестане имело большое значение для сулакских ногайцев. В низовьях Сулака по указанию Петра I была возведена крепость, названная Святым Крестом. В крепость перевели воинский гарнизон из Терки, а на ее безлюдные окраины переселили часть терских ногайцев. Их примеру последовали тарковские ногайцы. Таким образом, здесь сложился устойчивый массив ногайского населения, существующий и поныне. В XIX в. кочевников этих мест начали именовать аксаевскими и костековскими ногайцами.

Костековские и аксаевские ногайцы обитали восточнее Кизляра, занимая побережье Аграханского залива Каспийского моря. Когда-то граница Ногайской степи на востоке проходила от устья Нового Терека до северных окраин Кизлярского залива. Вся эта береговая полоса служила отличной зимней стоянкой для скота кочевников-скотоводов на протяжении более чем двух веков.

На юге и на юго-востоке костековские и аксаевские ногайцы граничили с кумыками и тарковскими ногайцами. Последние, составляя небольшую группу, кочевали вдоль Каспия в пределах Тарковского шамхальства. Их здесь насчитывалось около 300 кибиток.

Костековские и аксаевские ногайцы в начале XIX в. составляли 1100 кибиток. О них в одном из документов того времени говорится следующее. «Ногайцы, остатки Большого и Малого Ногая, кочевую жизнь ведущие, коих аксаевским князьям принадлежащих 500, а андреевским и костюковским около 600 кибиток; питаются овечьими стадами, частью рогатым скотом и конскими табунами, кои, однако же, малочисленны. Андреевские во всем достаточнее аксаевских. Даней князьям никаких не платят кроме налагаемых на них штрафных за убийство, драку и воровство, кои старшие князья собирают; засим дают вспомогательным воинов. Ногайцы кочуют на понизовьях, около устья реки Аксая, Амансу и Казьмы»[180].

Относительно численности прибрежных ногайцев и их расселения в начале 1770-х годов И. А. Гильденштедт сообщал: «Восемь селений (аулы сих ногайцев) суть подданные Яксайского князя; 12 деревень принадлежат князю Андрейскому, а 24 аула или деревни Таркумскому Шамхалу. В прежние времена сии ногайцы были многолюднее, но в царствование Петра Великого перешло их около 1000 семейств в Россию, кои теперь еще кочуют в левой или северной стороне Терека. Находящихся еще в кумыкском владении считается до 5000 шатров или семейств»[181].

Обитатели побережья Аграханского залива, хотя и составляли две разные группы — костековцев и аксаевцев, однако их социально-экономическая структура оставалась единообразной. В конце XIX в. в составе этих обществ насчитывалось 1300 семейств, в которых проживали 6148 человек.

Местные ногайцы особенно ощущали недостаток в земельных угодьях. Поэтому они только раз, иногда два-три в год, совершали перекочевки. «У наших ногайцев так мало земли, что если бы они и захотели перекочевывать чаще, то им пришлось бы крутиться на одних и тех же вытоптанных скотом местах»[182],— отмечал Н. Семенов.

---

[180] Буцковский А. М. Выдержки из описания Кавказской губернии и соседних горских областей, 1812, ЦГВИА, д. 300, л. 60.

[181] Гильденштедт И. А. Географическое и статистическое описание Грузии и Кавказа из путешествия г-на академика И. А. Гильденштедта через Россию и по Кавказу в 1770, 1772, 1773 гг. СПб., 1809, с. 108.

[182] Семенов Н. Указ. раб., с. 368.

Земельный голод вынуждал часть ногайцев скитаться за пределами родных мест. Ежегодно это делали до 450 семейств. Они обычно кочевали на северной стороне Нового Терека, где были расположены земельные владения богатых казаков, и на общинных землях казачьих станиц. Здесь они на договорных началах заготавливали сено, убирали урожай, обрабатывали сады и виноградники, нанимались пастухами. Заработки их были мизерными. За световой день работник мог заработать лишь до 30 коп., а за рабочий сезон 20—23 руб. С возмущением описывая экономическое положение ногайцев, живущих вдоль Астраханского залива, Н. Семенов говорил, что «трудно предсказывать занимающей нас отрасли ногайского племени более или менее отрадную будущность».

В первой половине XVIII в. на пространстве между Тереком и Кумой обособляется устойчивый, но более крупный по своим размерам, массив ногайского населения, сохранившийся по сей день (в основном нынешний Ногайский район ДАССР). Его население в дореволюционной литературе XIX — начала XX в. именовалось караногайцами.

Формирование караногайцев фактически начинается со времени отмежевания им собственной территории. Караногайцы, по распоряжению ген. Левашова, «получили землю от Коная (старый Терек южнее Кизляра) и реки Атай Бахтан до самой Кумы и от Каспийского моря до урочища Джелань и Степан-Бугор, с полной свободой от всяких платежей и иных повинностей»[183]. За отведенную землю каждая семья по первому требованию властей обязана была снарядить арбу с возчиком для транспортировки провианта.

Когда в начале 1780-х годов в среде закубанских ногайцев началось брожение, инспирированное турецкими агентами и крымской феодальной верхушкой, последним удалось привлечь часть ногайских мурз на свою сторону и направить их оружие против мероприятий, проводимых на Северном Кавказе русскими военными властями. Суворову было поручено восстановить дипломатическими средствами дружественные отношения ногайцев с Россией. Но обстановка оказалась настолько накаленной, что ему не удалось уладить дело миром. В 1783 г. Суворов дал бой ногайцам в районе Кременчука, закончившийся поражением едишкульцев, едисанцев и джембойлуковцев. Пленных ногайцев, по указанию Потемкина, переселили в Крым и на северо-западную территорию формировавшегося тогда Караногая. «Вероятно в это время,— отмечал Ф. Капельгородский,— за кизлярскими ногайцами окончательно утвердилось название караногайцев, то есть черных, простых ногайцев. Этому способствовало появление в соседстве с ними более привилегированных родичей, имевших многочисленные роды, своих собственных мурз»[184].

После переселения едишкульцев, едисанцев и джембойлуковцев на юг будущей Ставропольской губернии сложился третий массив ногайского населения.

Значительный численный рост кочевого населения на Северо-Восточном Кавказе вынудил губернскую администрацию срочно заняться созданием управленческого аппарата. В 1793 г. на землях ногайцев были образованы четыре приставства: Калаус-Саблинское, Калаус-Джембойлуковское, Ачикулак-Джембойлуковское и Караногайское.

Калаус-Саблинскому приставству были отмежеваны земли по верховьям Калауса и его нагорной стороне, а также участок между озерами Большой и Малый Янкули. Кроме того, к приставству отошел район Кавказских Минеральных Вод. На этой территории кочевали едисанские, едишкульские и касаевские ногайцы.

Низовья Калауса и районы бассейнов таких небольших рек, как Айгур, Барханчук,Камбулат и Кугульта, отвели Калаус-Джембойлуковскому приставству. Здесь обитали джембойлуковцы со следующими подразделениями:

---

[183] Капельгородский Ф. Указ. раб., с. 33.

[184] Там же, с. 49.

канглинским, карарюмским и меситским. К ним примыкал калмыцкий этнический массив, носивший наименование шерты или хаздара. Последняя группа в результате многовекового пребывания в ногайской среде приняла мусульманскую религию и, по-видимому, язык ногайцев.

Территория закумской безводной части была передана Ачикулак-Джембойлуковскому приставству. На этом участке кочевали едисанцы и джембойлуковцы.

Территориальные границы Караногайского приставства сложились гораздо раньше, чем в трех предыдущих приставствах. Граница Караногайского приставства на юго-востоке доходила до побережья Каспийского моря, на северо-западе — до реки Кумы и на юго-западе до Степан-Бугорского урочища.

Образование приставств не внесло существенных изменений в общественно-политическое устройство ногайского населения Северного Кавказа. Приставства существовали лишь формально, а надзор за кочевыми народами продолжало осуществлять военное ведомство. Только в августе 1800 г. Министерство иностранных дел учредило должность главного пристава над ногайцами, калмыками, туркменами и кабардинцами с непосредственным подчинением Коллегии иностранных дел.

В 1803 г. кавказская администрация добилась у правительства учреждения самостоятельного приставства для ногайцев, обитающих в четырех приставствах. Во главе его поставили ногайского князя Султан Менгли-Гирея из Закубанского края, присвоив ему одновременно звание генерал-майора. Назначение его на эту должность было вызвано прежде всего присутствием здесь значительного числа переселенцев с Кубани, которые продолжали время от времени высказывать недовольство ограничением их передвижения. Несмотря на все эти меры в 1813 г. все же состоялось крупное переселение ногайских родоплеменных объединений с их мурзами в Закубанский край [185].

Кавказская война вовлекла в свою орбиту и ногайцев. Многие из них доставляли провиант и строительные материалы на передовые участки военных действий царизма. Именно они подвозили материалы при закладке таких крепостей, как Марьинская, Георгиевская, Екатеринодарская, Павловская и др. Эти обязанности по-прежнему продолжало исполнять и ногайское население только что образованных приставств. Как отмечал Ф. Капельгородский, «от караногайцев требовалось ежегодно 5 500 подвод, едишкульцев — 2500, едисанцев и джембойлуковцев — 2000» [186]. Тяжесть несения натуральных повинностей особенно ощущали на себе экономически слабые хозяйства. Кроме натуральных повинностей, ногайцы содержали за свой счет около пятидесяти вооруженных всадников на Баталпашинском и Кисловодском участках, весь управленческий аппарат, а также несколько почтовых станций по Кизляро-Астраханскому тракту.

После создания ногайских приставств на северо-востоке Кавказа, местная администрация столкнулась с незнанием обычно-правовых норм ногайцев, без применения которых немыслимо стало управлять народом, имевшим когда-то свою государственность. Поэтому главный ногайский пристав Балуев вместе со своими помощниками занялся сбором материала, относящегося к обычаям, обрядам и социальной структуре ногайского народа. Эти сведения впоследствии легли в основу вновь разработанного в 1827 г. «Положения о кочующих инородцах», позднее вошедшего во второй том «Свода законов Российской империи». По этому «Положению» местные власти осуществляли управление ногайским населением вплоть до победы Великой Октябрьской социалистической революции.

Несмотря на создание приставств и установление строгого контроля за

---

[185] Шеглов И. Л. Туркмены и ногайцы Ставропольской губернии. Ставрополь, 1910, с. 96.

[186] Капельгородский Ф. Указ. раб., с. 59—60.

ногайцами, население время от времени возмущалось грубыми действиями администрации и тяготами налоговой системы. Свой протест оно выражало угоном скота у состоятельных скотовладельцев и укрыванием от преследования лиц, бежавших из-за Кубани. Поступки подобного рода настолько участились, что власти вынуждены были в спешном порядке разработать дополнительные правила к «Положению». Документ, получивший название «Правила о выселении ногайцев», был утвержден правительством в 1831 г.

Правила допускали применение огнестрельного оружия к лицам, вызвавшим волнения в ногайском обществе и укрывшим от властей беглых с Кубани лиц. Но самым суровым наказанием ногайцы считали выселение кочевников с семьями в Саратовскую губернию.

Начиная с 1820-х годов на Северном Кавказе был проведен ряд административных реформ. Кавказскую губернию преобразовали в область с центром в г. Ставрополе, а в 1847 г. Кавказскую область — в Ставропольскую губернию. При этом все ногайские приставства были включены в состав Ставропольской губернии, и только в 1888 г. Караногайское приставство с Кизлярским уездом передали Терской области. Таким образом, история восточных ногайцев с XIX в. была неразрывно связана с историей Ставропольской губернии.

В Ставропольской губернии территория, занятая ногайцами, была официально разделена на четыре приставства. Этим искусственным членением местные власти разобщили родо-племенные группы в пределах одной губернии.

После создания приставств на юге Ставропольской губернии власти решили привлечь и здешних ногайцев по примеру таврических к несению воинской службы. По ходатайству ген. Вельяминова военное министерство присоединило бештаво-кумских и калаусо-саблинских ногайцев к Кавказскому линейному войску. Однако это решение вскоре было отменено из-за трудностей, которые возникли в процессе его практического осуществления. Вновь вернулись к этому вопросу в 1840 г., когда начали формировать Кавказский конно-горский дивизион. В его составе находились пятнадцать ногайских всадников. Каждый всадник обходился населению в 623 рубля. Для отправки на службу воину обычно приобретали на народные средства две лошади, предметы ее седловки, две черкески, пистолет, ружье, шапку и кинжал. В дальнейшем ногайцев перестали привлекать к несению воинской повинности, но вновь частично вернулись к этому в 1904 г. и во время первой мировой войны.

В процессе привлечения ногайцев к обязательной воинской службе местные власти начали проводить в среде кочевников агитацию за переход к оседлости. С официальным предложением о необходимости перехода ногайцев к оседлости к военному министерству обратился барон Розен. Для осуществления политики седентаризации он предлагал отводить всем желающим ногайцам земельный надел под усадьбу в пределах кочевья. Однако, когда по этому вопросу обратились непосредственно к царю, он ограничился надписью «Зачем?» Это на долгие годы предопределило экономическую структуру ногайского общества.

В 1830-х годах военная обстановка, сложившаяся на Северном Кавказе, вынудила командующего усилить воинские части, размещенные на северо-восточном Кавказе. С этой целью 37 станиц с русским населением были переданы в распоряжение Кавказского казачьего линейного войска. Кроме того, 58,4 тыс. десятин земель восточных ногайцев были отмежеваны переселенцам из России. В 30-х и 40-х годах на ней возникли свыше 40 станиц. Появление русских станиц способствовало в дальнейшем постепенным изменениям в хозяйстве и культуре ногайцев.

В начале 1850-х годов, накануне широкого переселения в Турцию, 14538 чел. калаусо-джембойлуковских ногайцев занимали около 87 тыс. дес. земли. Они жили главным образом оседло в 55 аулах, а во время летних перекочевок общее число кибиток доходило до 8 тыс. Приставская ставка располагалась в урочище Шаракулак около населенного пункта Кугульты. На

юго-западе от этого приставства обитали калаусо- саблинцы, занимая 38 тыс. дес. земли. Здесь они имели 40 населенных пунктов, в которых проживали 12245 чел. Ачикулак-джембойлуковцы вместе с едисанцами кочевали по Ачикулак-Джембойлуковскому приставству. Площадь приставства состояла в то время из 184 тыс. дес., а ставка находилась в Ачикулаке. По площади и по численности населения наиболее крупным ногайским приставством являлось Караногайское. Его территория с землями туркмен составляла более 1 млн. десятин. Караногайцев вместе с едишкульцами насчитывалось 38450 человек[187]. В общей сложности восточные ногайцы в начале 1850-х годов составляли 76198 чел.

К середине XIX в. отголоски переселенческого движения ногайцев Таврической губернии в Турцию докатились до восточных ногайцев. Несмотря на отвод им земельных владений под кочевья, переселенческое движение и здесь приняло широкий характер. Встревоженный этим ставропольский губернатор С. С. Брянчанинов просил у наместника Кавказа позволить ему заселить бывшую военную линию русскими крестьянами и казаками с тем, чтобы преградить ногайцам путь к переселению. Наместник с предложением Брянчанинова не согласился, но приказал ужесточить условия, на которых могло производиться переселение. Несмотря на это, восточные ногайцы продолжали готовиться к эмиграции. Сложившуюся обстановку следующим образом описал И. Л. Щеглов: «Окруженные со всех сторон русским населением, казаками и регулярными войсками, не освоившиеся с оседлым бытом и стесненные в свободе кочевания, ногайцы невольно должны были задуматься над своею дальнейшею участью. Темные слухи о предстоящем будто бы привлечении их к отбыванию воинской повинности и принудительном обращении в христианство, несправедливости, причиняемые ближайшими к ним чинами администрации, разобщенность со своими соплеменниками и сородичами даже в пределах одной губернии, а может быть и родственные связи с оставшимися за Кубанью, вызвали в конце пятидесятых годов массовое, хотя и мирное, выселение ногайцев в Турцию»[188].

Первое значительное переселение восточных ногайцев в Турцию состоялось в 1859 г. Пределы Калаусо-Джембойлуковского и Калаусо-Саблинского приставств покинули одновременно более 10 тыс. человек. Затем прошения стали поступать от ногайцев Ачикулакского и Караногайского приставств. В течение двух лет из Ставропольской губернии в Турцию эмигрировало около 40 тыс. ногайцев. «Ногайцы,— писал очевидец,— неохотно расставались с своею родиною. С ранней весны 1860 г. богатые занимались распродажею своего имущества и приготовлениями в путь, бедные — заработками. По мере управки со сборами аульные кладбища сделались местами собраний, где ногайцы, со своими семействами проводили большую часть дня, а при свете луны и ночи, проводили в разговорах, общих молитвах и в заунывном пении, трогающем душу случайного посетителя или путника. При отъезде нам довелось видеть не одну слезу на глазах девяностолетних старцев, а многие из ногайцев, при следовании через ближайшие к их аулам селения, искренне прощались с знакомыми им русскими. Женщины и дети, одетые в лучшие платья, сидели или погоняли скот. Мужчины, кто побогаче верхом, а бедные пешком»[189].

В результате второго эмиграционного потока территория бывших Калаусо-Джембойлуковского и Калаусо-Саблинского приставств опустела. В конце 1860 г. в пределах приставств остались лишь несколько десятков ногайских семей, перед которыми власти поставили очередную дилемму — дать согласие жить на правах государственных крестьян оседло или же переселиться к ногайцам Ачикулакского приставства. Пока решался вопрос,

---

[187] Мутенин И. Т. Ачикулакские ногайцы. Рукопись, л. 9—10.
[188] Щеглов И. Л. Указ. раб., с. 99—100.
[189] СГВ, 1886, № 6.

как поступать с оставшимися, власти столкнулись с непредвиденным обстоятельством: начали прибывать реэмигранты. Воспользовавшись этим, в 1866 г. власти объединили тех и других и поселили около горы Кинжал. Поскольку новое селение было основано различными семьями из сорока бывших аулов, его первоначально называли Сорокаулом, но постепенно за ним утвердилось название Канглы [190].

В конце 1860-х годов в Ставропольской губернии сохранились только два ногайских приставства — Ачикулакское и Караногайское.

Ачикулакское приставство со ставкой в Ачикулаке было образовано в 1830 г. Площадь его в конце прошлого века составляла 824 807 дес. [191] На территории приставства обитали джембойлуковцы, едисанцы и едишкульцы. Джембойлуковцы подразделялись на два куба: канглы-куб и карай-лу-куб [192]. В составе этих кубов значились следующие родовые ветви: карақурсак, барок, белет-бюк, шамбай, аргун, сарайлы, костамгали и тагали.

В отличие от джембойлуковцев едисанцы помнили, к какому кубу относились их родовые ветви. К кенегес-кубу принадлежали ветви бесоул [193], кагаш, шекли-кагаш, ток, алчин-хы, костекли и шурки; к бергут-кубу — канджыкалы, тобель-тай, кислак, ай-тамгалы-кислак, буркук, ябагы-бадай, бадай, арпа-кульдугем, эсабий, акбас, баканша, тубультай и шавкай; к тулуга-кубу — ак-мангит, новкус, аса-кожа, елли-яун, шукон, джейрет, баканша, буюрдак, эмбура и сарат.

Едишкульцы состояли из двух кубов: сарай-куб и конгур-куб. К первому принадлежали ветви: алты-гожа-уйсун, эменек-уйсун, кара-тора-уйсун, куяслы, каншлы, уйгур, буйрабаш, яушул, чавжейли, казаяклы и тубей; ко второму — беке, казан-улы, ктай, байтеге, бодрак и баята [194].

Всего во второй половине XIX в. в 8 кубах Ачикулакского приставства имелось 57 родовых ветвей, многие из которых к началу XX в. бесследно исчезли. К ним относились такие роды, как буркук, буюрдак, сарт, ак-мангит и др. В 1862 г. 1937 едишкульских семейств по распоряжению главного Ногайского пристава были выделены из Караногайского приставства и переданы в Ачикулакское. В этой связи Ф. Капельгородский писал, что «новое административное деление совпало с племенным: 1) Караногайское приставство объединяло племена Малого Ногая (вернее, остатки); 2) Ачикулакское заключало в себе племена Большого Ногая (едишкульцев, едисанцев, джембойлуковцев)» [195].

В конце XIX — начале XX вв. родо-племенную организацию власти повсеместно приспособили к российской системе управления. С разрешения властей каждый куб выбирал себе старшину, который непосредственно подчинялся начальнику приставства. Если же куб был небольшой, то два куба, объединившись, выбирали старшину по очереди, чтобы придать хотя бы видимость демократии административной системе. Кроме того, каждый куб имел своего выборного голову. Должностных лиц выбирали «по заранее расписанной схеме». Так, у едишкульцев голова избирался из сараев-куба, высшее духовное лицо — кадий — из конгур-куба, его помощник-наиб — из сараев-куба, а старшина с помощником — из сараев-куба и конгур-куба. Как правило, управленческая верхушка комплектовалась из богатых и влиятельных мурз, а бедняки к власти не подпускались.

Ногайские группы в Ачикулакском приставстве занимали обособленные

---

[190] Тваларелидзе С. А. Ставропольская губерния. Ставрополь, 1897, с. 47.

[191] Там же, с. 742.

[192] По сведениям И. Л. Шеглова (Указ. раб., с. 125), в составе джембойлуковцев имелись три куба: месятский, карарюмский и канглинский.

[193] Во второй половине XIX в. род бесоул ногайцы именовали «бечением».

[194] Мутенин И. Т. Указ. раб., с. 2—3.

[195] Капельгородский Ф. Указ. раб., с. 73.

районы, и общение между ними не всегда носило постоянный характер. Джембойлуковцы обитали на север и юг от ставки, едисанцы — на запад и едишкульцы — на восток [196]. В конце прошлого столетия едисанцы и частично джембойлуковцы уже вели оседлый образ жизни.

В 1909 г. за оседлыми ногайцами числилось 72490 дес. земли. Оседлыми едисанцами и джембойлуковцами в конце XIX в. были основаны аулы Ильяс-Кишлау и Камыш-Бурун. Накануне революции эти аулы превратились в крупные населенные пункты со значительным числом жителей. В них имелись саманные дома и хозяйственные постройки, а число кибиток, уже ставших неподвижными, постепенно сокращалось.

С переходом к оседлости ногайцы начали ежегодно делить пахотные угодия подушно, включая и вдов, имеющих хозяйство. Пахотный надел обычно не превышал 7 дес. на человека, а на один двор в среднем приходилось у едисанцев 28 дес., у жителей аула Камыш-Бурун — 16 дес., аула Ильяс-Кишлау — 11 дес. [197]. За свой надел каждая семья вносила в казну определенную сумму.

В начале XX в. оседлые и полуоседлые ногайцы ежегодно платили казне за одного верблюда 1 рубль, за голову крупного рогатого скота или лошадь по 40 коп., за овцу или козу по 5 коп., а также воинский налог общей суммой 1377 руб. Только за 1908 г. по этим видам налога они внесли в государственную казну 15123 руб. [198] Взамен ногайское общество, по сути дела, ничего не получало. Оно могло распоряжаться, и то с разрешения администрации, только суммой, накопленной от реализации оброчных земель, от выпаса и прогона скота из соседних районов через ногайские степи, от сдачи в аренду общественных зданий и т. д. Однако так называемый общественный капитал в основном тратился на содержание управленческого аппарата и общественных зданий. Беднякам какой-либо помощи из этих денег не оказывали.

Проникновение в ногайские степи капиталистических отношений еще больше усугубило бедственное положение ногайского населения. Накануне революции крупные скотоводы начали усиленно скупать у местной администрации пастбищные угодия и вытеснять ногайцев.

Таким образом, здесь появились такие богатые хозяйства, как экономия Ф. И. Колодина (1570 дес.), И. А. Кучеренко (1570 дес.), Л. Ф. Переверзева (1100 дес.), Н. П. Бабина (3624 дес.) и т. п. Подобного рода хозяйств в Ногайской степи в 1911 г. насчитывалось уже около 30. В них имелись 533 лошади, 9 верблюдов, 2518 голов крупного рогатого скота, 95260 овец. В переводе на крупный рогатый скот это составляло 10179 голов, т. е. всего на 7842 головы меньше, чем у всех полуоседлых ногайцев [199]. Хозяйства капиталистического образца в основном обслуживали ногайцы Ачикулакского приставства, а также иногородние крестьяне, приехавшие на Северный Кавказ в поисках заработка. Отношения хозяев к наемным пастухам подробно описал И. Г. Мутенин. «Отношение овцеводов к ногайским пастухам,— писал он,— было самое зверское, в кругу своих гостей каждый овцевод любил рассказывать о избиении пастухов и о том, как свистала его толстая калмыцкая плеть на спине у чабана-ногайца, и как трещал его бешмет» [200].

К юго-востоку от Ачикулакского находилось Караногайское приставство. По территории и по численности жителей оно значительно его превосходило. По данным местной переписи 1828 г., в нем насчитывались 3060 дворов с 19634 душами. Как и в смежном приставстве, население здесь было распределено между четырьмя древними кубами: найманским, терковским, кипчакским и минским.

---

[196] Тваалчрелидзе С. А. Указ. раб., л. 741.
[197] Мутенин И. Т. Указ. раб., л. 24.
[198] Щеглов И. Л. Указ. раб., с. 451.
[199] Там же, с. 460.
[200] Мутенин И. Т. Указ. раб., л. 29.

В 1888 г. Караногайское приставство было передано Терской области, но пограничная линия между областью и губернией была установлена только в 1909 г. Пользуясь отсутствием четкой границы, ачикулакские ногайцы изредка посещали со скотом пастбищные угодья караногайцев. Поскольку земли здесь было достаточно, последние принимали соплеменников без возражений. В свою очередь, караногайцы время от времени вели торговлю скотом в Ачикулакском приставстве и на больших ярмарках в г. Георгиевске, так что, несмотря на административное разделение ногайцев, они продолжали между собой общаться. Однако это общение чаще всего носило стихийный характер и происходило главным образом между крупными скотовладельцами, заинтересованными в поддержании контактов на почве взаимовыгодных сделок.

В цифровом выражении земли, переданные властями кочевым народам северо-восточного Кавказа в «вечное пользование», выглядели довольно внушительно — свыше 2 млн. дес., но большая часть этой земли была почти непригодна для хозяйственного использования. «Пригодность этой территории,— писал И. Бентковский,— в культурном отношении можно выразить приблизительно следующими данными: земли, удобной для хлебопашества 25%, неудобной, находящейся под сыпучими песками, солончаками, соляными озерами и камышами 43% и под кочевьями так называемых крещеных калмыков 7%»[201]. Вот почему на протяжении всей досоветской истории восточные ногайцы постоянно ощущали острую нужду в земле.

Передача Караногая Терской области была произведена царским правительством без ведома и согласия ногайцев. Власти руководствовались лишь тем, чтобы путем равномерного распределения территории между различными административными единицами усилить надзор за «иногородцами». Вплоть до Великой Октябрьской социалистической революции Караногай оставался частью Терской области и его население подчинялось начальнику Караногайского приставства. Начальник имел двух помощников и 19 других должностных лиц, выполнявших различные поручения. Пристав номинально подчинялся атаману Кизлярского отдела, но экономические вопросы решал только с согласия областного руководства терской администрации. Пристав же осуществлял руководство над ногайским населением через старшин кубов.

Земля в Караногае юридически считалась общим достоянием его обитателей, однако на практике ею неограниченно распоряжались крупные скотоводы. Вплоть до Октября они продолжали всячески отстаивать кочевой быт, чтобы не потерять пастбищные угодья с переходом населения к оседлости. Их отрицательное отношение к седентеризации показывает следующий случай. В Караногае в 1896 г. старик-бедняк, выбрав себе плодородный участок, построил дом и посадил несколько деревьев. Когда слух об этом дошел до богачей, они созвали сход и призвали население к немедленному уничтожению дома вместе с деревьями. «Они боялись, что это поведет к нарезке земли бедняцким дворам (кибиткам) и стеснит привольные выпаса»[202],— отмечал впоследствии Ф. Капельгородский.

На протяжении всей истории Караногайского приставства его начальники вместе со старшинами занимались личным обогащением путем эксплуатации кочевников и за счет всевозможных поборов и налогов, собираемых властями с населения.

До 1894 г. в Караногае регистрация брака совершалась служителями культа за плату, которая шла в карман правящей верхушке. Чтобы положить конец подобной практике в пределах приставства, Терская областная администрация ввела в 1894 г. метрические книги. Служители культа с ведома старшин открыто злоупотребляли и при разборе имущественных дел, которые они обычно решали в пользу той стороны, которая больше давала судье.

---

[201] Бентковский И. Статистика населенных мест и поземельной собственности в Ставропольской губернии. Ставрополь, 1881, с. 18.

[202] Капельгородский Ф. Указ. раб., с. 79.

Начальники приставства со своими помощниками особенно наживались за счет доходов от сдачи в аренду караногайских оброчных земель. «Особые казначеи-сборщики,— писал Ф. Капельгородский,— ездили по Караногаю и собирали деньги с посторонних лиц за выпас скота совершенно бесконтрольно»[203]. В стенах приставской канцелярии процветало взяточничество. Здесь брали деньги с истца и ответчика за составление прошения и т. п.

Караногайские труженики, доведенные до отчаяния, неоднократно безрезультатно обращались в канцелярию Терского областного управления, их жалобы здесь же гасились под действием подкупной системы. В этих условиях в Караногае возникло абреческое движение (ногайск. «казаклыкъ»). В абреки уходили мужчины, способные оказать сопротивление властям и ногайской аристократии.

Абречество как движение, направленное против неравномерного распределения богатств, разгорелось уже в начале 1830-х гг. Но в начальный период абреки действовали далеко за пределами Караногайского приставства. Они совершали набеги в соседние губернии и угоняли скот состоятельных скотоводов. Так, в 1834 г. ногайские абреки угнали из Калмыкии 255 лошадей, в 1850 г.— 250. Начало этому движению в самом Караногайском приставстве положил абрек Алкиши, прославившийся своими отчаянными набегами на стада состоятельных владельцев. Бежав от преследования властей, он долгое время находился в Чечне. В 1850 г. во главе чеченских абреков он совершил смелый рейд в Караногай, но погиб в схватке с казаками [204]. Однако и после этого абречество в Караногае не прекратилось. В степях снова и снова появлялись мелкие отряды абреков, не боявшиеся вступить в борьбу с превосходящими силами властей.

Абречество и постоянные жалобы в административные органы не приносили избавления трудовому народу. Но наконец крайне тяжелое положение караногайского населения в Терской области стало предметом осуждения в правительственных кругах Петербурга, благодаря активной деятельности украинского писателя и общественного деятеля Ф. О. Капельгородского.

По решению бюджетной комиссии Государственной Думы, караногайские денежные поступления срочно перечислили из бюджета военного ведомства на счет канцелярии кавказского наместника с тем, чтобы эти средства были использованы «на улучшение материально-бытовых условий» ногайских кочевников. Этим правительство предполагало прикрыть беззакония, которые долго творились с общественными средствами караногайцев в стенах военного ведомства. В конце 1909 г. терская администрация, перепуганная выявленными фактами, предложила Ф. О. Капельгородскому занять должность начальника Караногайского приставства. Из состава новой администрации он создал комиссию для проверки деятельности прежних чиновников. По заключению комиссии кавказский наместник за казнокрадство и вымогательства вынужден был отдать под суд всю прежнюю администрацию.

По предложению комиссии, в Караногае был проведен ряд мероприятий, направленных на демократизацию системы выбора старшин, служителей культа, на упорядочение сбора налогов, учета и расходов общественных средств, установление надзора за деятельностью местных судебных органов по опекунским делам и т. д. Для развития земледелия в степях кочевников было отведено 45 тыс. дес. земли. «Эта мера оказалась особенно благодатной для бедноты, которая раньше перебивалась только заработками на стороне да батрачеством у богачей. За короткое время в земледельческом районе выросло несколько оседлых аулов от 50 до 200 дворов (Уйсалган, Ток-так, Асаул и другие). Посевная площадь росла с каждым днем. В районе Чебутлы

[203] Капельгородский Ф. Указ. раб., с. 89.
[204] Там же, л. 68.

возобновились старинные посевы чалтука[205] и пшеницы на заливных землях»[206]. Были предприняты меры по улучшению скотоводческого хозяйства. Администрация запретила посторонним лицам самовольно выпасать скот на караногайских землях, равномернее распределяла пастбища в среде самих караногайцев. Большое внимание было уделено улучшению породности скота.

Деятельность администрации Ф. О. Капельгородского не ограничилась одними только хозяйственными делами. Она стремилась решить и культурно-бытовые вопросы. В ставке Терекле-Мектеб была пробурена первая артезианская скважина, которая позволила озеленить ставку и создать водоем с рыбой и водоплавающей птицей. Такие же колодцы впоследствии были введены в строй и в других частях Караногая. В ставке построили школу, общественный дом с библиотекой и кинозалом, складские помещения для хранения сельскохозяйственного инвентаря и т. п. Все, что делалось администрацией Ф. О. Капельгородского, находилось под наблюдением царских ищеек. За Капельгородским была установлена негласная слежка как за лицом неблагонадежным[207]. Антиправительственную пропаганду он начал вести на Полтавщине в начале XX в. За распространение антиправительственных листовок вынужден был бежать на Северный Кавказ, но и здесь не прекратил революционную деятельность. Был судим, но за отсутствием прямых улик освобожден из тюрьмы без права проживания на Кубани и работать учителем. Именно после этого он оказался на Тереке, а затем и в Караногае, где по мере возможности продолжал заниматься распространением в народе революционных идей, а практическими действиями облегчить участь кочевников-скотоводов.

Небольшая группа ногайцев, получившая впоследствии название юртовских татар, задержалась на Волге. «Юртовские татары составляют особый отдел государственных крестьян, обитающих в низовой стороне. Сами себя они называют ногаями и считаются потомками золотоордынских ногаев, первых основателей Астрахани»[208],— писал о них П. Небольсин.

По преданиям юртовских ногайцев, их предки кочевали в бассейне Урала и лишь изредка навещали равнинные районы Эмбы. Традиционной зимней стоянкой этой самостоятельной Ногайской Орды была луговая сторона Волги. Здесь они имели укрепленный городок Джигыд. В нем имелись каменные строения, велась оживленная торговля скотом, ремесленными изделиями и сельскохозяйственными продуктами. Следы разрушенных зданий и хозяйственных построек еще в первой половине XIX в. находили жители Солитярного городка, который был основан на месте бывшего города. «Солитярный городок,— писал П. Небольсин,— лежит почти в 100 верстах выше Астрахани; и в актах исторических, относящихся ко времени царя Алексея Михайловича, есть прямое указание, что в 80 верстах от Астрахани лежали Ближние-Сараи, а на 20 верст еще выше Дальние-Сараи. Вероятно, последнее название принадлежало тому месту, которое поныне называется Поволжскими иногородцами Джигыд; а название Ближние-Сараи — месту, поныне именуемому Давлют-хан»[209].

Земельные угодия юртовских ногайцев были расположены вдоль Волги и по ее притокам. В начале второй половины XIX в. они составляли свыше 80 тыс. дес. земли, в том числе 27 тыс. десятин пахотных угодий. Юртовские ногайцы занимались и скотоводством и земледелием. Общая их численность в 1852 г. составляла 9869 чел.

К астраханским ногайцам относили и тех ногайцев, которые были известны соседним народам под названием кундровских татар. Сами себя кундровцы называли «карагашами». Последнее наименование сложилось у народа

---

[205] Чалтук, или чалтык,— сорочинское зерно, т. е. рис.

[206] Капельгородский Ф. Указ. раб., с. 91—92.

[207] Трофимов К. Филипп Осипович Капельгородский (1882—1942).— В кн.: Капельгородский Ф. Ашхаду, Недоразумение, Шурган. М., 1964, с. 445.

[208] Небольсин П. Очерки Волжского низовья. Спб., 1852, с. 52.

[209] Там же.

от названия местности, где их предки проживали на Северном Кавказе в районе нынешнего Пятигорска. «Карагаш» в переводе означает «черный лес», «черное дерево». Карагашская этническая группа когда-то являлась составной частью Малых Ногаев на Северном Кавказе, о чем свидетельствуют существовавшие еще в XIX в. родственные связи между кундровскими и бештаускими ногайцами [210]. Возвращение части ногайцев с Северного Кавказа на Волгу подтверждают и архивные материалы XVIII в [211]. Они выполняли различные повинности в пользу государства, в частности, содержали почтовую тройку, курсировавшую между Астраханью и Кизляром.

После переселения кундровским ногайцам отвели земли, расположенные слева от устья Волги. Здесь в конце 1780-х годов они основали селения Сеитовку и Хожетаевку. С закреплением приволжской территории для кочевий и сельскохозяйственных работ, эти селения постепенно превратились в зимники кочевников-скотоводов. «Главный источник пропитания кундровских ногайцев.— отмечал В. А. Мошков,— скотоводство. Кроме лошадей, коров, овец и коз они держат еще и верблюдов»[212]. Но в районах зимних стоянок кундровцы занимались и земледелием, выращивая зерновые, бахчевые и огородные культуры.

В настоящее время юртовские и кундровские ногайцы живут в Астраханской области. Карагаши обитают в селах Сеитовка, Хожетай, Джакай, Белячный, Айсапай, Ланчык, Лапас, Коянлы, Малый Арал, Подшалык, Сенкой и Кыркиле и др. Компактно они представлены только в Красноярском районе Астраханской области. Сходным образом расселены и юртовские ногайцы.

С XV до середины XIX вв. территория от устья Кубани до ее верховий была занята родо-племенными подразделениями ногайцев.

По сведениям XVIII в., кубанские ногайцы кочевали вдоль Урупа, по Кубани и обоих Зеленчуков. «По Кубани около и между устьями Индишика и Арзы кочуют ногайские татары, называемые Касай-ауль»[213],— отмечал Гильденштедт. По словам С. Броневского, между Большим Зеленчуком и Урупом находились мансуровцы — одна из этнических групп Касаевского аула [214]. А по реке Лабе жили наурузовские ногайцы мурз Мамбета Таганова и Арсланбека Мансурова, которые в 1790 г. перешли в русское подданство.

Кубанским ногайцам вместе с черкесами и абазинами неоднократно приходилось вести жестокую борьбу с войсками крымского хана и турецкого султана в Закубанском крае. Когда в последний раз в 1790 г. 30-тысячная турецкая армия была разгромлена русскими войсками на берегу Кубани, под русскими знаменами сражался и ногайский отряд под командованием подполковника Мансурова [215].

Сокрушительный удар султанской Турции был нанесен в русско-турецкой войне 1828—1829 гг. По Андрианопольскому мирному договору 1829 г. Турция отказалась от всех владений на Северном Кавказе.

В 1829 г. на современной территории Карачаево-Черкесии была образована Зеленчукская укрепленная линия по течению р. Большого Зеленчука, а в конце 1830-х годов — Лабинская линия. С созданием этих линий в границах теперешней Карачаево-Черкесии завершилась Кавказская война и постепенно здесь сформировалось оседлое ногайское население путем переселения из окрестных районов Закубанского края. Ногайцы несли службу в рядах ре-

---

[210] Небольсин П. Указ. раб., с. 78.

[211] Бутков П. Г. Указ. раб., ч. 1, с. 178.

[212] Мошков В. А. Материалы для характеристики музыкального творчества инородцев Волжско-Камского края. Мелодии оренбургских и ногайских татар.— ИОЛИЭКУ, т. XII, вып. 1—2, 1895, с. 18.

[213] Гильденштедт И. А. Указ. раб., с. 109.

[214] Броневский С. Указ. раб., с. 222.

[215] Погром Батал-паши на берегах Кубани 30 сентября 1790 г. Екатеринодар, 1896, с. 17, 33.

гулярной армии (например, полковник Ураков командовал Лабинским конно-иррегулярным эскадроном)[216]. В помощь русской армии была создана специальная Ногайская милиция, которая несла кордонную службу.

Кубанские ногайцы в первой половине XIX в. занимали левый берег Кубани от станицы Баталпашинской до устья р. Лабы и правую сторону Кубани до Пятигорья. По сведениям военных властей, здесь проживали свыше 16 тыс. человек[217]. Правый берег Кубани между укреплениями Хумаринским и Джегутинским населяли тохтамышевские ногайцы, во главе которых стояли Карамурзины, Ахловы и Тугановы. Их тогда насчитывалась 4021 душа, которые, по сообщению К. Ф. Сталя, с успехом занимались «скотоводством и коннозаводством»[218].

Севернее от них, по левобережью Кубани и по обеим берегам Малого Зеленчука, жили мансуровцы, которых насчитывалось 2314 душ. Они были первыми, кто поднял восстание против правящей верхушки ногайского народа. В 1846 г. народ, доведенный до отчаяния мурзами, восстал во главе с Аджи-Ачи и Дженбулуком Кутановым. В защиту привилегированных слоев населения выступила местная администрация. Однако повстанцам удалось значительно поколебать власть мурз[219].

На границе с мансуровцами по левобережью Кубани обитали карамурзинцы, имея в своем составе 1955 душ. Рядом с ними жили кипчаковские ногайцы, занимая пространства между станицами Николаевской и Барсуковской и насчитывая 2650 человек.

Далее левый берег был населен наврузовцами, жившими между станицами Убежинской и Тифлисской. Эта группа являлась наиболее многочисленной, имея в своем составе 5419 человек. Наврузовские ногайцы славились своей воинственностью и прекрасным знанием топографии Закубанья. Их доскональным знанием местности часто пользовались военные власти, привлекая наврузовцев в качестве проводников во время походов. Аналогичную роль выполняли и жители аула Султановского на р. Уруп. Наврузовцы долгие годы враждовали со своими соплеменниками за власть над остальными группами, но им так и не удалось их подчинить. В 1822 г. вместе с так называемыми беглыми кабардинцами наврузовцы, недовольные действиями военных властей, ушли за Лабу. Но в 1823 г. их вновь вернули на прежние места военные части, действовавшие в Закубанском крае.

В начале XIX в. для управления горскими народами верховьев Кубани с ее притоками были образованы два округа и четыре приставства. Приставства Тохтамышевское и Карачаевское были подчинены начальнику Верхне-Кубанского округа, приставства Закубанских ногайцев и Нижне-Прикубанское — начальнику Лабинского округа[220]. В результате образования приставств ногайцы оказались размещенными в трех административных делениях вместе с черкесами и абазинами в долинах обоих Зеленчуков и Кубани.

Мухаджирское движение на Северном Кавказе не обошло стороной и кубанских ногайцев. На исходе 1850-х годов из 41 тыс. кубанских ногайцев в пределах созданных приставств осталось только около 5 тыс. человек. В связи с переселением горцев в Турцию приставства по Кубани в 1861 г. были упразднены и вместо трёх прежних приставств создано одно — Нижне-Кубанское, куда были переселены из других регионов оставшиеся горцы[221]. В его пределах существовали ногайские аулы Балтинский (ныне Кызыл-Юрт), Тохтамышевский (ныне Икон-Халк), Верхне-Мансуровский (Адил-

---

[216] ЦГВИА, ф. 400. Азиатская часть, д. 26, л. 1.

[217] А. Д. Г. Очерки горских народов правого крыла Кавказской линии.— ВС, т. XI, 1860, с. 286.

[218] Сталь К. Ф. Этнографический очерк черкесского народа.— КавкС, т. 21, 1900, с. 78.

[219] А. Д. Г. Указ. раб., с. 287.

[220] Там же, с. 288.

[221] Эсадзе С. Историческая записка об управлении Кавказом, т. 1. Тифлис, 1907, с. 197.

Халк), Нижне-Мансуровский (Эркин-Халк), Ураковский (Эркин-Юрт) и Карамурзинский. Еще через десять лет, в 1871 г., все приставства Кубанской области были преобразованы в уезды Баталпашинский, Псекупский, Екатеринодарский, Ейский, Темрюкский и введено гражданское управление [222].

Горцы, проживавшие в верховьях Кубани, вошли в состав Баталпашинского уезда с административным центром того же наименования. В результате последней реформы в пределах уезда оказались объединенными представители различных национальностей, и Баталпашинский уезд сделался самым многонациональным в Кубанской области.

После образования нового административного деления на территории Кубанской области местные власти приступили к проведению земельной реформы. Земельная реформа затронула все слои населения предгорных и равнинных районов Северного Кавказа, за исключением кочевников юго-восточных степей Ставропольской губернии — Караногая Терской области. За последними правительственная комиссия по реформе сохранила сложившуюся систему землепользования, просуществовавшую до Великой Октябрьской социалистической революции.

Реформа носила ярко выраженный классовый характер и была проведена прежде всего в интересах господствующих классов горских народов. О такой направленности реформы свидетельствует разделение ногайцев, как и соседних народов, на несколько категорий с учетом их сословно-классовой принадлежности и заслуг отдельных лиц и семейств перед местными властями. Кубанских ногайцев разделили на три категории. В первую категорию вошли древние владельческие фамилии и фамилии султанов — потомков крымских ханов, вошедших некогда в состав правящей верхушки ногайского общества. Во вторую категорию включили сходные с первоначальным русским дворянством сословия узденей и койбашей, хотя прежде «земельной собственности они не имели, жили в аулах мурз. За свою службу уздени получали от владельца скот или участок земли. Уздени составляли конвой владельца, в случае надобности оказывали ему материальную помощь. В случае разногласий между владельцами и узденями, последние могли уйти от него, но обязаны были возвратить полученное имущество»[223]. И, наконец, к третьей категории отнесли лиц, принадлежащих к свободному сословию. Крепостные крестьяне землей наделены не были. Таким образом, земельная комиссия узаконила те классовые принципы, которые существовали в среде кубанских ногайцев до реформы.

К проведению земельной реформы местные власти приступили после разработки ее проекта государственной комиссией. На Кубани к ее осуществлению приступили в 1861 году, но впоследствии она затянулась на долгие годы.

Проведение реформы началось с наделения землей лиц первой категории. В первые месяцы работы земельная комиссия отмежевала им свыше 6 тыс. дес. наиболее плодородной земли. Этот земельный фонд был поделен следующим образом: Ураковы получили по левому берегу Урупа 2483 дес., Мансуровы — по правому берегу Малого Зеленчука 1 тыс. дес., Карамурзины — по левой стороне Кубани 892 дес., Ахловы — вдоль левого берега Малого Зеленчука 308 дес., семья Давлет-Гирея Султана — 500 дес., семья Бахты-Гирея Султана — 1207 дес. и т. д. Только после этого комиссия занялась наделением землей остальных категорий населения, в том числе сельских общин.

В Баталпашинском уезде в конце прошлого века насчитывалось 190 261 дес. земли, из которых горские аулы получили 95 131 дес. на правах общинного пользования. Между ногайскими аулами общинные земли были распре-

---

[222] Административное деление Кубанской и Терской областей с введением в них с 1 января 1871 г. гражданского управления.— ССК, т. 1, 1871, с. 288.

[223] Алексеева Е. П., Аджиев И. М. Ногайцы.— В кн.: Народы Карачаево-Черкесии. Ставрополь, 1957, с. 131.

делены далеко не равномерно. Мансуровский и Шабазовский аулы с населением 1257 чел. получили 6761 дес., Ураковский с 891 жителей — 5100 дес., Карамурзинский с населением 1179 человек — 6383 дес., Тохтамышевский (1531 житель) — 7479 дес., Балтинский (348 человек) — 1295 дес[224].

После проведения земельной реформы ногайское население было обложено податью; с 1 января 1866 г. с них стали взимать по 3 руб. в год с каждого двора[225]. Кроме подымной подати кубанские ногайцы ежегодно вносили в казну определенную сумму за освобождение от воинской службы.

В процессе проведения земельной реформы в Кубанской области началась подготовка к крестьянской реформе. Комитетом Кубанской области были выработаны «Правила», утвержденные в Тифлисе. В «Правилах» говорилось, что «все разных наименований горские зависимые сословия Кубанской области приобретают свободу с обязательствами отбывать своему владельцу в течение не свыше 5 лет... или внести за себя выкуп, смотря по полу и возрасту», от 20—200 рублей.

Поскольку крепостные крестьяне не в состоянии были сразу внести за себя выкуп, то они оставались в положении временнообязанных.

В конце XIX в. станица Баталпашинская стала торговым и культурным центром уезда. В ежегодных ярмарках, устраиваемых в станице, начали принимать участие и кубанские ногайцы. В связи с ростом товарного хозяйства постепенно стало меняться прежнее натуральное хозяйство ногайского населения. Заметные очертания принял процесс сближения местного населения с русским, что способствовало изменению быта ногайцев, приобщению их к русской культуре. Характеризуя прогрессивное влияние России на развитие народов Азии и Кавказа, Ф. Энгельс писал, что Россия «...играет цивилизаторскую роль для Черного и Каспийского морей и Центральной Азии, для башкир и татар...»[226].

Конечно, присоединение к России не освободило основную массу населения от эксплуатации. Народ оставался в тяжелом положении, испытывал двойной гнет — местных и русских эксплуататоров. Царское правительство и после крестьянской реформы оставило лучшие земли привилегированным сословиям. В 1913 г. они вместе с кулаками владели почти половиной всей земли в то время как большая часть населения оставалась безземельной или малоземельной. Господствующая верхушка владела огромными стадами овец и табунами лошадей. Таким образом, было полностью сохранено экономическое могущество привилегированных сословий.

С развитием капиталистических отношений ногайское крестьянство стало постепенно расслаиваться. Кулаки брали в аренду земельные участки бедняков, которые сами не в состоянии были их обработать, так как не имели ни сельскохозяйственных орудий, ни семян для посева. Бедняки, отдавая за бесценок в аренду свою землю, полученную из общинного надела, вынуждены были наниматься на работу к тем же кулакам, фактически превращаясь в батраков.

1.6. Ногайцы после Великой Октябрьской социалистической революции

Победа Великой Октябрьской социалистической революции навсегда ликвидировала экономические и политические основы социального и национального гнета ногайского народа, создала необходимые предпосылки для всестороннего развития экономики и культуры.

---

[224] ССК, т. 8. Тифлис, 1882.

[225] Численность горцев, оставшихся в Кубанской области от переселения в Турцию, и подать с них.— КВВ, 1867, № 48.

[226] Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 27, с. 241.

Уже в первые годы Советской власти Коммунистическая партия наметила ряд важнейших мер, обеспечивающих ликвидацию политического, экономического и культурного неравенства народов Советской страны. Основные положения этой политики были изложены в исторических документах: «Декларации прав народов России» и обращении «Ко всем трудящимся мусульманам России и Востока». Эти величайшие акты способствовали объединению всех трудящихся в борьбе за Советскую власть.

Национальная политика, проводимая большевистской партией, нашла горячую поддержку многомиллионых масс ранее угнетенных народов России, которые с оружием в руках выступили за установление и упрочение Советской власти. На Северном Кавказе эту борьбу возглавили Г. К. Орджоникидзе, С. М. Киров, С. Г. Буачидзе, А. И. Микоян, много сделавшие для того, чтобы сплотить воедино трудящихся многонационального Кавказа.

М. А. Санглибаев.

В Карачае и Черкесии еще до Октябрьской революции вели агитационную работу русские рабочие-революционеры. Они организовывали крестьянскую бедноту всех национальностей для борьбы против царизма, а затем против Временного правительства. Решающую роль в объединении революционных сил ногайского и других народов с русскими революционными массами сыграли большевистские организации Кубани, в особенности городов Екатеринодара и Армавира.

На территории Баталпашинского отдела Советы стали создаваться в начале 1918 г. Их организацией руководили большевики Краснодарского партийного комитета. Серьезную работу проводила большевистская группа станицы Отрадной, которая объединяла солдат-фронтовиков, революционно настроенную молодежь из батраков и бедноты.

Станица Отрадная стала революционным центром Баталпашинского отдела уже в 1916 г. Здесь под руководством опытного революционера И. М. Пузырева (1881—1942 гг.) был создан нелегальный большевистский кружок из 15 человек, ряды которого особенно увеличились после Февральской революции, когда в него влились большевистски настроенные солдаты-фронтовики [227]. На первом митинге, проведенном большевиками в Отрадной в марте 1916 г., И. М. Пузырев призвал трудящихся взять власть в свои руки. В станице был создан Совет рабочих и солдатских депутатов [228].

В народных массах Карачая и Черкесии революционную борьбу вели Саид Халилов (1887—1921 гг.), Мос Шовгенов (1876—1919 гг.), Даут Гутекулов (1890—1926 гг.), в среде ногайского населения — Магомет Санглибаев (1876—1926 гг.). По словам его сослуживца А. Щегорцева, М. Санглибаев уже «до революции проводил частые ночи за обсуждением революционных идей и вопросов борьбы с религиозным дурманом в кругу учительства нескольких аулов» [229].

Особенно активно развернулась революционная борьба после Февраль-

[227] По ленинскому пути. Черкесск, 1963, с. 38.
[228] По ленинским заветам. Черкесск, 1970, с. 43.
[229] Горская жизнь, 21 марта 1926 г.

ской революции 1917 г. Осенью 1917 г. ногайская аульная беднота под руководством М. Санглибаева и Д. Гутекулова захватила земли помещиков Мамонтовых. Во время выборов в Учредительное собрание М. Санглибаев вместе со своими соратниками К. Катагановым и С. Карасовым агитировали трудящихся родного аула голосовать за большевистский список [230].

С 1 по 5 (14—18) февраля 1918 г. в Армавире проходил первый съезд Советов Кубани. Съезд принял постановление по земельному вопросу, в основу которого легли решения II Всероссийского съезда Советов. Избранный съездом Кубанский областной исполнительный комитет Совета рабочих, крестьянских, казачьих и горских депутатов (от Баталпашинского отдела — И. П. Борисенко, И. П. Пузырев и от горцев Кубанской области — Мос Шовгенов) развернул работу по подготовке к созыву отдельских съездов Советов.

А. М. Ахлов.

На съезд Советов Баталпашинского отдела Кубанской области исполнительный комитет послал своих представителей во главе с членами облисполкома А. Г. Макеевым и И. П. Пузыревым. В результате широкой разъяснительной работы съезд подавляющим большинством голосов поддержал делегацию Кубанского облисполкома, выразил недоверие атаману отдела, избрал орган Советской власти — Баталпашинский отдельский исполком.

От имени горских народов на съезде выступили Даут Гутекулов, Асламбек Калмыков, Асхад Дзыба, Саид Халилов, Магомет Санглибаев, Михаил Мельников, Илья Марченко, Тит Беседин, Гиго Дзасохов и др. 20 февраля 1918 г. съезд провозгласил Советскую власть в Карачае и Черкесии [231]. Трудовые массы поддержали Советскую власть. Газета «Правда» 9 апреля 1918 г., отмечая популярность Советской власти среди горских трудящихся, писала, что в ногайском ауле «Карамурзин с двухтысячным населением вынесена резолюция за Советы и против контрреволюции. Среди горцев раскол: имущие и князья идут за Корниловым, а большинство — трудовая часть — за Советы» [232].

В годы гражданской войны на сторону Советской власти перешел бывший штабс-капитан царской армии ногаец Ахлау Муссович Ахлов (1891—1937 гг.). В апреле 1918 г. А. М. Ахлов был назначен командиром Первого Казанского мусульманского социалистического полка. Под его командованием полк неоднократно громил белогвардейцев на Волге. В июне 1919 г. А. М. Ахлов уже командовал Первой Башкирской сводной дивизией, которая участвовала в боевых операциях Южного фронта, а в декабре 1919 г. защищала революционный Петроград. Здесь А. М. Ахлов был принят в члены партии. Он работал военкомом Башкирской республики, избирался членом ее ревкома. Осенью 1921 г. А. М. Ахлов вернулся в родные места, здесь вместе с Умаром Алиевым, Даутом Гутекуловым включился в работу по созданию Карачаево-Черкесской автономной области, был прокурором, а затем по приказу Реввоенсовета СССР — военным комиссаром области. До конца своих

[230] Борцы за власть Советов в Карачаево-Черкесии. Черкесск, 1976, с. 176.

[231] Борцы за власть Советов в Карачаево-Черкесии, с. 58.

[232] Правда, 1918, 9 апреля.

дней он остался верен идеалам коммунизма и высоко пронес звание большевика.

Бескорыстная братская помощь русского народа дала ногайскому народу возможность избавиться от гнета царизма и местных эксплуататоров — князей и духовенства.

Взяв власть в свои руки, ногайский народ приступил к строительству новой жизни. За короткий срок были конфискованы помещичьи и княжеские земли и переданы безземельным и малоземельным крестьянам. Однако гражданская война, развязанная империалистическими державами и остатками свергнутых классов, помешала трудящимся сразу же воспользоваться победой Советской власти.

Контрреволюционным силам, при активной поддержке США, Англии и Франции, удалось временно свергнуть Советскую власть на Северном Кавказе. С августа 1918 по март 1920 года на Кубани хозяйничали белогвардейские банды. Наступила полоса реакции. Помещики и князья вернули свои земли. С приходом в станицу Баталпашинскую банд Шкуро и Покровского контрреволюционеры зверски расправились с отдельским исполкомом, большинство членов которого после нечеловеческих пыток и истязаний были расстреляны. Начался массовый белый террор. Военно-полевые суды и «волчьи» дивизии в аулах и станицах проводили массовые порки, вешали и расстреливали без суда и следствия всех, кто был хотя бы заподозрен в сочувствии к большевикам.

Однако в результате победоносных ударов Красной Армии совместно с действующими в тылу врага партизанскими отрядами контрреволюция на юге России была разгромлена. 24 марта 1920 г. станица Баталпашинская была освобождена Красной Армией. Наряду с представителями других народов, в рядах Красной Армии сражались ногайцы Рамазан Курмангулов, Мусса Зитляужев, Паша Джелкашиев, Суюн Анапиев, Абдурахман Мижев, Алимгази Карасов и др.

Чтобы оказать народам Северного Кавказа помощь в восстановлении Советской власти, Центральный Комитет партии направил сюда десятки большевиков-ленинцев, которые разъясняли жителям смысл происходящих в России великих революционных событий, политику Советской власти, разоблачали местную контрреволюцию, пытавшуюся внушать трудящимся массам мысль о том, что борьба российского пролетариата не имеет отношения к народам Кавказа.

В мае 1920 г. по инициативе Баталпашинского отдельского Комитета партии был созван I съезд горцев Баталпашинского отдела, который состоялся в ауле Эльбурган. Из ногайских, абазинских, карачаевских, черкесских аулов съехалось более 200 представителей горской бедноты. Съезд единодушно решил поддержать все мероприятия Советской власти и избрал состав национального Совета при Баталпашинском ревкоме. Организация национального Совета способствовала поднятию авторитета ревкома, росту национальных кадров и явилась важной предпосылкой создания национальной автономной области.

В январе 1922 г. постановлением ВЦИК была образована Карачаево-Черкесская автономная область, куда вошли карачаевцы, черкесы, абазины и ногайцы. Создание КЧАО помогло ногайскому народу добиться больших успехов в развитии экономики и культуры. С помощью Советского государства, выделявшего автономной области значительные бюджетные ассигнования, здесь стали создаваться первые очаги промышленности, быстрыми темпами восстанавливалось сельское хозяйство.

Переустройству старого хозяйственного уклада ногайцев положила начало национализация земли на основе ленинского декрета о земле. В. И. Ленин указывал, что «Земля есть, несомненно, главное средство производства в

сельском хозяйстве...»[233] Начавшиеся в 1920 г. в области землеустроительные работы позволили к концу 1927 г. установить границы между аулами и закрепить земельные участки за сельскохозяйственными производственными кооперативами.

Переход к сплошной коллективизации в области происходил в условиях ожесточенной классовой борьбы. Несмотря на яростное сопротивление имущих классов, уже в конце 1920 г. возникли первые кооперативные объединения. В начале 1921 г. в Баталпашинском отделе были созданы 52 сельскохозяйственных коллектива. Они объединяли 12144 крестьян и располагали 27324 дес. земли.

В те же годы кооперативное хозяйство возникло и в ауле Эркин-Юрт. Его организаторами были Малик Джамбеков, Саду Керимов и др.

Первые производственные кооперативы убедили население в преимуществах ведения коллективного хозяйства. На их базе впоследствии возникли коллективные хозяйства. С 1931 г. колхозы стали преобладающей в области формой ведения социалистического сельского хозяйства.

В процессе практического осуществления ленинского декрета о земле в тех районах Северного Кавказа, где ногайцы продолжали вести кочевой образ жизни, население стало постепенно переходить к оседлости. В результате земельно-водной реформы перешло к оседлости 3460 ногайских хозяйств[234]. Наделение землею и переход к оседлости бывших кочевников преобразили социально-экономическую структуру ногайского общества.

В 1928 г. в Ногайской степи началось массовое вступление в колхозы, завершившиеся сплошной коллективизацией в конце 1931 г.

Коллективизация сельского хозяйства позволила ликвидировать последний, наиболее многочисленный эксплуататорский класс — кулачество.

Исключительно большую роль в переустройстве сельского хозяйства ногайцев сыграли машинно-тракторные станции. Первая была создана в 1930 г. в ногайском ауле Адиль-Халк. В том же году возникла МТС и в Ачикулаке. Такая же станция была создана и в ауле Каясуле. Последние две станции ежегодно обрабатывали 131128 га земли.

Рост механизации сельского хозяйства сопровождался созданием кадров механизаторов. Были организованы различные курсы для подготовки специалистов, способных использовать все виды сложных сельскохозяйственных машин. Первыми трактористами-ногайцами были Суюн Анапиев, Муса Найманов, Харун Дюрменов, Мустафа Кубанов, Лукман Есенакаев и другие.

После завершения коллективизации сельского хозяйства и его механизации ногайский народ добился больших успехов. Отсталое в прошлом сельское хозяйство ногайцев превратилось в передовое социалистическое сельское хозяйство. Значительно повысилась урожайность. В 1939 г. ногайские колхозы Кубани собрали в среднем с одного гектара по 12 ц зерновых, 60 ц картофеля, 15 ц подсолнечника. Ведущей культурой стала пшеница. Колхозы начали также культивировать овес, лекарственные травы, эфироносы. Большое развитие получило плодоводство и огородничество.

Огромных успехов добились колхозы и в развитии общественного животноводства. В период коллективизации сельского хозяйства кулаки нанесли животноводству большой урон. Только за 1930 г. поголовье крупного рогатого скота Черкесской автономной области и в Ногайской степи сократилось в два раза, а количество овец — в восемь раз. Несмотря на это, колхозы быстро восстановили поголовье крупного рогатого скота и овец.

Большое значение в развитии животноводства имело постановление ЦК ВКП(б) и СНК СССР о наделении бескоровных колхозников коровами. После опубликования этого постановления ногайские колхозники только за два года приобрели 3 тыс. тёлок, а также свыше 2-х тыс. овец.

---

[233] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 19, с. 327.
[234] Современная культура и быт народов Дагестана. М., 1971, с. 33.

А. А. Асанов.

К. С. Кумуков.

Значительно изменилось поголовье овец. Грубошерстные ногайские овцы были заменены мериносовыми, что дало колхозам возможность получить больше доходов от шерсти. Для лучшего содержания скота в колхозах были организованы животноводческие фермы.

За успехи в земледелии и скотоводстве представители передовых ногайских колхозов не раз были участниками Всесоюзной сельскохозяйственной выставки.

Наряду с сельским хозяйством в области развивалась промышленность. В Икон-Халкском районе была построена механизированная мельница и заново оборудована новейшей техникой крупная шерстопрядильная фабрика. В этом же районе во второй пятилетке был введен в строй маслобойно-сыроваренный завод. В предвоенное время на многих промышленных предприятиях уже работали ногайцы.

Когда мирный созидательный труд народов Советского Союза был прерван нападением немецко-фашистских захватчиков, промышленные предприятия во всех регионах с ногайским населением были перестроены для обеспечения нужд фронта. Колхозники также трудились днем и ночью, чтобы снабдить фронт продовольствием. Ногайцы во время войны собрали немало средств на строительство танков и самолетов. Сотни тысяч посылок были отправлены бойцам Советской Армии.

В августе 1942 г. немецким фашистам удалось ценой больших потерь оккупировать территорию Черкесии и часть Ногайской степи. За пять месяцев хозяйничания оккупантов ущерб, нанесенный только хозяйству Черкесии, выразился в сумме около 500 миллиардов руб.[235]

Во время гитлеровской оккупации ногайский народ не терял веру в свое освобождение. В Черкесии и в Ногайской степи действовали партизанские отряды, в которых врага громили не только мужчины, но и женщины, и даже подростки. Так, в составе Икон-Халкского партизанского отряда Черкесии

[235] Тр. Черкесского НИИ, вып. II. Черкесск, 1954, с. 184.

действовали Дженетхан Керейтова и 12-летняя пионерка Крымхан Мижева. «В одном из жестоких боев, разгоревшемся в Марухском ущелье в конце августа 1942 г., рядом со взрослыми, как равная, сражалась до последней гранаты, отважная пионерка Крымхан Мижева, павшая смертью храбрых»[236].

На территории Ногайского района Дагестана действовал партизанский отряд им. Махача Дахадаева. Комиссаром его был первый секретарь Караногайского района партии Ю. И. Аджиев, начальником штаба — председатель Караногайского райисполкома И. М. Алиев. Отряду было поручено переправить в тыл страны из юго-восточных районов Ставрополья и юго-западных районов Дагестана общественный скот и сельскохозяйственный инвентарь, продукты, чтобы они не попали в руки врага. Партизаны успешно справились с этой задачей, переправив в глубь Дагестана и в Азербайджан 5 тыс. голов крупного рогатого скота, 175 тыс. овец, 2 тыс. лошадей[237].

Тысячи лучших сынов и дочерей ногайского народа сражались против фашистской Германии на всех фронтах войны. Их подвиг высоко оценен Советским правительством. За мужество и героизм, проявленные в войне с захватчиками, 545 воинов-ногайцев из Черкесии и около шестисот из Ногайского района Дагестана были награждены орденами и медалями Советского Союза[238]. В их числе Кош-Мамбет Кидирниязов из Ногайского района, участвовавший в 1945 г. в параде Победы в Москве, Алимхан Асанов, удостоенный за боевые подвиги ордена Славы всех трех степеней, Калмурза Кумуков из аула Икон-Халк, повторивший подвиг Александра Матросова.

В послевоенные годы ногайцы вместе со всеми другими народами Советского Союза взялись за восстановление и дальнейшее развитие хозяйства. Развитие промышленности сопровождалось ростом квалифицированных рабочих кадров из ногайцев. Значительные успехи были достигнуты в области сельского хозяйства. Уже в 1949 г. были превзойдены довоенные масштабы роста поголовья овец и численности птицы. Показатели работы ногайских колхозов области за годы послевоенных пятилеток намного превысили довоенные. Такие же успехи имелись и в хозяйстве Ногайского района Дагестана.

За годы Советской власти в Карачаево-Черкесии создана развитая индустрия. Объем промышленного производства за годы автономии возрос в 2023 раза, а его удельный вес в общем объеме продукции народного хозяйства в 1980 г. составил 78 процентов[239].

Больших успехов за годы последних пятилеток достигло и сельское хозяйство Карачаево-Черкесии и Ногайского района Дагестана. Теперь это крупные механизированные хозяйства, располагающие современной техникой и получающие каждый год от государства самые новые машины. Машинно-тракторный парк колхозов и совхозов обслуживают высококвалифицированные специалисты. На одно хозяйство в среднем приходится около 30 специалистов с высшим и средним образованием.

Рабочие промышленных предприятий, труженики колхозно-совхозных полей, интеллигенция, воодушевленные решениями XXVII съезда КПСС, настойчиво добиваются новых трудовых успехов в коммунистическом строительстве.

---

[236] По ленинским заветам. Черкесск, 1970, с. 204.
[237] Газета «Шоьлляк маягы», 1980, 11 марта.
[238] Народы Карачаево-Черкесии. Ставрополь, 1957, с. 149.
[239] Карачаево-Черкесия — к 60-летию автономии. Черкесск, 1981, с. 3.

ГЛАВА II

ХОЗЯЙСТВО

2.1. Традиционное хозяйство

Многочисленные ногайские родо-племенные объединения в конце XVII в. уже имели четко ограниченные кочевья и во всех районах Северного Кавказа, за исключением кубанского, продолжали в широких масштабах заниматься кочевым скотоводством. Они разводили лошадей, верблюдов, крупный рогатый скот, овец и коз, а также домашнюю птицу (кур, гусей, уток). Птиц во время перекочевок перевозили в больших корзинах, покрытых сеткой[1].

Астраханские ногайцы в первой половине XIX в., по сообщению П. Небольсина, проводили зиму «по примеру оседлых жителей в двух обширных селениях Красноярского уезда, Сеитовке и Хожетаевке, на реке Ахтубе и на притоке или рукаве ее, реке Берекет, выходящей из Ахтубы и в Ахтубу же впадающей. Летом выходят они на кочевку и занимают неплодородные степи левого берега Волги, имея соседями, с одной стороны — калмыков, с другой — киргизов Внутренней орды; с речной стороны соседи у них — казаки и русские новосельцы, а со стороны Каспийского моря примыкают к селениям государственных крестьян и к землям береговых владельцев князей Юсупова и Безбородко»[2]. Несколько раньше, в самом начале XIX в. о них сообщалось, что они имеют «благосостояние» от скотоводства[3].

Юртовские ногайцы занимались кочевым скотоводством на отведенных им земельных участках вдоль Волги и некоторых ее притоках. «Коснувшись занятий и промышленности юртовских татар,— писал П. Небольсин,— мы должны вообще заметить, что жители селений Бобровского и Есаульского, точно так же как и кочующие по линейному тракту юртовцы, занимаются исключительно одним скотоводством»[4].

Наряду с кочевым скотоводством ногайцы на Северном Кавказе занимались земледелием примерно в таких же масштабах, как и в Поволжье. По словам Феррана, пригодные для посева земли «отчасти обрабатываются ногайцами и засеваются просом. Ногайцы не долго живут на одном месте. Несколько дольше остаются они только там, где засеяли поля, но по окончании жатвы всегда перекочевывают в другие места»[5].

Выращиванием злаковых культур занимались только низшие сословия, которые обязаны были платить подать с урожая своим владельцам. Для ногайских мурз «возделывать землю... считается стыдом; имущество их заклю-

---

[1] Мошков В. А. Материалы для характеристики музыкального творчества инородцев Волжско-Камского края. Мелодии оренбургских и ногайских татар.— ИОАИЭКУ, т. XIX, вып. 1—2, 1895, с. 18.

[2] Небольсин П. Очерки Волжского низовья. СПб., 1852, с. 76—77.

[3] Хозяйственное описание Астраханской и Кавказской губерний по гражданскому и естественному их состоянию в отношении к земледелию, промышленности и домоводству. СПб., 1809, с. 172.

[4] Небольсин П. Указ. раб., с. 65.

[5] Ферран. Путешествия из Крыма в Черкесию через земли ногайских татар в 1709 г.— РВ, 1842, № 6, с. 45.

чается в рабах и стадах рогатого скота и лошадей»[6],— писал Пейсонель. Этот же автор отмечал, что «ногайцы почти никогда не обрабатывают два года подряд одни и те же земли»[7]. Для распашки земли ногайцы применяли соху с железным лемехом [8].

В общехозяйственной структуре населения Буджакской Орды, наряду со скотоводством, значительное место занимало и земледелие. До массового переселения в Турцию буджакские ногайцы имели 41418 лошадей, 92665 голов крупного рогатого скота и 39111 овец [9].

Повсеместное развитие получило земледелие в начале XIX в. и у ногайцев на Молочных водах Таврической губернии (подробно см. ниже).

Коневодство. Коневодство было старинным занятием ногайцев. Об этом свидетельствует выведенная ими порода лошади, получившая впоследствии название «ногайской». Она приняла участие в формировании кабардинской лошади. «Некоторое влияние,— говорится в «Книге о лошади»,— оказала на кабардинскую породу ногайская лошадь, долгое время разводившаяся на Северном Кавказе, в непосредственной близости от районов разведения кабардинской лошади»[10].

Ногайская лошадь сформировалась в условиях кочевого хозяйства, исключительно на подножном корму, так как скудная растительность в районах расселения ногайцев не позволяла им содержать скот сосредоточенно в одном месте. Лошадь работала чаще под седлом и в упряжи, реже под вьюком. «Степные лошади, хотя отличались достоинствами и даже превосходили все другие породы в привычке к лишениям, считались в отношении статей и характера намного ниже, но для трудовой работы они превосходны»[11],— писал Л. М. Кодзоков, имея в виду табуны, обитавшие в степных районах Терской области и Ставропольской губернии. «Караногайская лошадь...— сообщал Ф. Капельгородский,— отмечалась такими несомненными положительными качествами, что специальная комиссия из Петербурга ежегодно приезжала в Терекли-Мектеб закупать верховых лошадей кавалерии»[12].

Уже в средние века ногайские коннозаводчики Северного Кавказа вывели несколько пород лошадей, названных впоследствии по родо-племенным подразделениям ногайцев. «У бештаво-кумских и калаусских ногайцев,— писал Л. М. Кодзоков,— были известны несколько тавр лошадей: Алтаяк, Есеней, Шоракады и другие, которыми очень дорожили закубанские черкесы, искавшие везде добыть себе сильных и доброезжих... лошадей»[13]. В начале XX в. у кубанских ногайцев наибольшую славу получили лошади, выведенные тохтамышевским коневодом Кумуковым и князем Тугановым.

Физические качества ногайской лошади высоко ценились специалистами и конезаводчиками. «О степной лошади,— писал Ф. Капельгородский,— одно можно сказать: неладно скроена, да крепко сшита»[14]. В 1851 г. в Ставрополе состоялись скачки с участием около 50 лошадей, выделенных северокавказскими конезаводчиками. Первый приз взяла караногайская лошадь [15].

На Северном Кавказе коневодство у ногайцев достигло наивысшего расцвета в Кизлярской степи. В первой половине XIX в., по сведениям А. Павлова,

---

[6] Федицын Е. Д. Западно-кавказские горцы и ногайцы в XVIII столетии по Пейсонелю. Материалы для истории западно-кавказских горцев.— КС, т. II, 1891, с. 13.

[7] Пейсонель. М. Исследование торговли на черкесско-абхазском берегу Черного моря в 1750—1752 гг. Краснодар, 1927, с. 181.

[8] Пейсонель М. Указ. раб., с. 15.

[9] Сергеев А. Ногайцы на Молочных водах. Исторический очерк.— ИТУАК, 48, 1912, с. 38.

[10] Книга о лошади, т. 1. М., 1952, с. 461.

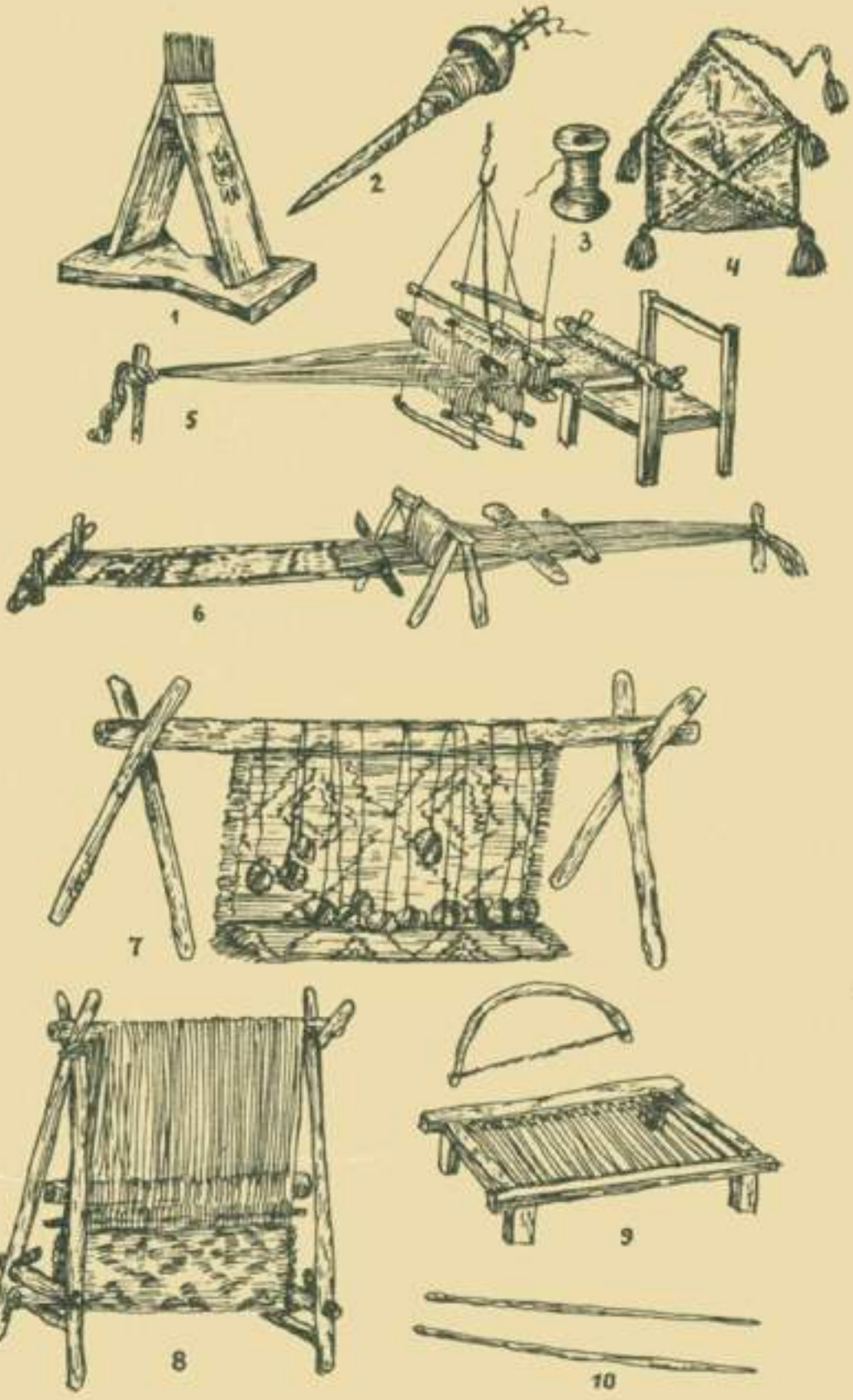
[11] Кодзоков Л. М. Заметка о кавказском коневодстве.— ТВ, № 10, 1869.

[12] Капельгородский Ф. О. Указ. раб., л. 93—94.

[13] Кодзоков Л. М. Заметка о скотоводственном хозяйстве Ставропольской губернии. СГВ, 1869, № 31.

[14] Капельгородский Ф. О. Указ. раб., л. 199.

[15] СГВ, 1851, № 23.

Орудия обработки шерсти. 1 кнтарак, 2 уршык, 3 шыгыр, бокша, 5,6 оьрмек, 7 оьре, 8 шынта, оьрмек, 9 юн тазалавшы, 10 шыбык.

50-ти кибиткам принадлежало до 7 тыс. голов лошадей [16]. «Лошади у них,— писал А. Павлов,— рослы и различной масти: серой, каштановой, красной и темнорыжей, редко бурой; статны и способны более для верховой и арбной езды; дики до чрезмерности; никакой европеец, не знавши их обыкновения, даже с арканом, данным от татарина, не в состоянии поймать ее, а более всего остановить, надеть недоуздок или узду и в случае надобности довести ее до аула»[17].

Накануне революции, по сведениям И. Т. Мутенина, в семи ногайских аулах у восьми крупных коневодов имелось 2230 [18], а во всем Ачикулакском округе — 6488 лошадей. Тогда же, по подсчетам Ф. Капельгородского, половина населения Караногая чаще всего имела только одну лошадь для пастушеской службы [19].

В конце XIX — начале XX в. зажиточные ногайцы начали уделять большое внимание развитию коневодческого хозяйства. Это было вызвано прежде всего потребностями рынка, ростом цен на строевых армейских лошадей. Цена строевой лошади в $2^1/_2$ вершка колебалась в 1916 г. от 175 до 250 рублей, а рабочей — от 80 до 175 руб.[20] Однако, несмотря на предпринятые крупными коннозаводчиками меры по улучшению породы ногайской лошади, коневодство продолжало носить экстенсивный характер. Лошадей продолжали содержать табунным способом, и независимо от времени года они постоянно находились под открытым небом. Отсутствие стойлового содержания, утепленных помещений, нехватка кормов в зимний период, частые эпизоотии привели к резкому сокращению поголовья лошадей во всех районах Северного Кавказа с ногайским населением. Это сокращение началось уже в начале XIX в. и продолжалось вплоть до установления Советской власти.

По данным И. Бентковского, с 1822 по 1877 гг. количество лошадей у ногайцев Ставропольской губернии сократилось с 22 тыс. до 11 тыс., т. е. вдвое [21]. Такое же уменьшение поголовья лошадей наблюдалось и в районах Северного Кавказа. По настоянию ипподогов были созданы государственные заводы, проводились ежегодные съезды коннозаводчиков, поощрялось подворное коневодство. Но все эти меры в условиях частновладельческой системы сельского хозяйства не дали положительных результатов.

Верблюдовство. Наряду с коневодством ногайцы уделяли значительное внимание и верблюдоводству. На Северном Кавказе верблюдов разводили в основном ногайцы, а также туркмены и калмыки. Ногайцы держали так называемых астраханских двугорбых верблюдов, обладавших большой силой и выносливостью. Верблюды «все поголовно двугорбые»,— отмечал С. В. Фарфоровский [22]. Как и у других кочевых народов, у ногайцев считался самым ценным животным верблюд. Благосостояние семьи измерялось количеством верблюдов в общей массе всего поголовья скота кочевника-скотовода.

В натуральном хозяйстве кочевника-скотовода использовались верблюжье молоко, шерсть, мясо и кожа. Астраханские верблюды давали в среднем 6—7 кг молока в день (5,5—7% жирности) и 4,5—7 кг шерсти с одного настрига [23]. Из верблюжьей шерсти изготовляли легкое и теплое сукно, которое шло на постельные принадлежности. Кроме того, верблюжью шерсть добавляли в овечью, что во много раз повышало крепость тканей. Цена на такие ткани была гораздо выше, чем из чистой овечьей шерсти. Из ее наиболее

---

[16] Павлов А. О ногайцах, кочующих по Кизлярской степи. СПб., 1842, с. 10.
[17] Там же, с. 10—11.
[18] Мутенин И. Т. Указ. раб., с. 15.
[19] Капельгородский Ф. Указ. раб., л. 204.
[20] Там же, л. 196.
[21] Бентковский И. Обзор коневодства на Северном Кавказе.— СГВ, 1878, № 6—7.
[22] Фарфоровский С. В. Ногайцы Ставропольской губернии. Историко-этнографический очерк. Тифлис, 1909, с. 9.
[23] Лакоза И. И. Верблюдоводство. М., 1953; Терентьев С. М. Верблюд и уход за ним. М., 1950.

грубых волос плели веревки, которыми пользовались при креплении войлочных покрытий кибиток и при упаковке вьюков. Особенно ценилась зимняя верблюжья шерсть из-за ее мягкости и эластичности. Из нее изготовляли войлоки для пеленания грудных детей в холодное время года.

Верблюжье мясо и особенно жировые отложения в горбах считались ценным пищевым продуктом. Топленый жир служил приправой к различным национальным блюдам ногайской кухни.

Широко использовалась и верблюжья кожа. Источники X—XII вв. сообщают интересные факты относительно использования верблюжьей кожи далекими предками ногайцев. «Люди вытащили свои дорожные мешки,— писал Ибн-Фадлан,— а они /сделаны/ из кожи верблюдов... Потом они наложили их одеждами и вещами, и когда они наполнились, то в каждый дорожный мешок села группа в пять, шесть, четыре,— меньше или больше. Они берут в руки шесты из хаданча и кладут их как весла...»[24] Об этом же сообщает Плано Карпини[25].

Особенно большую роль играли верблюды в кочевом хозяйстве степных районов Северного Кавказа. Здесь ими чаще всего пользовались во время перекочевок в качестве тягловой силы. «Тяжести,— писал А. Павлов,— они поднимают соразмерно их летам и силам. Возмужалый и укрепившийся в подъеме на себя больших тяжестей смело поднимает и перевозит до 120-ти пудов. Многим покажется невероятным, чтобы животное, питающееся одним подножным кормом, могло без обременения сил и даже ропота, в течение 6-ти часов проехать с такой клажею до 90 верст»[26].

Неприхотливость в пище — способность питаться колючими кустарниками, солянками и горькой полынью и долго обходиться без воды, приспособленность к неблагоприятным климатическим условиям сделали верблюда незаменимым домашним животным в зоне пустынь и сухих степей. Потребность здесь в верблюдах способствовала широкому развитию этой отрасли скотоводства в хозяйстве ногайского народа. Количество верблюдов в ногайских степях быстро росло. Рост их поголовья до революции показывает следующая таблица[27]:

Годы	Поголовье
1864	428
1876	461
1886	1200
1896	2112
1906	1061
1916	1259

Напротив, в процессе перехода кубанских, таврических и астраханских ногайцев к оседлости происходило сокращение поголовья верблюдов. Здесь оно началось в конце XVIII в. и уже в начале XIX в. в статистических отчетах сведения о верблюдах совершенно исчезают. В Ногайских же степях Северного Кавказа сокращение этой отрасли животноводства началось также с переходом населения к оседлости, т. е. в начале 1920-х годов.

Крупный рогатый скот ногайцы начали разводить уже в древнейшие времена[28]. Однако подробная характеристика этой отрасли ногайского скотовод-

---

[24] Ковалевский А. П. Книга Ахмета Ибн-Фадлана о его путешествии на Волгу в 921—922 гг. Харьков, 1956, с. 130.

[25] Путешествие в восточные страны Плано Карпини и Рубрука. М., 1957, с. 52.

[26] Павлов А. Указ. раб., с. 17—18.

[27] Капельгородский Ф. О. Указ. раб., л. 194.

[28] Федоров-Давыдов Г. А. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. М., 1966.

ства появляется в литературе лишь в XIX и XX вв. Более ранние источники только вскользь упоминают, что у ногайцев «рогатый скот велик ростом и силен, подобно польскому» [29] и что у них много коров и быков [30].

Как свидетельствуют материалы XIX в., ногайцы на Северном Кавказе разводили крупный рогатый скот с хорошими мясо-молочными показателями, благодаря чему он пользовался большим спросом у соседних народов. «Относительно скотоводства, их рогатый скот может почесться лучшим против великороссийского, исключая холмогорского, мясо вкуснее и даже в сравнении с другими легче для желудка... Нет сомнения, что подножный корм делает скотину в этих местах жирнее, полнокровнее» [31],— отмечал А. Павлов. Другой исследователь констатировал, что «у ногайцев и калмыков, кочевавших в пределах Ставропольской губернии, рогатый скот был очень хорошего сорта и закупался тысячами голов на местные надобности, а лучшая скотина шла на мясо в столицы» [32].

У ногайцев крупный рогатый скот являлся одним из основных показателей благосостояния семьи. Он давал молоко, жир, мясо и кожу. Излишки сырья и мясо-молочных продуктов шли на продажу соседним народам. На вырученные средства кочевники приобретали в первую очередь зерно и фабрично-заводские товары.

Численность крупного рогатого скота различных подразделений ногайцев в начале XIX в. показывают следующие сведения[33]:

Подразделения	Число душ	Поголовье крупного рогатого скота
едисанцы	3130	3687
джембойлуковцы	2885	4078
кевсалинцы	1068	985
едишкульцы	10294	9786
оседлые ногайцы	1893	2117
караногайцы	31851	31189

В конце XIX в. у кубанских ногайцев насчитывалось [34]:

Населенные пункты	Поголовье крупного рогатого скота
Мансуровский	2313
Тохтамышевский	2332
Ураковский	1355
Карамурзинский	3705
Итого:	9706

К началу XX в. крупный рогатый скот в ногайских степях значительно измельчал. Надои молока и живой вес скота снизились. Обычный вес коровы к этому времени составлял 15—18 пудов, быка — от 24 до 30 пудов. Стоимость коровы к этому времени составляла до 30 руб., быка — до 150 руб. Скотоводы начали предпринимать меры к улучшению породности путем метизации местной породы с другими, закупаемыми в разных районах Северного Кавказа

[29] Олеарий Адам. Указ. раб., с. 405.
[30] Фелицын Е. Западно-кавказские горцы и ногайцы в XVIII столетии по Пейсонелю.— КС, т. II, 1891, с. 18.
[31] Павлов А. Указ. раб., с. 12.
[32] Кодзоков Л. М. Указ. раб.
[33] Якобий А. И. Указ. раб., с. 7.
[34] Военно-статистическое обозрение Кубанской области. Тифлис, 1900, с. 275—276.

и за его пределами. В Караногай были завезены быки-производители из Астраханской губернии, Калмыкии и Крыма. Однако эти меры не дали желаемых результатов.

Овцеводство. Ведущее место в скотоводческом хозяйстве ногайцев занимало овцеводство. Заниматься им могли и богатые и бедные из-за нетребовательности овцы в особом уходе. Овцы давали шерсть, шкуры и молоко. Пожалуй, в быту ногайцев не было ни одного предмета домашнего обихода и национального блюда, в которых не присутствовала бы продукция овцеводства. «Овцеводство,— писал М. Смирнов,— было их главнейшим и преимущественным занятием. Отсюда они добывали себе все средства для жизни, и пищу и одежду и даже жилище, так как их кибитки были сделаны из кожи, сотканных или связанных из той же овечьей шерсти» [35].

В отдельных районах Северного Кавказа овца долгое время оставалась главной меновой единицей и своего рода эквивалентом в торговле. Так, в степных районах Ставропольской губернии восемь овец приравнивались к одной единице крупного рогатого скота, 12 овец — к одному двугорбому верблюду и т. д.

На Северном Кавказе ногайцы разводили главным образом грубошерстных курдючных овец мясной породы. Наибольшее развитие овцеводство получило в степях Ставропольской губернии и в северо-восточной части Дагестана с ногайским населением, так как здешние условия более благоприятствовали содержанию и выращиванию курдючных овец. Знания и опыт кочевников в области овцеводства были переняты впоследствии и терским казачеством.

В начале XX в. овцеводство в ногайских степях стало развиваться ускоренными темпами [36]. Численный рост поголовья овец в степных районах Северного Кавказа в это время показывает следующие данные:

Годы	Поголовье овец и коз
1906	178569
1916	227000

Овцеводство развивалось и у таврических ногайцев. Об этом говорят годовые отчеты Ногайского приставства первой половины XIX в.[37]

Годы	Поголовье овец и коз
1811	39311
1812	45809
1822	159464
1823	142497
1828	112669
1830	104194
1831	109557

Ногайская курдючная овца ежегодно давала хороший приплод, в большинстве случаев по два ягненка, около 4 кг шерсти, вкусное мясо и красивые курпеи. «Ради этих курпеев, первоклассного сорта,— писал Ф. Капельгородский,— ежегодно весной приезжали в Караногай сотни дагестанцев, кумыков и чеченцев. Они закупали несколько десятков тысяч маленьких ягнят, резали их здесь же в аулах, солили и вялили мясо и вывозили его в готовом виде в горы и в Закавказье. Отсюда же шли курпеи на шапки» [38].

[35] Смирнов М. Очерк хозяйственной деятельности Ставропольской губернии к концу XIX в. Ставрополь, 1913, с. 69.
[36] Капельгородский Ф. Указ. раб., л. 200.
[37] Сергеев А. Указ. раб., с. 38, 61.
[38] Капельгородский Ф. Указ. раб., л. 206.

В конце XIX в. ногайцы, наряду с овцами местной породы, начали разводить метизированных овец от производителей калмыцкой и русской пород. Однако это не привело к улучшению показателей, дальнейшие шаги в этом направлении были оставлены. В то же время ногайцы стремились разводить волошских овец. По статистическим данным конца прошлого века, в ставропольских степях ногайцы держали 5513 волшских и 236912 местных овец. Первые шаги по разведению мериносовых овец ногайцы предприняли также в конце XIX в. В 1883 г. в Ставропольской губернии их насчитывалось 64 головы [39]. Все же до революции разведение мериносовых овец не получило в степях значительного развития из-за отсутствия утепленных помещений и навыков по их выращиванию и содержанию. Лучше в этом отношении обстояло дело у кубанских ногайцев. Здесь благодаря хорошим климатическим условиям мериносовые овцы вскоре прижились. В 1894 г. в ауле Мансуровском насчитывалось 5527 голов тонкорунных овец, в Тохтамышевском — 2000 и т. д.[40] Появлению на Северном Кавказе мериносовых овец местные жители обязаны русским и украинским переселенцам. Мериносы впервые появились здесь в конце XVIII в., «будучи завезены переселенцами из Украины, где они разводились еще задолго до этого времени»[41].

Шерсть с ногайской овцы пользовалась большим спросом на рынке. В Караногае, например, скотоводы даже не вывозили ее на рынок, а продавали прямо на месте приезжим скупщикам [42]. Кроме шерсти и курпея на продажу шли и сами овцы. Накануне первой мировой войны на рынке овца стоила от 6 до 8 руб., баран — от 10 до 15 руб., ягненок с хорошим курпеем — от 4 до 6 руб. В годы войны цены на весь скот возросли втрое [43].

Овец обычно держали в отарах, число которых зависело от ежегодного приплода. В отарах зажиточных скотоводов количество овец иногда доходило до двух тыс. голов. Для обеспечения ухода за овцами большие отары делились на более мелкие. Зажиточные скотоводы, как правило, имели своих чабанов, а бедные объединяли своих овец в одну отару и пасли по очереди. Нередко чабанами при отарах бедняков являлись подростки и даже дети дошкольного возраста.

В отарах овец ногайцы держали и коз, но они не играли заметной роли в общей экономике кочевников, так как были низкопородными. «Козы простой породы не дают шерсти и не отличаются величиной» [44],— отмечал С. В. Фарфоровский.

2.2. Организация скотоводческого хозяйства и реализация его продуктов

Организация скотоводческого хозяйства в степных районах с ногайским населением в значительной мере отличалась от методов ведения скотоводческого хозяйства у других народов Северного Кавказа. У ногайцев преобладающей формой хозяйства было кочевое скотоводство. Кочевники держали скот круглый год на подножном корму путем чередования пастбищных угодий по мере их вытравливания. Такое содержание скота было возможно только при

---

[39] Смирнов М. Указ. раб., с. 70.

[40] Очерки истории Карачаево-Черкесии, т. I. Ставрополь, 1967, с. 440.

[41] Фадеев А. В. Очерки экономического развития степного Предкавказья в дореформенный период. М., 1957, с. 82.

[42] Капельгородский Ф. Указ. раб., л. 201.

[43] Там же.

[44] Фарфоровский С. В. Указ. раб., с. 9.

правильном расчете использования травостоев. Для этого нужна была четкая организация перекочевок. Вот что сообщает относительно этого Н. Семенов: «Еще вчера на фоне темноголубого неба отчетливо вырисовывались конусообразные крыши кибитки караногайского юрта, а сегодня от юрты и следов не осталось. За одну короткую летнюю ночь он успел откочевать верст за десять и за один день окончательно устроился на новом месте» [45].

Караногайцы меняли свои стоянки гораздо чаще, чем костековские и аксаевские ногайцы. Они подолгу не задерживались на одном месте. «У них, что ни месяц, то новое переселение и совершают они его чрезвычайно быстро и бесшумно» [46],— отмечал тот же Н. Семенов. Это объяснялось тем, что в Караногае земельные угодия еще позволяли в какой-то степени следовать исстари сложившимся традициям кочевничества. А аксаевским и костековским ногайцам пришлось отказаться от этих традиций уже во второй половине XIX в. из-за захвата их кочевий крупными скотоводами. «Костековские и аксаевские ногайцы подвижностью не отличаются,— писал Н. Семенов,— и в течение года переменяют место иногда раз, но вообще не более двух раз... Впрочем, у наших ногайцев так мало земли, что если бы они и захотели перекочевать чаще, то им пришлось бы кружиться на одних и тех же, вытоптанных скотом, местах» [47]. В таком же стесненном положении оказались накануне революции ачикулакские и кизлярские ногайцы [48].

Скотоводство у ногайцев носило экстенсивный характер и всецело зависело от капризов природы из-за ограниченных заготовок сена на зиму и отсутствия утепленных помещений для скота.

По сообщению П. Небольсина, ногайцы совершали перекочевку в заранее намеченные районы в такой последовательности: «Впереди гонят весь скот — сначала лошадей, потом рогатую скотину, за ними — коз и овец. За ними следуют визгливые арбы, в которые сажают ребятишек: бабы и девки садятся тоже всегда в арбы, бабы же и погоняют упряжку. Шествие замыкают мужчины верхом на лошадях, а у кого нет лошади, тот и пешком идет, бедные люди впрягают в арбы вместо волов последнюю коровенку» [49].

Обычно каждое родо-племенное подразделение имело свои земли. Они делились на летние (яйлак) и зимние (кышлак) кочевья. В течение года скотоводы последовательно посещали свои участки.

Все родовые подразделения кочевали одновременно, смешиваясь внутри родо-племенных групп. «Родовые аулы кочевали смешанно по всей степи и в дачах казачьих станиц, разбивались на кочевые аулы по 5—10—24 кибиток. В каждом таком ауле могли... проживать и ночевать караногайцы разных кубов и разных аксакальств» [50],— отмечал Ф. Капельгородский.

При кочевом скотоводческом хозяйстве для кочевника-скотовода важное значение имело количество голов в стаде, содержащемся круглый год на подножном корму. В одном стаде держали овец — не более 500 голов, крупного рогатого скота — от 150 до 200 голов, верблюдов — от 40 до 50 голов и лошадей от 100 до 200 голов. Зажиточные кочевники, имевшие больше скота, разбивали его на отдельные гурты, выпасавшиеся наемными пастухами. Средние и бедные хозяйства выпасали скот, объединяясь вместе и чередуя своих пастухов по определенным дням недели. Такая совместная пастьба скота называлась у ногайцев «ортакъ».

Развитие овцеводческого хозяйства в степных районах с ногайским населением сопровождалось выработкой необходимых приёмов овцеводства. До наступления весны баранов-производителей, маток и молодняк выпасали вместе.

---

[45] Семенов Н. Указ. раб., с. 368.
[46] Там же.
[47] Семенов Н. Указ. раб., с. 368.
[48] Мутенин И. Т. Указ. раб., л. 13—15.
[49] Небольсин П. Указ. раб. с. 90.
[50] Капельгородский Ф. Указ. раб., л. 153.

Молодняк от общей отары отделяли только на период весеннего доения маток. При этом, если имелась возможность, чтобы сэкономить рабочие руки, молодняк присоединяли к маткам другого стада. Практиковалась и отдельная пастьба молодняка до завершения сезона доения. Затем стадо снова соединяли. Баранов-производителей отделяли от отар за 1,5 месяца до начала случки и откармливали отдельно на более травостойных участках. Затем их опять допускали к маткам. Как правило, баранов-производителей в большом количестве имели только зажиточные скотоводы.

Отару в 500 и более голов овец обычно обслуживал один пастух. Ему помогал в качестве подпаска один из членов семьи, чаще всего подросток. Хозяева постоянно осуществляли надзор за отарами, которые пасли наемные пастухи. Владельцы помогали чабанам при строительстве колодцев и зимних заготовок для скота, следили за стадом во время окота.

Труд пастуха оплачивался на договорных началах, обычно в соответствии с уже установившейся таксой. Платили в зависимости от сезона. С мая по октябрь оплата производилась из расчета одного ягненка с 10 голов овец, причем в расчет не брались общий приплод от маток и сохранность молодняка. Кроме того, пастух получал надой молока от одной матки с 10 голов овец, ее шерсть и шерсть от ее ягненка, а за холощенных баранов (из того же расчета) — только шерсть. В зимнее время хозяева расплачивались с пастухами большей частью деньгами. По условиям договора, пастухов должны были регулярно снабжать одеждой и обувью, но на практике редко кто из зажиточных скотоводов выполнял эти условия. Труд наемного чабана в условиях степи считался самым тяжелым и самым низкооплачиваемым. Характеризуя отношения между бедняками и зажиточным скотоводом, Ф. Капельгородский писал, что «они были в полной от него зависимости. Возле его стада и они кормились. Возле его покосов и они себе косили. У него они могли достать в трудную минуту лошадь для пользования, корову «на подой», муки на лепешку, доску чаю. Он, защищая свое право на какой-нибудь участок, колодец, пастбище, защищал и их маленькие права. Вполне естественно, беднякам казалось, что они существуют только благодаря поддержке своих влиятельных и богатых аульных стариков» [51]. Другой исследователь приводит воспоминания женщины из семьи пастуха: «в течение нескольких лет она со своей семьей, состоящей из 5-ти взрослых мужчин и трех подростков, жила за 60 рублей и 12 пудов пшена в год у одного мелкого овцевода, на своих харчах. Эта семья обслуживала отару овец в 1500 штук, стадо скота, собственными средствами обслуживала водопой и другие работы по хозяйству» [52].

Крупный рогатый скот пасли отдельно от мелкого. И в этой отрасли хозяйства богатые скотоводы не могли обходиться без наёмного труда, а средние и бедные пасли свой скот совместными усилиями. Уход же за верблюдами отличался от ухода за другими видами домашних животных. Их обычно с мая до ноября держали вблизи аулов без присмотра пастухов. С наступлением первых холодов хозяева отдавали верблюдов пастуху, нанятому членами сельской общины. Зажиточные скотоводы, имевшие много верблюдов, постоянно держали их под присмотром пастухов. Последние получали за пастьбу одного одиолетнего верблюда в полгода, а также зимнюю одежду. Стригли верблюдов по возвращении на летние стоянки.

Кочевое скотоводство, а вместе с тем и система объединения скота хозяевами для совместного выпаса, способствовали широкому развитию родовых знаков — тамг. Каждый род метил свой скот традиционной тамгой. По данным фольклора, ногайцы имели 40 родоплеменных знаков. Однако в дореволюционной литературе опубликовано только двадцать таких тамг [53]. Знаки имели различную конфигурацию и свои наименования. По словам А. Ш. Джанибеко-

[51] Капельгородский Ф. Указ. раб., л. 154.
[52] Мутенин И. Указ. раб., л. 154.
[53] Семенов Н. Указ. раб., с. 398—399.

ва, «тавро когда-то служило не только знаком, но и гербом или знаменем рода» [54].

Кроме 40 основных родовых знаков А. Ш. Джанибековым были найдены еще 11 дополнительных, возникших с распадом крупных родовых объединений на небольшие локальные группы. Характерной особенностью древних родовых знаков является то, что они отражают то или иное занятие. Так, по таблице тамг, составленной А. Ш. Джанибековым, 1-й, 5-й, 20-й и 49-й знаки связаны со скотоводством, 12-й — с охотой, 13-й — с кузнечным ремеслом, 14-й — с земледелием, 17-й — с шитьем и рукоделием, 18-й — ремеслом вообще, 19-й и 28-й — с военным делом.

Кроме тамг, ногайцы пользовались надрезами. Надрезанием ушей метили в основном мелкий рогатый скот, надрезанием ног — домашних птиц. Знаки и надрезы на животных имели юридическую силу при установлении их принадлежности. Тамги выжигали также и на предметах домашнего обихода, представлявших ценность для семьи или же всего рода, а мастера по обработке металла и дерева ставили маленькие тамги на предметы, изготовленные для обмена или же продажи на ярмарке. При покупке предметов ремесленного производства население стремилось приобретать вещи с тамгами известных мастеров.

В степных районах огромную роль в жизни кочевников-скотоводов играли колодцы, озера и другие источники воды. От них зависело скотоводство, а с ним и судьба всего народа. Отсутствие воды требовало далеких перегонов скота, что было сопряжено с большими трудностями и для пастухов, и для самих животных. Сооружение же колодцев с помощью примитивных орудий труда не всегда и не везде было под силу скотоводам. И если их сооружали, то, как правило, коллективно. Как правило, колодцы рыли зажиточные скотоводы с участием родственников, а иногда и членов кошевого объединения. Работой руководил будущий хозяин колодца, который давал ему свое имя и в дальнейшем распоряжался им по своему усмотрению. Некоторые скотоводы строили под видом благотворительности общественные колодцы, но на самом деле они стремились прославить тем свое имя. Да и было таких колодцев очень мало. В основном колодцы находились в распоряжении частных лиц и на их земельных участках, передавались вместе с последними по наследству. Однако продажа колодцев лицам, не принадлежавшим к ногайским родо-племенным группам, в среде кочевников запрещалась. Владельцы пользовались своими колодцами без ограничений. Излишки воды доставались соседям по кошу, но с разрешения владельцев и с обязательным возмещением этого каким-либо сельскохозяйственными работами. Отдаленные соседи или же кочевья, оказавшиеся в чужом районе во время перегона скота, чтобы напоить свой скот, должны были испросить разрешения у старшины данного кочевья, а он, в свою очередь, обязан был согласовать вопрос с другими старшинами и хозяевами колодцев. Только озера и плавни являлись общественными водопоями для всего населения края.

Определенный интерес представляет и система организации труда скотоводов на покосных угодьях и реализации заготовленного сена. Скашивание сена и их стогование богатые скотоводы производили силами наемных работников. Но сено обычно они продавали, оставляя своему стаду ничтожное количество корма, чтобы как-нибудь поддержать его во время сильных холодов. Отсутствие сена из-за его реализации на сторону в холода нередко приводило к гибели большого количества скота. Особенно страдал скот от непогодных условий в первый весенний месяц — март. Мартовские дни (с 11 по 17-е) получили у ногайцев название «бердази» (ненастные дни марта). Существовала поговорка: «Анда бол да, мунда бол, бердазиде уьйде бол» — «Где бы ты ни был, а в ненастные дни марта старайся быть дома» [55].

---

[54] Джанибеков А. Ш. Очерки по истории ногайцев. Рукопись, л. 7.

[55] Ногайско-русский словарь. М., 1963, с. 77.

Тамги. Из книги Н. Тюменова «Туземцы Северо-Восточного Кавказа». М., 1958, из рукописи А. Ш. Джанибекова «Очерки по истории ногайцев».

Кочевники строили для скота четырехугольные загоны «стены» (курен кора), сложенные из толстых стеблей бурьяна. В одном из углов устраивали загородку для телят (шетен), чтобы отделить их от дойных коров. Стоянки с такими строениями назывались зимниками (кыслав). «Зимою,— писал С. В. Фарфоровский,— кибитки огораживаются с запада, севера и востока стенами из бурьяна, для защиты от холодных ветров; такие стены делаются для загона скота, овец и лошадей во время буранов и метелей. Те аулы, в которых встречаются подобные бурьяновые изгороди, называются по-ногайски кышлав, в переводе значит зимовка. В зимовках ногайцы живут только зимою, а с наступлением весны перекочевывают в другое место; с наступлением же следующей зимы они опять возвращаются в эти зимовки» [56]. Но большинство скотоводов в степях не имело даже таких примитивных загонов для скота. Поэтому во время морозов и ветров они сгоняли скот в глубокие балки и держали их там до наступления тепла. «От холодных зимних ветров скот и лошади укрывались в глубоких оврагах Бурунской степи» [57],— писал И. Мутенин. Отсутствие теплых помещений, как и кормов, ежегодно приводило к массовой гибели скота.

В районах обитания кубанских ногайцев климатические условия были наиболее благоприятными для занятия скотоводством и земледелием. Эти отрасли здесь развивались комплексно, хотя доминирующую роль в хозяйстве продолжало играть скотоводство.

У кубанских ногайцев с осени и до наступления тепла скот находился на общеаульных выпасах под присмотром пастухов. Только во время сильных морозов и снегопадов его держали в утепленных помещениях. В конце апреля или же в первых числах мая скот отправляли на арендованные участки горных выпасов, оставляя лишь дойных коров, рабочих лошадей и волов. Последних использовали в качестве тяговой силы на сельскохозяйственных работах, а также для перевозки грузов. На горных пастбищах стада зажиточных скотоводов пасли наемные пастухи. Многие богачи имели в горах частные владения. Так, подполковник Ураков распоряжался на левом берегу р. Уруп 2483 дес.[58] Он по своему усмотрению сдавал пастбищные угодья в аренду. Маломощные хозяйства для выпаса скота в горах объединялись вместе. Пастухи каждого такого объединения выбирали место стоянки на ночь, строили шалаш для ночлега и хранения продуктов, а для животных сооружали невысокие изгороди из жердей, куда их загоняли на ночь. Стоянки обычно размещались с таким расчетом, чтобы в каждом пастбищном районе оказались бы представители одного аульного общества. Между стоянками поддерживалась постоянная связь.

Накануне возвращения с горных выпасов старшие чабаны договаривались между собой о порядке прогона скота в пути, что обеспечивало безопасность животных и наличие кормов. Скот возвращался с альпийских пастбищ окрепшим и упитанным. К этому времени в аулах подходили к концу уборка урожая и заготовка сена. До наступления снегопадов корма перевозили с полей и сенокосных участков к скотным дворам и стоговали. Одновременно ремонтировали хозяйственные постройки и помещения для скота, готовя их к предстоящей зиме.

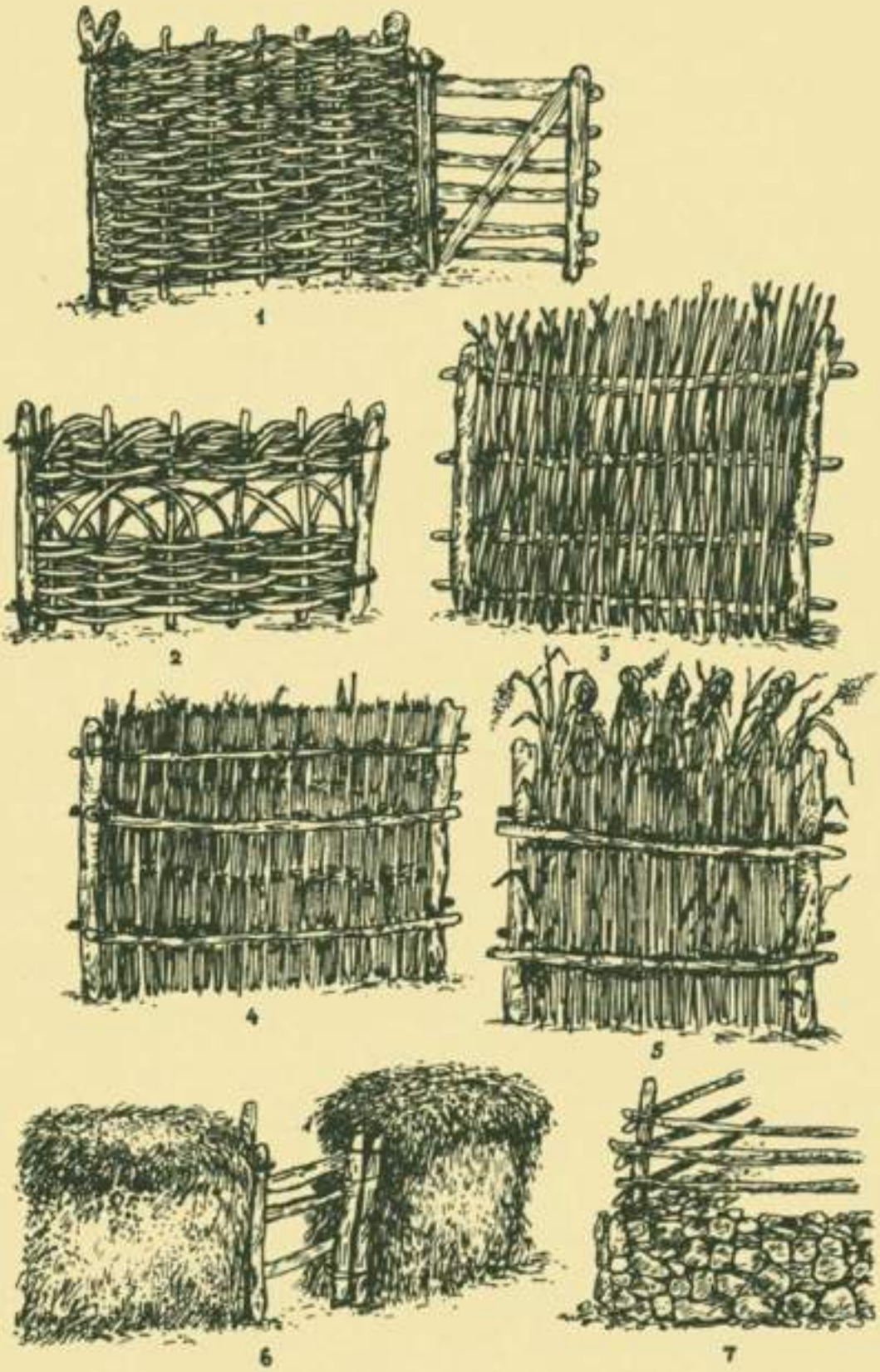
Поскольку не все хозяйства имели возможность сочетать земледельческие и отгонно-скотоводческие работы, они обычно выполняли многие хозяйственные операции сообща, на началах взаимопомощи. Такой взаимопомощью пользовались те хозяйства, которые имели несколько голов скота и небольшой надел земли из общеаульного фонда. Благодаря взаимопомощи они кое-как обеспечивали себя продуктами питания и необходимым сырьем для поддержания натурального хозяйства. Те же хозяйства, которые вовсе не имели скота, вынуждены были продавать свои наделы и уходить на заработки к зажиточным скотоводам и земледельцам.

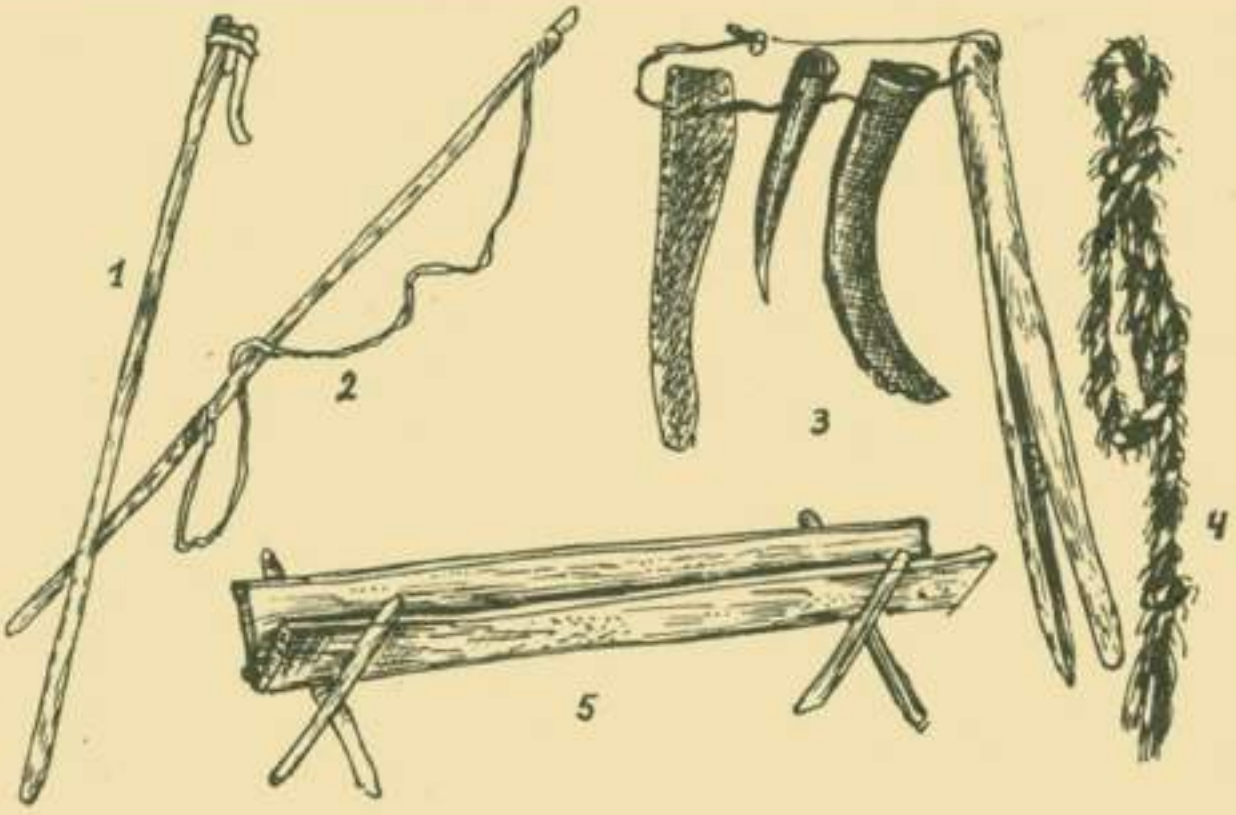
[56] Фарфоровский С. В. Указ. раб., с. 13—14.

[57] Мутенин И. Т. Указ. раб., л. 14.

[58] Распределение народонаселения Кубанской области.— ССК, т. 8, 1885, с. 275.

Виды изгороди. 1—3 шетен кора (шал), 4,5 — камыс кора, 6 шыр, 7 тас кора.

Предметы животноводческого быта. 1 ыргак, 2 увык, 3 койшы савыт, 4 бойыскан, 5 емкершен.

Значительную роль в экономике ногайского общества играли средства, получаемые от реализации излишков сырья и продуктов на внешнем и внутреннем рынке. Торговали ногайцы изделиями из овчин, кож и шерсти собственного производства, меньше металлическими предметами домашнего изготовления [59]. Приведенный в литературе перечень товаров свидетельствует о взаимовыгодных торговых отношениях между народами Северного Кавказа и с населением прилегающих районов. Так, аксаевские и костековские ногайцы в конце XIX в. ежегодно имели от продажи приплода крупного и мелкого рогатого скота 17 тыс. руб., от реализации шерсти и кож 3,4 тыс. руб. На эти деньги они покупали свыше 4 тыс. чувалов по 6 пудов хлеба [60], большое количество чая, соли и предметов домашнего обихода. Торговлей скотом и продуктами животноводства занимались и караногайцы. Они ежегодно продавали 900 лошадей, 4,5 тыс. голов крупного скота и 90 тыс. овец. Караногайцы производили в год 28 тыс. пудов шерсти. В 1916 г. для нужд действующей армии у караногайцев было закуплено скота на 800 тыс. руб. Ежегодный доход от скотоводства составлял 1156 тыс. руб.[61] Однако почти все эти средства доставались зажиточным скотоводам.

Кубанские ногайцы, имевшие меньше скота, чем ногайцы степей, меньше имели и продуктов скотоводства. У них торговля велась в одинаковой степени скотоводческими и земледельческими продуктами. Но больше доходов население и у них получало от реализации продуктов животноводства.

Землепользование и земледелие. В конце XVIII в на Молочных водах в бывшей Таврической губернии были завершены землеустроительные работы по на-

---

[59] См.: Фелицын Е. Западно-кавказские горцы и ногайцы в XVIII в. по Пейсонелю.— Кубанский сборник, том II. Екатеринодар, 1891, с. 15—18.
[60] Семенов Н. Указ. раб., с. 371—372.
[61] Капельгородский Ф. Указ. раб. л. 207—208.

делению землею кочевников-ногайцев. Местная администрация отвела им 352766 дес. земли, в том числе 285 тыс. дес. пригодной для земледелия. По своей конфигурации надел, отведенный ногайцам, напоминал треугольник и располагался на северо-восточном берегу Азовского моря. На западе граница шла от моря по левой стороне оз. Молочного и вдоль р. Молочной до ее притока Токмак, а на востоке — от устья р. Берды до ее верховья. С юга на север надел суживался, превращаясь в острый угол треугольника.

Наделение ногайцев землею в Таврической губернии было продиктовано стремлением ограничить их кочевание и постепенно сделать их «поселянами», чтобы облегчить властям надзор за степняками. Однако на первых порах это не дало желаемых результатов. Ногайцы продолжали кочевать, хотя уже в пределах установленных границ. «Земля,— писал в начале XX в. А. Сергеев,— отведенная ногайцам, находилась в их общем пользовании, но, кажется, каждый аул, вернее, каждая орда по взаимному соглашению владела определенным участком, на котором ногайцы и кочевали весною и летом со всеми кибитками и стадами. Зимою же они жили в выкопанных возле кибиток землянках, «казанах» [62].

Первые постоянные дома таврические ногайцы начали строить в начале XIX в. К 1807 г. ими было возведено 1290 домов и 35 землянок, к концу 1811 г. жилых домов насчитывалось 4043, а кибиток оставалось только 669. По мере роста числа оседло живущих семей, росла и степень занятости земледелием в сочетании со скотоводством. Земледелие поощрялось властями. В 1801 г. ногайцам были выданы семена для посева и несколько десятков сельскохозяйственных орудий.

С завершением оседлости ногайцы начали повсеместно заниматься земледелием. Если раньше они получали зерно путем покупки и обмена у соседей, то теперь они сами обеспечивали себя хлебом, а в отдельных хозяйствах даже образовывались излишки на продажу. Так, в 1812 г. ногайцы продали 15 тыс. четвертей хлеба, в 1822 г.— 30 тыс. четвертей. Основными покупателями их зерна были греки, караимы, нахичеванские и крымские армяне-купцы.

Администрация Ногайского приставства поощряла и развитие на Молочных водах садоводства. В 1811 г. в Обиточной за счет ногайцев и их руками была заложена огромная плантация фруктовых деревьев, которая стала впоследствии самым красивым местом во всем приставстве. Здесь ногайцы ежегодно бесплатно получали саженцы для выращивания деревьев на их приусадебных участках. В начале 1830-х годов на территории приставства были выращены, помимо деревьев на приусадебных участках, еще 13 крупных частных садов, казенный и 2 частновладельческих виноградника [63]. Таким образом, первая плантация, заложенная руками бывших кочевников, положила начало развитию садоводства и виноградарства в Ногайском приставстве.

В XIX в. земледелие уже играло существенную роль и у ногайцев в низовьях побережья Волги и на нескольких ее небольших притоках. Общая площадь, отведенная им, составляла 80 тыс. дес., в том числе 27,4 тыс. дес. относившихся к разряду плодородных. Здесь ногайцы занимались выращиванием злаковых и овощных культур, а также сенокошением. Остальные земли использовались для содержания скота на подножном корму до наступления больших холодов.

У юртовских ногайцев одни хозяйства больше внимания уделяли скотоводству, другие — земледелию, в зависимости от их земельного надела и плодородия почвы. Так, жители селений Бобровского и Есаульского, а также и ногайцы, кочевавшие по линейному тракту, отдавали предпочтение скотоводству, ногайское же население окрестностей Астрахани занималось выращиванием огородных культур для городского рынка. Жители селений Соляники, Биш-Тюбея и Келечи специализировались на выращивании бахчевых, а также винограда [64] и т. д., и т. п.

---

[62] Сергеев А. Указ. раб., с. 20.
[63] Там же, с. 61.
[64] Небольсин П. Очерки Волжского низовья. СПб., 1852, с. 65.

Предметы земледельческого быта.

У кубанских ногайцев переход к земледелию складывался несколько иначе, чем у степных кочевников. Уже до перехода к оседлости они кочевали в верховьях Кубани, где во второй половине XIX в. были наделены землей. Это мероприятие, проведенное царской администрацией получило широкое освещение в литературе того времени [65].

Особенно интенсивно происходил переход ногайцев к земледелию на юго-востоке Ставропольской губернии и в Дагестане в конце XIX — начале XX вв. Костековские и аксаевские ногайцы остро ощущали недостаток в пастбищах. Это вынудило их широко заняться земледелием, а также и отхожими промыслами. В конце XIX в. хлебопашеством у них занималось 850 семейств, ежегодно засевавших 250 чувалов пшеницы и 150 чувалов проса. Они снимали урожай до 1400 чувалов пшеницы и около 750 чувалов проса в год. Однако этого им не хватало, и они ежегодно прикупали на стороне 4338 чувалов по 6 пудов хлеба [66]. Недостаток хлеба был вызван отсутствием пригодных для обработки земель.

В Караногае росту посевных площадей в значительной мере способствовали

---

[65] Гаврилов П. А. Устройство поземельного быта горских племен Северного Кавказа.— ССКГ, вып. II, 1869; Щербина Ф. Общинный быт и землевладения у кавказских горцев.— СВ, 1886, и др.

[66] Семенов Н. Указ. раб., с. 369.

мероприятия, проведенные Ф. Капельгородским в интересах беднейших слоев населения. В 1912 г. возглавляемая им комиссия взяла под контроль наиболее пригодные для обработки участки на границе с едишкульцами. Тем самым она оградила их от потравы скотом богачей. «Для бедняков открылась возможность заняться хлебопашеством. За короткое время в указанном районе выросло несколько значительных аулов (например, в Уйсалгане было до 200 дворов); им дали отдельных аульных старшин, чем ослабляется родовая связь и устанавливается новая, общественно-хозяйственная. Опыт был настолько удачен, что бедняки и середняки по Сулу-Чебутле в свою очередь настояли на отводе им пахотных мест в районе Чебутлы» [67],— констатировал впоследствии Ф. Капельгородский. Кроме того, комиссия запретила беднякам сдавать свои наделы в аренду.

Начало развиваться земледелие и у тех ногайцев Ачикулакского приставства, которые по словам А. Якоби, отдельными семьями «занимаются земледелием и даже продают часть зерна, если урожаи благоприятны; живут маленькими, частными аулами. Джембойлуки тоже подвигаются к оседлости, имеют большой аул (Ильяс-кишлау) и что очень важно — просили начальство степи дать им душевой земельный надел. Едишкулы — тоже не могут считаться чистыми кочевниками: их аул-зимовка Махмуд-Мектеб зимой 1892 г. имел 2—3 хаты, а в 1897 г. в нем зимовали уже до 90 семей. Они тоже заявили, что желают устроиться аулами. Средний ногайский аул по расчету на 100 душ, имеет 2138 десятин» [68].

Переход к оседлости, а вместе с тем и к земледелию ачикулакских ногайцев, на первых порах тормозился отсутствием у них опыта по обработке песчаных земель. По этому поводу М. Смирнов писал, что «для удовлетворения нужд общественных и отчасти личных они все большее количество своей земли отдают в аренду, сами не переходят на земледелие» и что «отсутствие навыка, неумение приспособиться к новым условиям, неумение взять все от имеющегося земельного клочка делают переход этот болезненным и порождают бедность с неизменным спутником — повышенной смертностью» [69].

В конце XIX — начале XX вв. территория Ачикулакского приставства условно делилась на три части. Первую составляли земли, закрепленные за перешедшими к оседлости кочевниками, вторую — земли кочевников, используемые ими только в качестве пастбищ и сенокосов, третьи — так называемые оброчные земли. На душу мужского населения приходилось 19,5 дес. земли [70]. Семьи также получали некоторый доход от оброчных земель, т. е. земель, принадлежащих всей общине и обычно сдававшихся ею в аренду.

Переход населения к земледельческой оседлости в основном диктовался отсутствием в хозяйствах скота. Это подтверждают данные по Ачикулакскому приставству: из общего числа перешедших к оседлости не имели никакого скота 176, лошадей — 298, рогатого скота — 277, овец и коз — 239 дворов, что составляло 81,29% от общего числа осевших [71].

Кубанские ногайцы, в отличие от степных, оброчных земель не имели. У них вся земля была распределена между сельскими общинами. Благоприятные климатические условия и плодородные почвы привлекали кубанских ногайцев к земледелию. Они сеяли пшеницу, ячмень, просо и кукурузу. Из овощных культур на приусадебных участках больше всего выращивали картофель, огурцы и бахчевые.

В XIX в. в районах Северного Кавказа с ногайским населением большинство крестьян продолжало пользоваться примитивным пахотным орудием с

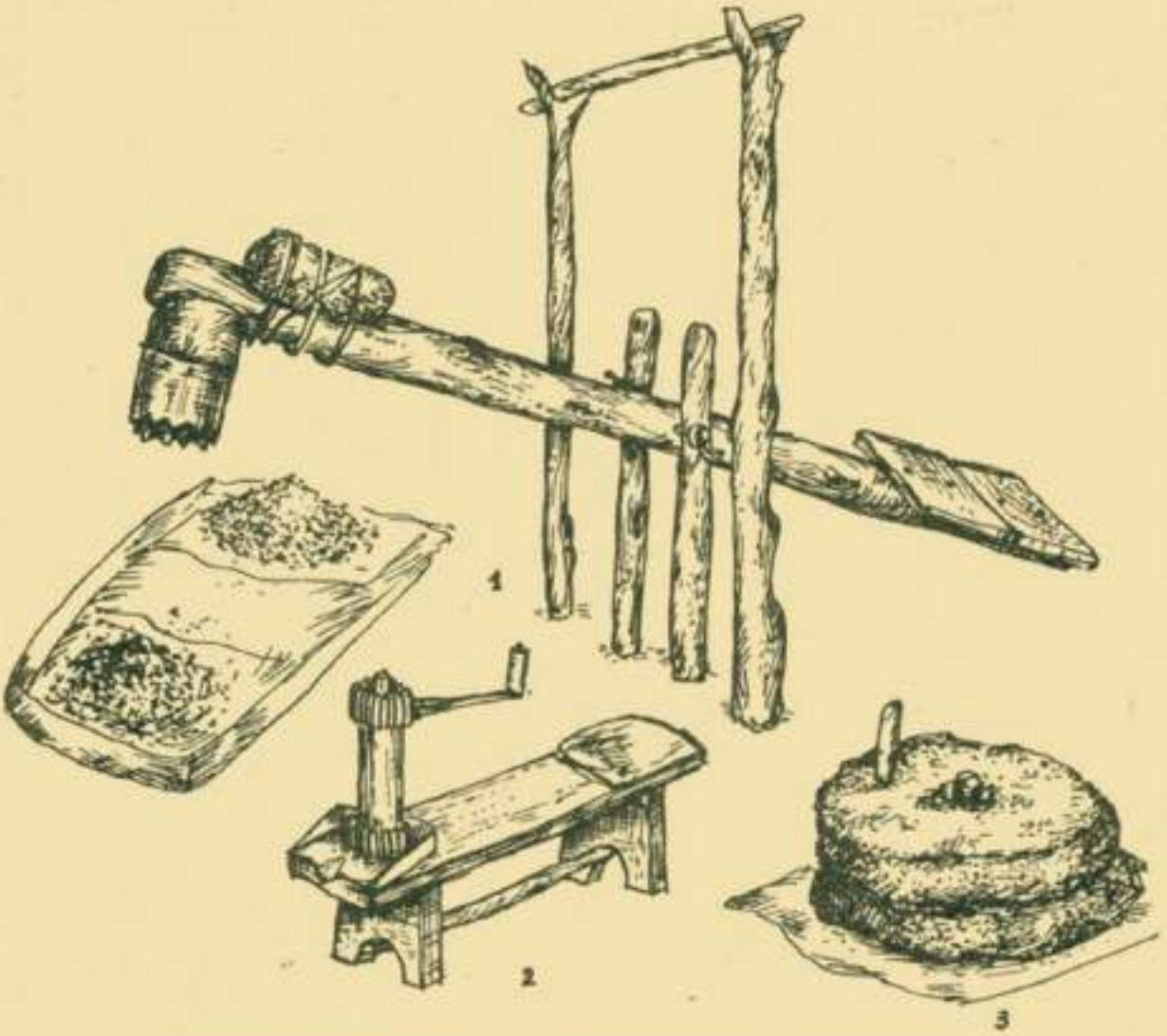
[67] Капельгородский Ф. Указ. раб., л. 204.

[68] Якобий А. Указ. раб., с. 11.

[69] Смирнов М. Очерк хозяйственной деятельности Ставропольской губернии к концу XIX века. Ставрополь, 1913, с. 31.

[70] Там же, с. 51.

[71] Мутенин И. Указ. раб., л. 24.

Предметы обработки зерна. 1 диик, 2 колтуъйирмен, 3 тастуъйирмен.

железным лемехом и деревянной волокушей для запахивания семян. Урожай убирали серпами и косами, а обмолачивали обычно копытами волов. Для этого на участке для молотьбы вкапывали большой столб, к которому привязывали волов, ходивших по кругу на корде. А. Олеарий, наблюдавший обмолот колосьев уже в XVII в., писал, что «по дороге, в разных местах, мы видели, как бегали в круге привязанные к столбу волы и лошади, которые должны были выбивать и молотить просо» [72]. Этот средневековый способ молотьбы бытовал в среде крестьянства вплоть до Великой Октябрьской социалистической революции. Только в наиболее зажиточных хозяйствах кубанских ногайцев в конце XIX в. появились паровые молотилки, а также конные косилки и грабли.

Особенно остро ощущали нехватку сельхозинвентаря жители степных районов. Здесь из-за дороговизны дерева крестьяне не могли покупать материал для изготовления нужных им орудий труда. В то же время зажиточные степняки соперничали между собой в оснащении хозяйств новейшей техникой, в первую очередь, сеноуборочными агрегатами. Гораздо меньше заботы проявлялось ими о пахотных орудиях, так как они вообще пренебрежительно относились к земледелию. Многие зажиточные кочевники-скотоводы прямо выступали против развития земледелия, боясь потерять свои пастбищные угодья.

Тяжелое материальное положение ногайских крестьян степных районов Северного Кавказа способствовало широкому развитию наёмного труда и отходничества. Значительная масса крестьян жила за счёт средств, заработан-

[72] Олеарий А. Указ. раб., с. 412—413.

ных у богатых односельчан или же на стороне. Как известно, В. И. Ленин, характеризуя значение наёмного труда для зажиточных хозяйств, писал: «*Необходимым условием существования зажиточного крестьянства является образование контингента батраков и поденщиков*»[73]. Среди ногайских батраков было много отходников. Так, бедняки костековского и аксаевского обществ ежегодно с наступлением полевых работ уходили на заработки и оставались в найме до глубокой осени. По подсчётам Н. Семенова каждый год уезжало около 750 человек. За сезон полевых работ ногайский батрак-отходник зарабатывал 20—25 руб. По тем же данным, батраки-ногайцы ежегодно зарабатывали на стороне 16875 руб.[74] В Караногае в особенно тяжелом положении находились ачикулакские ногайцы. Здесь 50% мужского населения ежегодно уходило на заработки в Терскую область и в Ставропольскую губернию. По словам Н. Мутенина, «каждый год в аулах отсутствовало большинство взрослых и способных к труду мужчин и юношей, дома оставались лишь глубокие старики, женщины и дети»[75]. В поисках куска хлеба для себя и своей семьи ачикулакские ногайцы уходили на заработки даже зимой, преимущественно к зажиточным крестьянам Кизлярского уезда.

Отходничество имело значительное распространение и среди астраханских ногайцев, однако, как правило, не на земледельческие, а на другие работы. Гораздо меньше уходило на заработки из среды кубанских ногайцев.

Несмотря на долгое отсутствие мужского населения в своих селах и изнурительный труд, отходничество все же имело прогрессивное значение, так как оно способствовало повышению самосознания и культурного уровня крестьян. В. И. Ленин писал, что отход «...вырывает население из заброшенных, отсталых, забытых историей захолустий и втягивает его в водоворот современной общественной жизни. Он повышает грамотность населения и сознательность его, прививает ему культурные привычки и потребности.

Отход в города ослабляет старую патриархальную семью, ставит женщину в более самостоятельное положение, равноправное с мужчиной»[76].

Охота и рыболовство[77]. Одним из занятий ногайского населения оставалась охота. Охотничья добыча шла на ежедневные нужды кочевников и изготовление принадлежностей домашнего обихода. Особенное развитие охотничий промысел получил в степных районах Ставропольской губернии и на северо-западе Дагестана. Занимались охотой и кубанские ногайцы, но у них, начиная с первой четверти XIX в., охота постепенно уходила из быта и в конечном итоге она стала занятием одиночных любителей.

Охотники добывали главным образом пернатую дичь, зайцев, сайгаков, диких коз, лис, ласок, волков и других хищников. Охотились различными способами. При групповой охоте в камышевых зарослях или в лесах устраивали облавы, но чаще практиковалась одиночная охота на специально обученной лошади. Верхового охотника обычно сопровождала охотничья собака.

Для ловли зверей и птиц широко применяли самодельные капканы различных конструкций и назначений, ловчие сети и корзины-ловушки. Особым способом ловили перепёлок и куропаток. В центре просяного поля вытаптывали стерню и делали здесь небольшие ямки на расстоянии 10 см друг от друга. В каждую ямку забивалась палочка с ниткой, к которой привязывалось зернышко. Палочку и нитку прикрывали сверху землей, а вокруг рассыпали корм для приманки.

Небезынтересен также народный способ охоты, применявшийся для добычи зверей в холодное время года. С этой целью делали пружинки из кусков гибкого ивового прута с заостренными концами и опускали их в растопленный животный жир, оставляя там до застываний, а затем замораживали. Такие шарики разбрасывали в местах, где часто встречались звери. Как только

---

[73] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 3, с. 100.
[74] Семенов Н. Указ. раб., л. 371.
[75] Мутенин Н. Указ. раб., л. 15.
[76] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 3, с. 576, 578.
[77] Раздел написан на основе материалов А. И.-М. Сикалиева.

зверь проглатывал шарик, жировая оболочка растворялась, и прут, постепенно разгибаясь, прорывал желудок животного.

Профессиональные охотники широко применяли также ловчих птиц, которых насчитывалось до 15 разновидностей, излюбленной ловчей птицей был беркут. Занимались ногайцы и рыболовством. Особенно оно было развито у их предков, которые в течение нескольких столетий обитали в низовьях Волги. В этих краях рыбные блюда долгое время являлись составной частью ежедневного меню кочевника.

2.3. Современное сельское хозяйство

Победа Великой Октябрьской социалистической революции коренным образом изменила экономические условия жизни народов Советского Союза.

За годы пятилеток колхозы и совхозы Карачаево-Черкесии превратились в крупные механизированные хозяйства. В начале 1983 г. в области имелось 14 колхозов, 26 совхозов, 2 опхоза, птицефабрики «Заря» и «Дружба», откормобъединение Эркин-Шахарский, плодосовхоз. Ногайское население области трудится в основном в совхозах «Икон-Халкский», «Эркин-Юртский», «Черкесский», Эркин-Шахарском плодосовхозе и Эркин-Шахарском объединении по доращиванию и откорму крупного рогатого скота. Природно-климатические условия области позволяют хозяйствам заниматься одновременно полеводством и животноводством. Однако отдельные совхозы и колхозы развивают свои хозяйства исходя из производственной целесообразности. В последние годы широкий размах приняло движение за специализацию сельского хозяйства, позволяющее больше сделать для выполнения производственной программы.

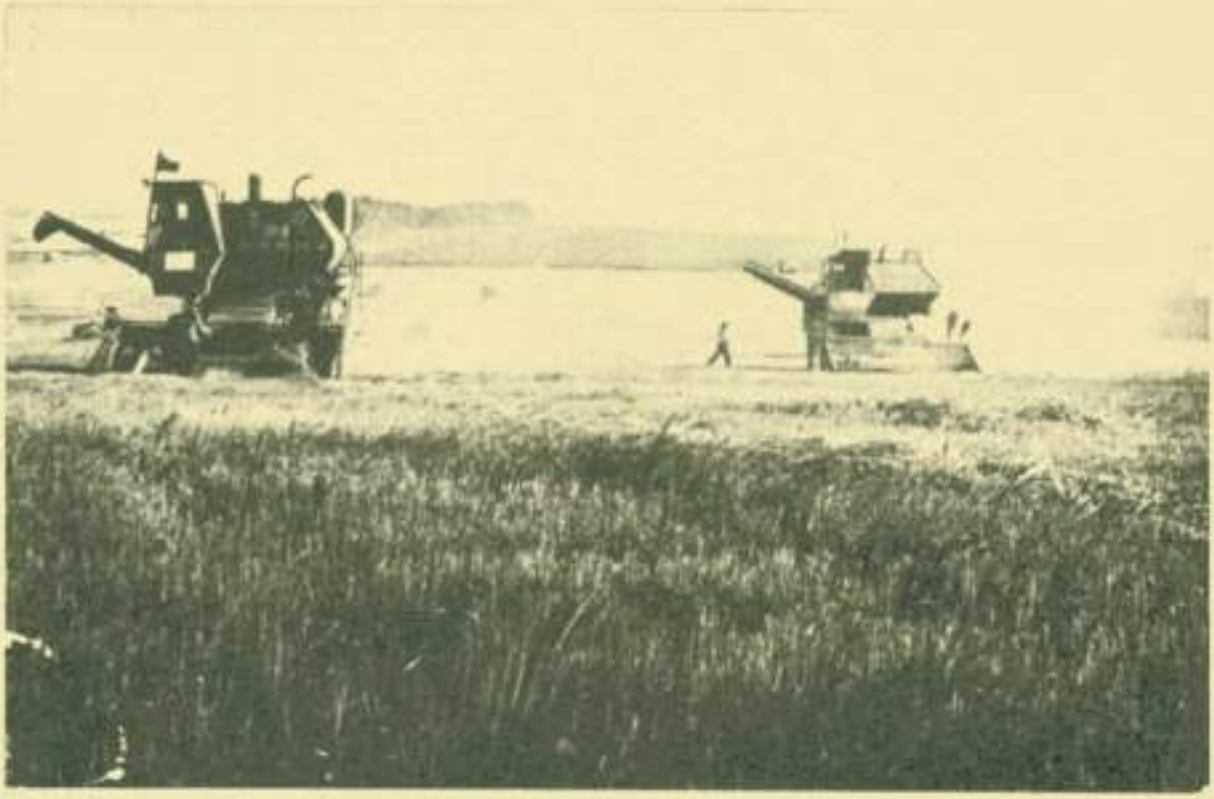
Совхозы «Икон-Халкский», «Эркин-Юртский» и «Черкесский» занимают плодородные предгорные земли в северо-западной части области. Хозяйство здесь комплексное земледельческо-животноводческое. В земледелии главное место занимают зерновые культуры. Ежегодно под них отводится около 60% обрабатываемой земли. Особенно высок удельный вес озимой пшеницы. Ее площадь в общей структуре зерновых культур обычно составляет около 40%. Хозяйства культивируют высокоурожайные сорта пшеницы «безостую» и «мироновскую-юбилейную».

Значительное место в полеводстве названных хозяйств отводится и кукурузе. Ее, как правило, обрабатывают механизированным способом, и отдельные механизированные звенья получают ежегодно высокие урожаи зерна и зеленой массы.

С 1964 г. хозяйства области начали культивировать сахарную свеклу, и теперь многие из них стали основными поставщиками этой ценной культуры для Эркин-Шахарского сахарного завода. В дни прополки и уборки свеклы на помощь труженикам села приходят школьники старших классов, студенты вузов и техникумов, рабочие промышленных предприятий, работники государственных учреждений. Чтобы привлечь больше людей к обработке сахарной свеклы, полеводческие отделения обычно распределяют засеянный массив по гектарно.

Полевые работы начинаются с наступлением первых весенних дней и завершаются в конце ноября. В течение семи месяцев рабочие совхозов заняты на различных производственных участках, и продолжительность рабочего дня на это время во многом зависит от характера сезонного цикла. На летний период времени она возрастает, а зимой значительно сокращается, и рабочие заняты меньше, зато по мере похолодания увеличивается загруженность работников животноводческих ферм.

Производственные участки в аулах образованы по территориальному принципу, что позволяет осуществлять оперативное руководство ими в период сезонных работ. Участки в совхозах работают по планам, заранее разработанным на весь производственный год. Из членов бригады создаются механизированные звенья, за которыми закрепляются пропашные культуры.

Уборка пшеницы. Фото И. Матакаева.

Механизарованные звенья в хозяйствах выполняют много сложных и трудоемких процессов. Уже много лет в совхозе «Эркин-Юртский» работает комсомольско-молодежное механизированное звено из выпускников средней школы. Его организатором стали Зухра Кумукова и Дженетхан Керимова.

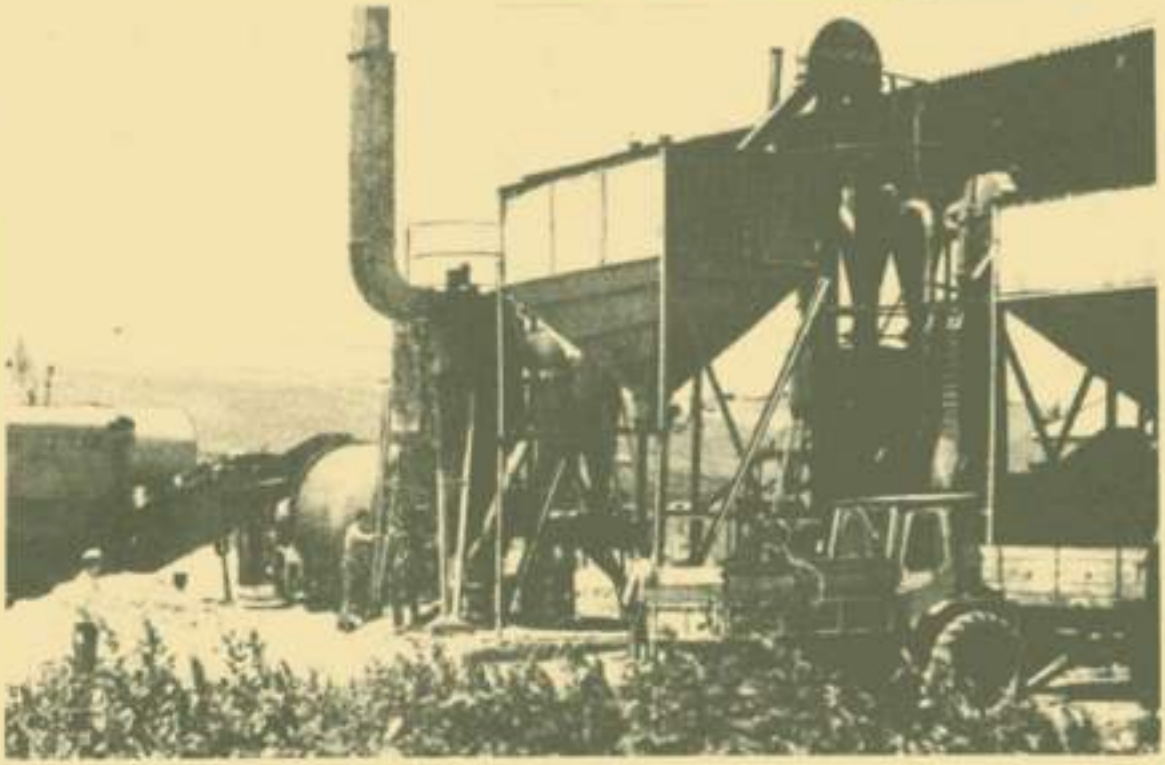
В хозяйствах рабочая сила расставляется в зависимости от объема и трудоёмкости работы. Пахота, сев, погрузка зерна и другие трудоёмкие производственные процессы выполняют главным образом мужчины, а женщины занимаются прополкой овощных и зерновых культур, сбором фруктов и овощей. В разгар сельскохозяйственных работ по инициативе стариков создаются сенокосные бригады.

Коренные изменения, происшедшие в сельском хозяйстве области, позволили к 1980 г. увеличить производство зерна, по сравнению с 1913 г. в 3,5 раза, в том числе озимой пшеницы — в 5,5 раза, овощей — в 13 раз, картофеля — в 8 раз. Достичь таких высоких показателей удалось благодаря росту материально-технической базы колхозов и совхозов, внедрению передовых методов агрокультуры, созданию квалифицированных кадров.

Большое внимание уделяется механизации трудоёмких процессов и применению минеральных и органических удобрений в сельскохозяйственном производстве. В настоящее время колосовые и пропашные культуры обрабатываются только механизированным способом. В этой связи показательны данные по Адыге-Хабльскому району. Только за годы десятой пятилетки хозяйства района получили от государства 250 тракторов, 110 комбайнов и много другой техники[78]. За этот же период было подготовлено большое число специалистов сельского хозяйства. Только из стен Эркин-Шахарского профессионально-технического училища были выпущены 3384 механизатора. В 1983 г. в хозяйствах района трудились около 150 механизаторов с высшим и средним образованием.

Среди ногайских хозяйств Адыге-Хабльского района ведущее место в поле-

[78] Ленинское знамя, 1980, 15 ноября.

Агрегат витаминной муки. Совхоз «Икон-Халкский». Фото И. Матакаева.

водстве занимает совхоз «Эркин-Юртский». Его труженики ежегодно выполняют план сдачи государству сельскохозяйственных продуктов.

Вся работа в совхозе ведется на хозрасчетных началах: введена чековая система расчетов, аккордно-премиальная оплата труда, которые стимулируют работников сельскохозяйственного производства, на каких бы участках они ни трудились. В последние годы вводится бригадный подряд.

В налаживании хозрасчетной системы большую роль в хозяйстве играет экономический совет, функционирующий при центральной усадьбе совхозов. Кроме того, здесь же постоянно работает кружок по изучению основ управления сельскохозяйственным производством, созданный для обучения специалистов среднего звена.

В десятой пятилетке на дальнейшее развитие сельского хозяйства Карачаево-Черкесии было израсходовано 336 млн. руб. Часть этих средств колхозы и совхозы затратили на мелиорацию свыше 7 тыс. гектаров земельных угодий. В настоящее время КЧАО располагает 30 тыс. гектаров поливных земель. Для более эффективной эксплуатации оросительных систем созданы специализированные объединения «Полив». Такие объединения имеются в Адыге-Хабльском, Прикубанском и в Хабезском районах. В 1981 г. только Адыге-Хабльским районным объединением «Полив» было орошено 4,6 тыс. га пахотных угодий при плане 4,3 тыс. га, а всего (считая повторные поливы) 13 тыс. гектаров при годовом плане восемь тысяч [79].

За годы десятой пятилетки в области также было улучшено 223 тыс. гектаров естественных сенокосов и пастбищ. За это же время в Карачаево-Черкесии возникли областное и районное объединения «Сельхозхимия», которые начали регулярно оказывать помощь хозяйствам по внедрению в полеводство органики. Все эти меры позволили хозяйствам в десятой пятилетке повысить уровень переработки продукции в полеводстве (в расчете на кормовые единицы) на 8,6% по сравнению с девятой пятилеткой. За этот же период урожайность

[79] Ленинское знамя, 1981, 15 ноября.

Ток рисоводческого совхоза «Огузерский» Кизлярского района ДАССР.

зерновых культур возросла на 3,5, картофеля — на 18, зеленой массы кукурузы — на 2, сахарной свеклы — на 66 центнеров [80].

Определенный вклад в выполнение планов десятой пятилетки внесли и труженики Адыге-Хабльского района. За пятилетие урожайность зерновых культур возросла здесь на 4,6, сахарной свеклы — на 90%. Пятилетний план район завершил, имея на своем счету около 7,5 тыс. т хлеба и 44,5 тыс. т сахарной свеклы, проданных государству сверх плана [81]. Четыре звена из совхоза «Эркин-Юртский» выполнили план десятой пятилетки уже в канун 1 Мая [82]. В этом же хозяйстве выросло немало известных мастеров по выращиванию кукурузы. Особенно высоких результатов ежегодно добивалось женское механизированное звено во главе с кавалером ордена «Знак Почета» М. Еслемесовой. В 1979 г. оно получило с каждого гектара кукурузы по 310 ц зеленой массы при плане 250 ц. За успехи в социалистическом соревновании члены звена неоднократно награждались грамотами и поощрялись премиями.

За годы десятой пятилетки хозяйства Карачаево-Черкесии накопили определенный опыт и по выращиванию зеленой массы . Некоторые из них получают два урожая зеленой массы в год. Среди этих хозяйств, например, совхоз «Эркин-Юртский», который ежегодно снимает с полей по 500 центнеров зеленой массы с гектара. Руководствуясь программными документами партии и правительства, Карачаево-Черкесский обком КПСС принял ряд дополнительных мер по укреплению кормовой базы, что позволило в целом по области увеличить производство кормов на 15%. Широко практикуются повторные и пожнивные посевы, расширены площади многолетних трав, кормосмесей, улучшена технология уборки, хранения и подготовки кормов к скармливанию. Введен в действие Эркин-Шахарский комбикормовый завод. В хозяйствах

[80] Ленинское знамя, 1981, 6 января.
[81] Там же, 5 декабря.
[82] Там же, 2 мая 1980 г.

построено 50 кормоцехов, 70% заготавливаемого силоса закладывается в облицованные траншеи с применением консервантов. За пять лет коренное улучшение лугов проведено на 51 тыс., поверхностное — на 180 тыс. гектарах [83]. Карачаево-Черкесия досрочно выполнила пятилетний план продажи государству зерна, картофеля, молока, шерсти и яиц [84].

Агропромышленные органы, совхозы и колхозы, широко используя хозрасчетные методы, коллективный подряд и передовой опыт, добились в одиннадцатой пятилетке новых трудовых успехов. Планы по продаже зерна, сахарной свеклы, картофеля, овощей, травяной муки, мяса, молока были выполнены досрочно. За эти же годы закупки зерна возросли на 23, картофеля — на 33, сахарной свеклы — на 18, овощей — на 37%; среднегодовое производство мяса на 32,7, молока — на 9,2, яиц — на 76,9%. Объем закупок этих продуктов также превысил уровень десятой пятилетки. В колхозах и совхозах получено 54 млн. руб. прибыли. По итогам 1985 г. и одиннадцатой пятилетки переходящими Красными Знаменами ЦК КПСС, Совета Министров СССР, ВЦСПС и ЦК ВЛКСМ награждены Усть-Джегутинский районный комитет КПСС, коллектив завода РТИ, цементного завода и колхоза им. XXII съезда КПСС, а переходящими Красными Знаменами Совета Министров РСФСР и ВЦСПС Адыге-Хабльский районный комитет КПСС, Чапаевский сельский Совет, коллективы совхоза «Джегутинский» и Урупского мясокомбината [85].

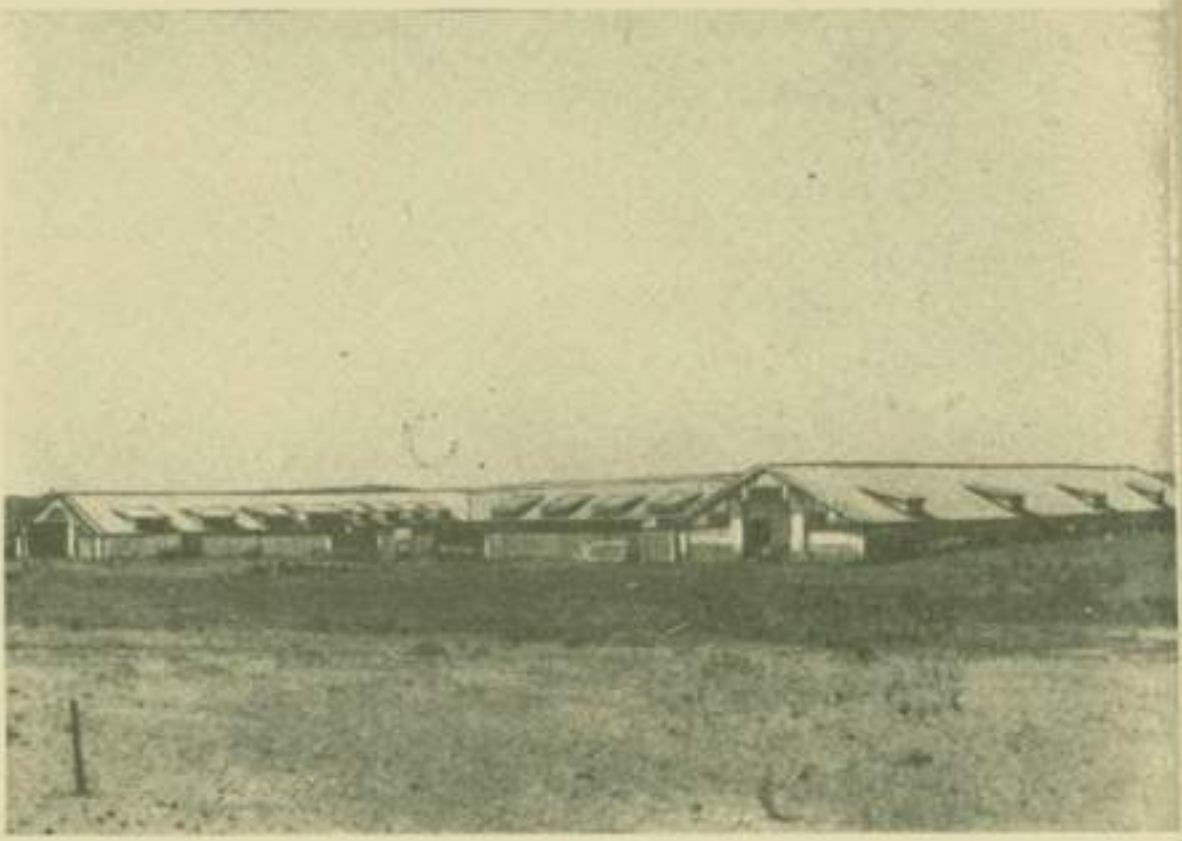
На двенадцатую пятилетку партия выдвинула масштабную программу, которая принята на XXVII съезде КПСС. Взятый партией курс на ускорение социально-экономического развития страны определяет характер и темпы нашего движения вперед. Большие задачи стоят в этой связи и перед тружениками сельского хозяйства Карачаево-Черкесии. За эти годы заготовка мяса возрастет на 19, молока — на 13, шерсти — на 9%. К концу пятилетки производство говядины должно быть доведено до 27 тыс. тонн [86]. К 1990 г. планируется ежегодно получать зерна не менее двухсот тыс тонн, сахарной свеклы — 340—350 тыс. тонн, добиться урожайности колосовых культур с одного гектара не менее 32 центнеров, кукурузы на зерно — 40, кукурузы на силос — 350, сахарной свеклы — 360, картофеля — 200, овощей — 170, плодов — 80 центнеров [87].

Коренным образом изменился и производственный быт ногайцев. Труженики полей ежедневно доставляются на работу на автомашинах. В степи для них построены полевые станы, обычно состоящие из нескольких комнат, столовой, красного уголка и т. д. Они строятся из жженого кирпича, покрыты железом или шифером. Внутри и снаружи они побелены, а вокруг посажены фруктовые деревья. Комната, отведенная под красный уголок, украшена плакатами, наглядными пособиями; здесь же имеются настольные игры, радиоприемники и телевизоры, регулярно поступают свежие газеты и журналы. Работой красных уголков руководят сельские клубы, которые направляют туда лекторов и необходимую литературу. Полевой стан — это своеобразный культурный очаг в степи, немало содействующий повышению культурного уровня каждого труженика и воспитанию социалистического отношения к труду. Большую роль играют и стенные газеты, выпускаемые на полевых станах: они освещают ход социалистического соревнования, рассказывают о передовых людях труда, критикуют нарушителей трудовой дисциплины.

Огромные изменения произошли и в области животноводства, продолжающего занимать ведущее место в народном хозяйстве Карачаево-Черкесии. Животноводство дает больше половины стоимости всей реализуемой сельскохозяйственной продукции. Колхозы и совхозы ежегодно получают значительные доходы от реализации продуктов животноводства и его сырья.

---

[83] Ленинское знамя, 1981, 13 января.
[84] Там же, 1981, 6 января.
[85] Ленинское знамя, 1986, 25 января.
[86] Там же.
[87] Там же, 1986, 25 февраля.

Овцеферма в госплемовцезаводе «Червленые буруны».

В ногайских хозяйствах области наиболее выгодным и рентабельным остается овцеводство, так как оно наименее трудоемкое. Кроме того, с заменой грубошерстных овец овцами полутонкорунных и кроссбредных пород доходы от овцеводства за последние годы возросли. Овцеводы области и сотрудники Всесоюзного научно-исследовательского института овцеводства и козоводства проделали большую работу, направленную на увеличение числа овец, дающих кроссбредную шерсть[88]. С 1974 г. в хозяйствах области принимаются меры к ускоренному увеличению их поголовья.

Стрижка овец во всех хозяйствах механизирована, что облегчает труд стригалей и повышает классность шерсти.

Большую роль в совхозах и колхозах играют животноводческие фермы. Обычно совхозы имеют по нескольку молочно-товарных и овцеводческих ферм. За ними закреплены специалисты, окончившие техникумы и сельскохозяйственные институты. На многих животноводческих фермах выросли настоящие мастера своего дела. Так, ежегодно высоких производственных показателей добивалась в совхозе «Икон-Халкский» заведующая молочно-товарной фермой кавалер орденов Ленина и Октябрьской революции, делегат XXIII съезда КПСС Клычхан Мижева, известная достижениями за пределами КЧАО доярка колхоза им. Кирова — Эртухан Аубекижева.

Хозяйства Карачаево-Черкесии располагают богатыми пастбищами. Из 662 тыс. га сельскохозяйственных угодий 476 тыс. составляют пастбища и сенокосы. Каждое хозяйство имеет пастбищные угодья на своей территории и в горах, куда весной перегоняют общественный скот. Отгонное животноводство по-прежнему продолжает играть значительную роль в ногайских хозяйствах. Однако его организация за годы Советской власти изменилась. Перед отгоном животным делают прививки; на горные пастбища регулярно выезжают специалисты. Для успешного перегона скота колхозы и совхозы выделяют в помощь

[88] Потомство овец местных пород и баранов мясо-шерстных пород.

Ногайская порода овец. Из кн.: В. А л и к о в. Очерк положения животноводства в Терской области. Владикавказ, 1912.

животноводам дополнительные силы. Изменились и сами пути следования: на сотни километров протянуты шоссейные дороги, через горные реки перекинуты широкие мосты.

Скот отправляют на горные пастбища в первых числах мая, и он остается там до конца октября. Для содержания скота в последние годы стали строить специальные помещения. Некоторые хозяйства оставляют часть скота на горных пастбищах и на зимний период.

Молочно-товарные фермы горных пастбищ оснащены электродоильными аппаратами, автопоилками, соломорезками и другой техникой. Для работников животноводства здесь построены капитальные жилые дома, в которых созданы необходимые условия для культурного отдыха. Если в прошлом пастухи круглые сутки находились около стада, то теперь они работают посменно.

Важное место в работе колхозов и совхозов занимает заготовка кормов на зиму. Ежегодно совершенствуется механическая заготовка кормов для общественного животноводства. Стогование сена и соломы производится теперь тракторами-волокушами и механическими стогометателями. Во всех хозяйствах освоено производство сенажа и травяной муки. Значительная часть грубых кормов прессуется и подвозится к местам зимовки скота. Расширяется производство семян лугопастбищных трав. Создано более 13 тыс. гектаров долголетних культурных пастбищ, проведено поверхностное улучшение пастбищ на площади 90 тыс. гектаров.

Колхозно-совхозные механизаторы Карачаево-Черкесии заботятся и об облегчении трудоемких процессов на животноводческих фермах. На многих фермах механизированы подача воды, раздача кормов, удаление навоза и дойка.

Бараны породы «грозненская». Племовцезавод «Червленые буруны».

Хозяйства и население Ногайского района Дагестана рассредоточены с таким расчётом, чтобы планомерно использовать земельные ресурсы в условиях полупустынной зоны. За годы Советской власти в Ногайском районе выросло семь крупных специализированных хозяйств овцеводческого направления. Одно из них, «Червленые буруны», с самого начала его организации стало племенным заводом, сыгравшим большую роль в развитии овцеводческого хозяйства не только на Северном Кавказе, но и за его пределами. Овец, выведенных специалистами и опытными ногайскими чабанами в этом хозяйстве, сейчас успешно разводят в Бурятской АССР, в Оренбургской области, в Нижнем Поволжье и в других областях страны. Планомерному развитию овцеводства способствует расширяющаяся кормовая база, в сфере которой в настоящее время работают различные усовершенствованные механические агрегаты по выращиванию, уборке, хранению и раздаче животным кормов. Совхозы применяют здесь около 300 тракторов с их землережущими приспособлениями и скашивающими машинами, свыше 40 дождевальных агрегатов и насосно-силовых установок для орошения посевов и много другой техники.

В каждом хозяйстве района пастбищные угодия разделены на участки и закреплены за овцеводческими фермами, между которыми идет соревнование за звание лучшей фермы сезона, года и пятилетки. Территория каждой фермы делится между чабанскими бригадами. За ними обычно закрепляются оборудованные кошары с электрическим освещением и телефонные аппараты при бригадных станах, несколько колодцев с водопойными установками и механический или тягловый транспорт.

По уже давно выработанной системе бригада с отарой должна находиться при колодцах и прилегающих к ним пастбищных угодьях около 20—25 суток, пока овцы не поедят травостойный покров. Затем бригада переходит на очередной участок. Таких участков каждая бригада обычно имеет около 4—5, разделенных оврагами, впадинами и кустарниковыми полосами.

Герои Социалистического Труда и орденоносцы племзавода «Червленые буруны».

Климатические условия Ногайской степи позволяют овцеводам держать овец в основном на подножном корму и только во время сильных снегопадов и осенних ливней загоняют их в утепленные кошары. Овцы получают корм главным образом при сплошном снежном покрове и в жестокие морозы.

Особенно большое внимание уделяют овцеводческие бригады маточным отарам. Рациональное кормление и содержание маточных отар позволяет ежегодно добиваться новых успехов в выращивании молодняка и настриге шерсти. В настоящее время в хозяйствах района от каждой матки получают в среднем более 6 кг шерсти и от ста маток 115—120 ягнят.

К началу ягнения чабанские бригады заранее готовят кошары, а также подсобные овцеводческие базы. В хозяйственных помещениях сооружаются клетки, устраиваются ясли-кормушки, заделываются дверные и оконные щели, помещение вместе со вновь построенными перегородками и кормораздаточными устройствами дезинфицируется.

В период окотной кампании чабаны круглосуточно следят за ягнением. Они в случае необходимости могут оказать акушерскую помощь.

Летом работа чабанов сообразна с природно-климатическими условиями. Они поднимают отару со стоянки уже задолго до утренней зари и пасут до наступления сильной жары. Затем ее направляют к водопою, а после этого помещают под искусственные теневые навесы. После спада жары отару снова пасут до темноты и оставляют на отдых там, где ее застает ночь. На исходе августа приступают к отбивке ягнят и к укомплектованию новых отар, заканчивая эту работу в начале сентября.

Самой трудоемкой работой в овцеводстве является стрижка овец. Чтобы провести ее организованно, каждое хозяйство заранее разрабатывает план, предусматривающий место стрижки и число агрегатов с учетом рабочей силы, составляет расписание доставки отар к стригальному пункту. Обычно эти пункты оборудуются в светлых и просторных помещениях со столами-стеллажами и электростригальными аппаратами. Стригалю отводится удобное рабочее место.

Среди хозяйств Ногайского района ведущим по всем показателям являет-

Н. А. Эсмухамбетов.

ся государственный племенной овцеводческий завод «Червленые буруны», в 1967 г. награжденный орденом Ленина за успехи в развитии тонкорунного овцеводства.

Завод имеет свою историю, которой посвящена особая книга [89], и нам остается лишь донести до широкого круга читателей важнейшие вехи этой истории.

Совхоз был организован сразу же после опубликования в 1922 г. подписанного В. И. Лениным декрета «Об организации совхозов».

Постановлением Совета Министров СССР от 15 сентября 1951 г. была утверждена новая порода тонкорунных овец, выведенная в совхозе «Червленые буруны» Караногайского района Грозненской области и получившая название «грозненской». В создании грозненской овцы приняли участие 14 специалистов-овцеводов и весь коллектив совхоза. В числе соавторов грозненской породы овец были чабаны-ногайцы Мусса Касимов, Ярыкбай Абдулкадыров, Ямурза Сабутов и др.

Овцы грозненской породы отличаются высокой продуктивностью: длина шерсти — 8—10 см, выход чистой шерсти — 43—50%, настриг в среднем на одну овцу — 7,5 кг [90].

Благодаря планомерному увеличению племзаводом поголовья грозненской породы овец, многие засушливые районы нашей страны получили возможность ее разводить. В начале 1969 г. на Северном Кавказе и в Нижнем Поволжье насчитывалось более 2,2 млн. голов грозненских овец, в том числе в Дагестанской АССР — 337,6 тыс., в Чечено-Ингушской АССР — 390 тыс., на юге Ставропольского края — 324 тыс., в Калмыцкой АССР — 320,2 тыс., в Астраханской области — 817,7 тыс., в Северо-Осетинской АССР — 32,6 тыс. голов. Кроме того, грозненских овец начали разводить в Оренбургской области, где в том же году насчитывалось 122,7 тыс., в Бурятской АССР — 135 тыс., в Казахской ССР — 5,3 тыс. голов [91]. География распространения грозненской овцы ежегодно расширяется. Фермы с грозненской породой овец появились в Азербайджанской ССР, в Саратовской области, в Киргизии и т. д.

В настоящее время завод имеет 41207 га земли. Из них пахотные массивы составляют 2092 га, сенокосы — 8590 га и пастбища — 30517 га.

Рабочие и специалисты сельского хозяйства распределены на заводе между тремя фермами и отделением, занимающимся растениеводством. За этими производственными единицами закреплены земельные угодья совхоза, животноводческие поселения со скотом, транспортные средства и сельско-

[89] Брызгалов С., Татенко Д., Саркисян Г., Кундрюков Н. Племзавод «Червленые буруны». Махачкала, 1971.
[90] Кирина М. И. Животноводство. М., 1960, с. 332.
[91] Там же.

хозяйственные машины. Координируют всю производственную работу постоянно функционирующие группы специалистов: агрономическая, ветеринарная, зоотехническая, инженерная, экономическая, бухгалтерская, под руководством главных специалистов совхоза.

Племзавод «Червленые буруны» высоко рентабелен по многим видам производимой продукции. Ежегодно его прибыль составляет около 1 млн. 250 тыс. руб. На каждый израсходованный рубль совхоз получает 1,06 — 1,09 руб. прибыли.

За выдающиеся успехи в развитии овцеводства семь чабанов-ногайцев были удостоены звания Героя Социалистического Труда, почти двести награждено орденами и медалями Советского Союза. За большие трудовые показатели был удостоен звания Героя Социалистического Труда старший чабан одного из передовых хозяйств Чечено-Ингушетии Наурди Эсмухамбетов. Ему также присвоено звание «Заслуженный работник сельского хозяйства СССР».

Среди передовиков производства — прославленный на всю страну чабан Герой Социалистического Труда Ярыкбай Абдулкадыров.

Во многих хозяйствах Ногайского района профессия чабана стала наследственной, появились настоящие династии передовых чабанов. Это наглядно показывает пример Сабутовых того же племсовхоза «Червленые буруны». Дорогу к чабанской профессии продолжил уже упоминавшийся Ямурза Сабутов, один из авторов грозненской породы овец. Он привлек к работе всех членов семьи. Его семейная бригада получала каждый год от 100 маток по 125—130 ягнят и от одной овцы 7—8 кг шерсти. За достигнутые трудовые показатели Я. Сабутов награжден орденом Ленина и орденом Трудового Красного Знамени. Из его учеников-родственников выдающихся успехов добился племянник старейшего чабана — Камо Сабутов, который также был удостоен звания Героя Социалистического Труда. Его бригада получала в десятой пятилетке от каждой сотни овцематок по 136 ягнят и от каждой овцы по 9,4 кг шерсти. На племзаводе также трудятся старшими чабанами Герои Социалистического Труда Кадыр Сабутов и заслуженный овцевод Боди Сабутов. Высоких производственных показателей добились и другие чабанские бригады — Мельмамбета Масхутова, Язболгана Мурзагишиева, Салима Юмакишиева.

Новых трудовых успехов добились труженики Ногайского района и в одиннадцатой пятилетке. За годы пятилетки объем ежегодно получаемой продукции в среднем увеличивался на 17%. План по продаже мяса хозяйствами был выполнен на 100,5, молока — 104,5, шерсти — на 106,7, овощей — 148,7%. Производительность труда за пятилетие возросла на 6,4%[92]. Заметных сдвигов за эти годы достигли такие хозяйства района, как «Червленые буруны» по выращиванию племенных овец, совхозы им. Ленина и «Куьнбатар». Комсомольско-молодежная бригада племзавода «Червленые буруны» от каждой сотни овцематок получила 123 ягненка и по 6,15 кг шерсти от каждой овцы. Труженики совхоза «Куьнбатар» получали ежегодно от каждой овцематки в среднем по 107 ягнят и сверх плана продавали государству восемь тонн шерсти[93]. В двенадцатой пятилетке продажа государству мяса возрастет на 12, молока — на 18 и шерсти — на 6,6%[94].

2.4. Современная промышленность

Ногайский район Дагестана ежегодно сдает государству сотни тонн шерсти, разных животноводческих продуктов и сырья пищевой и легкой промыш-

[92] Шоьллик маягы, 1985, 5 октября.
[93] Там же, 1985, 10 декабря.
[94] Там же, 1985, 5 декабря.

ленности. Продукты животноводства и сырье из Ногайского района поступают для переработки на близлежащие промышленные предприятия Дагестана. На многих предприятиях республики рядом с тружениками других национальностей сейчас работают ногайские рабочие и инженеры.

За годы последних пятилеток в Ногайском районе были повсеместно проведены разведочные работы по обнаружению нефти и природного газа. Здесь были обнаружены богатые залежи «черного золота» и газа. В северо-восточной части Ногайской степи вырос молодой рабочий поселок нефтяников — Южно-Сухокумск. Сейчас на его окраинах действуют круглосуточно десятки буровых машин и агрегатов по добыче нефти и газа.

Нефтяники Ногайского района уже опередили по добыче нефти и газа другие республиканские предприятия. Из 2,2 млн. т нефти и 1,6 млрд. куб. м газа, добытых в 1970 г. в Дагестане, 90% дало Ногайское нефтепромысловое управление, а за годы девятой пятилетки ногайские нефтяники увеличили добычу нефти и газа, по сравнению с предыдущей пятилеткой, в 1,5 раза[85]. В десятой же пятилетке они дали стране в два раза больше «черного золота», чем в предыдущей. Успешно выполнены плановые задания и одиннадцатой пятилетки. Таких успехов нефтяники добились благодаря новейшим техническим установкам на промысловых участках. Сейчас трудовые процессы в бурении механизированы и автоматизированы на 80%, добыча нефти и газа возросла более чем на 90%.

В связи с развитием нефтедобывающей и газовой промышленности часть населения Ногайского района начала осваивать новые отрасли производства. Из его среды вышли буровые мастера и инженеры, квалифицированные рабочие, многие из которых за успешное выполнение планов предыдущих пятилеток были награждены орденами и медалями.

В настоящее время основное ядро инженерно-технического персонала Ногайского нефтепромыслового управления составляют выпускники Грозненского государственного нефтяного института. Ежегодно его питомцы десятками вливаются в сравнительно молодой коллектив нефтяников Ногайского района.

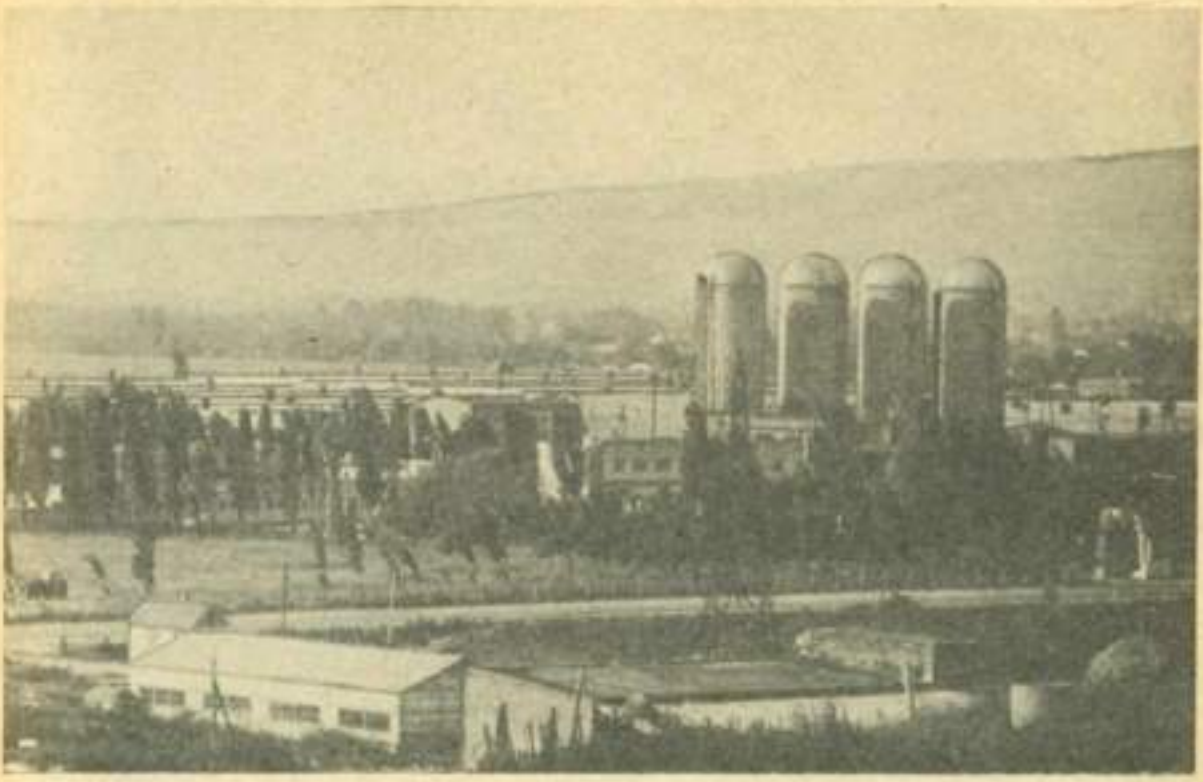
В Карачаево-Черкесии, хотя ее ногайское население компактно живет в одном из восьми районов, инженерно-технический персонал и рабочая прослойка из среды ногайцев представлены почти во всех северных административных районах области. Ногайские рабочие главным образом заняты на предприятиях, сосредоточенных в г. Черкесске, Адыге-Хабльском районе. Уже во второй пятилетке вступили в строй Ураковский и Адыге-Хабльский кирпичные заводы, которые за послевоенные годы были реконструированы и значительно расширены. Основную массу этих заводов составляют ногайцы.

Самым крупным сахарным заводом на всем Северном Кавказе является завод, выросший в ногайском Эркин-Шахарском рабочем поселке в начале 1960-х годов. В его сооружении приняли активное участие представители всех народов Ставрополья. Завод начал работать в 1964 г. и в первый год дал стране 23 тыс. центнеров сахара. На его базе в Эркин-Шахарском рабочем поселке построен дрожжевой завод и сооружены животноводческие откормочные комплексы для общественного скота. Ежегодно 34 хозяйства области доращивают и откармливают здесь около 20 тыс. голов крупного рогатого скота. Эркин-Шахарский откормочный комплекс — первое крупное предприятие в Карачаево-Черкесии, специализирующееся по производству говядины на промышленной основе. Трудовые процессы, связанные с обслуживанием животных, на комплексе механизированы. Достаточно сказать, что один оператор обслуживает около 350 голов крупного рогатого скота. Таким образом, комплекс дал возможность значительно увеличить продовольственные ресурсы области.

В 1972 г. Эркин-Шахарскому сахарному заводу, как флагману промыш-

---

[85] Арсланов Н. Большая судьба малых народов. — Советский Дагестан, 1972, № 6, с. 5.

Эркин-Шахарское межхозяйственное откормобъединение. Фото И. Матакаева.

ленности Адыге-Хабльского района и за успешное выполнение социалистических обязательств, было присвоено звание имени 50-летия СССР. В настоящее время коллектив завода по-прежнему является передовым. Здесь трудятся ветераны-орденоносцы Ю. Найманов, К. Найманов, К. Сарataликов, Ю. Туркменов и другие.

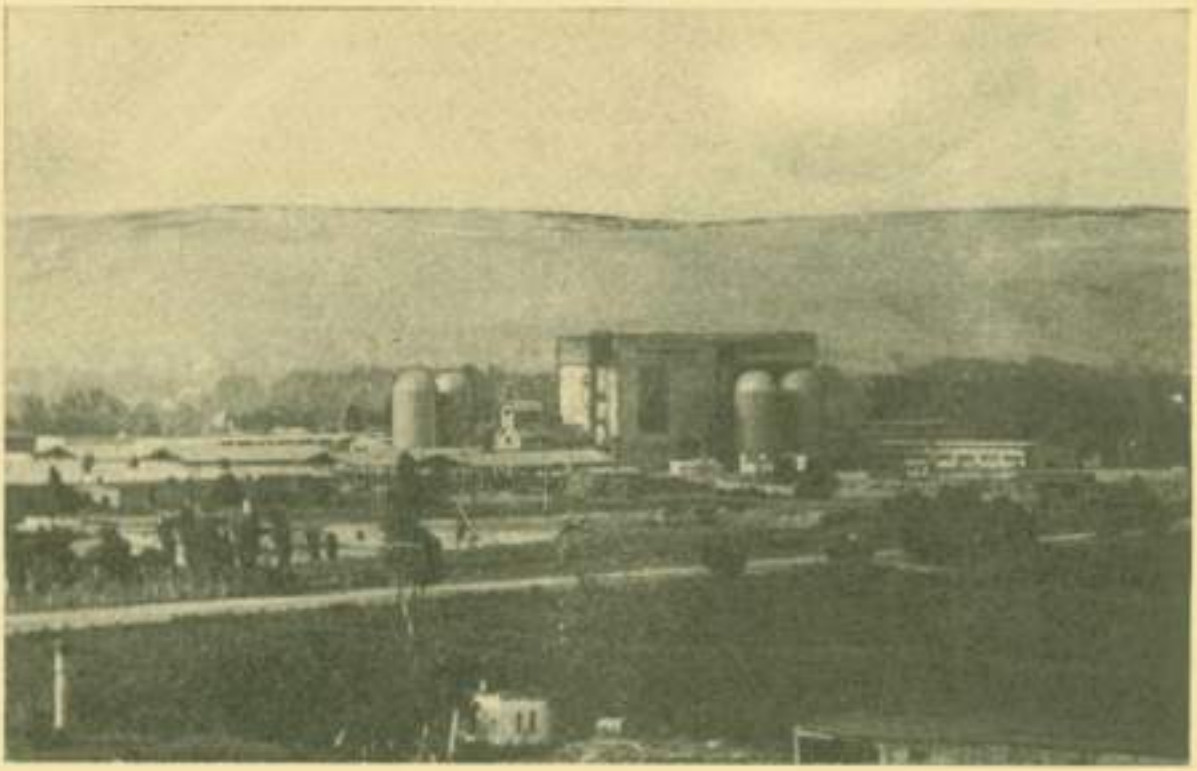
В одиннадцатой пятилетке внесли свой вклад в развитие промышленности области и другие предприятия Адыге-Хабльского района. За это время они увеличили прирост продукции на несколько миллионов рублей за счет повышения производительности труда. В Карачаево-Черкесии за годы пятилетки объем выпуска товарной продукции возрос на 30,4%. Промышленные предприятия области выпустили сверх плана продукции на 66 млн. руб. За этот же период было внедрено в производство свыше трех тысяч единиц новейшего оборудования, 348 прогрессивных технологических процессов. Все это позволило увеличить производительность труда на 27,1%. За счет производительности труда было получено 86,1% прироста объема производства [96].

В ногайском рабочем поселке Эркин-Шахар имеются также хлебоприемный пункт, крупная механизированная мельница, ПМК-1173, автопредприятие, птицефабрика «Дружба», комбикормовый завод. В том же поселке ведется подготовка кадров рабочих в профессионально-техническом училище, открытом здесь еще в довоенные годы.

Сосредоточение промышленных предприятий в рабочем поселке Эркин-Шахар было продиктовано коммуникационными возможностями и близостью плодородных земель. Поселок имеет железнодорожную связь с областным центром и с Северо-Кавказской электрифицированной магистралью. Кроме того, рядом с ним проходит широкая асфальтированная дорога государственного значения.

На промышленных предприятиях Эркин-Шахарского рабочего поселка работают главным образом ногайские рабочие, проживающие в соседних

[96] Ленинское знамя, 1985, 28 декабря.

Эркин-Шахарский комбикормовый завод. Фото И. Матакаева.

аулах Адиль-Халк, Икон-Халк, Эркин-Халк и Кубан-Халк. Все они расположены в радиусе от двух до шести км от рабочего поселка, и между ними курсируют пассажирские автобусы.

Ногайские рабочие трудятся не только на предприятиях Адыге-Хабльского района, но и на других крупных заводах и фабриках области, многие из которых были введены в строй за годы послевоенных пятилеток. Особенно высокими темпами развивались машиностроение, химическая и нефтехимическая промышленность, промышленность строительных материалов.

Химическая промышленность имеет значительный удельный вес в народном хозяйстве области. В Карачаево-Черкесии имеются несколько химических предприятий. Крупнейшие из них — химический завод и завод резино-технических изделий в г. Черкесске. Последний вступил в строй в 1960 г. и с тех пор ежегодно выпускает свыше 11 млн. условных единиц клиновидных ремней. На нем систематически перевыполняет плановые задания бригада И. Туркменовой и др.

Создана также горно-рудная промышленность. При руднике «Эльбрус» имеется обогатительная фабрика. Многие трудоемкие работы здесь механизированы. Успешно действует Карачаевский горно-рудный комбинат. На базе медно-колчеданных руд работает Урупский горно-рудный комбинат. Намного возросла за последние годы и добыча угля. Сейчас трест «Ставропольуголь» обеспечивает углем города и сельские районы области.

Южная часть Карачаево-Черкесии богата лесами. Ежегодно леспромхозы механизированным способом заготавливают сотни тысяч кубометров деловой древесины. Леса перерабатываются крупными лесозаводами. На базе лесозаводов работает производственное мебельное объединение «Архыз».

Большие успехи достигнуты в легкой и пищевой промышленности. Многие края и республики страны получают изделия швейной и обувной фабрик г. Черкесска. В течение последних лет она ежегодно выпускала свыше 300 тыс. пар обуви. Обувная и швейная фабрики механизированы, многие трудовые процессы автоматизированы.

Успешно развивается пищевая промышленность области. Молочные

Птицефабрика «Дружба», п. Эркин-Шахар. Фото И. Матакаева.

продукты перерабатывают шесть маслосырзаводов, три специализированных комбината выпускают консервированные овощи и фрукты. В городах и районных центрах имеются хлебозаводы и другие предприятия по переработке продуктов сельского хозяйства.

Много важнейших промышленных объектов было построено за последние годы строительными организациями Карачаево-Черкесии. В настоящее время строительством различных объектов занимаются свыше 20 строительных организаций, которые располагают современной техникой и квалифицированными кадрами.

Больших успехов достигла Карачаево-Черкесия в обеспечении электровооруженности народного хозяйства. К имеющимся гидроэлектростанциям в будущем прибавятся сооружаемые ныне каскады Зеленчукских ГЭС мощностью 580 тыс. квт. Наиболее важным объектом в этом комплексе будет мощный энергетический мост ЛЭП (500 квт), который соединит Закавказье и Северный Кавказ через Марухский перевал и даст энергию в Европейскую часть страны.

Продукция заводов и фабрик Карачаево-Черкесии реализуется по всей стране, а также за ее пределами. За последние годы промышленная продукция области стала поступать более чем в 50 стран Азии, Африки и Европы. В эти страны, в частности, поставляет свою продукцию завод холодильного машиностроения. Ежегодно он выпускает свыше 2 тыс. холодильных машин и установок различных марок. Машины завода пользуются большим спросом. То же относится к продукции завода низковольтной аппаратуры. В двенадцатой пятилетке качество выпускаемой продукции предприятий Карачаево-Черкесии значительно улучшится и возрастет их производство на 26—28%. Ежегодно предприятия будут обновляться станочной техникой на 15% и на основе этого увеличивается производительность труда на 26% [97].

Развитие промышленности Карачаево-Черкесии сопровождалось подготовкой кадров из коренных национальностей области. Сейчас здесь нет промыш-

[97] Ленинское знамя, 1985, 28 декабря.

ленного предприятия, где бы рядом с представителями других национальностей не трудились и рабочие-ногайцы. При сравнительно небольшой численности ногайцев в Карачаево-Черкесии, они составляли в 1982 г. свыше 4% всех рабочих области[98]. Немало ногайцев также среди инженерно-технических работников.

2.5. Транспорт

Средства передвижения ногайского населения в прошлом были приспособлены к кочевому образу жизни. Основным видом транспорта на протяжении ряда веков оставалась двухколесная арба в верблюжьей или бычьей упряжке. На арбе перевозили во время перекочевок разборные и неразборные кибитки, принадлежности домашнего обихода и т. д. После присоединения Северного Кавказа к России транспортные средства стали более разнообразными; начала вместе с тем развиваться дорожная сеть. В Дагестане особенно оживила экономическую жизнь постройка Петровской железнодорожной линии, втянувшей прибрежных жителей Аграханского залива в общее русло капиталистического развития России. Однако основная масса ногайцев, проживавшая в Ногайской степи, по-прежнему продолжала находиться вдали от усовершенствованных дорог. В Карачаево-Черкесии же дорожная сеть состояла только из проселочных дорог. Здесь также основными средствами передвижения были двухколесная и четырехколесная повозки, в которые обычно запрягали двух волов. Лишь в конце XIX в. в некоторых зажиточных хозяйствах ногайцев появляются фаэтоны и линейки. Для мужской части населения основным средством передвижения без груза оставалась лошадь.

Массовое строительство дорог и мостов в Дагестане и в Карачаево-Черкесии началось после Великой Октябрьской социалистической революции. Первая железная дорога в Черкесии была построена в 1929 г. Она связала областной город Черкесск с Северо-Кавказской железной дорогой. На этой ветке впоследствии возникли железнодорожные станции Ураковская и Эркин-Шахар. В 1940 г. дорога была продлена от Черкесска до станицы Усть-Джегутинской. Железнодорожный транспорт немало способствовал расширению экономических связей Карачаево-Черкесии с другими областями страны.

Кроме железнодорожного транспорта большую роль в экономике Дагестана и Карачаево-Черкесии играют шоссейные и грунтовые дороги, построенные за годы Советской власти. Теперь здесь нет ни одного аула, станицы или поселка, которые не были бы связаны с республиканским и областным центрами шоссейными дорогами.

В Дагестане и Карачаево-Черкесии большое внимание уделяют строительству новых и ремонту существующих дорог. Из года в год растет грузооборот железнодорожного и автомобильного транспорта. Быстрыми темпами развивается пассажирское автохозяйство. За последние годы в государственных, общественных и кооперативных организациях Дагестана и Карачаево-Черкесии автомобильный парк увеличился в несколько раз. Только в автономной области за одиннадцатую пятилетку грузооборот транспорта общего пользования возрос на 19,4, пассажирооборот — на 22,8, железнодорожные перевозки увеличились на 60%[99].

Развитие средств передвижения и дорожное строительство способствовали и продолжают способствовать преобразованию культуры и быта ногайского населения Дагестана и Карачаево-Черкесии. Широкая сеть дорог позволяет ногайцам полнее удовлетворять растущие культурные запросы.

---

[98] Об интернационализме и дружбе народов. Черкесск, 1982, с. 8.
[99] Ленинское знамя, 1985, 28 октября.

ГЛАВА III

МАТЕРИАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА

Материальная культура ногайцев складывалась в тесной связи с материальной культурой многих народов Северного Кавказа, Средней Азии, Казахстана, Поволжья. Ведь и сама история ногайцев, как отмечал В. М. Жирмунский, «теснейшим образом переплетается с историей народов Средней Азии, кочевых узбеков и в особенности казахов»[1]. Переплетается она и с историей различных племен, которые жили на территории Сибири, Поволжья, Северного Кавказа»[2].

3.1. Поселения

На огромной территории, где формировался и жил ногайский народ, возникали различные поселения. О некоторых из них свидетельствуют археологические раскопки. Например, племена, позже влившиеся в состав ногайцев, жили в известном средневековом золотоордынском городе Маджары на Северном Кавказе[3], бывшем «весьма крупным культурным центром всех тюркских народов, осевших в области Северного Кавказа»[4]. Среди ногайцев сохранилось племенное название «мажары»[5].

В последние годы на территории Карачаево-Черкесии развернулось археологическое исследование городища Хумара. Результаты раскопок позволили археологу Х. Х. Биджиеву предположить, что в городище, помимо предков других народов, жили и предки ногайцев[6].

Известным ногайским городом был Сарайчик. В. В. Бартольд писал: «... центром ногайцев тогда был город Сарайчик (т. е. Малый Сарай) при устье реки Яика, место погребения золотоордынских ханов»[7]. В. М. Жирмунский, уточняя местоположение города, отметил: «В низовьях Яика, около 50 км от устья, находится город Сарайчик, обычная зимняя резиденция ногайского князя... Город, расположенный между Яиком и его западным рукавом Сарачинкой, был защищен с севера и с юга крепостной стеной с башнями. Через Сарайчик проходила «старая ногайская дорога», главный торговый путь для караванов из Средней Азии в Восточную Европу, который здесь пересекал Яик»[8].

---

[1] Жирмунский В. М. Указ. раб., с. 411.

[2] История Казахской ССР, т. 1. Алма-Ата, 1957, с. 126; Народы Карачаево-Черкесии. Ставрополь, 1957, с. 122—123; Сикалиев А. И. Древнетюркские письменные памятники и ногайцы, СТ, 1970, № 4, с. 122, 123.

[3] Волкова Н. Г. Маджары.—КЭС, т. V, 1972, с. 56.

[4] Городцов В. А. Результаты археологических исследований на месте развалин г. Маджар в 1907 г.— Труды 14-го археологического съезда в Чернигове, 1909, т. III. М., 1911.

[5] Капельгородский Ф. Указ. раб., л. 69.

[6] Биджиев Х. Х. Хумаринское городище. Черкесск, 1983, с. 38.

[7] Бартольд В. В. Указ. раб., т. V, с. 143.

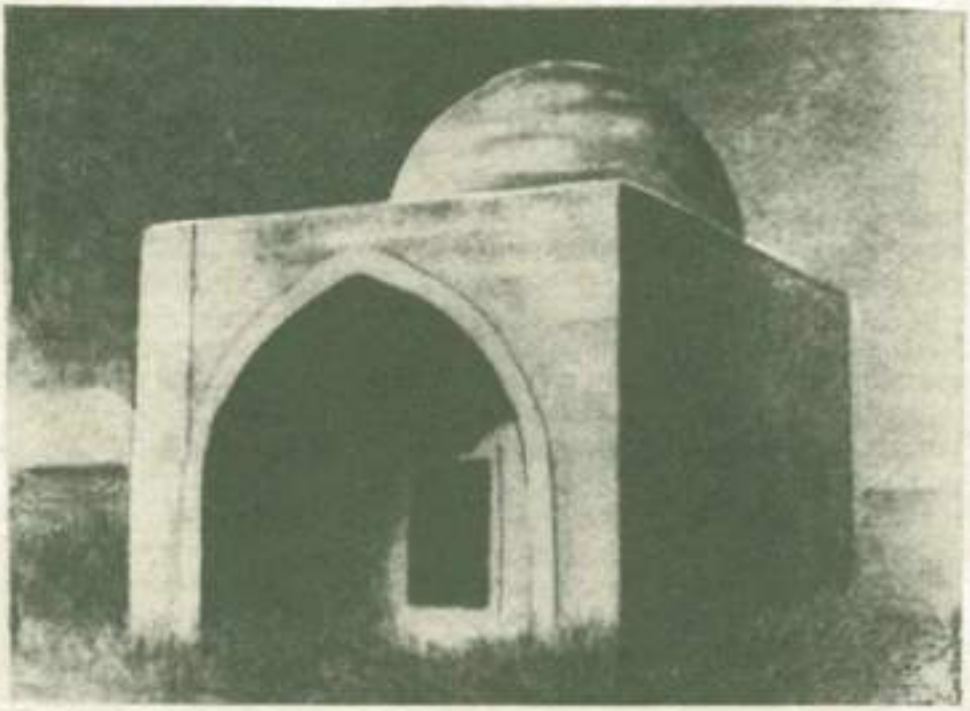
[8] Жирмунский В. М. Указ. раб., с. 415—416.

На границе между современной Кабардино-Балкарией и Северной Осетией был построен уникальный памятник времен Золотой Орды — Татарский минарет XIV в., некогда находившийся в черте города Татартупа. Краниологический материал, полученный при раскопках могильников на городищах Нижний Джулат и Хамидие, подтвердил, что «в эпоху позднего средневековья в районах равнинной Кабардино-Балкарии проживали предки ногайцев»[9].

Известия XVIII в. зафиксировали ногайские крепости в Причерноморье, в районе Анапы, и на Кубани. Путешественник Эвлия Челеби в XVII в. описал крепость Чобан-Эли, на южной стороне которой протекала река Псебабси, бравшая начало в горах Шегаке и вливавшаяся в Черное море у пролива Адахун[10]. На реке Дженджек (Зеленчук) находилась крепость, построенная Мухаммедом Герей-Ханом. «Ныне это неприступная, в форме четырехугольника, деревянная красавица — крепость на берегу реки Дженджек. Деревянные ворота имеются только на северной ее стороне. Окружность ее — 40 полных шагов. Есть небольшая мечеть и татарский имам. В ее арсенале

Татартупский минарет.

Мавзолей Борга-Каш. Фото представлено проф. В. Б. Виноградовым.

[9] Алексеев В. П. Происхождение народов Кавказа. М., 1974, с. 30.
[10] Челеби Эвлия. Указ. раб., вып. 2, с. 54.

лишь три пушки шахи. Вне крепости расположены каменные дома и загоны для овец Арсланбека и других мирз. Все они крыты тростником»[11],— писал Эвлия Челеби. По-видимому, это была крепость, которая осталась в памяти народа под названием «Аьжи-къала». Она располагалась на горе с левой стороны реки Малый Зеленчук недалеко от ее слияния с рекой Кубань. А «Аьжи-кала» в переводе означает «паломника крепость». От крепости сохранились ров и могильные камни. Видимо, мечеть в крепости была построена из белого камня, так как в топонимике сохранилось название «Акъмешит» («Белая мечеть»).

Территориальные объединения и населенные пункты имели свои названия: «шахар», «къала», «орда», «улус», «юрт», «куып», «къабакъ», «аул», «кьой». Терминами «шахар» и «къала» называли соответственно «город» и «крепость».

«Орда»[12]. До середины XIV в. этот термин означал ставку хана в Золотой Орде, как атрибут ханской власти, но в «конце XIV — XV вв. переносится и на все кочевое государство в целом, хотя еще очень долго сохраняет он значение ставки»[13]. После распада Золотой Орды, наряду с другими государственными объединениями, образовалась и Ногайская Орда, которая постепенно распадалась на мелкие орды. Во главе каждой орды стоял хан. За ногайским ханом закреплялся суюргал (феодальное пожалование) — владение на Яике, а владения в районе Волжского устья закреплялись за «нураддинами», т.е. теми сыновьями или племянниками хана, которые признавались старшими и жаловались этим титулом. Астраханские ногайцы зимой разделялись на несколько орд и располагались у Астрахани. При этом орды селились рядом[14]. Поэтому можно сказать, что термин «орда» постепенно терял свой первоначальный смысл, а применялся для обозначения немногочисленных объединений. По мнению А. А. Шенникова, у северопричерноморских ногайцев в XVIII в. орда приобрела характер территориального объединения нескольких общин»[15].

«Улус», «юрт». Можно предположить, что термин «улус» обозначал территориальное объединение нескольких кочевий, а «юрт» — оседлое население. Г. Перетяткович отмечал, что «юртовые» — это те, которые жили в городе Сарайчике, а улусные — это кочующие со своими стадами[16]. В «Книге Большому Чертежу» читаем, что в XVII в. у ногайцев «на реке Куме Мажаров юрт»[17]. С. Г. Гмелин свидетельствует, что во второй половине XVIII в. «юртовские суть такие татары, кои где-нибудь свое постоянное жительство имеют»[18]. Устье реки Малый Зеленчук у кубанских ногайцев и в настоящее время называют «юрт». По преданию, здесь было оседлое поселение. По мнению А.-Х. Ш. Джанибекова, «ногайцы, жившие в городах, назывались юртовскими, кочевые — улусными»[19].

«Аул», «куып». С постепенным разукрупнением орд, затем уже улусов, для обозначения селений ногайцы начали применять термины «аул» и «куып». В середине XVIII в. М. Пейсонель, описывая причерноморских ногайцев, заметил, что «каждая орда разделена на несколько племен, а племена на аулы»[20]. В 1770 г. С. Г. Гмелин писал, что у астраханских ногайцев

---

[11] Челеби Эвлия. Указ. раб., с. 84.

[12] О различных толкованиях термина.— См.: Федоров-Давыдов Г. А. Общественный строй Золотой Орды. М., 1973, с. 118.

[13] Там же, с. 118.

[14] Олеарий Адам. Указ. раб., с. 403.

[15] Шенников А. А. Жилые дома ногайцев Северного Причерноморья.— В кн.: Славяно-русская этнография. Л., 1973, с. 48.

[16] Перетяткович Г. Указ. раб., с. 138.

[17] Книга Большому Чертежу, с. 147.

[18] Гмелин С. Г. Путешествие по России, ч. II, СПб., 1777, с. 169.

[19] Джанибеков А.-Х. Исторический очерк ногайской литературы. Рукопись, л. 7.

[20] Пейсонель М. Исследование торговли на черкесско-абхазском берегу Черного моря в 1750—1762 годах (в изложении Фелицына Е. Д.). Краснодар, 1927, с. 13.

«аульными из ясашных татар называются те, кои живут по деревням, ибо аулы на татарском языке значат деревню»[21]. В конце XVIII в. применительно к кубанским ногайцам этот термин употребил И. Г. Георги[22]. Архивные документы свидетельствуют о появлении термина «аул» у прикаспийских ногайцев в 1762 г.[23]

Термином «аул» обозначали зимнюю (къыслав) оседлую или летнюю (яйлакъ) кочевую группу населения от 10 до 200 семей. «Собрание нескольких кибиток вроде маленького хутора называется аулом. Аулы состоят — самое большое из 30 или 40 кибиток, при среднем количестве в 8 или 40»[24],— писал С. В. Фарфоровский. Аул связывали кровнородственные и экономические отношения глав семей. Встречались кочевые аулы, которые состояли из семей родных и двоюродных братьев, иногда и вдовых сестер. Несколько аулов, принадлежащих к определенному роду, как правило, располагались вблизи. Подобное размещение называлось «куьп». «Настоящее кибиточное ногайское селение называется куьп. Куьп состоит из нескольких групп кибиток, расположенных одна от другой на расстоянии от версты до двух. В каждой группе насчитывается от 40 до 60 кибиток»[25],— писал Н. Семенов. В конце XIX в. Г. Малявкин отмечал: «Караногайцы делятся на кубы, кубы делятся на аулы»[26]. В Кизлярском округе было пять кубов: Териков, Кипчаков, Аскостамгалиев, Найманов и Ешкульцев. В один Териков куб входило 25 аулов[27]. Известно, что ногайцы часто мигрировали из одного района в другой и при этом основывали новое поселение. Тогда на одном месте поселялись выходцы из разных родов.

Исходя из приведенных данных, можно сказать, что в XIX в. основным термином, определяющим поселение, становится «аул». Поселения типа «аула», нужно полагать, вначале возникли как поселения кровнородственной группы, а затем уже, в связи с оседанием ногайцев в благоприятных местах, укрупнились, и в их составе встречались выходцы из разных родов. Термин «аул» употребляется у ногайцев и в настоящее время, обозначая сельское поселение, в котором иногда живет до 6 тыс. человек. Этот термин был перенят у ногайцев и некоторыми соседними народами, например, черкесами и абазинами.

Некоторые поселения ногайцы называли термином «къабакъ». Французский консул в Крыму Главани описал селение, назвав его, как было принято у местного населения, термином «къабакъ»[28]. В примечании к его работе говорится, что слово «къабакъ» употребляется у горских и ногайских племен Северного Кавказа в смысле жилища, поселения, особенно владельческого, княжеского[29]. Слово «къабакъ» введено на Северном Кавказе, вероятно, ногайцами. Аулы черкесских и абазинских князей Дударукова, Касаева, Клычева ногайцы называли соответственно Дударыкъ-къабакъ, Къасай-къабакъ, Къыш-къабакъ.

Некоторые поселения назывались термином «коьй»[30]. Так, казачью станицу Беломечетскую кубанские ногайцы называют «коьй», а в Нефтекумском районе существует аул Ямангоьй.

Формирование поселений у ногайцев происходило в сложной обстановке. В период распада Ногайской Орды пришел в упадок город Сарайчик, разрушились крепости. В результате междоусобиц князей и мурз население часто

---

[21] Гмелин С. Г. Указ. раб., с. 169.

[22] Георги И. Г. Описание всех обитающих в Российском государстве народов, ч. II. О народах татарского племени. СПб., 1786, с. 16.

[23] ЦГА ДАССР, ф. 350, оп. 1, д. 44, л. 29.

[24] Фарфоровский С. В. Указ. раб., с. 13.

[25] Семенов Н. Указ. раб., с. 366.

[26] Малявкин Г. Жараногайцы.— ТС, вып. 3, кн. 2, 1893, с. 142—143.

[27] ГАСК, ф. 248, оп. 3, д. 2733, л. 12—13.

[28] Главани Ксаверио. Описание Черкесии.— В кн.: Адыги, балкарцы и карачаевцы..., с. 164.

[29] Там же, с. 167.

[30] П.З., сентябрь 1977. М., Карасов, 68 лет, аул Эркин-Халк.

подвергалось нападениям. А под властью ханов и мурз находились большие улусы. Это были кочевые поселения. В источнике читаем: «Ногай де Меньшой и Казыев улус откочевали далече прочь, а которые кочевали под Азовом Большово Ногаю, и те побежали с ними же вверх по Куме реке под снеговые горы, под Черкасского князя Алегуку (то есть под Эльбрус)»[31]. Документ XV в. констатирует, что «Орда (ногайская) покочевала к Пятма горам, под Черкасы, и что она там пашню пахала»[32]. Однако оседлых земледельческих поселений после распада Ногайской Орды все еще не было. Они начали, видимо, появляться в XVI в. у причерноморских и в XVII в. у кубанских ногайцев, а затем у других групп, которые в результате раздробления Большой и Малой ногайских орд разделились на причерноморских и приазовских, нижеповолжских, прикаспийских, кубанских, кумских ногайцев. Оседлые поселения возникали на местах временных зимних поселений, где имелись хозяйственные постройки.

Причерноморские и приазовские ногайцы. Первые сведения о зимних поселениях причерноморских ногайцев находим у М. Броневского[33]. Они относятся к середине XVI в. В зимних поселениях «къыслав» имелись дома, крытые камышом. В 1625 г. доминиканский монах Дж. де Лукка писал, что буджакские ногайцы «живут в окрестностях владения Басарабы или Белгорода. Они расположились на границах Валахии, между реками Днестром и Дунаем и берегами Черного моря. Главный город у них Белгород, иначе Аккерман»[34]. В середине XVIII в. де Тотт зафиксировал у буджакских ногайцев «села»[35]. Это были уже типичные поселения с саманными домами, хозяйственными постройками, огороженными усадебными участками, что отчетливо видно на рисунке Н. Клемана в XVIII в. На рисунке некоторые участки примыкают друг к другу. В каждом дворе имеется саманный домик с двускатной крышей и окнами. К жилищам прилегают «хлевы и сараи для скота с каменными или мазанковыми стенами и тростниковыми крышами»[36].

В конце XVIII — начале XIX в. здесь начался переход населения к оседлости. Основная масса жила в Мелитопольском уезде на Молочных водах. Управляющий ногайцами граф Я. Я. де Мезон в 1819 г. отмечал, что местные ногайцы «окончательно вышли из кочевого состояния и ... освоились с порядками и занятиями оседлого общежития»[37]. В 1832 г. в Мелитопольском уезде ногайские селения составляли 6 волостей: Тогалинскую, Айтамгалинскую, Алшинскую, Етиохтинскую, Ногайскую, Джуретскую с общей численностью населения 34769 чел.[38] В Таврической губернии указом от 1821 г. был образован город Ногайск, где имелись училище, школа[39].

Астраханские ногайцы. В Нижнем Поволжье ногайцы после распада Ногайской Орды группировались и оседали в большинстве вокруг Астрахани. По свидетельству С. Г. Гмелина, в 1770-х годах ногайцы жили около Астрахани в шести деревнях[40]. Процесс оседания и образования постоянных поселений у них был идентичен остальным группам ногайцев. Здесь также временные зимние поселения постепенно превратились в постоянные. По сообщению П. Небольсина, в Красноярском уезде Астраханской губернии ногайцы имели «зимовки в двух обширных селениях: Сеитовке и Хожетаев-

---

[31] Донские дела, кн. 3. СПб., 1909, с. 266—267.
[32] СРИО, т. 41, СПб., 1884, с. 167.
[33] Броневский М. Указ. раб., с. 11.
[34] Люк де Жан. Указ. раб., с. 488.
[35] Tott de. Memoires sur ler Turcset les Tartares. Amsterdam, 1784; Цит. по: Шенников А. А. Указ. раб., с. 56.
[36] Цит. по: Шенников А. А. Указ. раб., с. 56.
[37] Сергеев А. А. Указ. раб., с. 178.
[38] Там же, с. 181.
[39] Ден В. Э. Население России по пятой ревизии. М., т. 1, 1902, с. 339.
[40] Гмелин С. Г. Указ. раб., с. 173.

Внутренность юрты. Фото начала XX в.

ке»[41]. Уже в начале XIX в. А. Равинский, отмечал, что кундровские ногайцы живут в «Сентовке, в коей мечетей 3, домов деревянных — 84, в Хожетаевке, в коей мечетей 4, домов — 90»[42]. В XX в. жителей этих аулов стали называть татарами. Они подразделялись на кундровских и карагашских татар. По данным Л. Ш. Арсланова, «карагаши называют себя ногаями, а язык свой ногайским»[43], об этом говорят и полевые материалы. Карагаши в настоящее время живут в селах Лапас Харабалинского района, Сентовке, Айсапай, Коянлы, Ланчык, Белячное, Ясын-Сокан, Джанай, Хожетай, Подшалык, Малый Арал Красноярского района Астраханской области, в поселках Кыркиле и Свободном в черте города Астрахани; кундровские проживают в основном в селе Тулугановка в Володарском районе Астраханской области [44].

Ногайцы северо-западного Прикаспия. Интересен процесс образования поселений в степях северо-западного Прикаспия. Здесь жили караногайцы, подразделявшиеся на найманов, кипчаков, аскостамгалиев, терков. Сюда же мигрировали едишкульцы, джембойлуковцы, едисанцы. Караногайцы до 1735 г. кочевали на Сулаке, а затем были переведены ген. Левашовым в безводные степи за Кизляр [45]. Едисанцы, джембойлуковцы, едишкульцы кочевали на Кубани, но в 1785 г. были выведены оттуда и уже в 1799 г. «по велению генерал-лейтенанта Кнорринга помещены в Моздокских степях вблизи слободы Володимировки и при урочище Ачикулак»[46]. В Хасавюртовском округе жили костековские и аксаевские ногайцы.

---

[41] Небольсин П. Указ. раб., с. 1.

[42] Равинский А. Хозяйственное описание Астраханской и Кавказской губернии. СПб., 1809, с. 351.

[43] Арсланов Л. Ш. К вопросу о карагашском языке.— СТ, 1977, № 4, с. 74; П.З., октябрь 1984 г. А. Саматов, 80 лет, с. Сентовка.

[44] Арсланов Л. Ш. К вопросу о карагашском языке.— СТ, 1977, № 4, с. 73; П. З., октябрь 1984 г.

[45] ЦГА ДАССР, ф. 350, оп , д. 115, л. 4.

[46] Там же.

Дом и юрта «терме».

Характерным типом поселения ногайцев этого района в XIX — начале XX в. были аулы. Они подразделялись на весенне-летние, осенне-летние (яйлакъ и язлав) и зимние (къыслав). Согласно отчету кавказского губернатора за 1842 г., у ногайцев, проживающих в этих местах «склонность к оседлой жизни проявляется в народах Калаусо-Саблинском, Бештаво-Кумском и Калаусо-Джембойлуковском, которые имеют постоянные сакли и оставляют их летом»[47].

Во время перекочевки на летние пастбища образовывались весенне-летние аулы. Как правило, они располагались рядом с реками или колодцами — «куйы»— на расстоянии 3—6 км друг от друга. Расстояние зависело от наличия воды и корма на пастбищах. По истощении пастбищ аул перекочевывал на другое место. Аулы родственников располагались по соседству.

Юрты в кочевом летнем ауле устанавливали на расстоянии 6—12 м друг от друга. Двери юрт выходили на юг. В центре аула стояла юрта богача — аулбая. Большие патриархальные семьи располагались в ауле обособленно. При этом в центре юрт родственников стояла юрта главы патриархальной семьи.

Перед началом весенней перекочевки в каждой юрте приготовляли праздничное кушанье, готовили кумыс, резали скот и уже за день до перекочевки устраивали празднество. Собирали лучших скакунов, наездники соревновались в джигитовке. Состязались борцы и силачи, певцы и музыканты.

Назывались аулы по-разному. Наименования зависели от названия рода, имени мурзы и местоположения. «Правда, и у ногайцев многие аулы носят название по имени наиболее хозяйственного или наиболее состоятельного его члена, но большинство аульных названий утратило и этот отпечаток. Мы имеем аулы с названиями, заимствованными от ближайших курганов (Карагас, Биштюбе, Кочегантюбе, Бий тюбе, Урта Тюбе), или от копаней (Кара Кую, Закерья кую, Менгишкую»[48],— писал И. Л. Щеглов. У аксаевских

[47] ЦГВИА, ф. 13454, оп. 2, д. 284, л. 14.

[48] Щеглов И. Л. Турхмены и ногайцы Ставропольской губернии, т. 1. Ставрополь, 1910, с. 414.

Степные ногайцы. Конец XIX в.

ногайцев по имени баев назывались Аьжибай аул, Карасакал аул, Махмуд аул; у кизлярских ногайцев — Менги аул, Бурынбай аул, Санъкиси аул; у караногайцев — Ажгерим аул, Суьйиник молла аул, Кутлубай аул; у джембойлуковцев, етисанцев и едишкульцев — Кунай аул, Тукуй аул, Билял аул, Бияшбай аул и т. д. Эти аулы в XX в. влились в состав оседлых селений, и некоторые названия остались до настоящего времени (например, Кунай, Бияш, Тукуй).

Существовали наименования аулов по месту их расположения у колодцев и курганов. У аксаевских и костековских ногайцев известны Карарят аул, Яланъашкоьл аул, Тамаза-тоьбе; у кизлярских — Кыстырылган аул, Кыя аул, Оьгизер аул; у караногайцев — Кумлы, Куьнбатар, Орта-Тоьбе; у джембойлуковцев, етисанцев, едишкульцев — Кара-Тоьбе, Уьш-Тоьбе, Терен-куйы, Къора куйы, Отунчи и др.

По наименованиям родов и племен назывались аулы Мойнапа, Оьнъгит, Оймаут, Етинокта, Казанкулак, Мангыт, Нокис, Иргаклы и т. д.

В октябре — ноябре кочевые аулы собирались к зимним поселениям — къыслав. «Ногайцы раскладывают свои юрты, образовывая деревню, с очень узкими восточными входами, с камышовой изгородью, с оградкой из камыша для скота и навесом «къакъра»... Такое аккуратное расположение юрт и скотного двора производит очень приятное впечатление»[49],— писал Р. Эркерт. Зимние поселения для каждого аула были постоянными. В 1808 г. старшина Кутан аула Магомет Отепов писал: «Предки мои и верителей моих того же аула старшин Агама Аличеева и Юсупа Картмамбетова с товарищами в трехстах казанах состоящими, имели с давних времен зимнее кочевье в Кизлярском уезде по урочищу Таразе... Предки наши завели там для зимовки хутора»[50]. На зимних поселениях были хозяйственные постройки. Для крупного рогатого скота строили навес из плетней — «аран»[51]. С южной стороны он был открыт, с других сторон огораживался плетнем, а крыша делалась

[49] R. Von Erckert. Der Kaukasus und seine Volker. Leipzig, 1887, S. 40.
[50] ЦГА ДАССР, ф. 350, оп. ' д. 44, л. 29.
[51] П. З., декабрь, 1977, а. Тамазе-Тюбе, Х. Гаджимагомедов, 77 лет.

Школа и мечеть в ауле Махмуд-Мектеб. Конец XIX в.

из камыша. Для овец строили «къотан»— сарай-навес в центре база. Базы огораживали утрамбованным перекати-полем, крышу засыпали землей. Сооружали загоны для скота из камыша и бурьяна (къора, шир, шетен, коьтерме). Сено хранили на зимниках в стогах.

Недалеко от зимних поселений располагались поля. «Хлебопашеством занимаются все ногайцы вблизи зимовых пристанищ; сеют пшеницу, просо и изредка кто овес, ячмень, а при случае урожая — сенокошением»[52],— доносил в 1824 г. пристав джембойлуковских ногайцев. В документе от 1810 г. читаем, что «костековские ногайцы, летом откочевав от зимних поселений, занимались рыболовством, земледелием, скотоводством»[53]. Таким образом, уже в начале XIX в. у ногайцев северо-западного Прикаспия хозяйство было комплексным. Среди первых оседлых поселений была ставка Терекли-Мектеб (терекли — деревья, мектеб — школа), основанная в начале XIX в. в связи с созданием Караногайского приставства. В адресованном Караногайскому приставству письме от 1814 г. есть пометка «ставка Терекли-Мектеб»[54].

Постепенно зимники превращались в крупные для своего времени оседлые поселения. Например, жители летних кочевых аулов Казаяклы, Билкулак, Есберген, Уразакай постепенно образовали оседлый аул Тукуй-Мектеб. Кочевые аулы Онгыт, Оймаут, Етинокта в 1870-е годы образовали аул Кара-Тюбе[55]. У кизлярских ногайцев аул Огузер образовали выходцы из летних кочевых аулов Уьйсалган, Абулкерим, Тырнамыш, Янгъы Мектеб, Кыя[56]. Переход к оседлости и образование оседлых аулов были сложным, но естественным процессом. «Этот процесс,— писал А. И. Якобий,— выражается в трех главных признаках: а) постройка хат в аулах и зимовок в степях, в) перемена в типе скотоводства, с) земледелие на хлебных полях, бахчах и садах»[57].

Аулы сначала были малодворными, но довольно быстро росли. В ауле Махмуд-Мектеб в 1892 г. были 2—3 саманные хаты, а в 1897 г. их число дошло до 90[58]. В 1889 г. в джембойлуковском ауле Камыш-Бурун имелись 54 са-

---

[52] ГАСК, ф. 249, оп. 3, д. 167, л. 43.
[53] ЦГА ДАССР, ф. 355, оп. 1, д. 48, л. 153—157.
[54] Капельгородский Ф. Указ. раб., л. 16.
[55] П. З., ноябрь, 1977, Зекд Кейбалиев, 78 лет, а. Кара-Тюбе.
[56] П. З., сентябрь, 1977 г. Темболат Магомедов, 81 год. а. Огузер.
[57] Якобий А. И. Указ. раб., с. 5.
[58] Там же, с. 11.

Памятник павшим воинам в Великой Отечественной войне, г. Нефтекумск.

манных дома и 80 кибиток [59]. В конце XIX в. часть едишкульцев и джембойлуковцев основали аулы Тукуй-Мектеб, Бештюбе, Орта-Тюбе, Отунчи и Кара-Кую в дополнение к ранее основанным крупным аулам Терекли-Мектеб, Мойнапа, Костамгали, Кара-Кыпчак, Уьй-Салган, Карагас. Первые саманные дома в ауле Уьй-Салган возникли в конце XIX в. Это был большой аул, куда съезжалось на праздничную ярмарку население близлежащих аулов и станиц [60].

В образовавшихся оседлых аулах не было четкой планировки. Застройка домов шла стихийно. Но выходцы из одной фамилии обычно селились отдельными кварталами. Улицы и переулки были кривыми и узкими. Нехватка воды не позволяла иметь приусадебные огороды и сады.

Постепенно появлялись общественные здания. В Ачикулаке и Терекли-Мектебе имелись одноклассные училища, где в 1881 г. обучалось 22 и в 1882 г.— 25 учеников [61].

Все же вплоть до 1930-х годов ногайцы северо-западного Прикаспия не перешли полностью к оседлой жизни. Этот процесс завершился только в годы Советской власти.

С установлением Советской власти в Ногайских степях были приняты меры к полному переходу населения к оседлости. Советское государство

---

[59] ЦГА ДАССР, ф. 350, д. 386, л. 18—19.
[60] П. З., ноябрь, 1977, Магруб Мамудов, 66 лет, а. Карагас.
[61] ГАСК, ф. 249, оп. 2, д. 881, л. 28.

предоставляло все возможности для строительства домов. Для этого оказывалась помощь в стройматериалах. В постановлении Президиума Дагестанского ЦИК от 12 июля 1923 г. указывалось: «Предложить народному комиссариату финансов подробно изучить все финансовые, налоговые вопросы в Караногае и о всех ненормальностях доложить Президиуму ДЦИК. Отпустить из резервного фонда ДЦИК 11800 руб. для расходов по ремонту школы и приюта с внесением этой суммы в 4 квартале в районный бюджет по Караногаю Кизлярского округа»[62]. Выступая перед населением в ауле Терекли-Мектеб в 1926 г., член Даг. ЦИК Ахундов говорил: «Все расходы по землеустройству населения оплачиваются государством; отпускается населению бесплатно лесной материал, средства на прорытие артезианских колодцев. Для землеустройства Караногая принят ряд мероприятий: создана комиссия для выяснения вопросов и планов перевода Караногая к оседлой жизни»[63].

В 1930-х годах в Ногайских степях мелкие оседлые и кочевые аулы реорганизовывались и укрупнялись. Предавались забвению названия аулов, которые были даны им по именам баев. Были переименованы аулы Шамов в Истуган (Рожденный трудом), Салыбай в Адил (Справедливый), Токмай в Кумлы (Песчаный) и целый ряд других. В ходе коллективизации сельского хозяйства и дальнейшего социалистического строительства появились крупные аулы и началась большая работа по их благоустройству: озеленению улиц и площадей, строительству домов по современным типовым проектам, прокладке водопровода, электрификации и радиофикации. Теперь аулы имеют телефонную связь, автобусное сообщение с другими населенными пунктами. Проведены грейдерные, шоссейные, асфальтированные дороги. Приведем несколько примеров развития современных аулов.

Аул Куьнбатар до Великой Октябрьской социалистической революции был типичным кочевым аулом. Первые саманные дома здесь появились в самом конце XIX в. В годы Советской власти в состав аула влились несколько мелких аулов. Сейчас в нем около 2-х тыс. жителей. Аул имеет широкие улицы, обсаженные деревьями. В центре аула расположены административные здания совхоза «Куьнбатарский», сельсовет, роддом, фельдшерско-акушерский пункт, два магазина, узел связи. Большое внимание уделяется строительству зданий культурно-просветительного назначения. Здесь имеются Дом культуры, библиотека, средняя общеобразовательная и художественная школы. В самом центре аула по проекту местного автора М. Манкаева сооружен обелиск павшим в Великой Отечественной войне воинам-односельчанам. В ауле ведется широкое жилищное строительство, каждый год строится два десятка новых домов.

Оазисом в песчаных степях является центральная усадьба племовцезавода «Червленые буруны». По своему виду она напоминает поселок городского типа. Улицы здесь прямые, обсаженные деревьями. В центре поселка расположены парк, пруд для купания. Артезианская вода по трубам идет в каждый двор, где выращиваются овощи и фрукты. Рядом с парком — гордость поселка — Дворец культуры. Перед зданием воздвигнут памятник хозяину степей — чабану. Дирекция племовцезавода и администрация сельского Совета помещаются в красивых современных зданиях. Недалеко от них стоят здания столовой, хлебопекарни, магазинов, детского комбината, больницы, аптеки. Дети учатся в благоустроенном здании школы-интерната. Большое внимание уделяется строительству домов. Поселок полностью электрифицирован и радиофицирован. На окраине высится телевизионный ретранслятор, и теперь голубые экраны телевизоров светятся не только здесь, но и в других аулах.

---

[62] ЦГА ДАССР, ф. р-37, оп. 20, д. 8, л. 80.

[63] Там же, ф. р.-563, оп. 1, д. 19, л. 49.

Праздник в ауле Нижне-Мансуровском. Конец XIX века.

В сущности за годы Советской власти в Ногайской степи вместе с новым бытом возник новый тип оседлого поселения. От прежних традиций сохраняются случаи квартального расселения по родам и фамилиям, но этот обычай постепенно исчезает.

Рабочими поселками городского типа являются Главсулак, Главлопатин. В обширной Ногайской степи выросли современные города нефтяников Нефтекумск, Южно-Сухокумск.

Кубанские ногайцы. «По данным письменных источников мы можем заключить,— пишет Е. А. Алексеева,— что в 30—40-е годы XVII в. в верховьях Кубани и Зеленчуков из-под Азова поселились как Малые Ногаи (Касаев улус), так и Большие Ногаи, кочевавшие до этого под Азовом»[64]. В XVII в. Эвлия Челеби отмечал, что на берегу р. Дженджек (Малый Зеленчук) имеется крепость Шадкерман[65]. В конце XVII — начале XVIII в. ногайцы кочевали в верховьях рек Кубани, Б. и М. Зеленчуков, Лабы, Урупа. В верховьях Кубани в середине XVIII в. располагались аулы князей Крыкова, Туганова, Ахлова, Юсупова, а по Лабе — аулы Мансурова, Абдулова, причем некоторые из них имели зимой постоянные жилища «в низе по реке Лабе»[66]. Согласно Ф. А. Щербине, на Кубани в 1771 г. проживало 37 тыс. ногайцев[67], а в последующие годы они жили «в непременных жилищах по реке Лабе, Наурус аул обитает вместе и составляет купно с ними до 10000 семей»[68]. Об этом же писал И. Г. Георги: «А Наурус аул живет по левой стороне Кубани при реке Лабе в построенных деревнях»[69].

В 1852 г. кубанские ногайцы, насчитывавшие 16439 человек, разделялись «на пять фамилий: 1) ногайцы тохтамышские, 2) мансуровские, 3) кипчакские,

---

[64] Алексеева Е. П. Древняя и средневековая история..., с. 206.
[65] Эвлия Челеби. Указ. раб., с. 84.
[66] Фелицын Е. Д. Указ. раб., с. 207.
[67] Щербина Ф. А. История кубанского казачьего войска. Екатеринодар, 1910, с. 364.
[68] Хмыровская коллекция. ГПИБ, т. 2, с. 7.
[69] Георги И. Г. Указ. раб., с. 39.

4) карамурзинские, 5) наврузовские»[70]. Тохтамышские ногайцы жили на берегу Кубани «между укреплением Хумарою и Джегутою»[71], по рекам Тохтамыш, Джеганас и Джегута[72]. Тут же располагался аул князя-полковника, ставшего после генерал-майором, Султана Казы-Гирея. Его аул был переселен в ранее кочевые места в устье реки Большой Зеленчук, в урочище Ажи-Тогай, любовно описанный самим Казы-Гиреем в очерке «Долина Ажитугай»[73]. Всего жителей было 4021 человек. Мансуровские ногайцы, которых насчитывалось 2314 человек, жили «на левом берегу Кубани и по обеим берегам Малого Зеленчука. Карамурзинские ногайцы, насчитывавшие 1955 чел., жили по левому берегу Кубани, ниже станицы Невинномысской. Кипчакские ногайцы, в количестве 2650 чел., жили на левом берегу Кубани, смежно с карамурзинскими, между станицей Барсуковской и Николаевской. Наврузовские ногайцы жили на левом берегу Кубани, между станицами Убежинской и Тифлисской. Их насчитывалось 5419 чел. В устье реки Уруп обособленно поселился аул Султановский , в котором насчитывалось 200 дворов.

Но в 1858 г., по приказу царского командования, ногайцы были переселены обратно и образовали аул Тохтамышский на правой стороне Кубани при реке Тохтамыш в 12 верстах от ст. Баталпашинской; Биарслановский — на правом берегу Кубани, между постами Усть-Джегутинским и Черноморским; Балтинский — на правой стороне Кубани в ущелье при слиянии р. Джегуты и Таркач; Султановский — на правом берегу р. Малого Зеленчука в 13 верстах от его устья при впадении в р. Кубань; Шабазовский — на левом берегу р. Малого Зеленчука, в 6 верстах от Кубани; Сунжевский — на правом берегу р. Малого Зеленчука, при впадении его в Кубань; Кубековский — на левом берегу Кубани при паромной переправе против станицы Беломечетской; Алибеевский — на левом берегу реки Большого Зеленчука, в 4-х верстах выше впадения ее в Кубань»[74]. В 1859 г. часть жителей аула Тохтамышевский перешли на левый берег р. Малый Зеленчук и образовали новый аул Тохтамышевский. Постепенно перешли сюда и оставшиеся на старом месте жители аула. Ниже этого аула по рекам Малый Зеленчук и Кубань на основе укрупнения малочисленных аулов образовались аулы Шабазовский, Алакаевский, Ураковский. Выше аула Тохтамышского был основан аул Балтинский. Ниже станицы Невинномысской, по левобережью Кубани, образовался аул Карамурзинский. Здесь ногайцы живут и в настоящее время.

Как и у других групп ногайцев, названиям аулов часто давали имена владельцев. Таковы аулы Шабазский, Алакаевский (в народе их и теперь называют Алакай аул, Шабаз аул), Ураковский, Карамурзинский, Балтинский. Название аула Тохтамышского, возможно, связано с именем золотоордынского хана Тохтамыша.

После эмиграции мухаджиров, к концу 1870-х годов, в ауле Тохтамышском было 255 дворов, в Мансуровском — 192, в Ураковском — 140, в Карамурзинском — 133 двора, соответственно в этих аулах проживали: 1451, 1179, 1034, 790 человек[75]. Аул Балтинский административно относился к Тохтамышскому, а Верхне-Мансуровский к Нижне-Мансуровскому. В 1889 г. аул Тохтамышский имел 7479 дес. земли, 6 лавок, 1 водяную мельницу; аул Балтинский — 1295 дес. земли, 1 лавку, 1 водяную мельницу; аул Ураковский —

---

[70] Сталь К. Ф. Этнографический очерк черкесского народа. Кавказский сборник, т. 21, ч. II. Тифлис, 1900, с. 75.

[71] Там же, с. 77.

[72] ЦГВИА, ф. 14257-III, оп. 3, д. 437, л. 26.

[73] ЦГВИА, ф. 14257-III, оп. 3, д. 437, л. 26—27; Современник, СПб., 1836, № 1.

[74] ЦГВИА, ф. 14257-III, оп. 3, д. 437, л. 24—26.

[75] Статистические таблицы... за 1871—1877 гг. Составитель Е. Феницын.— ССК, т. VIII, 1880, с. 566, 569.

Контора совхоза «Икон-Халкский». Фото И. Матакаева.

5100 дес. земли, 2 лавки, 1 водяную мельницу [76]; аул Мансуровский с поселком Шабазским — 6761 дес. земли.

Аулы кубанских ногайцев расположились вдоль одного из берегов рек Кубани и Малого Зеленчука. Улицы в них были сквозные с севера на юг. Здесь также сохранился фамильно-родовой принцип образования кварталов (кварталы найманов, карасов, байысов и т. д.). В центре аулов располагались административные здания, рядом с ними — дома чиновников.

Усадьбы в ауле огораживали плетнями (шетен къора) и каменными заборами (тас къора). Дома строили в глубине двора. Помещения для скота «къотан» и «аран», баз для овец и коров «авла», птичник «кедеш» строили за домом. Недалеко от дома стоял «бежен» — плетневое, обмазанное глиной и крытое камышом, круглое в плане или продолговатое на каменном фундаменте. В нем хранили зерно.

На краю аула находилось кладбище. Большие аулы, например, Тохтамышский, имели три кладбища. На кладбище каждому роду выделялся свой участок.

Местная администрация и духовенство придавали большое значение наличию мечетей. Они имелись в каждом ауле. В ауле Ураковском, помимо квартальных мечетей, была и центральная мечеть. В то же время ни в одном из аулов не было медицинских учреждений.

В первые же годы Советской власти была проведена значительная работа по переименованию аулов. По просьбе населения, 8 апреля 1929 г. постановлением за подписью председателя ВЦИК М. И. Калинина были переименованы: аул Балтинский в Кызыл-Юрт (Красное поселение), Тохтамышский в Икон-Халк (Большой народ), Верхне-Мансуровский в Адил-Халк (Справедливый народ), Нижне-Мансуровский в Эркин-Халк (Свободный народ), Ураковский в Эркин-Юрт (Свободное поселение) [77]. В 1926 г. переселенцы из аулов

[76] Цаголов М. Тохтамыс... СМОМПК, вып. 8, 1889, с. 218—219.
[77] ГА КЧАО, ф. 18, оп. 1, д. 7, л. 61.

Селение Сентовка. Фото И. Матакаева.

Тохтамышского и Нижне-Мансуровского образовали соответственно аулы Кызыл-Тогай (Красная долина), Кубан-Халк (Кубанский народ). В 60-х годах рядом с аулом Кубан-Халк возник поселок городского типа Эркин-Шахар, основанный как хутор уже в 20-х годах при железной дороге. Значительная часть ногайцев живет в городе Черкесске, в районном центре Адыге-Хабль, селе Ильичевском.

Современный кубанский ногайский аул отличается от былого аула широкими улицами с благоустроенными мостовыми и тротуарами. Улицы украшают декоративные и фруктовые деревья. Во многих аулах центральные улицы освещены электричеством. Наряду с электрификацией и радиофикацией проведена большая работа по газификации аулов. Население пользуется баллонным газом. Местными административными органами проводятся планомерные мероприятия по строительству жилых домов.

В центре каждого аула расположены Дом культуры, клуб, административные здания, здания лечебных учреждений, магазины. Гордостью аулов являются здания школ, рядом с которыми сооружены стадионы. Так, в ауле Эркин-Юрт центральная улица асфальтирована, имеется ночное освещение. В центре аула расположены здания дирекции совхоза «Эркин-Юртский», сельсовета, сельского Дома культуры и средней школы. Рядом со зданием железнодорожной станции высятся корпуса крупного хлебоприемного пункта. Недалеко стоят здания кирпичного завода. В ауле два детских сада. Имеется сельская библиотека, столовая, участковая больница, приемный пункт районного комбината бытового обслуживания. Торгуют три продовольственных, один хозяйственный и один промтоварный магазины. Проводится большая работа по дальнейшему благоустройству аула.

Кумские ногайцы (куьми ногайлар). По сведениям XVII—XVIII вв., население, получившее у ногайцев название «куьми ногайлар» и впоследствии образовавшее современный аул Канглы, «кочевало по рр. Калаусу, Янкулям, Куме, Сабле и около гор Бештау»[78]. В 1787 г. по приказу ген. Те-

[78] Дубровин Н. Ф. Указ. раб., т. I, с. 261.

келли «более тысячи семей были поселены по левой стороне р. Кумы, между Кумским штершанцем и селением Александриею»[79].

Аулы в большинстве располагались по родовому признаку. В начале XIX в., когда ими управлял пристав генерал-майор Султан-Менгли-Гирей, бештовские ногайцы состояли из едишкульцев, мангытовцев, каспулатовцев. Документ 1820 г. констатирует, что «они живут аулами, считается ныне до 1026 домов»[80]. В середине XIX в. большинство аулов уже располагалось рядом с начинающими приобретать известность курортными городами. Например, Найман аул находился «в пятнадцати верстах от Пятигорска, на север»[81], а недалеко от него был расположен Султан аул, жители которого славились ременными изделиями и сбывали их в Пятигорске[82]. Жители аулов Матот, Канглы, Найман, Джанахмет, помимо земледелия, по данным 1845 г., «занимались садоводством и пчеловодством»[83]. Всего здесь было более сорока аулов — «кыркаул».

Как и все ногайцы, кумские ногайцы в середине XIX в. приняли участие в мухаджирстве. Оставшиеся вместе с возвратившимися из Турции в 1866 г. основали аул Канглы[84].

В 1881 г. в ауле Канглы были 492 двора с 547 жилыми строениями. В ауле находились волостное правление, мечеть, три лавки, четыре водяных мельницы, шесть кузниц. В 1897 г. в ауле насчитывались 546 дворов. Дворы составляли 12 кварталов, в каждом из которых имелась каменная мечеть. Аулу принадлежали 26716 дес. земли, и население занималось земледелием и скотоводством, а также торговлей и промыслами. Имелись одноклассное училище и семь лавок[85].

Колоссальные изменения произошли в этом ауле за годы Советской власти. Здесь теперь 1017 семей как ногайцев, так и представителей 18 других национальностей. Имеются здание железнодорожной станции, Дом культуры, средняя школа, медпункт, торговый центр, детский комбинат. Дома строят из силикатного кирпича. Намечаются строительство водопровода и газификация аула.

Итак, ногайские поселения прошли долгий путь развития. Вплоть до первых десятилетий Советской власти у них сохранялись разбросанные на огромной территории кочевые аулы. Существовавшие у ногайцев оседлые аулы не имели строгой планировки, усадьбы представляли собой сооружения из саманного кирпича, крытые камышом и соломой. Улицы были узки и грязны. Современные ногайские аулы продуманно спланированы и благоустроены, многие из них напоминают поселки городского типа.

3.2. Жилище

Образ жизни ногайцев отразился на типах их жилищ. Их можно разделить на два:1) юрты «термэ» и «отав», 2) дома «уьй».

Юрты были приспособлены к кочевому быту народа. Они описаны уже в XIII в. у кипчаков и канглы[86], которые позже влились в состав ногайцев. Позднее описание подобных жилищ у ногайцев мы находим у Дж. де Люкка[87], Дортелли д'Асколи[88] и ряда последующих авторов.

---

[79] Дубровин И. Ф. Указ. раб., т. 1, с. 261.
[80] Там же, с. 257.
[81] АКАК, т. VI, ч. 2, 1875, с. 603.
[82] Газ. «Кавказ», 1848, № 19.
[83] Там же, 1851, № 27.
[84] Бентковский И. В. Указ. раб., ч. 1, с. 84.
[85] Твалчрелидзе А. Ставропольская губерния в статистическом, географическом, историческом, сельскохозяйственном отношениях. Ставрополь, 1897, с. 47.
[86] Рубрук Г. Путешествие в Восточные страны. СПб., 1911, с. 69.
[87] Люк Ж. Указ. раб.,
[88] Асколи Д. Указ. раб.

Юрта типа термэ была разборной, а типа отав — неразборной. Термэ относились к юртам западнотюркского подтипа[89]. В отличие от калмыцкой коническая часть ногайской юрты была более пологой.

Термэ имела «основание свое на складных деревянных клетях, утвержденных на ремне с обеих сторон петлями»[90]. Она делалась из шерстяных войлоков (кийиз), решеток из разных видов дерева, досок и веревок. Для термэ «нужно было лесу тростей ореховых трех с половиною саженных — 300, на дверцы карагачевых брусков — 4, односаженных толщиною и шириною в пять вершков, две доски длиною в сажень, шириною в шесть вершков, толщиною в один вершок»[91]. На изготовлении юрт специализировались в основном ногайцы, живущие на р. Буйволе в Ставропольской губернии[92].

Остов юрты (турлакъ) образовывали деревянные складные решетки (эргенек, кереге), изготовленные из ореховых жердей (турлук). Турлук резали на полутора-двухаршинные куски, которые раскладывали на земле параллельно, на расстоянии четверти аршина друг от друга. На этот ряд накладывали другой, в косой крест. Места пересечения прутьев просверливали и связывали кожаными ремешками.

Войлок для юрты изготавливали определенной формы, размеров и расцветки. Войлок нижней части юрты (туурлак) соответствовал размеру турлука. Для крыши юрты изготовляли два трапециевидных войлока (ябув).

Юрту обычно устанавливали женщины. Сначала они крепили решеточный остов юрты. Количество решеток зависело от размера юрты. Двенадцатирешеточная юрта встречалась «у людей очень богатых»[93]. Бедные довольствовались пяти-восьмирешеточной юртой. Решетки крепились тонкими шерстяными веревками (йип), а иногда ремешками из сыромятной кожи (къайыс). Собрав решетки в круг, с помощью деревянных жердей (уокъ) в центре устанавливали верх юрты (тундыкъ). Это был деревянный обод, по краям которого снаружи просверливались дырочки. Такие же дырочки имелись на верхней части решеток остова. Через эти дырочки тундыкъ и остов соединяли деревянными жердями. Так образовывался купол юрты. Жерди крепились к кругу другими веревочками (йыйма), а к остову сыромятными ремешками. Количество жердей также зависело от размера юрты. Их могло быть до шестидесяти. Сверху круга крепили полукруглое решетчатое навершие юрты (шагаракъ), служившее одновременно окном и дымоходом. Дверь (къапы) состояла из одной или двух створок, крепившихся на шарнирах и украшенных резьбой. Для этого в дверном проеме (энеге) выдалбливались гнезда, куда и помещались шарниры. Дверь открывалась наружу. Порог дверей назывался «босагъа». Зимой дверь утеплялась куском войлока (эсик).

Снаружи каркас юрты обтягивался войлоком. Посередине остова войлок крепили тканым шерстяным поясом (белдеу) или кожаным ремнем (туар кайыс). Коническое навершие юрты также обтягивали кусками войлока (серпик). Его крепили к навершию одним концом, другой же был свободен, и к нему привязывали две длинные веревки (серпик бау), тянувшиеся с противоположных сторон юрты до земли. С помощью этих веревок в непогоду закрывали отверстие. Помимо веревок, использовали и длинный деревянный шест (серпик агаш).

Богатые накрывали юрту в несколько слоев белым войлоком, бедняки — серым войлоком.

Внутри юрты стены обтягивали камышовыми циновками (шыпта), а богачи и коврами. Пол устилали войлоком, коврами. В центре юрты находился очаг (тандыр) для обогрева в холодное время и приготовления пищи. Здесь непременно стоял железный треножник (ошакъ).

---

[89] Токарев С. А. Этнография народов СССР. М., 1958, с. 307.
[90] Павлов А. Указ. раб., с. 16.
[91] ЦГА ДАССР, ф. 360, оп. 1, д. 48, л. 13.
[92] Маргграф О. В. Очерк кустарных промыслов Северного Кавказа. М., 1862, с. 252.
[93] Архипов А. М. Домашняя ногайская утварь.— Географические известия, вып. 1—2. СПб., 1850, с. 73.

Вторым типом кочевого жилища ногайцев была юрта-отав. В отличие от термэ это была неразборная юрта диаметром 6—7 аршин, высотой 4 аршина. Она неподвижно крепилась на двухколесной арбе. Для изготовления отав шло лесу «4 бруска карагачевых, 3 саженные высотою, 2,5 вершка шириною; на столбики брусков карагачевых односаженных —30, толщиною в 1, а шириною в 1,5 вершка; на поперечные — тростей ореховых или чинаровых односаженных — 30; на средние круги брусков тополевых — 3/х саженных, толщиною и шириною в два вершка — 6; на верхний круг карагачевый брусок — 1,3-х саженной толщиною и шириною в 3,5 вершка; на дверцы 4 бруска карагачевых односаженных, толщиною и шириною в пять вершков; досок карагачевых односаженных, толщиною в один вершок, и шириною в шесть вершков — 2; тростей, чинаровых или ореховых двухсаженных — 50»[94].

Устройство юрты-отав в деталях напоминало устройство юрты-термэ. То же название носили и детали юрты. «Кибитка-отау состоит из среднего и нижнего обручей (эргэ), верхнего — яшгаракъ, меньших — шектал, находящихся между верхним и средним, продольных прутьев — тебетал, нижних продольных столбиков — джялкан, перекрестных прутьев — ашямай, двух дверных половинок, порога и перекладины — босага, и шеста — крок, на котором утверждается верхняя стеганая закрыша — тунулукъ. К двери привязывается занавеска — эсик»[95],— писал А. П. Архипов. Войлок натягивался по всей поверхности и привязывался к каркасу тонкими сыромятными ремнями[96].

Во второй половине XIX в. юрта-отав использовалась только как свадебная юрта молодоженов. Она украшалась специально изготовленным войлоком. Такая юрта ставилась рядом с термэ.

Юрты устанавливали рядами. Каждый ряд образовывали юрты выходцев из одной большой семьи. Так создавался небольшой квартал родственного поселения. В центре его стояла кибитка старшего из родственников, главы всего квартала.

Распределение мест в юрте было поло-возрастным. На самой почетной северной стороне сидел глава семьи. Эта древняя традиция кочевников была зафиксирована Г. де Рубруком уже в XIII в. Он писал: «Помещают постель господина на северную сторону. Место женщины всегда с восточной стороны, то есть налево от хозяина дома, когда он сидит на своей постели, повернув лицо к югу. Место же мужчин с западной стороны, то есть направо. Мужчины, входя в дом, никоим образом не могут повесить своего колчана на женской стороне»[97]. Шесть столетий спустя, в XIX в., Г. Ананьев отметил, что у ногайцев «почетным местом в кибитке считается северная сторона, приходящаяся прямо против дверей, и это место более других обставлено подушками. Хозяйка или старшая жена всегда сидит в кибитке по правую сторону ее (т. е. слева от мужа), где котлы, съестные припасы и все добро, а остальные жены большей частью ей прислуживают»[98].

Почетное место главы семьи называлось «тюр» (тер). На это место никто не имел права сесть даже в отсутствие главы семьи. По правую сторону (онъ къолда) рассаживали гостей по старшинству, затем мужскую половину семьи. Если среди гостей находился старик старше главы семьи, то почетное место занимал он. По левую сторону от почетного места садились жены по старшинству, ближе к дверям — невестки. Между женами и невестками садились дочери главы семьи. Ели раздельно. Сначала по старшинству ели мужчины, затем — жены и дочери, а в последнюю очередь — невестки. В некоторых состоятельных семьях имелись отдельные юрты — отав для приема пищи.

Внутреннее убранство юрты подробно описал Г. Ананьев. «Переступив

[94] ЦГА ДАССР, ф. 350, оп. 1, д. 48, л. 14.
[95] Маргграф О. В. Указ. раб., с. 252.
[96] Архипов А. П. Указ. раб., с 75.
[97] Путешествия в восточные страны Плано Карпини и Рубрука. М., 1957, с. 92.
[98] Ананьев Г. Указ. раб., с. 4.

ворог кибитки, на северной стороне ее можно увидеть зеркало (бикла) с какой-нибудь пестрой рамкой, набитые разным платьем сумки (ярган-торба), которые с наружной стороны обтягиваются шкурою жеребенка или козы, с вышитыми на них разными узорами из пестрых материй: по правую сторону находится кровать с наклонными сторонами (орындык), раскрашенная разными яркими красками; на кровати бывает несколько подушек (ястык) с пестрыми ситцевыми наволочками (ястык тыс), тюфяк (миндер) и одеяло (юркан); над кроватью обыкновенно бывает привязана веревка с навешанными на ней разными мужскими и женскими костюмами (кийим). Около кровати, ближе к дверям, есть полка (ундрук), на которой ставятся глиняные и деревянные чашки (аяк), ложки (кашык) и ковши (чумыч), сплетенный веревочкой тонкий камыш (сытлик) — сито»[99]. Рядом с орындыкъ всегда стоял вместительный сундук. На него укладывали постельные принадлежности. Кровать укрывали занавеской (шымылдыкъ).

Каждая семья старалась по мере возможности нарядно убрать юрту. Деревянные изделия украшались декоративной резьбой, войлочные — орнаментом.

Особенно украшали юрту-отав. Ковры, кошмы и другие предметы интерьера изготовляла сама невеста. «По старинным ногайским понятиям эта заветная кибитка... должна быть непременно вышита, изукрашена и убрана собственными руками молодой и ее задушевных подруг»[100],— писал А. Архипов. Отличительным признаком жилища молодоженов был войлочный флаг (туынъглик) размером 50×100 см, привязанный над юртой к шесту (къурыкъ). Флаг украшался тесьмой (туынъгликбау), кисточками (шек). Дверь закрывалась специально расшитой кошмой (когала-эсик). В отав находились необходимые молодоженам вещи: постель (орын), паласы, ковры, сундук. Обязательным атрибутом юрты была занавеска (шымылдыкъ), за которой скрывалась невеста. Посторонние в отав не заходили. Невеста здесь определенное время скрывалась, и посещать ее могли лишь родственницы.

Юрты — термэ, отав — были типичны для ногайцев степных районов вплоть до первых лет Советской власти.

Переход к оседлости повел к строительству постоянных жилых домов (уьй). Первые сведения об оседлых жилищах сообщил в середине XVI в. М. Броневский. Он писал, что жилища у причерноморских ногайцев «сделаны из тонких дерев, обмазаны тиной, грязью или навозом и покрыты камышом»[101]. На гравюре Н. Клемана в середине XVIII в. видны двухскатные жилые дома[102]. В начале XIX в. Д. Шлаттер обстоятельно описал приемы строительства и оседлые жилища причерноморских ногайцев[103]. В наше время А. А. Шенников на основе исследования обширных документов и источников, пришел к выводу, что у причерноморских ногайцев дом «явно не имел ничего общего ни с петербургскими «высочайше апробированными» образцами, ни с домами немцев-колонистов, ни с избами русских крестьян. Очевидно, ногайцы создали свой тип дома самостоятельно»[104]. Дом имел кухню-сени (аятюй) и спальни (ичюй)[105]. У кубанских, а частично и степных ногайцев, отмеченные термины известны издавна, бытуют они и в настоящее время. Это и понятно. Как мы уже видели, в XVIII—XIX веках были часты миграции ногайцев из одного района в другой. Поэтому строительные приемы, возникшие в одном районе, становились известны и в других. Дома были

[99] Ананьев Г. Указ. раб., с. 4.
[100] Архипов А. П. Домашняя ногайская утварь.— В кн.: Географические известия, вып. 1—12. СПб., 1850, с. 45.
[101] Броневский М. Указ. раб., с. 337.
[102] См.: Славяно-русская этнография. Л., 1973, с. 55.
[103] Schlatter D. Brüchstücke aus einigen Reisen nach dem Südlichen Russland in den Jahren 1822 bis 1828. St. Gallen-Bern, 1836.
[104] Шенников А. А. Жилые дома ногайцев Северного Причерноморья.—В кн.: Славяно-русская этнография, с. 62.
[105] Там же, с. 61.

многокамерными. По мере женитьбы сыновей к дому пристраивались новые комнаты. Многокамерные дома из саманного кирпича обнаружены и в г. Маджары на Северном Кавказе, который был резиденцией хана Джанибека [106].

Основным строительным материалом для оседлого жилища была глина, которую использовали для изготовления кирпичей. Фундамент дома у степных ногайцев делался из саманного кирпича, у ногайцев на Кубани, Тереке и Куме — из камня. Раствором служила глина. Стены домов возводились высотой 2,7—3 м. «Обычно дом делят на 3, редко 4 комнаты. Крышу покрывают балками (макъас). Кроют камышом или соломой, затем укладывают глиняную массу и утрамбовывают. Такие крыши плотные и не пропускают дождь. В середине крыши оставляют отверстие для дымохода. Стены сначала мажут глиной, а потом белой глиной (акъ балшыкъ). В каждой комнате есть печка (пеш)»[107],— писал о причерноморских ногайцах Шлаттер. Несколько позже Корнис отметил, что дома «выбеливают снаружи и внутри»[108]. О том же применительно к калаусо-саблинским и бештаво-кумским ногайцам писал И. Бентковский [109]. Традиция использования извести или белой глины (акъ балшык) уходит корнями в древность. В XIII в. Рубрук отмечал, что кочевники «пропитывают также войлок известкой, белой землей и порошком из костей»[110].

Двери и окна домов выходили на юг. Крыша была двухскатной. Устанавливалась основная поперечная балка (аркъалыкъ), а по скату, между основной балкой и стеной, укладывались менее тонкие балки (созба аркъалыкъ). На эти балки клали тонкие жерди, а сверху камыш и глину.

При постройке дома широко использовалась родовая и соседская взаимопомощь. Деревянные изделия изготовлялись местными мастерами. Степным ногайцам лес поставляли кубанские ногайцы, которые в 1840-х годах ежегодно привозили на ярмарку в г. Ставрополь «строевой лес на 4000 арбах»[111]. Из леса изготовляли рамы (терезе), косяки окон и дверей (энеге), двери (эсик, къапы). Вместо стекол в ранний период натягивали высушенный бычий пузырь.

Большинство домов было из двух комнат с одной прихожей. Большие семьи имели 3—4-комнатные дома. В прихожей обычно хранили кухонную утварь. Здесь же стояла печь с дымарем (ожакъ) из обмазанного глиной хвороста. Дымарь был цилиндрическим, но кверху сужался. Над дымарем крепили перекладину, на которой на цепи (лакшын) всегда висел котел (къазан). В начале XX в. начали строить печи русского образца, с чугунной плитой не только в кухне, но и в комнатах. Фольклорные данные позволяют говорить также о бытовании печей типа «тандыр».

В комнатах устраивались глинобитные возвышения — лежанки высотой до 50 см (такътабан — тронное место, такътабет — тронная сторона, орындыкъ — кровать). Подобные земляные возвышения встречались и в древнем городе Маджары [112]. На лежанке раскладывали войлоки или ковры; днем здесь отдыхали, а ночью спали. Тут же стоял сундук, на который днем укладывали сложенную постель. Постепенно глиняные лежанки были заменены деревянными.

В конце XIX в. у богатых кубанских ногайцев появились дома, крытые жестью. Подобные дома строили с открытой верандой, выходящей во двор. Появились и ставни (къапакъ). Многие начали строить во дворе вместо

---

[106] Городцов В. А. Результаты археологических исследований на месте развалин г. Маджары в 1907 г.— Труды 14-го археологического съезда в Чернигове, 1909, т. III. М., 1911, с. 164.

[107] Schlatter D. Op. cit. S. 277.

[108] Корнис. Указ. раб., с. 210.

[109] Бентковский И. Указ. раб., с. 84.

[110] Путешествие в восточные страны..., с. 91.

[111] Военно-статистическое обозрение Российской империи, т. XVI, ч. 1. Ставропольская губерния. СПб., 1851, с. 328.

[112] Городцов В. А. Указ. раб., с. 181, 186.

Тип дома 1890-х годов. Аул Нижне-Мансуровский.

прежнего длинного дома столько отдельных построек, сколько было женатых членов семьи [113].

У степных ногайцев в период перехода к оседлости сохранялась юрта, используемая как кунацкая. Гостя здесь не принимали в саманном доме. Только зимой эта традиция могла быть нарушена. У кубанских ногайцев

Тип дома 1940-х годов. Аул Икон-Халк. Фото И. Матакаева.

[113] П. З., август 1972, аул Икон-Халк, А. Агайгельдиев, 81 год, аул Карамурзинский, А. Есекалиев, 78 лет.

Типы домов 1970-х годов. Аул Огузер.

бытовала отдельная комната для приема гостей (къонакъ уьй, къонакъ пеш).

Топили по большей части кизяком (тезек, къыйкъ тезек, япаша). Изготовляли его следующим способом. Навоз на базу круглый год не убирали, вследствие чего он прессовался. Весной, после обильных дождей, прессованный навоз разрезали лопатой на кирпичи, сушили и складывали в суслон (бужакъ). Чтобы сюда не проникала вода, верх суслона обмазывали жидким пометом. Летом свежий помет сушили (япаша), а сухой (къыйкъ тезек) собирали для повседневного использования. В местах, где была к тому возможность, заготавливали лес-сушняк.

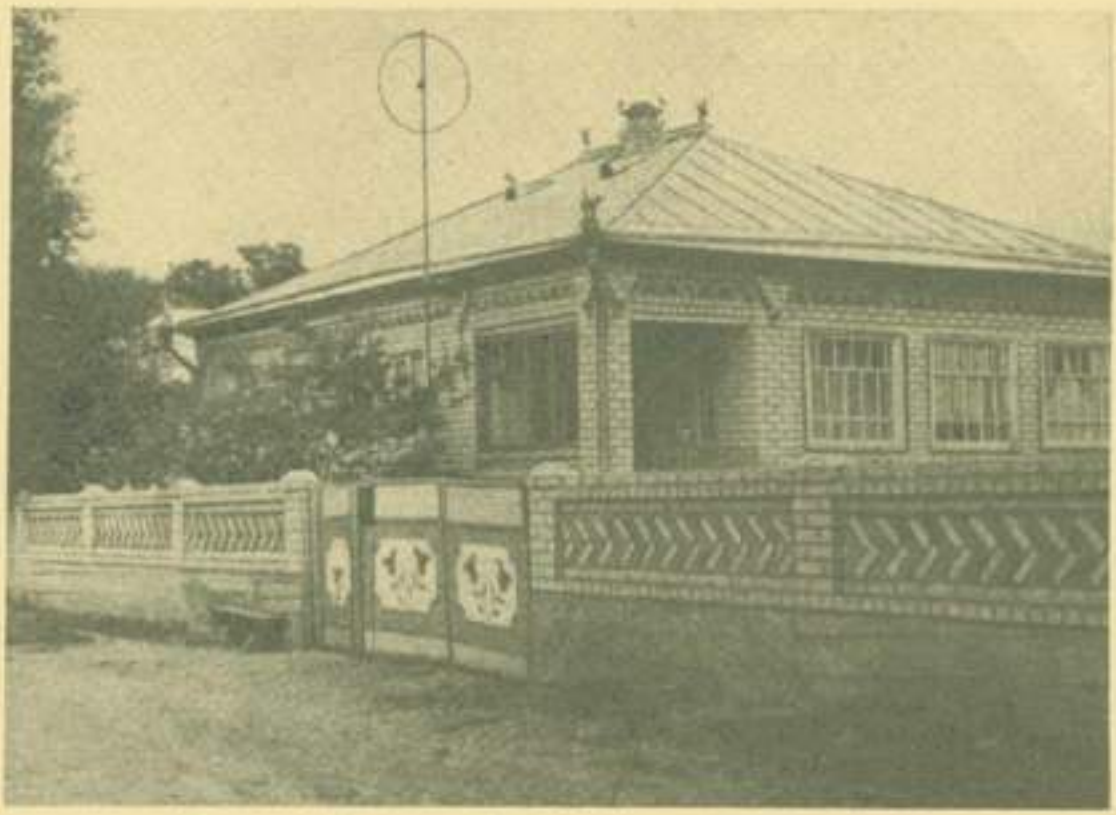
Для освещения служил жировой светильник, который ставили около печи. Ногайцы, жившие на берегу моря, заправляли светильники тюленьим жиром. С конца XIX в. начали использовать керосиновую лампу (нап шырак, май шырак).

Во дворе (азбар) за домом стояли помещения для овец (къотан), крупного рогатого скота (аран). Строительным материалом служил хворост, из него же у костековских ногайцев изготовляли плетень (эргенек, шетен). За къотаном располагалось помещение для ягнят (тоылле). Тоылле представляла собой землянку, утепленную камышом и соломой [114]. Делали также навесы на деревянных столбах (коытерме, къакъра). Лошади зимой находились в «курен» — на открытой площадке, огороженной со всех сторон землей. Для птиц имелись отдельные помещения из хвороста, обмазанные глиной (кедеш). Весь двор у степных ногайцев, не имевших леса, обносили глубоким рвом (эндек).

В годы Советской власти и особенно после коллективизации в ногайском ауле началось широкое жилищное строительство. Государство предоставило населению кредиты и строительный материал. Это позволило начать строительство домов новых типов.

До 1940-х годов дома имели две комнаты, посередине разделенные прихожей. Обычно в одной комнате жили родители с маленькими детьми, в другой —

[114] П. З., декабрь, 1977, аул. Тамаза-Тюбе, Хайдар Гаджиматомедов, 77 лет, Аьлендя Атуажиев, 74 года.

Тип дома 1980-х годов. Аул Адил-Халк. Фото И. Матакаева.

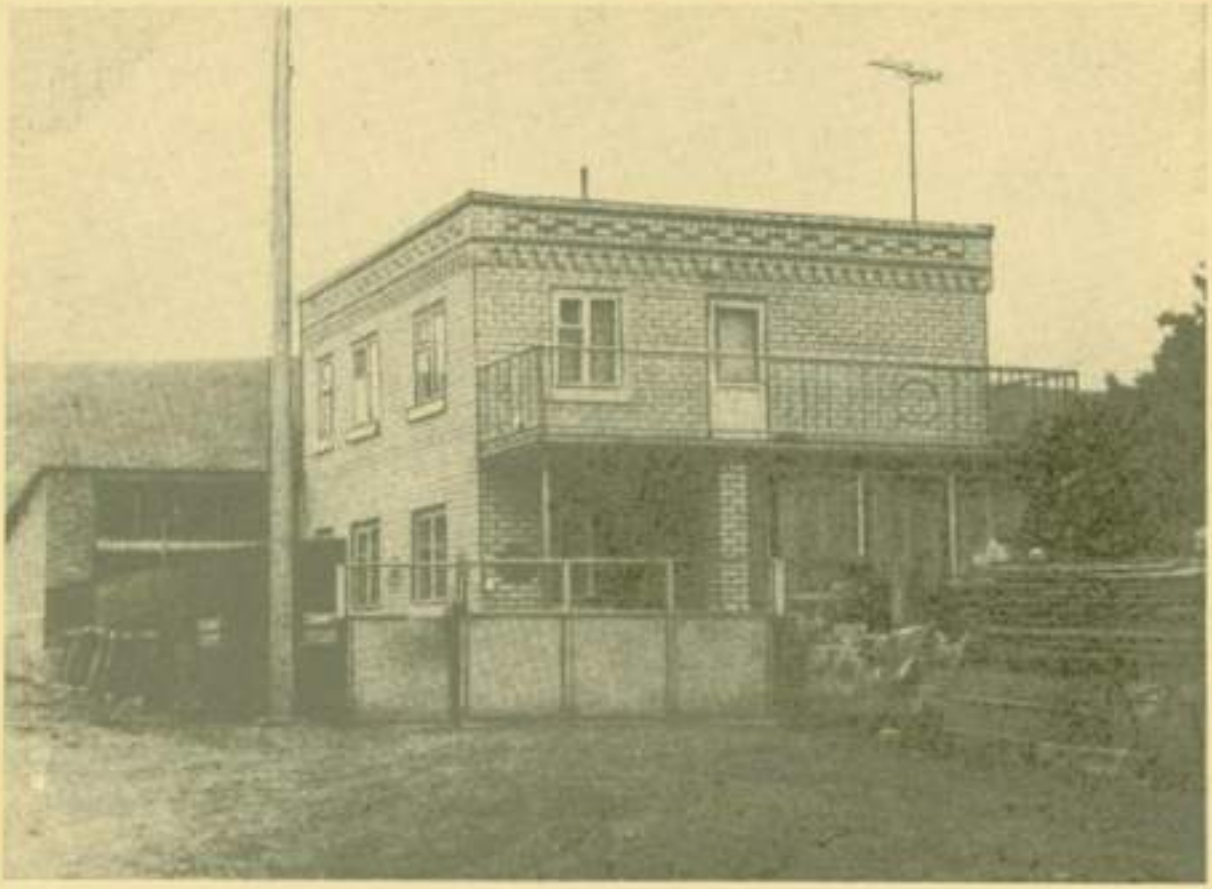
временно, до построения собственного дома,— женатый сын. В 1950-х годах начали строить квадратные дома с 3 комнатами и застекленной верандой. Веранда постепенно была выведена наружу и теперь пристраивается к дому спереди. Теперь многие строят дома, имеющие четыре комнаты, попарно разделенные сквозным коридором. В этом случае каждая комната — изолированная. В последнее время часто строят полутора-, двухэтажные дома, в которых внизу располагаются гараж, кухня, ванная, подсобная комната. Дом ставится в глубине двора на высоком (80—100 см), а в Ногайском районе более низком фундаменте. Стены возводятся из силикатного, жженого или саманного кирпича. Крыши в большинстве случаев четырехскатные, крытые шифером или оцинкованной жестью. Комнаты оштукатурены или оклеены обоями, окна в них большие, двери высокие. Деревянные части дома покрашены.

В современном ногайском жилище многие детали домов сохранили те названия, которыми обозначались детали юрты. Например: эсик, къапы — двери, уьзик, белдеу — обведенная раствором часть фундамента дома, босагъа — порог, энеге — дверная и оконная коробка, къапакъ — ставни, ожакъ — печная труба и т. д.

Современное жилище обставлено покупной мебелью: железными, никелированными или деревянными кроватями, диванами, столами, стульями. Кухонная утварь хранится в шкафах. У степных ногайцев сохраняются кийизы собственного изготовления.

Отапливаются жилища печью с плитой. Многие строят автономные паровые установки. Топят дровами и углем. В посёлках и районных центрах к домам подводят паровое или газовое отопление. Дома электрифицированы. Широко используются стиральные машины, телевизоры и другие бытовые электроприборы.

В глубине двора строят сарай с отделениями для коровы, теленка, овец, птиц. Перед домом ставят летнюю кухню, где имеются одна-две комнаты. Старшее поколение летом часто живет здесь. В степном климате кухни строят из саманного кирпича с глиняной крышей. В подобных кухнях летом прохлад-

Тип дома 1970-х годов. Аул Аджа-Халк. Фото И. Матакаева.

нее. По традиции, во дворах строят печи для выпечки хлеба — воспоминание о древнем тандыре.

Двор и усадьбу обносят плетневым, а со стороны улицы — кирпичным или деревянным забором. Ворота и калитка обычно железные или деревянные, крашенные чаще всего в зеленый, голубой или бордовый цвета.

Таким образом, с ростом благосостояния и культуры ногайцев, их жилища приобрели совершенно новый облик. Типы домов, построенных в ногайских аулах, можно встретить почти в любом населенном пункте Северного Кавказа. Это говорит также и о ставших более тесными культурных связях ногайцев с русскими и другими братскими народами.

3.3. Одежда

Национальный костюм ногайцев складывался в течение многих веков. Он характеризовался чертами, типичными как для кочевого, так и для оседлого образа жизни народа.

Материал для одежды ввозили или изготовляли собственными силами. В пору расцвета Ногайской Орды в XV в. ногайцы получали из Москвы сукно, «платья всякие», холсты [115]. Через существовавший в Бухаре ногайский караван-сарай поступали китайский, индийский шелка и другие ткани [116]. Эта торговля, в ту эпоху «носившая оживленный характер, была по преимуществу меновой» [117]. В XVI—XVIII вв. ногайцы покупали «персидский ситец на подкладки для шуб, на платья; льняные русские полотна, употребляемые жен-

[115] ПДРВ, ч. VII, с. 291, ч. IX, с. 11.

[116] Отрывок из путешествия в Бухарию полковника барона Мейендорфа в 1820 и 1822 годы.— Северный архив, 1824, № 3, с. 156.

[117] Сафаргалиев М. Г. Ногайская Орда во второй половине XVI в.— В кн.: Сборник научных трудов. Саранск, 1949, с. 38.

щинами на платки; шелк в нитках для шитья. Шнурки шелковые и нитяные для обшивания одежды. Нитки фальшивого золота и частью из настоящего, которые употребляются для вышивания. Нитки для шитья всех сортов одежды» [118]. Разумеется, импортные товары были доступны только богатым, а бедные обходились тканями домашнего производства. Для верхней одежды использовали различные виды войлока.

В XIX в. к ногайцам все больше начали проникать фабричные ткани, одежда, обувь из России. Об этом говорят и многие названия тканей: батист — «батис», диагональ — «дыгнал» и др.

Названия многих тканей указывают на широкий ареал их бытования у народов Северного Кавказа. Например, у ногайцев «шиллеявлыкъ», у карачаевцев «чилле», у кабардинцев «щылле» — шелковый платок; у ногайцев «къатеби», у черкесов «къатаби», у осетин «хъасдабае» — бархат. Многие наименования видов тканей общие для многих тюркских народов, некоторые — собственно ногайские. В целом одни названия тканей указывают на давние торговые связи ногайцев с соседними народами, другие — на то, что они издавна появились и бытовали у ногайцев.

Одежду шили вручную женщины. Они «занимались домашними работами и сообразными их полу рукоделиями: ткани для собственного потребления и для продажи сукна, серебряные галуны, всякого рода одежду и обувь» [119],— писал И. Бентковский. Первые швейные машины появились на рубеже XIX—XX вв. у богатых ногайцев.

Лучшие сукна и другие ткани, кожа, шкуры высших сортов шли на изготовление одежды богатых. Богатые женщины украшали одежду дорогими вышивками, носили золотые, серебряные украшения. Бедняки носили одежду из грубого сукна и дешевых тканей. Классовую принадлежность человека можно было узнать по тому, что он носил. Мужская одежда была приспособлена к образу жизни кочевника или оседлого крестьянина. Нательная рубаха (ишки коьйлек — букв. внутренняя рубаха) была туникообразного покроя. Рубаха доходила до колен, заправлялась в шаровары, иногда носилась и навыпуск. Шили ее из ситца или бязи. Искусные мастерицы шили рубахи, которые иногда не уступали фабричным. Д. Шлаттер с удивлением писал, что «ногайцы носят белые холстяные рубашки (khiluk), которые сшиты так, что нигде никаких складок нет» [120]. Подобный способ шитья назывался «онълеп тигуьв». Боковые клинья (шабув) были шире, отчего рубаха книзу расширялась. Воротник (яга) был стоячим, запах (къапакъ) шел слева направо, разрез (эзуьв) — посередине. На спине от рукава до рукава на лопатки пришивали кусок ткани (ийниш). Рукава длинные, широкие. Они вшивались с ластовицами, в XX в. уже без них. Из более грубой ткани шили верхнюю рубаху (тыс коьйлек).

Штаны (балакъ) были с широким шагом, характерным для многих народов. Они делались прямыми, со вставкой ромбовидной формы (явлыгав) [121]. Поясом служил шнурок (ышкыр ыстанбав), изготовленный из шерстяных ниток с кисточкой на концах. У щиколоток штанины завязывали штрипками (сабалдырыкъ). Из обработанных овечьих, чаще жеребячьих или козьих шкур шерстью внутрь шили зимние штаны (сакъсыр) [122]. Штаны заправляли в сапоги (этик).

На рубаху надевали куртку-безрукавку (къыспа, къурте тон). Ее шили из овчины мехом внутрь, а также из холста на вате. Безрукавку обычно надевали во время работы по хозяйству. Существовал и легкий кафтан (еленъ) без подкладки. На левой стороне груди был карман. Богатые у степных ногайцев носили бешмет (къаптал), сшитый из хорошего сукна и служивший летом

---

[118] Пейсонель М. Указ. раб., с. 16.
[119] Бентковский И. Указ. раб., ч. 1, с. 85.
[120] Schlatter D. Op. cit. S. 218.
[121] Подробнее о штанах см. при описании женской одежды.
[122] Марграф О. В. Указ. раб., с. 149.

Ногайцы Северного Причерноморья начала XIX в. Рис. Д. Шлаттера.

верхней одеждой. Он шился в талию, а ниже пояса расширялся за счет шести клиньев (атлы шабув). По бокам делали разрез (йырмаш) длиной 12—14 см. Женские бешметы боковых разрезов не имели. Къаптал имел стоячий воротник и застегивался пуговицами из тесьмы — туьйме. Мужчины, независимо от возраста, носили длинные бешметы. Герой поэмы «Карайдар и Кызылгуль» с сожалением поет: «Кызыл каврак капталым кыска болган тизимнен» [123] («Красный шерстяной каптал уже не доходит до колен»).

Принадлежностью легкого верхнего костюма ногайцев была также черкеска (шепкен), у богатых на нее шло лучшее верблюжье сукно. Покроем она походила на бешмет: в талию, с цельной спиной, от пояса вниз расклешенная. Но стоячего воротника не было. До талии и в рукавах до локтя делали подкладку из тонкой материи. На обеих сторонах груди имелись газырницы (аьзирлик). У пояса из тесьмы делали 3—5 петелек, пришивали самодельные тканые пуговицы (туьйме). Подпоясывались тонким кожаным ремнем (белбау), украшенным серебряными пластинками. Полы черкески спускались ниже колен. Обычно черкеска была белого, реже желтого или красного цвета.

Одежда богатых отличалась от одежды бедняков качеством материала и отделкой. Вот как описал одежду князя Измаила Алиева очевидец: «На нем была коричневого сукна шапочка (бюрк), с соболиным околышем, черный шелковый галстук, матерчатый бешмет (кафтан) тонкого сукна, коричневого цвета (чебкен), кругом обложенная серебряною, вытканою тесьмою, как бордюркою; такого же сукна панталоны (шалвар) и с такими же серебряными, под чернью и позолотою, пуговками и пряжечками, висела шашка (кынжал) с серебряною рукояткою, чернью, позолотою и серебряным темляком»[124]. Одежда бедняка была из простого материала, без особой отделки.

Бытовала у ногайцев и так называемая кавказская рубаха до колен (коьйлек). Ее появление С. Ш. Гаджиева относит к началу XX в.[125] Надевали ее под

[123] Ногай халк йырлары. Составитель С. А.-Х. Калмыкова. М. 1967, с. 45.

[124] Измаил Алиев, князь мангытовских ногайцев. — Московский телеграф, 1829, № 12, с. 446.

[125] Гаджиева С. Ш. Материальная культура ногайцев..., с. 106.

шепкен, «кавказскую рубаху», шили из домотканой или фабричной (покупной) ткани.

В XIX в. с ростом товарно-денежных отношений к ногайцам все больше стали проникать товары фабрично-заводского производства. Появились рубахи-косоворотки, пиджаки, брюки. Но вплоть до первых лет Советской власти традиционный костюм не изменился.

Верхнюю мужскую одежду дополняла длинная бурка из тонкого войлока с широкими плечами (ямышы). На шее она завязывалась тонкими ремешками из кожи. Бурка защищала от дождя и снега, холода и жары. Изготовление бурок известно ногайцам издавна. В середине XIII в. Рубрук отмечал, что из войлока изготовляют плащи, шапки [126].

Зимой поверх легкой одежды надевали шубу (тон). Шубы были из шкур: волчьих (боьри тон), лисьих (туылкы тон), беличьих (тыйын тон), овечьих (тери тон), из каракуля (коьрпе тон). Из шкуры ягнят шили шубы (элтир тон). Широкие слои населения больше носили шубы из овчины [127], другие виды обычно носили богатые. Выделке шкуры придавали большое значение. Ее квасили в кадке в смеси из пахтанья сыворотки, прокисшего молока, муки и соли. Через восемь дней вынимали, прополаскивали в холодной воде, мазали кислым молоком и в разложенном виде шерстью вниз оставляли на солнце. После высыхания железной лопаткой соскабливали мездру. Затем процесс повторяли. Овчину мяли, пока она не становилась готовой к использованию. Современники отмечали, что тулупы из выделанных таким образом овчин «для зимнего времени довольно хорошие и тёплые» [128]. «Овчины ногайской выделки несравненно прочнее в носке» [129],— писал О. В. Маргграф. На шитье одной шубы уходило 6—8 овчин. Самой распространенной у ногайцев была цельнокроеная шуба (пишилген тон), несколько меньше — с отрезной талией (буьрме тон — букв: «шуба в складку»). Все виды шубы шились с воротником. Имелось два вида воротника: стоячий (тутпа яга) и отложной (яйма яга). Делались вшивные карманы (къыйыкъ кисе). Рукава и подол имели оторочку (аьдипли, кырпувлы). Для шубы — буъруьв тон — были характерны вшивные прямые рукава (сукъпа енъ). Запах шубы (къаплама) шел слева направо. Подпоясывались ремнем. С конца XIX в. начали застегивать шубы металлическими крючками. Петли были кожаные и металлические. Шили шубы высушенным сухожилием (тарамыс), позднее фабричными нитками. Богатые носили «крытые синим или черным сукном и даже плисом» (тысланган тон) шубы [130].

Шубы обычно были длинными, ниже колен. Короче были, выше колен, повседневные рабочие шубы (шонтыкъ — букв: «укороченные»). Такая шуба была легка и практична в работе.

Из овчины шили также безрукавки (мелте тон), надеваемые под кафтан.

Зимнюю одежду дополняли рукавицы (къолкъап) из овчины или сукна. Их украшали аппликацией, вышивками, у кисти оторачивали мехом. По мнению С. Ш. Гаджиевой, ногайские рукавицы близки по форме казахским и каракалпакским «дженгсе» [131]. Популярны были вязаные одно-, трех-, пятипальцевые перчатки. Их обычно носили женщины.

Важным атрибутом верхней мужской одежды являлся поясной ремень (белбау). Он был узким, с металлической пряжкой и ременными подвесками с гравированными чернью или золотом металлическими пластинками. На поясе висел нож (пышакъ) или кинжал в красных или черных сафьяновых ножнах (кыын). Наряду с ремнем пользовались кушаком [132]. Это была скатанная

---

[126] Путешествия в восточные страны..., с. 99.
[127] Маргграф О. В. Указ. раб., с. 145.
[128] Павлов А. Указ. раб., с. 12.
[129] Маргграф О. В. Указ. раб., с. 149.
[130] Архипов А. Этнографический очерк ногайцев и туркмен.— Кавказский календарь, 1859. Тифлис, 1858, с. 353.
[131] Гаджиева С. Ш. Материальная культура ногайцев..., с. 114.
[132] Гмелин С. Г. Указ. раб., с. 177.

или сложенная двухметровая полоса шелковой ткани. Старики носили пояс из платка — куска квадратной ткани, сложенного по диагонали. Им пользовались и чабаны. К поясу прикрепляли нож, кисет, чабанские сумки с ножницами и т. д.

Разнообразны были головные уборы, материалом для которых служили мех, войлок или ткань. Общей для всех возрастных групп являлась зимняя шапка (боьрк), изготовленная из овчины (элтир боьрк, коьрпе боьрк). У причерноморских ногайцев Д. Шлаттер зафиксировал «три головных убора: когда спит (ят боьрк), на него надевают (аьдетли боьрк), третья меховая шапка (къулакъ боьрк)» [133]. Ят боьрк — букв: «шапка для сна»; аьдетли боьрк — обрядовая шапка; къулакъ боьрк — шапка-ушанка. Носили также кругловерхую баранью шапку, крытую сукном, под ней иногда маленькую шапочку (аракчин), шитую мишурой [134]. Встречались шапки «круглые, низкие, бараньими мерлушками, куницею или соболем опушенные, а сверху покрыты сукном или бархатом» [135].

Круглая шапка состояла из двух частей: суконной и подбитой стеганой ватой шапочки и подшитой к ней каракулевой полосы. Она была двух видов: пониже «ногъай боьрк», а повыше и пошире кверху «бухар боьрк». Бухар боьрк, очевидно, бухарского происхождения: вспомним, что в Бухаре существовал ногайский караван-сарай. «Ятбоьрк» (у степных ногайцев къапаш, ятакай) шилась мехом внутрь, но уже в конце XIX в. ее чаще шили из ткани на простеганной вате. Формой она напоминала тюбетейку. Летом носили матерчатую «топыш боьрк» или «тобытай» на подкладке из легкой ткани и на верхушке украшенную бахромой. Известна также дорогая тюбетейка «рахшын». «Тобытай шьется из простой материи, а рахшын — из сукна и вышивается серебряными и золотыми нитками собственной работы» [136],— писал Г. Ананьев. Легкие головные уборы типа тобытай и рахшын пожилые ногайцы носили в любое время года. Зимой их носили под шапкой.

Летом носили также войлочную шляпу (кийиз боьрк) с круглой тульей и широкими полями, украшенную по тулье шнурком. Носили ее чаще пастухи и старики.

В дождливую и снежную погоду ногайцы надевали башлык (баслык) [137]. Его шили в виде капюшона с остроконечным верхом и двумя длинными «крыльями» (къанат). «Крыльями» обматывали шею. Башлык украшали тесьмой, галуном, аппликацией. С. Ш. Гаджиева считает, что ногайский башлык является прототипом головного убора жителей Средней Азии VI—IV вв. до н. э., а также гуннов [138].

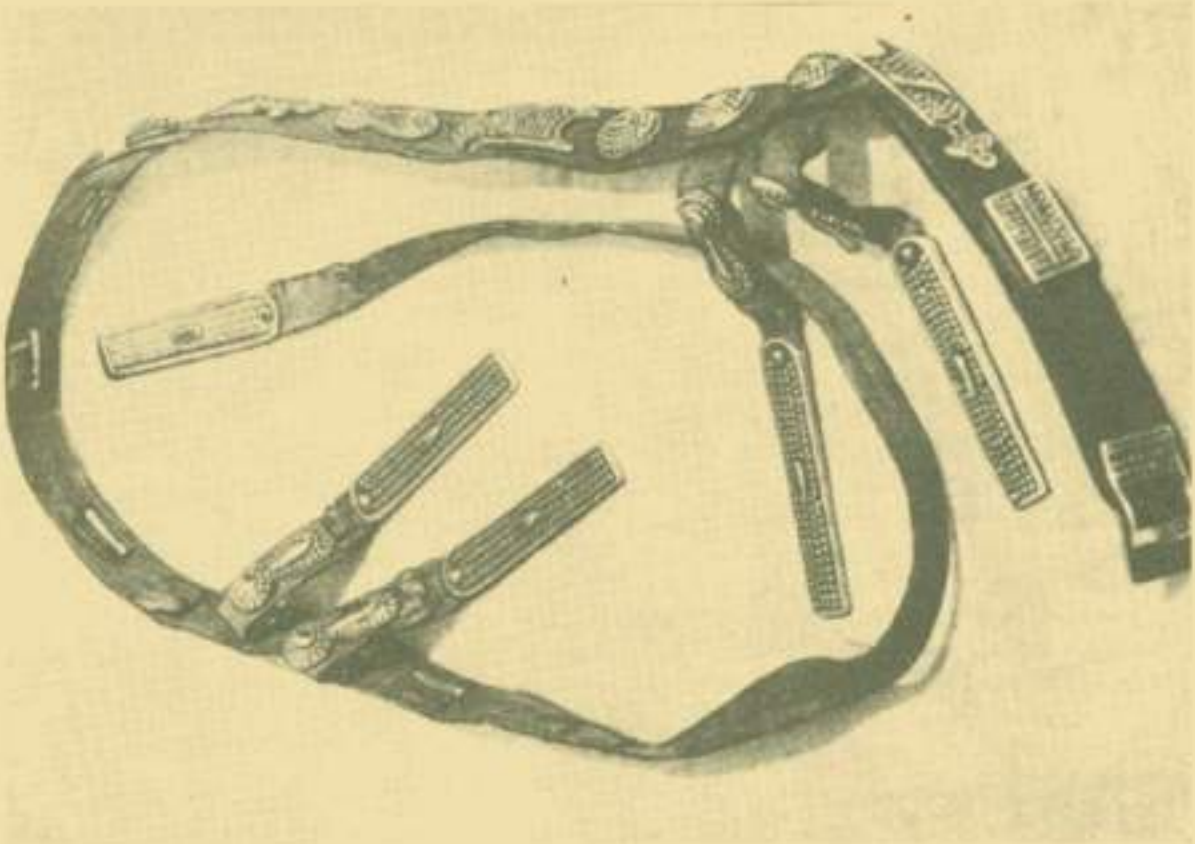
Разнообразной была и мужская обувь. Самой распространенной обувью в широких слоях населения были «ыдырыкъ». Они шились из кожи крупного рогатого скота. По размеру ноги отрезали кусок кожи шерстью внутрь, по его краям делали отверстия, в которые пропускали ремешки из сыромятной кожи, и ими завязывали обувь. Из воловьей или коровьей шкуры шерстью внутрь шили также «коьн шарыкъ» с клапаном (къапакъ) впереди, которые тоже стягивали ремешками. Зимой в коьн шарыкъ для утепления клали мягкую сухую траву «шевей». Эта обувь бытовала и у других народов Северного Кавказа. Из сафьяна или хрома шили чувяки на твердой подошве (баьпиш). На кожу наносили аппликацию. Носили баьпиш с чулками (мес). Мес делали из желтого или красного сафьяна и украшали серебряной или золотой тесьмой [139]. В помещении, сняв верхнюю обувь, мес оставляли на ногах [140].

---

[133] Schlatter D. Op. cit., S. 217.
[134] Архипов А. Указ. раб., с. 353.
[135] Гмелин С. Г. Указ. раб., с. 177.
[136] Ананьев Г. Указ. раб., с. 9.
[137] Корнис. Указ. раб., с. 212; Ананьев Г. Указ. раб., с. 10.
[138] Гаджиева С. Ш. Материальная культура ногайцев..., с. 123.
[139] Дубровин Н. Ф. Указ. раб., с. 268.
[140] Корнис. Указ. раб., с. 212.

Кубанские ногайцы. Конец XIX в. Фото Д. И. Ермакова.

Мужской пояс.

В ходу были также красные или черные сапоги (этик) из верблюжьей, воловьей или коровьей кожи с загнутым носком. Богатые предпочитали сапоги с каблуками. Из войлока изготовляли «уюкъ» и «шорап».

Праздничную обувь изготовляли местные мастера (этикши, держи), которые имелись почти в каждом ауле, обувь же для повседневной носки обычно шили женщины семьи.

Одежда мальчиков мало отличалась от одежды взрослых мужчин, но была проще и удобней.

У мужчин, наряду с обыденной, существовала праздничная и ритуальная одежда. Для бедняка праздничным было то лучшее, что он имел.

Ритуальным считался халат (аба). Его кроили как и черкеску, но с широкими и длинными полами. Носили его по большей части старики и служители культа. Траурная одежда была темного цвета. По случаю траура надевали особую шапку, которая имела «нагольную верхушку, овчиною вниз, только бока ее, возле оторочки из курпея, обшиваются гладкою сарпинкой в виде фестонов. Шапка эта снимается по истечении траурного года»[141]. Старики, побывавшие в Мекке, носили чалму.

Мужскую одежду дополняло оружие (савыт) и воинские доспехи. Боевое снаряжение ногайцев было легким. С. Ш. Гаджиева правильно связывает вооружение, а также военную организацию ногайцев с золотоордынским периодом их истории[142].

Кочевник был вооружен луком (яй) со стрелами (окъ), топором (балта) и копьем (суынъги). «Богатые же имеют мечи, острые в конце, режущие только с одной стороны и несколько кривые; у них есть также вооруженная лошадь, прикрытия для голеней, шлемы и латы. Некоторые имеют латы, а также прикрытия для лошадей из кожи»[143],— писал в XIII в. Плано Карпини. В зависимости от формы и качества стрелы имели различные назначения: для птиц, для зверей, боевые. Острие стрелы называлось «масак», а оперение — «айкъышакъ». Щит (къалкъан), по сообщению Плано Карпини, изготовляли из ивовых прутьев[144]. Важным атрибутом военного снаряжения были кинжал и шашка (къылыш). Держали их в красиво отделанных ножнах (къын). Наездники всегда имели при себе аркан (аркъан), который накидывали на врага и стаскивали его с коня. Пользовались также деревянной дубинкой (шокъпар, алдаспан). Сетчатая кольчуга называлась «куъбе».

Первые ружья появились у ногайцев, видимо, в середине XVII в. Тогда Эвлия Челеби писал: «... ногайские стрелки из ружей... ударили залпами свинца»[145]. Различные виды ружей назывались «мылтык» и «туъбек», а пистолеты — «пыштау», «кероха», «тапанша».

Мужчины, как правило, брили голову[146]. «Верхняя часть головы бреется у старых дочиста, а у молодых до одного только на темени хохолочка»[147],— отмечал Корнис. У мальчиков оставляли на голове чубчик (кекел), а у юношей чуб (айдар). Старики и мужчины носили бороды, бывшие «в великом почете»[148].

Женский костюм по покрою близок к мужскому. «Одежда их во всем похожа на мужскую, исключая только то, что сверх шапки женщины имеют тонкие кисейные для закрытия лица покрывала»[149],— писал А. Павлов. Но широкое расселение ногайцев внесло свои изменения как в покрой, так и в материал женской одежды. Различия стали проявляться во второй половине XIX в., когда контакты между разными группами ногайцев ослабели. Наиболее самобытным был женский костюм ногайцев северо-западного Прикаспия. Тем не

---

[141] Архипов А. Этнографический очерк..., с. 353.
[142] Гаджиева С. Ш. Материальная культура ногайцев..., с. 162, с. 19.
[143] Путешествия в восточные страны..., с. 50.
[144] Там же, с. 51.
[145] Эвлия Челеби. Указ. раб., с. 87.
[146] Schlatter D. Op. cit. s. 217.
[147] Корнис. Указ. раб., с. 19.
[148] Там же, с. 19.
[149] Павлов А. Указ. раб., с. 46.

менее в основных чертах традиционный женский костюм оставался единым вплоть до первых лет Советской власти. Женскую одежду, как и мужскую, можно разделить на нательную, верхнюю, праздничную, будничную и траурную.

Штаны (ыстан) по своему покрою были аналогичны мужским. Они состояли из двух штанин (балакъ), вставка между которыми (ау) сшивалась из двух клиньев (кыйыкъ) и четырехугольного куска ткани (сакъына). Благодаря вставке шаг получался свободным. В верхней части штанов делали подворот, в который пропускали шнурок (ышкъыр, ыстанбау). Штаны доходили до щиколоток, где они суживались. Штаны шили из ситца, сатина или шелка [150].

Костюм девушки у ногайцев Северного Причерноморья. Начало XIX в. Рис. Д. Шлаттера.

Поверх штанов носили туникообразную рубаху (коьйлек). Нательная рубаха (ишки коьйлек) шилась без стоячего воротника, полы не доходили до колен. Рукава были вшивными, широкими, длиной до запястья. Посередине рубахи на вороте делали вертикальный разрез (ябакъав, эзуьв) длиной до 25—30 см. На нательную рубаху надевали (тыс коьйлек) верхнюю рубаху, того же покроя, но длиной почти до щиколоток. Книзу она расширялась за счет боковых клиньев (шабув). В отличие от нательной рубахи, верхняя рубаха имела ворот (къапакъ) со стойкой (ягъа). Подол рубахи (этек) обшивался кантом (аьдип). В сущности эту рубаху носили вместо платья.

На платье-рубаху надевали короткий шелковый кафтан (зыбын). Его шили в талию, и он плотно облегал фигуру. Чтобы было удобнее работать, кафтан часто шили без рукавов. Такой кафтан назывался «къыспа» или «еленъ». Ниже бедер полы кафтана делали вразлёт. Воротник был стоячий, простроченный (сырылып тигилген). Застегивался кафтан на петли (кавыстырма эзуьв), у богатых с золотой вышивкой и галуном. На рукава (зыбына) нашивали нарукавники (енъгсе). С подобной деталью одежды мы встречаемся из народов Средней Азии лишь у каракалпаков; в то же время она «имеет аналогии у народов Поволжья и зафиксирована в древнехорезмийском искусстве» [151].

Другой верхней одеждой было распашное платье (шыба) [152]. Оно шилось длинным, с облегающим лифом. Рукава — также длинные, откидные. На рукава праздничных платьев пришивали нарукавные подвески (къапашыкъ). Нарядные платья украшали шитьём, обрамляли галуном. Еще одной верхней одеждой был бешмет (къаптал). По описанию Р. Эркерта, «къаптал — верхняя одежда. Впереди как гусарский костюм, прочный, добротный, имеет на груди десять узорчатых призматических серебряных узоров. Они пришиваются на сафьян, заканчиваются в форме пуговиц, а с левой стороны заканчиваются в форме петель для них. Этот нагрудник в талии заканчивается узорчатым расшитым серебром поясом. На узкие рукава нашита красная полоска, на ко-

---

[150] Корнис. Указ. раб., с. 213.

[151] Очерки общей этнографии. Азиатская часть СССР. М., 1960, с. 239.

[152] У бабаюртовских ногайцев «шыба» — синоним «къаптал», а платье называется «волша». П. З., декабрь, 1977, а. Тамаза-Тюбе.

торую прикреплены девять серебряных монет. У «къаптал» широкие рукава»[153]. Богатая женщина шила бешмет из красного или зеленого шелка, украшала нагрудником (тоьс туьйме) и подпоясывалась широким ремнем (къусакъ). У бедных, по свидетельству Г. Ананьева, «къаптал бывает из красного цвета или другого пестрого кумача без всяких украшений»[154]. Покрой бешмета был идентичен мужскому и одинаковым для всех возрастов. Он шился длиной до колен со стоячим воротником, высотой 2—3 см, на подкладке из легкой ткани, а для зимы — подбитый ватой, шерстью. Простегивали его сверху вниз стежкой «шышкан ыз» (букв.: «мышиный след»).

Зимой носили также меховые шубы мехом внутрь (тон). Их изготовляли из мерлушки (элтир тон), каракуля (коьрпе тон), овчины (тери тон), куницы (къундыз тон). Покрой шубы напоминал бешмет. У богатых он был крыт красным атласом, у бедных — практичным сукном. Ворот, подол, рукава украшали оторочкой. «Шубы теплые, в которые одеваются во время зимы оба пола, шьются обыкновенно женщинами, и довольно искусно»[155],— писал Корнис.

Принадлежностью верхней женской одежды был передник (туткъыш), который хозяйка надевала для домашней работы.

Женщины «никогда не ходят с открытой головой»[156],— писал Г. Ананьев. Традиционные женские головные уборы разнообразны. Изящен был девичий головной убор. Он подразделялся на уборы «такъыя», «къундыз боьрк» и «окъа боьрк». Такъыя, по полевым и фольклорным данным,— это шапочка из плотной ткани на подкладке и отороченная мехом. В народной песне, обращенной к девушке, говорится: «такъыялы боьркинъ бар»[157] (есть шапка с такъыя). В другой песне поётся: «алая такъыя, соболиная шапка, блестит на твоей голове»[158]. Сверху на такъыя были нашиты серебряные украшения, монеты. Д. Шлаттер писал, что «девушки носят высокую круглую шапку из красного сукна, которая увешана большими и маленькими, обычно турецкими, серебряными монетами»[159]. Такая шапочка известна у туркмен, каракалпаков и других тюркских народов[160].

Къундыз боьрк шили из меха выдры, с красным суконным верхом, на который нашивался серебряный галун. Н. Ф. Дубровин писал, что «девушки до замужества вместо тастара носят меховые шапочки с красными верхушками, обшиваемыми на кресте или серебряным галуном или тесемками из литого серебра с такою же серебряною маковкою на верхушке»[161]. В конце XIX в. этот тип головного убора на Кубани исчез, а в Ногайской степи, по мнению С. Ш. Гаджиевой, «сохраняется в качестве головного убора только замужней женщины»[162].

Окъа боьрк (букв.: «галунная шапка») была распространена у кубанских ногайцев и частично у джембойлуковцев, етисанцев, едишкульцев. Она была высокой, с полусферическим верхом. Поверх неё женщины носили платки. Близка к ней по форме шапочка «кърым боьрк» (букв.: «крымская шапочка»), видимо, больше распространенная у ногайцев, живших в Крыму. Она шилась из красного бархата, менее глубокой, украшалась золотой вышивкой.

После свадьбы молодая женщина в знак замужества надевала белый платок (тастар). Во время свадьбы на тастар надевалась «келиншек сылауш», бытовавшая в конце XIX в. только у степных ногайцев. Это была накидка в форме косынки с опускающимся сзади концом. Спереди на нее нашивали

---

[153] Erkert R. von. Op. cit. S. 41.
[154] Ананьев Г. Карагогайцы, их быт и образ жизни. Ставрополь, 1908, с. 9.
[155] Корнис. Указ. раб., с. 213.
[156] Ананьев Г. Указ. раб., с. 9.
[157] П. З., ноябрь, 1977, аул Кара-Тюбе, Зекд. Кайбалиев.
[158] Ногай халк йырлары, б. 33.
[159] Schlatter D. Op. cit. s. 243.
[160] Очерки общей этнографии. Азиатская часть СССР, с. 225—248.
[161] Дубровин Н. Ф. Указ. раб., с. 271.
[162] Гаджиева С. Ш. Материальная культура ногайцев..., с. 144.

Женский костюм. Рис. С. Батырова.

1. Костюм кубанской ногайки.
2. Костюм ногайки Северо-Западного Прикаспия.

3. Юртовская шугайка.
4. Карагашская шугайка.

Кубанская ногайка в праздничном наряде. Начало XIX в.

кораллы (маржан), бисер (ынжы), монеты (акъша). На висках свисали серебряные подвески, кисточки [163]. Носили сылауш и женщины. Сылауш женщины (хатын сылауш) был поскромнее. На лицо невесте поверх платка накидывали покрывало (буьркеншек) из прозрачной легкой ткани. У ногайцев, живших под Кизляром, его обычно вручную изготовляли из коконов шелкопряда.

«Головной убор замужней женщины составляет небольшой платок или просто кусок холста, обматываемый вокруг головы, сверх которого накидывается

[163] Erkert R. von. Op. cit. S. 41.

Костюм и украшения достались по наследству. На заднем плане войлочный ковер «кийиз», а. Терекли-Мектеб.
Фото И. Матаклева.

неразлучный тастар (покрывало, опускающееся позади почти до пяток)» [164],— писал Н. Ф. Дубровин. У кубанских ногайцев тастар назывался явлык. Платок был белым, у богатых из дорогой ткани, у бедных из бязи. По свидетельству Д. Шлаттера, под тастаром женщина носила другой «очень длинный узкий разноцветный платок (байлауш), который несколько раз обвязывает голову, а концы свисают на спине под тастаром» [165]. Во время праздников под платок на затылок подкладывали специальную подушечку (топчакъ), а спереди на платок нашивали кораллы, бусы (манълай). На улице некоторые носили чадру [166].

[164] Дубровин Н. Ф. Указ. раб., с. 269.
[165] Schlatter D. Op. cit. S. 247.
[166] Ibid. s. 76.

Иногда в холодную погоду женщины надевали чалму (шалма) — сложенный широкий кусок материи, которым обвязывали голову.

Носили также различные косынки: «ивлыкъ», «шокъана», «бастарткъыш». Ногайки, жившие по Тереку, носили на голове накидку (шуткъу). В непогоду поверх платков надевали суконный дождевик (ямгырлыкъ), сшитый как башлык.

Основным материалом для изготовления женской обуви служили шерсть и кожа. Из войлока делали узорные чулки (уюкъ). «Любая ногайка в один день приготовит валяные чулки»[167],— писал О. В. Маргграф. Другим видом обуви являлись чулки типа «шорап». Они были рабочими и праздничными, первые «без пяток, чтобы медленнее изнашивались, и материалом для них служила грубая пряжа»[168].

Из красного или желтого сафьяна шили красиво отделанные женские сапоги (атув) или (этик) с прямыми или загнутыми носками. Молодые женщины и девушки носили и туфли на каблуках (баыпиш) с приделанными к каблукам маленькими звоночками (конъырав). Бывали и сапоги с такими же каблуками (къатлавлы этик). Летом носили различные чувяки (шарыкъ). «На выход у них красные туфли «къатыр», желтые с серебряными нитками «башма», при сырой погоде «тавалдырыкъ»[169],— писал Д. Шлаттер. Существовала обувь типа «башмак», «басмакъ» — красные или черные башмаки с прочными подборами, которую надевали на сапоги[170]. Существовала также обувь типа сандалий с двумя деревянными подставками, обшитыми кожей (тавалдырыкъ или агаш аякъ).

Для подвязывания высоких чулок служили подвязки (къонышбау), украшенные вышивкой, тесьмой.

Значительное внимание уделялось украшениям. Они были преимущественно серебряными, золотые встречались редко.

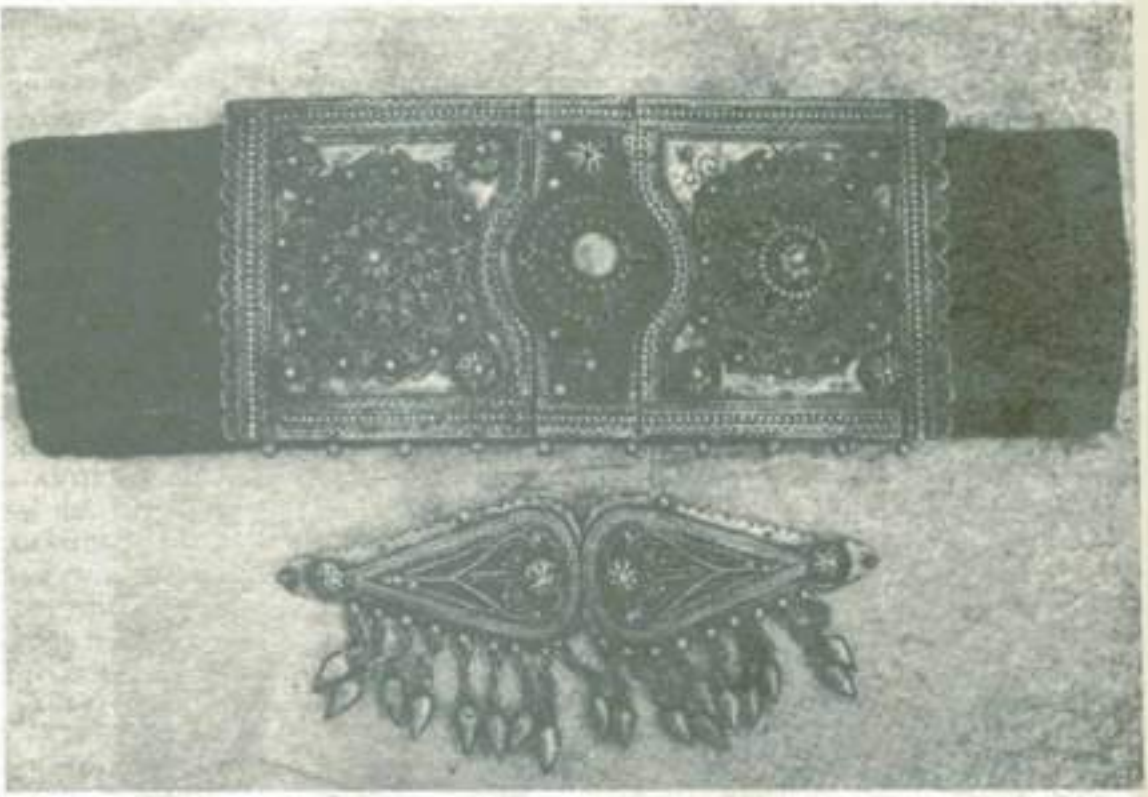
Нагрудные украшения — «тоьстуьйме» (букв.: «дощатая пуговица») и «козыбас тоьстуьйме» (букв.: «грудная пуговица в форме головы козы») — состояли из 8—20 парных пластинчатых застежек из серебра или олова, пришитых параллельно друг к другу на бархатную ткань. Несколько отличалась «такъта туьйме», где пластинки были короче[171]. Носили также «шарпаз», идентичный туркменскому «чапраз»[172]. Это был серебряный ромб с сердоликовыми вставками и полыми серебряными подвесками внизу; верхнюю часть украшения составляли три ряда выпуклых серебряных кружков, соединенных цепью (шынжыр), а по краю шли выпуклые украшения (туьйме). Дополнением служил «къус къуйрыкъ» (букв.: «птичий хвост»).

Существовали также украшения «ийинликъ» (букв.: «спинной»), «тоьслыкъ» (грудной), «амайыллыкъ» и «мойынтумар» (для амулета). Все они подвешивались или пришивались к бешмету по сторонам уже описанных нагрудных украшений. Два последних были футлярами для талисманов и представляли собой красиво отделанные медальоны из серебра или тисненой, отделанной серебром кожи. В них клали бумажки с молитвой, якобы предохраняющей от сглаза и болезней. Как правило, их носили девочки. Вообще же, нагрудные украшения девочек ограничивались серебряными монетами, бляшками, нашитыми на четырехугольный кусок ткани.

«Поверх бешмета носят красный сафьяновый пояс, с большими застежками, «къусакъ», со вделанными в них бледновато-мутного розового цвета мекккскими камнями»[173],— писал Н. Ф. Дубровин. Иногда къусакъ украшали

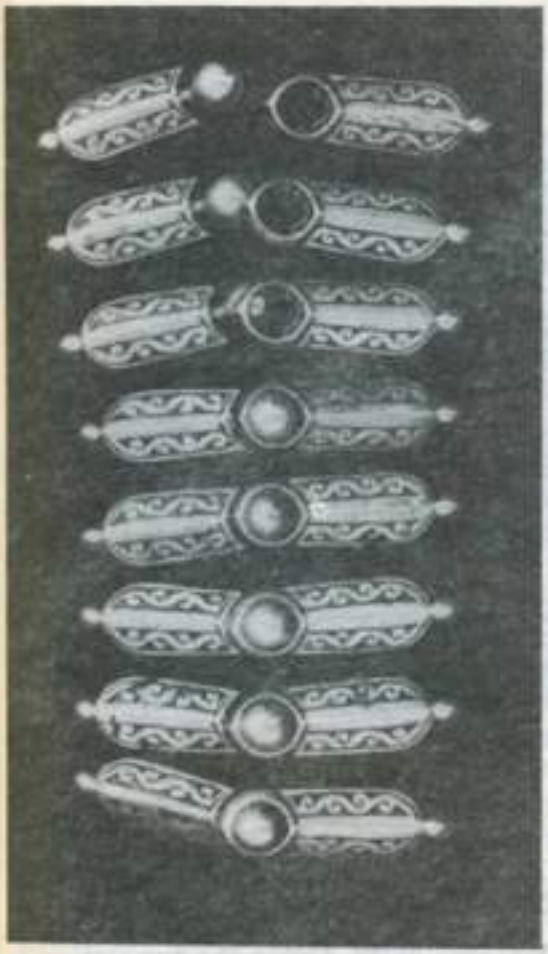
[167] Маргграф О. В. Указ. раб., с. 120.
[168] Там же, с. 120.
[169] Schlatter D. Op. cit. s. 246.
[170] Дубровин Н. Ф. Указ. раб., с. 269.
[171] Подробнее см.: Гаджиева С. Ш. Материальная культура ногайцев..., с. 173—176.
[172] Васильева Г. П. Туркмены-нохурли.— В кн.: Среднеазиатский этнографический сборник. М., 1954, с. 172.
[173] Дубровин Н. Ф. Указ. раб., с. 269.

Женские украшения.

Женские украшения.

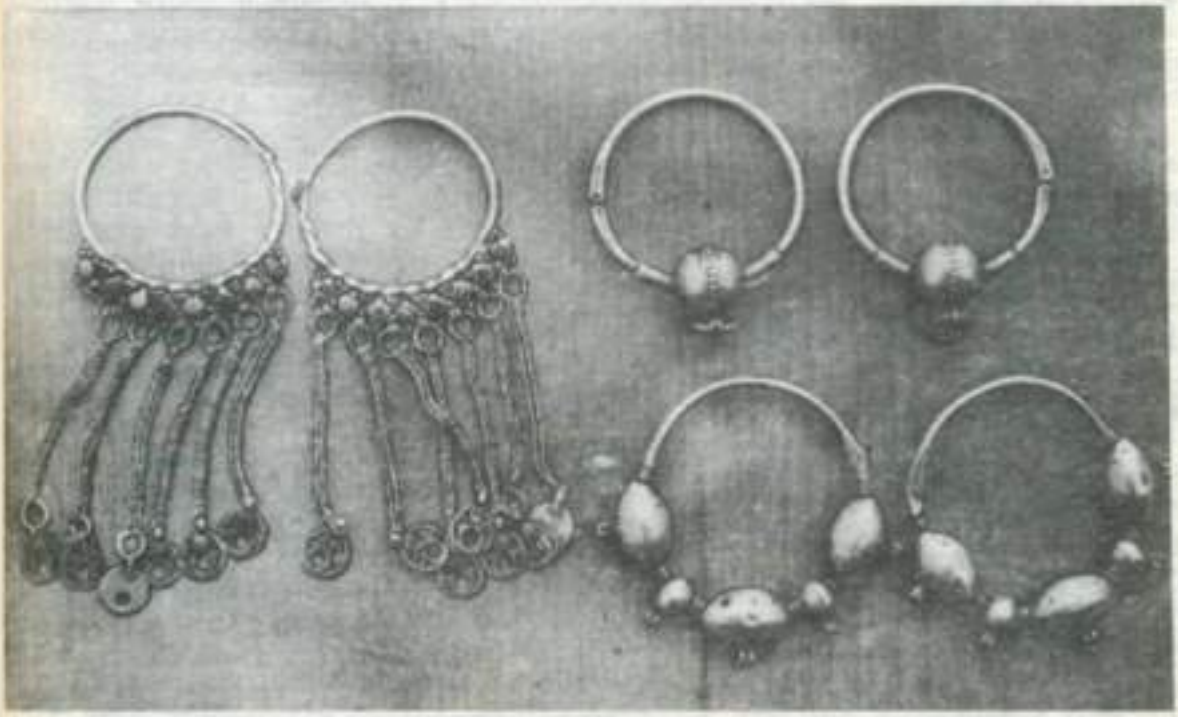
Женские украшения.

круглыми серебряными бляшками. Наравне с ним использовали пояс «кемар», несколько менее массивный. Поясным украшением являлась застежка «къапашыкъ», которая пришивалась к бешмету спереди.

Украшениями являлись различные бусы из кораллов (маржан мойыншакъ) и бисера (ынжы мойыншакъ). Существовали шейные украшения из серебра, сердолика, монет и жетонов. «На шею вешают «мойыншакъ», сделаный из красных камешков и стекла»[174],— писал Д. Шлаттер.

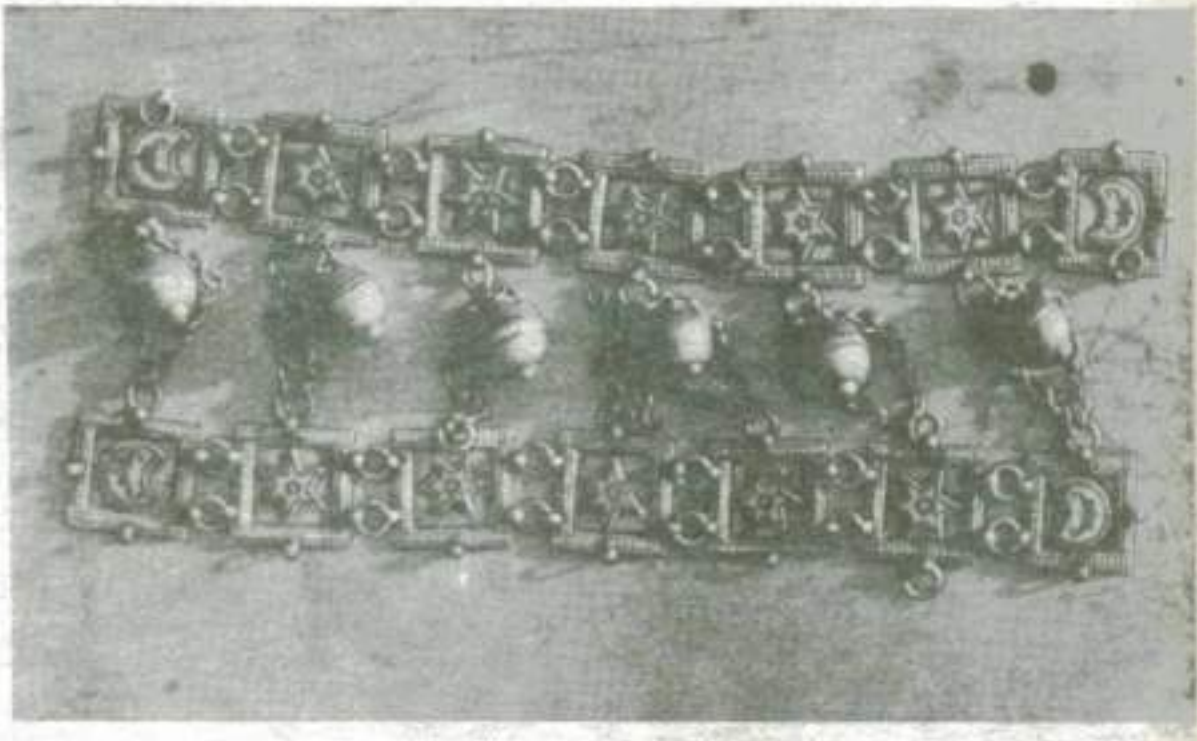
Своего рода украшением были «шашбау» (букв.: «бечевки для волос»), которые вплетались в косы: «у незамужних иногда до лодыжек досягающие, из верных шелковых с серебряными смешанных ниток состоящею кистью, а у замужних шелковою или бумажною лентою оканчиваются»[175].

Изяществом и тонкой ювелирной отделкой отличались украшения для рук. «На пальцах всегда серебряные кольца «юзик» с красным камнем, на руке широкие браслеты «билезик»[176],— сообщал Д. Шлаттер. У богатых имелись золотые кольца с дорогими кам-

Женские украшения.

[174] Schlatter D. Op. cit. s. 244.
[175] Гмелин С. Г. Указ. раб., с. 179.
[176] Schlatter D. Op. cit., s. 244.

Женские украшения

нями и браслеты. Браслеты инкрустировали камнем, стеклом, гравировали на них арабским шрифтом инициал или имя владелицы.

Особое место занимали украшения для головы. «Серебряные украшения составляют страсть ногайской женщины. Молодые и замужние женщины носят часто на лбу или под подбородком серебряные украшения, состоящие из серебряных цепочек и колечек, укрепленных концами к серьгам» [177],— писал Н. Ф. Дубровин. Украшения прикреплялись к налобной части шапочки и спускали до глаз. Имелись разнообразные серьги (къулакъшын, сырга), подразделявшиеся на гнутые (букше сырга), пластинчатые в форме птичек (къораз къулакъшын), снабженные подвесками (тункълы къулакъшын). С ранних лет девочки носили на крыльях носа или на носовой перегородке кольца (алкъа, тогъа). Тогъа носили не только девочки, но иногда и мальчики, обрученные до рождения родителями [178]. Об этом сообщал Олеарий: «родившаяся первою, а также и некоторые другие из их дочерей, если они еще в чреве матери были обещаны богу или известному имаму и святому, носят в правой ноздре кольца с бирюзою, рубином или кораллами; подобные же кольца носят мальчики в ушах» [179]. То же писал в XVIII в. Я. Я. Стрейс [180].

Траурная одежда женщин была темной. Во время траура «у женщины белый тастар заменяется желтым, а красная рубашка темною» [181],— отмечал Г. Ананьев.

Придавая большое значение своей внешности, ногайка пользовалась парфюмерными изделиями, покупала «кенас» для мытья волос, краску для ногтей, румяна и белила, «употребляемые женщинами в очень большом количестве» [182]. Упоминание об этом есть и у Корниса [183].

Одежда девочек в основном повторяла одежду взрослых, но была более практичной.

---

[177] Дубровин Н. Ф. Указ. раб., т. 1, с. 269.

[178] П. З., ноябрь, декабрь, 1977, Зеид Кайбалиев, 78 лет, Сеид Кайбалиев, 76 лет, а. Кара-Тюбе; Багаутдин Аракчиев, 76 лет, а. Терекли-Мектеб.

[179] Олеарий Адам. Указ. раб., с. 405.

[180] Стрейс Я. Я. Три путешествия. М., 1935, с. 196.

[181] Ананьев Г. Указ. раб., с. 9.

[182] Пейсонель М. Указ. раб., с. 16.

[183] Корнис. Указ. раб., с. 213.

Рост благосостояния населения в годы Советской власти способствовал широкому проникновению в быт ногайцев фабричных тканей и готовой одежды. Мужская одежда ногайцев претерпела значительные изменения уже в первые годы Советской власти. Фабричные сапоги, ботинки, галоши заменили самодельную обувь. Тогда же получила широкое распространение одежда военного покроя: галифе, рубаха со стоячим воротником и накладными карманами на груди. Рубаху носили навыпуск и подпоясывали узким ремнем.

В настоящее время ногайцы надевают шапки, кепки, фуражки. Войлочные шляпы и башлыки носят старики и люди, занятые на полевых работах. Вообще, элементы национальной одежды больше встречаются у лиц старшего поколения. Старики носят штаны традиционного покроя, бешмет, подпоясывая его узким ремешком, кожаные чулки с калошами. Молодые люди предпочитают одежду городского покроя.

Значительные изменения произошли в женской одежде. Традиционные черты сохраняются в одежде пожилых женщин, которые обычно носят длинные платья, теплые шали, большие платки. Среди них есть известные мастерицы, шьющие традиционную одежду. Они удовлетворяют запросы не только стариков и старух, но и участников художественной самодеятельности. Молодые женщины и девушки одеваются по-городскому, хотя некоторые обязательно носят косынки или платки. Обычай обязательного ношения женщиной головного убора постепенно исчезает.

В целом на изменения в ногайской одежде оказали влияние многие факторы: переход от кочевой жизни к оседлости, проникновение в аул капиталистических отношений, влияние соседних народов и особенно социалистическое переустройство быта, в ходе которого традиционный костюм ногайцев почти полностью приблизился к городскому.

3. 4. Пища и утварь

В национальной пище ногайцев мы находим аналогии с пищей народов Средней Азии, Поволжья и Северного Кавказа. В то же время в ней отразилась классовая дифференциация общества. Наложили на нее свой отпечаток и различия в кочевом и оседлом быте народа. В XIII в. очевидцы отмечали в рационе кочевников преобладание молочной и мясной пищи, а также блюд из проса [184]. С середины XV в. в районе Пятигорья ногайцы обрабатывали землю [185] и, следовательно, получали хлеб.

Интересные сведения о пище ногайцев сообщает Матвей Меховский. В самом начале XVI в. он писал, что главное место в пище ногайцев занимают молочные изделия, в том числе кумыс [186]. В XVI — начале XVII в. А. Дженкинсон [187], Д'Асколи [188], Дж. де Лукка [189] и др. описали некоторые виды пищи различных групп ногайцев, подчеркивая, что главенствующую роль в рационе народа составляют блюда из мяса и молока и частично злаковых. А в начале XVII в. Олеарий отмечал, что «пищу сих татар составляет все то, что доставляет им скотоводство, рыболовство и птицеводство, высушенная на солнце рыба, молотый рис и просо, из муки которых они делают род лепешек» [190].

К XVIII в. относятся подробные описания пищи ногайцев в различных районах их обитания. Характеризуя пищу поволжских ногайцев, С. Г. Гмелин писал: «Пекут хлебы и приготовляют мучное кушанье, как вареное, так и жареное лошадиное, баранье и говяжье мясо, азиатскую кашу, плов называемую, кисель, мучное кушанье попросту лапша именуемую, тонкий пшеничный хлеб, чурек называемый, а особливо любят чай. Различные роды рыб, если только

[184] Путешествия в восточные страны..., с. 36.
[185] СБРИО, т. 41, 1884, с. 167, 323.
[186] Меховский М. Указ. раб., с. 60.
[187] Дженкинсон А. Указ. раб., с. 170—171.
[188] Д'Асколи. Указ. раб., с. 130.
[189] Лукка Дж. Указ. раб., с. 485—487.
[190] Олеарий А. Указ. раб., с. 458.

Кухня. Ногайцы Северного Причерноморья. Начало XIX в. Рис. Д. Шлаттера.

они вялены на солнце, составляют сих татар обыкновенную пищу»[191]. По И. Г. Георги, ногайцы «пищу свою получают от скотоводства и некоторых полевых и огородных произрастаний. Едят мясо, молоко, сыр, масло, плов, кашу, соломату, разные дикие и огородные коренья»[192]. В начале XIX в. Корнис сообщал, что пища ногайцев Северного Причерноморья «состоит в кобыльем мясе, говядине, баранине, курах, рыбе, молоке, масле, пшене и приготовлениях из разного рода муки. Летом едят они арбуз, дыни и привозимые из соседственных мест, особливо из Крыма, разные травы»[193]. В XIX — начале XX вв. у ногайцев существовало большое количество блюд, многие из которых, однако, можно было встретить только у богатых.

Пищу, как правило, готовили только женщины. Мужчины резали скот, разделывали туши и отдавали их для дальнейшей обработки женщинам, которые заготавливали мясо впрок и готовили различные кушанья. Как и многие народы Средней Азии, Поволжья и Северного Кавказа, ногайцы ели конину, верблюжатину, баранину, говядину, мясо домашней птицы и дичи. «Летом ногайцы едят баранину, зимой больше лошадиное мясо»[194],— писал Д. Шлаттер.

Откормленных лошадей резали осенью. Высоко ценилось свежее мясо молодого жеребенка, которое употреблялось также против простудных заболеваний. Жеребячий жир (къомгазы) помогал при желудочных заболеваниях. Из конины готовили колбасу (къазы). Для этого брали прямую кишку лошади (ас шек), тщательно ее промывали и один конец плотно завязывали. Затем кишку набивали тонко нарезанными кусочками жирного мяса из брюшной части с добавлением растертого чеснока (сарымсакъ) и черного перца (пурыш). Набив кишку, завязывали второй конец. Таким образом готовили и развешивали для сушки колбасы впрок. Къазы можно было есть в сыром,

[191] Гмелин С. Г. Указ. раб., с. 176.
[192] Георги И. Г. Описание всех обитающих в Российском государстве народов, ч. 1. СПб., 1799, с. 32.
[193] Корнис. Указ. раб., с. 214.
[194] Schlatter D. Op. cit, s. 258.

жареном или вареном виде. Из нее же готовили «кувырмаш»: ломтики колбасы, поджаренные на масле с луком.

Из конины или говядины делали также колбасу «толтырма». Для этого куски мяса вперемешку с кусочками кишок набивали в прямую кишку, завязывали оба конца и коптили обычно в дымоходе. Из оставшегося после изготовления колбас мяса делали сушеное мясо (къакъ эт). По свидетельству Корниса, оно было не лишено ритуального значения: «Из разрезанной в тонкие ломтики кобылятины мужчины приготовляют себе особое национальное кушанье «тараму», которую едят в компании, в знак искренней братской любви и дружества, а чтоб сохранить это кушанье от осквернения, не дают женщинам и дотрагиваться до него. Сварив его и вымыв себе наперед руки, собираются они в кружок и берут его по кускам из миски в рот пальцами» [195].

Колбасы готовили также из говядины и баранины. Из печени, курдючного жира (къуйрыкъ май) и внутреннего жира (иш май) делали колбасу «сокъта». Из внутренностей приготовляли ливерную колбасу «йоьрме». Для изготовления впрок сушеного мяса разрезали его, не отделяя от костей, на тонкие ломти, солили, а затем вывешивали на солнце. Впрок заготавливали жареное мясо (кувырдакъ), для чего его закладывали вперемешку с жиром в желудок животного, который, предварительно наполнив воздухом, сушили. Курдючный жир разрезали на куски и употребляли вместе с мясом без хлеба [196]. Так же ели и жир из горба верблюда (оьркеш май). Жареное мясо ели с тузлуком — кислым молоком с чесноком и солью.

Из мяса готовили различные блюда. К числу излюбленных относился «къувырдакъ», который в конце XIX в. готовили с картофелем, луком и перцем. Еще большим лакомством считался «бесбармакъ». Баранину большими кусками варили в котле, затем вынимали, а в бульоне варили лапшу (лакъса). Затем вареное мясо нарезали на мелкие кусочки и перемешивали с процеженной через дуршлаг (шюлпы) лапшой. «Прибавляют немного красного перцу, соли, а если есть, то и луку и «бешбармак» готов» [197],— писал Г. Ананьев. Разновидностью къувырдакъ была «къуюрма», приготовляемая из ягнятины, жареной на масле с перцем и луком [198]. Из целой туши ягненка делали (обычно чабаны) «къуьрлеме». Ягненка свежевали, вынимали внутренности и томили его в земляной яме 10—12 часов со специями. В ходу были шашлык (сислик) [199] из баранины, пироги (боьрек) и пельмени (къасыкъ боьрек) из говядины. Большое распространение имели хинкалы (инъкал) — куски вареного теста с мясом.

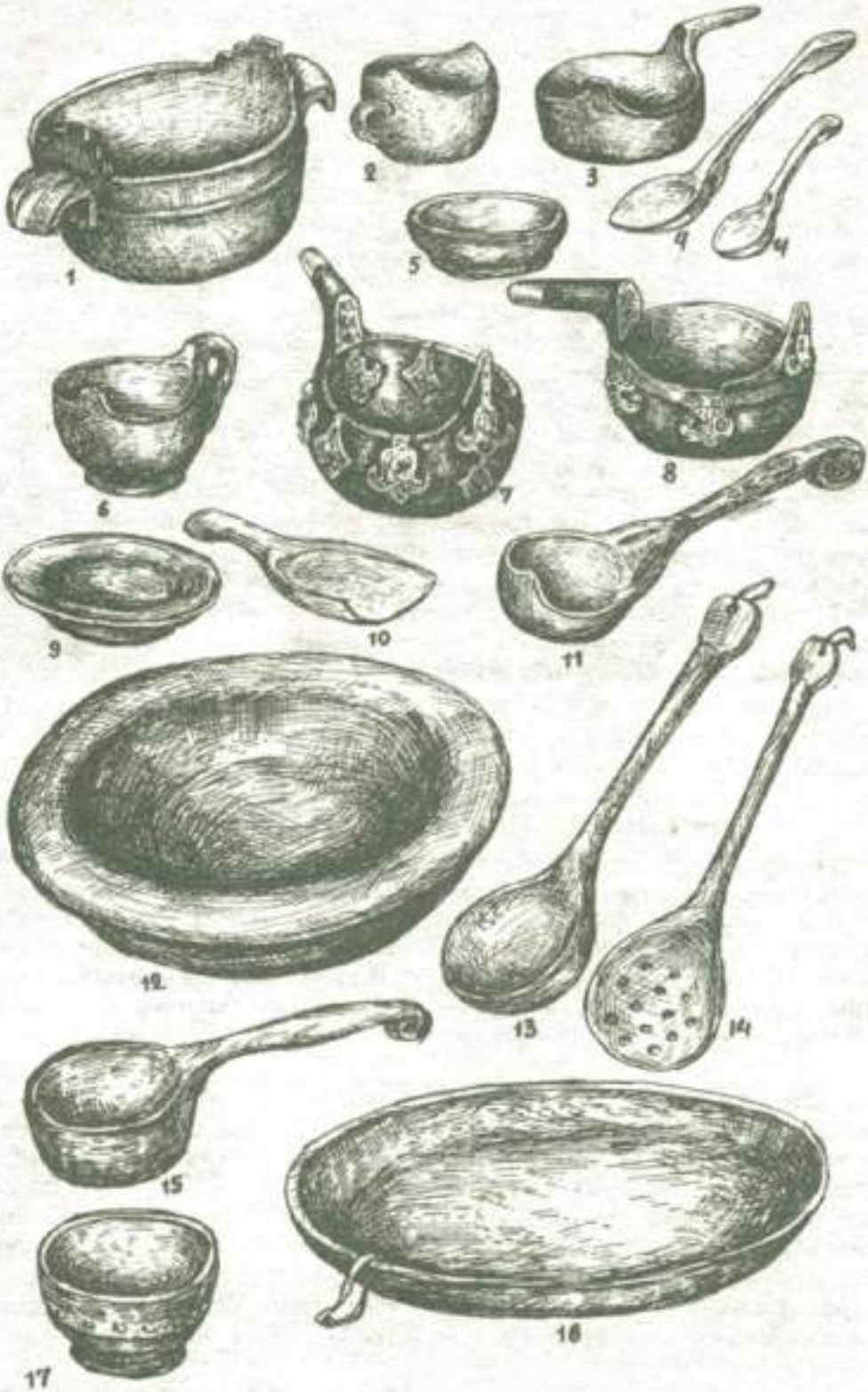
Ногайцы, которые жили в рыбных местах, ели и рыбу (балыкъ),— предпочтительно жареную. О потреблении рыбы говорит наличие в лексиконе народа различных ее наименований: вяленая рыба «шабакъ», сельдь «май шабакъ», усач «суьйрик», щука «шортан», осетр «бекре», лосось «къызыл балыкъ», белуга «ыргъай», головень «тонъка»» и др. Варили также уху (балыкъ сорпа).

Значительное место в пище занимали куриные яйца. Ели их вкрутую. На масле готовили яичницу с луком (къайкъана). Разболтав сырые яйца и добавив кусочки сыра, молока, сливочное масло и соль, приготовляли «йоьмеке». На молоке с добавлением яиц приготовляли особого рода яичницу — «майшыкъкан».

Если мясо в широких слоях населения было пищей преимущественно праздничной, то молочные продукты составляли основу питания кочевников и являлись важным подспорьем в рационе земледельцев — скотоводов. Молоко употребляли прежде всего в сыром виде, считая его годным в пищу на шестой-седьмой день после отёла. Молозиво (уыз) шло на приготовление хлеба — «уыз оьтпек». Не менее широко было распространено кислое молоко

---

[195] Корнис. Указ. раб., с. 214.
[196] Schlatter D. Op. cit. s. 258.
[197] Ананьев Г. Указ. раб., с. 8
[198] Там же.
[199] Павлов А. Указ. раб., с. 7.

Утварь 1. Рис. С. Батырова. 1 шара, 2 саплы, 3,7,8 — шанак, 4 касык, 5 налбеки, 6 саплыаяк, 9 тепшек, 10 савоьк, 11 ожау, 12 ойман, 13 шоьмиш, 14 шюлпы, 15 ялгау, 16 телпек, 17 тостакай.

(йоурт), которое приготовляли из кипяченого молока, добавляя закваску (йоурт уйткъы). Йоурт известен многим народам от Болгарии до Индии под тем же названием, что у ногайцев [200]. Из топленых сливок (къаймакъ) и кислого молока сбивали масло. Для этого (сары май) къаймакъ и йоурт сливали в высокий и узкий деревянный бочонок (куьбн) и сбивали деревянной мутовкой (пискек). Из сливочного масла приготовляли топленое (кайнатылган май)

[200] Линде Г., Кноблах Х. Приятного аппетита. М., 1974, с. 12, 225.

Утварь II. Рис. С. Батырова. 1 шаншак, 2 шелек, 3 куьеи (сувагаш), 4 табак, 5 элекеи (текеве), 6 элек, 7 суьзгиш, 8 шанышкыш (сис), 9 туьйгиш (аьвоьк), 10 авоьнкоьв, 11,12 еэанк, 13 сис, 14 кумган, 15—18 шоьлмек (каба).

Утварь III. Рис. С. Батырова. 1 куьби, 2 пискек, 3 касык уьндирик, 4 шырак уьндирик, 5 оклау, 6 сыпыра (унтакта), 7 агаш шелек, 8 астакта, 9 кобан сандык, 10 кели, 11 келисап.

Утварь IV. Рис. С. Батырова. 1 тулык, 2 торсык, 3 куржын (шонтай), 4 кавга (коынек, коыншелек), 5 яргак (увулавыш).

Оставшийся после топления осадок (торта) ели с хлебом и мамалыгой. Пахта (айран) применялась как жаждоутоляющий напиток. Из нее готовили нечто вроде сушеного молока или сыра — «елдирмеш», «курыт». Для этого айран сливали в матерчатую сумку (дорба) и подвешивали ее; жидкость вытекала, и оставалась густая масса, которую отжимали руками и сушили.

Самым распространенным среди коровьих и овечьих сыров был «пыслакъ», схожий с брынзой. Для закваски употребляли сычуг (маялыкъ) молодых овец, предпочтительно ягнят. После образования творожистой массы, ее выкладывали на деревянную доску, выдавливали сыворотку, а затем придавали сыру определенную форму и оставляли на полчаса, чтобы он затвердел. После этого его складывали в посуду и солили. В течение лета и ранней осени набиралось значительное количество этого сыра. Высокими вкусовыми качествами отличался другой вид сыра — «матакъоя», который приготовляли тем же способом, но затем коптили. Оба вида сыра ели с ногайским чаем. Еще одной разновидностью сыра был «созба» (букв.: «тянущийся»).

В ходу были также уже упоминавшийся къаймак, творог (иримшик), подсоленный йоурт с чесноком (авырша). Последний заготавливали на зиму в кадушках. Приготовляли и сырковую массу «суъзбе».

В растительной пище преобладали блюда из зерновых: проса, пшеницы, кукурузы, риса. Пшеница и рис шли преимущественно на праздничные блюда. «Пшеничная мука мало употребляется для печенья хлеба, больше идет на пирожки, приготовляемые различным образом»[201],— писал Корнис о причерноморских ногайцах. Из кислого теста, приготовленного из пшеничной муки, пекли пышки (бауырсакъ). Для этого куски теста бросали в кипящее масло, и как только они подрумянивались, вынимали из котла и укладывали на блюдо (телпек). По праздникам готовили «къатлама», для чего тесто замешивали

[201] Корнис. Указ. раб., с. 216.

на молоке, масле и яйцах, резали на куски и тонко раскатывали, а посередине насекали и равномерно растягивали. Получалась лента, которую, перекручивая, опускали в кипящее масло. Для сохранения формы изделия подправляли деревянной палочкой (сис). «Из такого же теста готовят локум, который подается к чаю и берется в путешествие» [202],— отмечал Д. Шлаттер. Из просяной и пшеничной муки выпекали хлеб (оьтпек). Тесто для хлеба месили на воде, сыворотке, кислом молоке. На будущее для замеса оставляли кусочек теста (мая). Пекли хлеб в тандыре — обмазанной глиной яме с круглым глиняным куполом. В печи хлеб пекли на сковороде и на золе. «В середине кибитки обыкновенно оставляется место для очага, для приготовления хлеба и чая, но в летнее время предпочитают варить чай и печь хлеб вне кибитки. С этой целью вырывается канавка в аршин длиною и в 1/2 аршин глубиною, в которую кладется кизяк, служащий топливом, или просто сухой коровий помет; в этой канавке кипятится котел, здесь же пекутся на железных сковородах лепешки» [203],— писал И. Л. Щеглов. Печи вне жилого дома (куьрелей) в летнее время — древняя традиция кочевников.

Хлеб, испеченный в масле, назывался «къалакъай» [204], или «май къалакъай»; испеченный на сковороде без масла — «таба оьтпек». Широко было распространено потребление блинчиков «шырлама», «къуймакъ». Пекли также слоеный хлеб (кыркъ къабат). Из просяной муки делали галушки (алдама), а из кукурузной муки лепешки (атыкъ алпама, миишари). В ходу были и блины (шырлама, къуймакъ).

Из жидких блюд делали суп-лапшу с курятиной (къалжа), сваренную из пшеничной муки с добавлением курта или сушеного сыра, болтушку (булямыкъ), суп с кислым молоком и маленькими шариками теста (увмаш, унаш), суп-лапшу из пшеничной муки (ылакса), суп из пшена или кукурузной муки (уьйре), суп из любой замешанной в кипяченой воде муки (къудыр).

Известны были и каши из жареного проса, готовили «соьк». Для этого после прожаривания просо толкли в деревянной ступе (кели) и с помощью шеста (келисап) отвеивали мякину, а очищенное просо заливали молоком и оставляли набухать. Когда просо становилось мягким, его можно было есть. При этом могли добавить сметану или мёд. Обычно это блюдо готовили во время уразы, свадеб и других торжеств. Готовили из проса и кашу «туьй баста», которую ели с маслом или сметаной. Из проса (жареного), перемолотого в муку, готовили кашу — «талкъан». «Очень любят вареное в молоке просо. Получается густая масса, ее кладут на тарелку, посередине массы кладут свежее масло. Это называется «боткъа» [205],— писал Д. Шлаттер.

После появления на Северном Кавказе кукурузы многие каши начали делать из нее. Из кукурузной муки готовили талкъан, а также каши «баста», «мамырса», которые ели со свежим или кислым молоком, маслом, употребляли вместо хлеба.

В благоприятных климатических условиях ногайцы возделывали овощи и бахчевые культуры, употребляли их в пищу. По сведению Д. Шлаттера, ногайцы, проживающие в Таврической губернии «считали за деликатес яблоки «алма», грушу «армут», виноград «юзим». Вишню, инжир покупали на ярмарке. Много сажают дыни и арбузы. Ихние арбузы весят 40 фунтов, дыни — 20 фунтов. Любят они огурцы, испанский и турецкий перец «шибжий», лук «соган», чеснок «сарымсакъ» [206]. Из картофеля (ералма — букв.: «земляное яблоко») готовили пюре (ералма торта), ели его в натуральном виде.

Из напитков у ногайцев наибольшее место занимали уже упоминавшиеся. «Ногайцы не пьют воду» [207],— писал Д. Шлаттер. Пили айран, а из кобыльего

---

[202] Schlatter D., Op. cit. s. 266.

[203] Там же.

[204] Щеглов И. А. Указ. раб., т. I, с. 140.

[205] Schlatter D. Op. cit. s. 265.

[206] Schlatter D. Op. cit. s. 269.

[207] Ibid. s. 249.

молока приготовляли кумыс (кымыз), пользовавшийся большим спросом также и у других соседних народов. Кумыс употребляли как тонизирующий, а при особой длительной выдержке в специальных кожаных мешках (саба, торсык) как алкогольный напиток. Тонизирующий кумыс славился своими целебными свойствами, о которых восторженно отзывались путешественники и специалисты. А. Архипов опубликовал особую статью, где подробно описал процесс приготовления ногайского кумыса и его целебные свойства [208]. Кумыс употребляли как лекарство против заболеваний легких и желудка [209]. Для приготовления кумыса администрация курортов приглашала ногайцев. Они приводили дойных кобылиц и целое лето обслуживали больных [210]. Из кумыса же выгоняли «вино, которое крепостью своею много уступает хлебному» [211]. Хранили кумыс в кожаных бурдюках (саба).

Другим хмельным напитком была буза, которую обычно готовили «зимой, когда нет молока, кумыса» [212]. Для ее приготовления использовали просо или кукурузу. Процесс приготовления у всех подразделений ногайцев был одинаковым. «Просо очищают от кожуры, слегка мелят на специальных мельницах. Варят в большом котле. Получалась каша коричневого цвета. Перед варкой заливали водой и оставляли для брожения на несколько дней. Варили после брожения. После варки кашу пропускали через сито, остатки на сите собирали и вновь делали бузу» [213],— писал Д.Шлаттер. Бузу в большом количестве приготовляли для свадеб. Существовал обычай коллективного питья бузы (кезбе боза). Для питья бузы служили особые деревянные чашки с ручкой (саплы аякъ), а также камышовые (къамыс аякъ).

Напитком, доступным лишь состоятельным людям, была балбуза. Процесс ее изготовления подробно описал С. Г. Гмелин. «Взяв пять ведер воды, разводят один пуд меду. Кладут в корчагу два штофа пивных дрожжей, фунт пшеничной муки и примешивают к тому два штофа мяты, потом, взяв фунт хмелю и одно ведро воды, варят до тех пор, пока половина воды выварится. Потом один штоф сей с хмелем вареной воды вливают в помянутую корчагу и поставив ее в теплом месте, дают три или четыре часа киснуть. Сию смесь с остальною смешав, вливают все вместе в один сосуд, и поставив оной в умеренной теплоте для квашения, оставляют там на целые сутки, по прошествии которых сливают сверху чистый мед, и оной или в самой скорости употребляют или, если хочется иметь чрезвычайно крепкий мед, вливают сей чистый слитый мед опять в другой сосуд, дают восемь или 14 дней еще киснуть и кладут в оной всякие сутки по полфунту меду, чтобы от многого квашения мед своей сладости не потерял» [214].

Ритуальным напитком была сладкая вода (сербет сув). Приготовляли ее следующим образом. Кипятили воду, в нее клали мед, а в конце XIX—начале XX в. — сахар. Пили ее на свадьбе, праздниках.

Важное место в пище отводилось ногайскому чаю (ногъай шай), который проник в рацион почти всех северокавказских народов. Чай варили в котле (къазан), куда наливали воду, насыпали горсть чая и варили до образования коричневого цвета. Затем переливали в другую посуду, добавляли сливки (къатык), масло, перец и соль. Вместо сливок употребляли и молоко, предпочтительно верблюжье или козье, которое было жирнее. «У такого чая вкус очень приятен и благотворно влияет на здоровье» [215],— писал Д. Шлаттер. О большой роли чая в пище ногайцев писали также С. В. Фарфоровский [216],

---

[208] Архипов А. Замечание о кумысе и айране.— Вестник императорского географического общества, 1851, ч. II, с. 45—47.
[209] Меховский М. Указ. раб., с. 60.
[210] Твалчрелидзе А. Указ. раб., с. 51.
[211] Павлов А. Указ. раб., с. 12.
[212] Schlatter D. Op. cit. s. 250.
[213] Schlatter D. Op. cit. s. 250.
[214] Гмелин С. Г. Указ. раб., с. 176—177.
[215] Schlatter D. Op. cit. s. 251.
[216] Фарфоровский С. В. Указ. раб., с. 11.

Н. Семенов [217] и др. Для гостя всегда готовили свежий чай. Чай пили утром и в обед, обычно с локумом. По свидетельству старожилов, приготовляли семь разновидностей чая. Нами зафиксированы пять: «бобртенке», «шама шай», «зынъкыйтпа шай», «къара шай», «йолга барсын шай». Лучшим считался бобртенке шай, сваренный из кирпичного чая (шабар шай) с добавлением сливок и сливочного масла. Шама шай — это чай бедняков, который вновь варили из спитого чая. Къара шай — это черный чай, чай без молока. Беднота заваривала чай листьями растения «къуврай», груши (кертпе) жареного ячменя (арпа шай).

Покупные изделия в питании занимали небольшое место. Изредка приобретали сахар, пряники, баранки, конфеты.

Богатые ели три раза в день, большинство бедняков употребляли горячую пищу только утром и вечером.

Многие наблюдатели отмечали, что ногайцы вообще умеренны в пище. А. Павлов писал: «Во время обеда они... неторопливы в еде, умеренны в употреблении пищи, чистоплотны» [218]. «Ногаец может быть один и даже несколько дней очень выдержан в пище» [219],— замечал Н. Ф. Дубровин.

Пищу обычно готовили в котле (къазан). Их было несколько видов: «къулакълы къазан», «шойын къазан», «аспа къазан». Утварь в основном была деревянная, некоторые вещи изготовляли из камыша. Деревянными были «шолпы» «шомакъа», «шоьмиш» — разновидности чумичек; «шоргъа», «агъаш аякъ», «тостакъан» — чашки; «тепсе», «табакъ» — большие тарелки, иногда используемые и как блюда или подносы; «шара» — большие миски; «окълау» — скалка для раскатывания теста; «бастабалакъ» — лопатка для размешивания каши; «аукъ» — ступка. Из камыша делали цедилку для чая и молока (суьтлик). Широко пользовались глиняной посудой (шоьлмек), в которой по большей части хранили молоко и молочные продукты. В ходу были кожаные бурдюки (саба, тулыкъ, торсыкъ, артпакъ). Некоторые молочные продукты ели из чашки «къабак-аякъ», изготовленной из высушенной тыквы. Богатые люди покупали фарфоровые и фаянсовые чашки, тарелки. Для подъема воды из колодца служило кожаное ведро (къавгъа, шелек), для стирки мастерили деревянное корыто (текене). Лица, изготовлявшие утварь, назывались «агъаш уста».

Такие национальные блюда ногайцев, как бешбармак, шашлык, кумыс, йоурт, айран встречались и встречаются у многих народов Северного Кавказа, а некоторые блюда соседних народов, например карачаевцев, кумыков, черкесов, вошли в быт ногайцев. Так, у бабаюртовских и костековских ногайцев популярными блюдами стали «долма» и «кюрзе», заимствованные у кумыков, а у кубанских ногайцев — черкесское «либже» и карачаевский «къышын». Широко распространились такие русские и украинские блюда, как борщ, котлеты, тефтели, голубцы и т. п. Как и в других областях культуры, в сфере питания происходило и происходит взаимовлияние.

За годы Советской власти пища ногайцев стала намного разнообразнее. Стали широко употреблять покупные продукты, особенно сахар, бакалейные и кондитерские изделия. Основная масса населения покупает также хлебобулочные изделия.

Зимой в пище преобладают мясные и мучные, а летом — молочные блюда, овощи, фрукты. Горячую пищу принимают три раза в день.

Изменилась и утварь. Очень редко встречается деревянная и глиняная посуда, медные котлы, тазы и кумганы, главным образом у некоторых старожилов. Современная утварь представлена алюминиевой, эмалированной, стеклянной и фаянсовой посудой фабричного производства. Нередки парадные сервизы из дорогого фаянса и фарфора.

---

[217] Семенов Н. Указ. раб., с. 372.

[218] Павлов А. Указ. раб., с. 28.

[219] Дубровин Н. Ф. Указ. раб., с. 266.

ГЛАВА IV

ОБЩЕСТВЕННЫЕ И СЕМЕЙНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

4.1. Общественный строй и быт

В XVIII—XIX веках в общественном строе ногайцев преобладали феодальные отношения с сохранением патриархально-родового уклада. Во второй половине XIX в. в их социальном строе произошли значительные изменения.

По сообщениям М. Пейсонеля, в начале XVIII в. причерноморские «ногайцы делятся, как и жители Крыма, на свободных, знатных, вольноотпущенников и рабов»[1]. Документы начала XIX в. показывают, что у всех подразделений ногайцев существовали два класса — эксплуататоров и эксплуатируемых. К первому принадлежали сословия мурз, султанов, князей, духовенства, узденей, биев, баев, а в более раннюю эпоху — также и ханов; ко второму — «джоллыккулов», «джолсызкулов», «азатов», «байгушей», «кедеев», «тарханов», «чагаров», «ясырей», «ялшей»[2]. Высшие сословия назывались «белая кость» (акъ суьек), низшие — «черная кость» (къара суьек).

На самой высшей ступени сословной лестницы стояли мурзы, султаны, князья. Они владели огромными богатствами, стояли во главе аулов и решали все политические и экономические вопросы. Их интересы защищало царское правительство. В 1822 г. по указу императора Александра I ногайскому приставу, владельцу огромных богатств генерал-майору Султан-Менгли-Гирею по выходе его в отставку было назначено «сверх получаемого им ныне пенсиона по 4800 рублей ежегодно отвести в вечное и потомственное владение 5 тысяч десятин земли»[3]. Крупными землевладельцами в середине XIX в. у кубанских ногайцев были князья Мусса Туганов, Эльмурза Канмурзин, Береслан Туганов, Балта Ахлов, Алакай Мансуров, Мурзабек Нобеков, Келембет Уразков; султаны Салим-Герей Безраков, Давлетгирей Сафаткиреев, Шахангирей Саламаткиреев[4]. Генерал-майору Султану Казы-Гирею была выделена крупная сумма пенсии и 5000 десятин земли[5]. Под властью князя Ислама Бодракова находились 380 дворов, князя Калагирея Карамурзина — 190 дворов. Они наблюдали «за всеми делами народными, и каждое решение их принимается вроде законного, они вмешиваются во все дела своих и как старейшины имеют за всеми наблюдения»[6]. У степных ногайцев богачи сосредоточивали в своих руках главное богатство степей — скот. У мурзы Муссы Мисоусова в 1811 г. было 95 «подвластных душ»[7]. А документ 1845 г. сообщает: «...изобилие у богатых одно скотоводство, но значительная часть или вовсе не имеет по бедности своей такового, или в малом количестве»[8].

С середины XIX в. развитие товарно-денежных отношений стало разрушать веками устоявшиеся натуральный характер и патриархальную замкнутость

---

[1] Пейсонель М. Указ. раб., с. 15.
[2] ГАКК, ф. 348, оп. 1, д. 9, л. 36; ГАСК, ф. 248, оп. 3, д. 1487, л. 2,3в; ГАСК, ф. 249, оп. 3, д. 2584, л. 40.
[3] АКАК, т. VI, ч. 2, 1875, с. 524.
[4] ЦГВИА, ф. 15264, оп. 1, д. 38, 47—49.
[5] ГАКК, ф. 574, оп. 1, д. 2961, л. 8.
[6] Там же, л. 9.
[7] ЦГА ДАССР, ф. 350, оп. 1, д. 145, л. 8.
[8] ГАСК, ф. 249, оп. 3, д. 3997, л. 37.

ногайского хозяйства, углублять имущественное расслоение. Особенно оно усилилось после отмены крепостного права, когда князьям, мурзам, султанам не всегда удавалось переустроить свое хозяйство на капиталистический лад. Многие из них продавали или сдавали в аренду свои земельные угодия и в конечном итоге разорялись. Так, по данным В. П. Невской, к таким разорившимся владельцам относились «наследники ногайского князя — феодального владельца аула Ураковский — Тугана Ахлова» [9]. Арендаторами и покупателями земель часто становились кулаки, богатевшие в результате эксплуатации бедноты, торговли, земельных спекуляций. Таковы были, например, Ибрагим Карасов и Ибрагим Найманов из аула Нижне-Мансуровского, которые завладели тысячами голов скота, держали почтовые разъезды. Аналогичные имущественные и социальные изменения происходили в Ногайских степях. В 1912 г., по сообщению Ф. И. Капельгородского, из шести тысяч хозяев 235, или 4% всех ногайцев, владели 900 верблюдами (99%), 10 тысячами лошадей (70%), 13400 головами крупного рогатого скота (40%), 90530 головами овец (55%), а 5700 кибитко-владельцев, или 76% всех ногайцев, владели лишь 34% всего скота. Свыше десятой части ногайского населения влачило жалкое существование, еще около десятой части вообще не имело никакого имущества [10].

Для внутреннего управления аулом или кочевьем на год избирались голова, двое старшин и казначей, «а в каждом ауле, состоящем не менее как из десяти кибиток, выбирается, сверх того, староста и десятник» [11]. Как правило, эти лица были из тех же князей и мурз, которые решали все дела в пользу знати. Аналогичным было положение и при решении других вопросов, которые духовенство решало по шариату, а совет старейшин — по адату. «Дела между ними разбираются... по произволу князей, которые, пользуясь своей властью, назначают для разбирательства... афендиев, исполняющих желания князей. Дела по адату решаются также неправильно, потому что выбранные для этого люди почти беспрекословно соглашаются заранее с желанием князей. Штрафы взыскиваются с народа в пользу князей скотиной или деньгами, несмотря ни на какое состояние» [12],— сообщалось в документе 1852 года. Имея власть, князья, султаны и мурзы сами определяли границы пастбищ.

Ниже князей, мурз и султанов на сословной лестнице стояло духовенство. К 1834 г. по левому берегу Кубани в девяти аулах насчитывались 34 человека мулл и эфенди [13]. Функции духовенства заключались в отправлении мусульманских обрядов; доходы духовенства складывались из «зеката» (сороковая доля доходов населения), «суьр» (десятая доля доходов семьи), платы за участие в судебных разбирательствах, венчании и похоронах.

Особую ступень сословной лестницы составляли уздени, фактически зависимые от князей, мурз и султанов. Уздени «состояли в подчинении мурз, имели голос в общественных делах» [14].

В кочевом обществе ногайцев в состав эксплуататоров входили баи (богачи). Полевые материалы показывают, что у кочевых ногайцев были аул-баи. Баем мог быть не только выходец из князей, мурз и султанов. Владея тысячами голов скота, бай мог вершить дела степного населения. Многие баи имели до 1000 лошадей, до 500 голов крупного рогатого скота, от 2 до 8 тысяч овец и коз [15].

В XIX в. среди кочевых ногайцев имелись старейшины (акъсакъалы). Они руководили мелкими племенными подразделениями: в 1825 г. Териков куб состоял в ведении 5 аксакалов [16]. Аксакалы имели достаточное количество

---

[9] См.: Очерки истории Карачаево-Черкесии, т. 1, с. 458.
[10] Капельгородский Ф. И. Каравогай.— ЗТОЛКС, 1914, с. 51.
[11] ЦГВИА, оп. 2, д. 500, л. 22.
[12] Там же, ф. 13454, оп. 2, д. 500, л. 22.
[13] ЦГВИА, ф. 15264, оп. 1, д. 38, л. 19.
[14] ГАКК, ф. 348, оп. 1, д. 9, л. 42—43.
[15] ГАСК, ф. 249, оп. 3, д. 3997, л. 38.
[16] Там же, д. 332, л. 53.

скота, чтобы выделяться из среды простого народа. В 1828 г. у едисанских ногайцев аксакалами были Кышпак, Кайбулла, Курманбий, у которых погибли от стужи 256 голов лошадей, 733 головы крупного рогатого скота, 841 овца [17].

Среди привилегированных ногайцев важное место занимали предводители племенных подразделений — бии. Источники о них сообщают мало, и установить их роль в общественной структуре пока не представляется возможным.

Непосредственные производители материальных ценностей назывались «къара халкъ» — простой народ. По имущественному положению их можно разделить на три группы: зажиточных, середняков и бедняков.

У степных ногайцев в XIX в. к категории зажиточных относились скотоводы, имевшие свои юрты и до 100 голов скота. Из 3914 хозяйств, исследованных И. В. Бентковским, 319 хозяйств имели от 30 до 100 голов скота [18]. Эти хозяйства могли жить самостоятельно, обменивая продукты животноводства на необходимые товары. Середняки — «кедейлер» — также были в основном самостоятельными семьями, которые имели свои юрты, до 5 лошадей, несколько коров, десятки овец [19]. К беднякам относились «байгуши». «Помимо местного найма на работы, некоторые из них уходят на сторону, где и нанимаются на работы, особенно по садоводству» [20]. Они почти не имели собственности. Сам термин «байгуш» (сила богача) показывает, что байгуши были рабочей силой баев. По определению Б. Б. Кочекаева, «байгуши представляли собой армию «степных пролетариев» в ногайском кочевом обществе, доведенных до невероятного обнищания» [21].

Среди кубанских ногайцев в XIX в. к эксплуатируемым массам относилось сословие джоллыккулов. Они считались «собственностью владельца и передавались по наследству» [22]. К категории зависимых крестьян относились также чагары, ряды которых пополнялись за счет рабов [23]. Джолсызкулами являлись рабы.

У кочевых ногайцев существовала прослойка тарханов. Известна она и у казахов. «К привилегированной прослойке казахского общества относились также «тарханы». Этот древний по происхождению институт имел известное распространение среди казахов, и значение его определялось русскими источниками как... «служилого и от податей свободного человека» [24]. По законам и обычаям джембойлуковцев и едисанцев, тарханы «ничто иное есть как только вольные, отпущенные холопы и отбывают повинность наравне с прочими ногайцами того общества, к коему пожелают причислиться» [25].

Низшую ступень общества составляли патриархальные рабы (ясырь). По-ногайски «есир» — воин, попавший в плен. Ясырями у ногайцев были полоняники, захваченные во время военных столкновений, а также преступники, отданные, если они не могли внести выкуп, в дом потерпевшего [26]. Полоняники могли быть перепроданы или отпущены. «При освобождении таковых холопьев даются от местного начальства открытые листы на свободное следование на родину» [27]. Во второй половине XIX в., когда степные ногайцы оказались в сфере непосредственного влияния царской администрации, социальная прослойка рабов постепенно отмерла. Юридически освобождение ясырей Ставрополь-

---

[17] ГАСК, ф. 249, оп. 3, д. 934, л. 22.

[18] См.: Бентковский И. В. Наши кочевники и их экономическое состояние.— СГВ, 1879, № 34, 35.

[19] П. З., ноябрь, 1977, аул Кара-Тюбе, Зенд Кайбалиев, 78 лет.

[20] Щеглов И. Л. Турхмены и ногайцы Ставропольской губернии, т. 1. Ставрополь, 1910, с. 43.

[21] Кочекаев Б. Б. Социально-экономическое и политическое развитие ногайского общества. Алма-Ата, 1973, с. 155.

[22] Невская В. П. Присоединение Черкесии к России и его социально-экономические последствия. Черкесск, 1956, с. 38.

[23] Лобанов-Ростовский М. Б. Кумыки, их нравы, обычаи и законы.— Кавказ, 1846, № 37; Берже А. П. Татарское племя на Кавказе.— Там же, 1859, № 87.

[24] Марков Г. Е. Кочевники Азии. М., 1976, с. 150.

[25] ГАСК, ф. 249, оп. 3, д. 2584, л. 40.

[26] Рудановский А. О ясырах.— Санкт-Петербургские ведомости, 1861. Там же, № 236.

[27] ЦГА ДАССР, ф. 350, оп. 3, д. 1, л. 6.

ской губернии было закреплено в «Положении об управлении горцами Кубанской области» от 28 ноября 1866 г.

Эксплуатируемые массы народа должны были нести по отношению к князьям, мурзам и султанам ряд повинностей. «Простой народ, занимаясь хлебопашеством на земле свободной или принадлежащей князьям, должен был в виде платы за землю вносить князьям известное количество проса или других засеваемых продуктов» [28],— сообщал в 1852 г. в своем рапорте ген. Евдокимов. Согласно другому документу, низкие слои населения «платили... дань во всём» [29]. Кроме того, представители высших сословий под видом «совета» с узденями закрепляли свою власть и на их земли. Нередко эксплуатация принимала вид «родовой помощи». Бедные родственники помогали князьям, мурзам и султанам в ремонте и строительстве домов, обработке полей, уборке сена. Существовало «одаривание» князей и мурз при проведении ими свадеб и поминок. Один из документов сообщает, что ногайцы добровольно приносят своим владельцам при торжествах и «нередко при таковых случаях отдают пятую часть всего достояния своего» [30].

Эксплуатация со стороны баев имела преимущественно стабильный характер. В виде «помощи» баи отдавали на выпас скот беднякам, и в случае гибели скота пастух обязан был возместить ущерб.

Эксплуатируемые слои населения пытались восставать против веками сложившихся порядков. В 1852 г. князья Туганов и Ахлов доносили командующему войсками Кавказской линии, что простые люди «не хотят повиноваться властям нашим» [31]. В 1857 г. волнения произошли в аулах султана Сагат-Гирея. Но восстание было подавлено регулярными войсками, которые остались там по просьбе владельца «до того времени, как он примет все меры к прекращению всякого беспорядка» [32].

В начале 1860-х годов закончилась Кавказская война. В 1861 г. вышел манифест об отмене крепостного права. Встал вопрос об отмене крепостного права и на Северном Кавказе. В докладе помощника начальнику Кубанской области по управлению горцами в 1867 г. говорилось: «Прежние патриархальные отношения и та образцовая честность, которую постоянно высказывали по отношению к владельцам, стали быстро исчезать. Крестьяне, рассчитывая на самое близкое освобождение, стали оказывать неповиновение владельцам и не желали исполнять свои прежние повинности» [33]. Крупные землевладельцы, обеспокоенные надвигающимися событиями, не раз посылали делегации в Тифлис и просили оставить им крестьян. Ответ гласил, что «правительство не находит возможным оставить крестьян на вечные времена в рабстве и что теперь, пока еще хозяйство не устроено, правительство оставляет рабов в прежней зависимости владельца. Но когда наступит время освобождения, то дело будет устроено так, чтобы владельцы не потерпели разорения и убытков» [34]. Таким образом, царское правительство преследовало цель, «чтобы владельцы не потерпели разорения и убытков». Эта политика царизма хорошо показана в работе В. П. Невской [35].

В 1867 г. на Северном Кавказе было отменено крепостное право. Однако, как отмечает В. К. Гарданов, «осуществляя крестьянскую реформу на Северном Кавказе, царское правительство приняло меры к максимальному удовлетворению интересов горских феодалов, которых оно рассматривало как свою

---

[28] ЦГВИА, ф. 13454, оп. 2, д. 500, л. 21.
[29] ГАСК, ф. 249, оп. 3, д. 708, л. 5.
[30] АКАК, т. V, 1873, с. 854.
[31] ЦГВИА, ф. 13454, оп. 2, д. 500, л. 35.
[32] ЦГВИА, ф. 1080, оп. 2, д. 345. Цит. по: Алферов В., Чекменев С. Степная вольница. Ставрополь, 1978, с. 135.
[33] ГАКК, ф. 774, оп. 1, д. 307, л. 7.
[34] Там же.
[35] Невская В. П. Присоединение Черкесии к России и его социально-экономические последствия. Черкесск, 1956.

основную социальную опору в крае» [36]. В «вечное и потомственное владение», согласно межевым планам, в 1870-х годах отдавались Докшуку Касаеву — 1080 дес., князьям Тугавым — 1315 дес [37]. Для общинного пользования выделялись неудобные земли. Жители аула Балтинского жаловались, что их общинная земля «малая, тесная, гористая, каменистая и неудобная по малому произрастанию ни для хлебопашества, ни для сенокошения» [38]. У степных ногайцев усилилось обнищание скотоводов.

После реформы феодальные формы эксплуатации стали отходить на задний план, по сравнению с кабальными (например, помочи-талакъа) и новыми капиталистическими. Поэтому классовая борьба, выражавшаяся в угоне скота, поджоге сена богачей и т. п., не прекращалась вплоть до Великой Октябрьской социалистической революции.

Вспомним, что в XIX в. ногайцы Ставропольской губернии подразделялись на едисанцев, джембойлуковцев и едишкульцев. Едисанцы делились на три куба — кенегесский, тулугайский, буркутский; джембойлуковцы — на меситский, карарюмский, канглысский; едишкульцы — на сараев и кунгуров. Караногайцы подразделялись на кубы найманов, кипчаков, аскостамгалиев, териков. Каждый куб избирал своего старшину, а также помощников «головы» и кадиев (наибов). Каждое крупное подразделение, например, едишкульцы, имело своего «голову» из Сараева куба, а высшее духовное лицо избиралось из Кунгурова куба. «По делам между собою разбираются у избранных из них обществом голов и старшины»[39]. Аулом управлял старшина, избираемый общинниками. Здесь еще сохранялись остаточные формы кочевой демократии. Общинники могли переизбрать своих старшин. В одном из донесений пристав едисанцев и джембойлуковцев писал: «Они, не давая мне знать, сами собою переменили старшин»[40], то же сообщалось о «кукубеевом ауле» едишкульцев [41]. Но постепенно эти демократические традиции вытеснялись.

Обычно у кочевых ногайцев аул состоял из большой семьи или же нескольких семей, принадлежавших к определенному роду, или, точнее, к фамильно-патронимической группе, например, найманам. Родовое подразделение называлось аксакальством. Иногда в одно аксакальство объединялось несколько аулов. «Однако это деление отнюдь не административное, а родовое» [42],— писал Ф. И. Капельгородский. В таком ауле члены общины были связаны круговой порукой. Для решения всех важных вопросов проводились сходы. В них участвовали, как правило, мужчины. Иногда в виде исключения общинное собрание могли посетить несколько женщин преклонных лет, известных в округе своим умом.

Для кочевых ногайцев были характерны социальные объединения, имевшие определенные признаки территориального и экономического единства, т. е. кочевые (аульные) общины. Каждое из них консолидировалось отношениями родства. Подобные объединения в большинстве случаев представляли собой семейно-родственные группы, т. е. группы семей, находившихся в родстве и связанных сознанием происхождения от одного памятного предка. Объединение называлось «бир атадынъ балалары» — дети одного отца. Аналогии имеются у многих других народов. В этом отношении очень близки к ногайцам тюркские народы Средней Азии, о которых С. М. Абрамзон писал: «...каждая такая группа называла себя «дети одного отца» (у казахов — бир ата баласы, у киргизов — бир атанын балдары, у туркмен — бир ата и т. д.)» [43]. Переходя к оседлости, семейно-родственная группа образовывала квартал. В этом случае оставалось название «бир атадынъ балалары» или «тукъум»

[36] Гарданов В. К. Социально-экономические преобразования.— В кн.: Культура и быт народов Северного Кавказа. М., 1968, с. 8.
[37] ГАКК, ф. 574, оп. 5, д. 9, л. 9.
[38] Там же, ф. 774, оп. 1, д. 574, л. 4.
[39] ЦГА ДАССР, ф. 350, оп. 1, д. 115, л. 5.
[40] Там же, д. 55, л. 31.
[41] Там же, д. 317, л. 21.
[42] Капельгородский Ф. И. Указ. раб., с. 49.
[43] Абрамзон С. М. Формы родо-племенной организации у кочевников Средней Азии.— В кн.: Родовое общество. М., 1951, с. 153.

(фамилия). В такой группе важные хозяйственные и иные вопросы решались сообща под главенством старшего мужчины всей группы. Юрты и дома членов группы стояли рядом. Нередко дома находились в одном дворе. В настоящее время так расположены дома Джумалиевых в а. Карамурзинский, Кумуковых в а. Икон-Халк и т. д. Группа совместно обрабатывала землю, убирала сено, строила дома. Взаимопомощь членов семейно-родственной группы считалась обязательной. Семейные праздники также проводили вместе. Сохранялись остатки таких родовых обычаев, как кровная месть (оьш алыу, кьан алыу). Врага называли «душпан», «къанлы». По обычному праву представители одного сословия могли мстить по принципу «кровь за кровь», если же «мурза оказывался виновным в убийстве кого-нибудь из узденей, то за кровь платил наследникам 200 коров» [44]. Но чаще кровная месть заменялась примирением, которое происходило перед заходом солнца [45].

Вообще же, все общинные дела решались по обычному праву (аьдет) и мусульманскому праву — шариату. «Духовенство разбирает одни лишь дела, относящиеся до веры и совести по несогласиям, возникающим между мужем и женою, родителями и детьми и по свадебным искам, а прочие все, заключающиеся в маловажных проступках не превышающих иск более 100 рублей, разбираются головами и старшинами при посредниках, избранных из среды почётных аульных стариков, маслагатом по древним обычаям» [46]. При решении многих вопросов, касавшихся интересов высших сословий, обычное право толковалось в их пользу. В том же документе читаем: «Мурзы же решительно ни в какие разбирательства не включаются» [47].

У степных ногайцев родственные отношения выступали в более чётком виде, из-за чего их общество часто архаизировали. Так, даже в начале XX в. П. И. Ковалевский писал о них: «Ногайцы живут на строгих родовых или фамильных началах. Каждое ногайское общество составляется из нескольких более или менее крупных родов, управляемых на строгих патриархальных началах. Старший является родовым начальником, все остальные — равноправные братья. Родовой начальник является владыкою и повелителем рода. Его беспрекословно слушают. Ему во всем подчиняются. Его слово — закон» [48].

У кубанских ногайцев с конца XVIII в., у степных ногайцев с середины XIX в., т. е. с образованием оседлых поселений, родственные отношения стали все больше вытесняться соседскими. Соседская община, по К. Марксу, была первым социальным объединением людей, не связанных кровными узами [49]. В ногайской соседской общине черты родового быта существовали только в самой пережиточной форме. Безраздельно господствовала частная собственность на средства и орудия производства. Но сохранялись общинная регламентация и взаимопомощь. Члены общины на сходе определяли сроки выхода на полевые работы, устройства по этому поводу традиционного праздника «сабантой», окончания работ, начала перекочевки скота на летние пастбища. У кубанских ногайцев совместными усилиями строили мосты через реки и укрепляли берега, у степных ногайцев рыли колодцы, строили рвы вокруг аулов. Община выгораживала кладбище, на общие средства строила мечеть.

Очень широко применялась взаимопомощь — талакъа. К ней общинники прибегали при уборке сена, приготовлении саманного кирпича и т. д. Погорельцам собирали деньги, стройматериалы, помогали вновь отстроиться. У соседей брали на время тягловую силу, арбы, предметы хозяйственного потребления, что всегда носило взаимный характер. Отказ в помощи вызывал резкое осуждение одноаульцев.

Но при этом многое во взаимопомощи богатые общинники использовали

---

[44] ГАКК, ф. 348, оп. 1, д. 9, л. 40.
[45] Schlatter D. Op. cit. s. 302.
[46] ГАСК, ф. 249, оп. 3, д. 2584, л. 48.
[47] Там же.
[48] Ковалевский П. И. Кавказ, т. 1. Народы Кавказа. СПб., 1914, с. 175—176.
[49] Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 19, с. 418.

в собственных интересах. Например, прикрываясь взаимопомощью, они часто бесплатно использовали труд бедняков при различных хозяйственных работах, строительстве домов, обмазке стен.

Общинная солидарность проявлялась также в дни праздников и несчастий. Во время свадьбы аульчане помогали в ее устройстве. То же самое происходило при похоронах, когда в течение семи дней родных покойного не оставляли в доме одних.

Внутригрупповая взаимопомощь дополнялась взаимопомощью межгрупповой — гостеприимством. У ногайцев его чтили так же, как у соседних народов. «Свойственное им в древности гостеприимство и доныне существует»[50],— писал Корнис. Никто не должен был нарушать закон гостеприимства. «Человеколюбие, приязнь и дружеское расположение оказывает своему знакомому, приятелю, другу, страннику в собственной отчизне. Приезжаете вы к нему в аул, как незнакомец, он принимает вас с приветливостью, дает первое место, расспрашивает о вашей нужде»,[51] — сообщал А. Павлов. Различий в приеме гостей разного вероисповедания или национальности не было, что не раз отмечали путешественники.

Гостя принимали уже за порогом дома. Тот же Павлов писал: «... выбежал лет 12-ти мальчик, живой, резвый, проворный. Он взял под уздцы наших коней и указывая на свое переездное жилище, сказал нам учтиво: «Милости просим, добрые гости! Войдите, мы рады вам!» Потом отвел он наших лошадей сажень на десять, разнуздал их, стреножил и пустил пастись»[52]. Гостя отводили в отдельную комнату или юрту и сажали на почётное место рядом со старшим семьи. Обслуживали его в первую очередь. Молодые мужчины во время произнесения тоста старшим стояли. Они же ухаживали за гостем. Все лучшее в доме было в распоряжении гостя[53]. Уезжавшего гостя провожали за ворота, помогали сесть на коня и просили не забывать дорогу в этот дом. Если среди гостей были женщины, то мужчины здоровались с ними и передавали под покровительство женщин, которые «обнимаются, целуют у гостей руки и прикладывают их ко лбу»[54].

Наряду с гостеприимством у ногайцев существовал обычай куначества (къонакълыкъ), который, по мнению В. К. Гарданова, исторически предшествовал первому[55]. Этот институт был распространен у соседей ногайцев: карачаевцев, черкесов, абазин, осетин, балкарцев и др. Любой мужчина из числа соседних народов мог быть кунаком ногайцев. Кунак был другом семьи и мог вести себя как её член. Много кунаков было у ногайцев и среди казаков близлежащих станиц. Были кунаки и в среде самих ногайцев, живших в разных районах. Добрые отношения между кунаками проявлялись в экономической взаимопомощи, участии на свадьбах, похоронах и т. д. В целом куначество способствовало экономическому и политическому сближению народов. В то же время кунаком богатого обычно бывал богач, а кунаком бедного — бедняк. Но отношения куначества устанавливались и между представителями феодальной верхушки и нижестоящих сословий. В этом случае последние искали покровительства и защиты у феодалов и попадали в зависимость от них. Такое куначество постепенно перерастало в патронат, который сыграл значительную роль в становлении феодальных отношений[56].

Аналогичную роль играл и другой общественный институт — аталычество. Зародившись в первобытном обществе, аталычество продолжало играть определенную роль в общественной и семейной жизни ногайцев вплоть до XIX в., уже в феодализированном виде. К аталычеству прибегали представители феодальной верхушки в своей среде или во взаимоотношениях с нижестоящими.

---

[50] Корнис. Указ. раб., с. 21.
[51] Павлов А. Указ. раб., с. 31.
[52] Дубровин А. Указ. раб., с. 3.
[53] Дубровин Н. Ф. Указ. раб., с. 265.
[54] Schlatter D. Op. cit. s. 301.
[55] Гарданов В. К. Общественный строй..., с. 308.
[56] Гарданов В. К. Общественный строй..., с. 310—321.

Так, аталыком ногайского князя Тембулата Карамурзина был абхазский князь Маршания [57]. В первом случае завязывались или укреплялись связи между феодалами соседних народов, во втором — устанавливались отношения феодальной зависимости или же прекращалась кровная вражда. В пояснительной записке о личных правах туземного населения Кубанской области 1873 г. о ногайцах сообщалось: «малолетние мурзы, подобно детям кабардинских пши, по одинаковым причинам, никогда не воспитывались в доме своих родителей... Сами же мурзы брали на воспитание к себе только так называемых кровных детей, т. е. таких, отцы которых были убиты самими мурзами» [58]. Таким образом, институт аталычества способствовал закреплению феодальных отношений. К концу XIX в. институт аталычества у ногайцев постепенно прекратил свое существование.

Победа Великой Октябрьской социалистической революции и установление на Северном Кавказе Советской власти предопределили складывание нового общественного быта. С ликвидацией эксплуататорских классов, социалистическим преобразованием аулов, с изданием и внедрением в жизнь советских декретов юридически и фактически отметались различные патриархальные и религиозные порядки. Трудовые ногайцы с пониманием встретили эти преобразования. Например, в 1918 г. «Правда» сообщала, что в ногайском «ауле Карамурзин с двухтысячным населением вынесена резолюция за Советы и против контрреволюции» [59]. Начиналось переустройство общественного быта, несомненно отразившегося и на семейном. Как справедливо пишет Я. С. Смирнова: «Первое десятилетие Советской власти на Северном Кавказе было временем создания юридических предпосылок переустройства быта горской семьи и начальных шагов их воплощения в жизнь» [60].

Но до избрания Советов всю полноту власти осуществляли ревкомы. Они проводили конфискацию помещичьих земель, национализацию промышленности, организовывали советские хозяйства, оказывали помощь малоземельным и безземельным крестьянам и т. д.

В декабре 1921 г. состоялся первый Вседагестанский съезд Советов. Здесь была обсуждена и принята первая Конституция Дагестанской АССР, составленная в полном соответствии с Конституцией РСФСР [61]. 12 января 1922 г. была образована Карачаево-Черкесская автономная область. Таким образом, народы автономных республики и области, куда вошли и ногайцы, законодательно закрепили свои права, предоставленные Октябрьской революцией. Были организованы окружные, районные и аульные Советы депутатов, сыгравшие огромную роль в непосредственной переделке общественного быта.

Переустройство требовало огромного напряжения сил, энергии и гибкости партийных, советских органов. Прежде всего они укреплялись кадрами коренной национальности, знавшими психологию народов. Подготовка таких кадров шла разными способами: курсы, беседы и т. д. Коренизация сыграла положительную роль, и ее процент в Дагестане, например, повысился к 1930 г. до 20 — в центральном, до 70 — в районном и почти до 100 — в сельском аппарате [62].

Сельские Советы работали в исключительно тяжелых условиях. Ломка психологии народа, подверженного к исполнению народного обычая — аьдет, мусульманского закона — шариата, требовала неординарного решения. Часто практиковались сходы, беседы, где выступали представители не только сельских Советов, но и областных, республиканских. Иногда подобные встречи заканчивались трагически, когда представители имущих классов выступали с оружием. От рук бандитов после проведенного аульского собрания в 1926 г.

---

[57] Дзидзария Г. А. Торнау Ф. Ф. и его кавказские материалы XIX в. М., 1976, с. 47.
[58] АКАК, т. VIII. Тифлис, 1881, с. 777.
[59] Правда, 1918, 9 апреля.
[60] Смирнова Я. С. Семья и семейный быт..., с. 144—145.
[61] Очерки истории Дагестана, т. 2. Махачкала, 1957, с. 153.
[62] Там же.

погиб заместитель председателя областного суда М. А. Санглибаев. Его посмертная газетная статья была посвящена выборам в Советы, где он писал: «В этом году избиратели относились к выборам весьма сознательно и принимали самое активное участие в обсуждении кандидатур, относясь к ним критически. Проводили в члены Советов бедняков, середняков, женщин и комсомольцев, людей более сознательных» [63].

Активную помощь в становлении Советской власти оказывал комсомол. В его ряды вошли самые сознательные юноши, понявшие цели и задачи организации. Одной из первых в КЧАО в 1922 г. была организована комсомольская ячейка в а. Нижне-Мансуровском, членами которой стали З. Санглибаев, К. Казов, М. Зитляужев, ставшие впоследствии активными строителями коммунистического общества. А З. М. Санглибаев с отличием окончил Университет народов Востока, в 1929 г. был избран членом ЦИК СССР, а в 1932 г. переведен в Москву — зав. отделом в Совете Министров СССР [64]. Комсомольская организация этого аула в 1935 г. насчитывала уже 21 члена [65].

Социалистические преобразования в ауле ломали устои патриархального быта, в жизнь внедрялись советские законы, в корне изменившие и психологию населения. При этом особое внимание уделялось уравнению прав женщин с мужчинами. В. И. Ленин писал: «Нам надо, чтобы женщина-работница добилась не только по закону, но и в жизни равенства с мужчиной-работником. Для этого надо, чтобы женщины-работницы все больше и больше участия принимали в управлении общественными предприятиями и в управлении государством» [66]. Руководствуясь ленинским указанием, на местах огромное внимание было уделено вовлечению женщин в общественные организации. Например, в Советах Карачаево-Черкесии в 1925 г. насчитывались 98, а в 1926 г.— уже 183 женщины [67]. В 1926 г. в а. Касаевском (ныне Хабез) проходил 1-й съезд общественниц области. Он обсудил доклады «О правах женщин в Советской стране», «О развертывании культурно-просветительской работы среди горянок», призвал к ликвидации неграмотности, переходу к новым формам труда. Была выбрана и такая форма вовлечения женщин в общественную жизнь, как делегатские собрания. Уже в 1932 г. сообщалось, что «... сейчас в области в составе делегаток имеем: ногаек — 138, кабардинок — 186, абазинок — 158» [68], а в Ачикулакском районе «...улучшение работы среди женщин путем расширения сети делегатских групп,... (с 9-ти групп в 1930 г. до 21 группы в 1931 г.)» [69].

Развитие промышленности, укрепление кооперации, организация колхозов, оказание всяческой помощи трудящимся города и деревни укрепили в короткий срок советский общественный строй.

За годы Советской власти в ногайских аулах, как и во всей стране, создана и функционирует стройная система общественных организаций, деятельность которых координируется и направляется Коммунистической партией Советского Союза. Важнейшим общественно-политическим институтом являются Советы народных депутатов.

Советы стали центром общественной жизни. В Советы народ посылает лучших своих представителей. Они избираются депутатами сельских, районных, областных, краевых, Верховных Советов. В одном только Ногайском районе избраны в сельский Совет 190, в районный Совет — 45 депутатов.

Как в Дагестане, так и в Карачаево-Черкесии совершенствуется организационно-массовая работа Советов, соблюдаются и развиваются демократические принципы в их работе, повышаются их роль и авторитет. Большое внимание уделяется предложениям депутатов и трудящихся. Например, на прове-

---

[63] Горская жизнь, 1926, 28 марта.
[64] Ленин йолы, 1966, 4 марта, № 27.
[65] Красная Черкесия, 1935, № 156.
[66] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 40, с. 157—158.
[67] Из истории Карачаево-Черкесии ТКЧНИИ, вып. VII, серия историческая. Черкесск, 1974, с. 107.
[68] Красная Черкесия, 1932, 8 марта, № 22.
[69] ГА ДАССР, ф. р-37, оп. 20, д. 120, л. 51.

Митинг дружбы. Приезд гостей из МНР. Селение Червленые буруны.

денных с мая 1977 по июнь 1978 гг. в Ногайском районе восьми сессиях и четырнадцати заседаниях исполкома Совета народных депутатов в обсуждении поставленных вопросов приняли участие 47 человек, из них 29 депутатов [70].

Принятый в 1973 г. закон о статусе депутатов еще больше повысил и законодательно закрепил их права и обязанности. Депутаты вникают во все сферы жизни и деятельности местных предприятий и организаций.

Советы оказывают большую помощь промышленным предприятиям, колхозам и совхозам в выполнении взятых ими обязательств. Так, при непосредственной помощи Эркин-Шахарского поселкового Совета расположенный на его территории сахарный завод выработал в 1975 г. 30 573 тонны сахара и реализовал продукцию на 100,9%, а Эркин-Шахарское объединение по откорму крупного рогатого скота в том же году произвело мяса в живом весе 1815 т при плане 1600 т, выполнив план на 113,9% [71]. В то же время работа депутатов находится под контролем избирателей, перед которыми они периодически отчитываются о выполнении наказов.

Огромное внимание уделяется укреплению Советов кадрами. В настоящее время председатели сельских поселковых Советов имеют высшее образование, все они коммунисты.

Расширение сферы деятельности Советов повлекло за собой увеличение количества постоянных комиссий. Их работа связана с повседневными делами трудящихся. Например, созданные при Орта-Тюбинском сельском Совете семь постоянных комиссий рассматривают различные вопросы хозяйственной и культурной деятельности местных организаций и учреждений, помогают трудящимся.

Созданы благоприятные условия для дальнейшей активизации ногайцев в управлении государством через самодеятельные общественные организации: женские советы, советы старейшин, товарищеские суды, советы ветеранов

[70] П. З., Ногайский РИК. Терекли-Мектеб, июль, 1978 г.
[71] П. З., Эркин-Шахарский поссовет, 1976 г.

войны и труда, дружины по охране общественного порядка, родительские комитеты, общественные советы по руководству товарищескими судами, советы при культурно-просветительных и медицинских учреждениях, комиссии по религиозным культам, общества по охране природы и памятников и др. Расширив актив советов, общественные организации широко привлекают население к решению различных вопросов хозяйственного и идеологического характера. В Карачаево-Черкесской автономной области в настоящее время функционирует около 4 тыс. общественных организаций, объединяющих более 33 тыс. человек.

Значительную работу проводят женские советы и женские комиссии. Организация и проведение торжественной регистрации новобрачных и новорожденных, борьба за искоренение негативных пережитков прошлого в обрядах, оказание матерям помощи в решении различных вопросов быта — вот далеко не полный перечень работы женсоветов и женских комиссий.

Уличные и квартальные комитеты, родительские комитеты, народные дружины, советы старейшин, советы домов культуры и библиотек мобилизуют население на решение очередных хозяйственных и культурных задач. Под их руководством организуется уборка улиц, улучшается санитарное состояние аула, закупаются у населения излишки молока, яиц, шерсти, поддерживается общественный порядок.

Большую общественно-политическую работу проводят советы ветеранов войны и труда. Выступления пенсионеров с воспоминаниями об установлении Советской власти в Дагестане, на Ставрополье и в Карачаево-Черкесии, о проведении коллективизации сельского хозяйства, о событиях культурной революции, об участии в Великой Отечественной войне вызывают огромный интерес среди населения. Советы старейшин оказывают значительную помощь колхозам и совхозам во время уборки хлебов, на сенокосе, благоустройстве аулов. Они ведут активную борьбу с негативными остатками прошлого, выступают на сходах и собраниях граждан, участвуют в различных торжествах.

Самодеятельные общественные организации стали прочной опорой местных Советов, они являются массовыми формами участия трудящихся в системе социалистической демократии.

Коренные изменения во всех сферах социальной жизни привели к утверждению в общественном быту новых праздников и обрядов, в которых нашел выражение интернационализм советской культуры.

С первых дней Советской власти ногайцы торжественно отмечают годовщину Великой Октябрьской социалистической революции, Первомай — День международной солидарности трудящихся, 8 Марта — Международный женский день. Широко празднуются День Победы, День Конституции, День Советской Армии и Военно-Морского Флота. Отмечаются и такие праздники, выражающие интернационалистические идеи объединения всех трудящихся мира в борьбе за мир и демократию, социализм, как Международный день солидарности молодежи, Всемирный день молодежи, Международный день защиты детей и др.

Широкое распространение получили трудовые праздники, связанные с началом или завершением важнейших производственных циклов сельскохозяйственных работ — День чабана, Праздник первого снопа. По-современному зазвучал древний земледельческий праздник «сабантой».

По новой основе развиваются самобытные прогрессивные традиции общественного быта ногайцев. Так, по-прежнему важное место занимает обычай взаимопомощи — при строительстве и ремонте жилых и хозяйственных помещений, обработке приусадебного участка, заготовке сена. Традиционное уважение к старшим обуславливает большую роль уже упоминавшихся советов старейшин. Здесь обсуждаются не только дела современной общественной жизни. Старики, как и на старинных советах (кенъес), обмениваются новостями, нередко рассказывают древние предания, рассказы.

Широкий общественный характер в новых условиях принял древний обы-

чай гостеприимства. Ногайские степи, где выросли современные передовые совхозы и колхозы, ежегодно с радушием встречают гостей из братских республик, а также из других социалистических стран. Гости бывают в передовых хозяйствах, перенимают опыт лучших овцеводов. Так, в 1977 и 1980 годах в племовцезаводе «Червленые буруны» Ногайского района побывали гости из Монгольской Народной республики; жители Черкесска ежегодно встречают болгарских гостей их города-побратима Пештеры в Болгарии, бывают в гостях у них.

Современный общественный быт ногайцев ярко свидетельствует о переменах, происшедших за годы Советской власти у одного из немногочисленных народов нашей страны.

4.2. Семья

В XIX — начале XX вв. у ногайцев существовали две формы семьи: большая патриархальная и малая. Большая семья была свойственна как оседлым ногайцам, так и, по-видимому, в той или иной мере кочевым, хотя о выраженности большесемейной организации у кочевников в этнографической литературе существуют различные мнения [72]. По данным Корниса [73] и Дубровина [74], в ногайской большой семье имущество было нераздельным, а все члены ее жили и работали сообща.

Большая семья называлась «бир къазаннан ас ишетаганлар» (питающиеся из одного котла). У кубанских ногайцев вся большая семья жила в одном длинном, нередко до 40 м, доме, имеющем отдельные комнаты для каждой супружеской ячейки. Вход в каждую комнату был со стороны двора. Случалось, что в одном дворе, но в разных домах, жили семьи нескольких братьев или дядей и племянников. Но и в этом случае все питались «из одного котла». Степные ногайцы, живя одной большой семьей, помещались в разных юртах, но и они с конца XIX в. часто жили в длинных глинобитных домах. Численность больших семей в 1860—70 годы доходила до 30—35 человек [75], количество поколений в семье — до четырех. По своей значимости дома или юрты носили названия: «уьйкен уьй» (большой дом), «уьйкенлердиңъ боьлмесн» (комната старших), «кишкей уьй», «келин уьй», «отав уьй» (дом молодоженов), «къазан уьй» (кухня).

Главой большой семьи являлся «атай» (производное от слова «ата» — отец), обычно отец или дед, а в случае их отсутствия — дядя или старший брат. Глава семьи был представителем семьи и отвечал перед властями за своевременную уплату податей, выполнение повинностей и т. п. Во главе женской половины семьи стояла «анай» (бабка).

Семейная община могла включить в себя семьи умерших братьев, вдовых сестер и патриархальных рабов. В 1859 г. в ауле Шабаза Мансурова жила семья Ибрагимовых, насчитывавшая 24 человека. Главой был старший из трех братьев — Юсуп. Он имел двух жён и двух дочерей. Вместе с ними жили семьи умершего брата, вдовой сестры, домашнего раба Култая [76].

Встречались и такие семейные общины, где вместе с основной семьей жили семьи подвластных крестьян. Например, в аулах князей Карамурзина и Сафарбия Мансурова в состав семей входили 9 семей крестьян, которые

---

[72] Абрамзон С. М. Киргизы и их этногенетические и историко-культурные связи. Л., 1971; его же. К вопросу о патриархальной семье у кочевников Средней Азии — КСИЭ, вып. 18, 1957; Кисляков Н. А. Очерки по истории семьи и брака у народов Средней Азии и Казахстана. М., 1969; Бекмуратова А. Семья и быт каракалпаков. Нукус, 1969; Джумагулов А. Семья и брак у киргизов Чуйской долины. Фрунзе, 1960; Артыкбаев Х. А. Казакъ халкындагы семья мен неке. Алматы, 1973; Першиц А. И., Хазанов А. М. Община у кочевых скотоводов.— Народы Азии и Африки, 1979, № 2.

[73] Корнис. Указ. раб., с. 19.

[74] Дубровин Н. Ф. Указ. раб., с. 271.

[75] ЦГВИА, ф. 14257, оп. 3, д. 504, л. 71—115.

[76] Там же, д. 486/573, л. 128.

«состояли здесь в виде работников, не имея ни собственного жилища, ни собственной фамилии» [77]. Напомним, что К. Маркс писал о патриархальной семье, как об организации «...известного числа лиц, свободных и несвободных, в семью под властью отца для владения землей и ухода за стадами. Лица, содержавшиеся в рабстве, и лица, использовавшиеся в качестве слуг, состояли в браке и вместе с патриархом, как своим главой, образовали одну патриархальную семью» [78].

Большие семьи были больше присущи богатым людям, имевшим много скота, а иногда и патриархальных рабов. Большой могла быть также семья зажиточного крестьянина, стремившегося организовать как рабочую силу семьи своих близких родственников.

Существовавшее многоженство способствовало увеличению численности семьи и поддержанию большесемейных устоев. Ф. Капельгородский писал, что у ногайцев жен «богачи имели по две, а иногда по три, а большая часть бедняков оставалась совсем неженатыми» [79].

Быт большой семьи подчинялся строгой регламентации. Все хозяйственные обязанности были строго распределены между членами семьи. Уход за скотом, основные земледельческие работы были делом мужской половины семьи, работа по дому — женской. Так, в семью Биймамбета Ольтевалиева в ауле Нокус входило его трое женатых сыновей: Зоир, Бекмурза, Биарслан. Здесь же жила со своей семьей из пятерых детей, в том числе женатым сыном, вдовая сестра Биймамбета — Кумбийке. Согласно домашнему регламенту, установленному главой семьи, сам он распределял все хозяйственные работы, а за женские работы отвечала его сестра. Мужчины пахали землю, сеяли, убирали, пасли коров, стригли овец, заготавливали сено. Женщины доили коров, готовили еду, изготовляли из шерсти изделия и т. д [80].

После смерти главы семьи его обязанности обычно переходили к старшему сыну. Если же тот имел какие-либо физические или психические недостатки, в частности, страдал слабоумием или имел плохую репутацию, то главой семьи мог стать и младший брат. При выделе из большой семьи кого-либо из сыновей, ему давали определенную часть имущества «эниши»: скот, юрту, домашнюю утварь.

Выдел сопровождался обрядом «къазан майлав» (букв.: «намаслить»). В новом доме или юрте выделившегося впервые готовила пищу уважаемая в округе (тоьгеректе) женщина. Она же разливала по мискам первый черпак бараньего бульона и говорила добрые слова-напутствия. Женщины оставляли помещение. Устраивалось угощение, гости приносили подарки. Не обходилось без представителя духовенства, который читал в новом доме молитву, благословлял его. Однако основа обряда — явно домусульманская. Первое приготовление пищи женщиной не вяжется с предубеждением к женщине ислама. «Къазан майлав» был праздником новоселья, праздником рождения еще одного очага в ауле.

К концу XIX в. распад большесемейных общин ускорился. Уже в 1860-х годах наблюдалось увеличение малых семей за счет распада больших [81]. Это было обусловлено ростом товарно-денежных отношений и проникновением в ногайские аулы элементов капитализма, в результате чего частная собственность окончательно одерживала верх над общесемейной. Внутри больших семей, в сознании их членов усилились частнособственнические тенденции. Сыновья, другие члены семьи были недовольны сосредоточением доходов семьи в одних руках. Каждый хотел жить обособленно и самостоятельно пользоваться собственными доходами. Семейная община должна была подчиниться общим закономерностям экономического развития общества, затронутого

[77] ЦГВИА, ф. 14257, оп. 3, д. 486/573, л. 88.
[78] Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., изд. 2, т. 45. М., 1975, с. 248.
[79] Капельгородский Ф. Каравогай — страна кочевников. Рукопись. Архив Даг. ФАН СССР, НИИИЯЛ, ф. 5, оп. 1, д. 184.
[80] П. З., апрель, 1975, а. Кара-Тюбе, Зеид Кайбалиев, 76 лет.
[81] ЦГВИА, ф. 14257, оп. 3, д. 486/573, л. 253—296.

капиталистическим развитием. Разложению натурального хозяйства и патриархального быта семьи способствовало и отходничество. Оно ослабляло экономическую замкнутость ногайских аулов.

Наблюдались случаи, когда смерть главы семьи служила поводом для уже назревшего распада семьи. Например, так получилось в конце XIX в. с семьей Янакая Кумукова в ауле Тохтамышевском [82]. В начале нашего века распалась семья Арсланбека Казакова из аула Верхне-Мансуровского [83].

Но еще наблюдались и случаи сегментирования большой семьи на другие большие семьи. Семья Батырали Джумалиева из аула Карамурзинского в конце XIX в. насчитывала 34 человека: Батырали и его пятерых сыновей, у каждого из которых была семья в 5—8 человек. После смерти Батырали семья разделилась на две части. При этом, хотя хозяйство было раздельным, родственные связи остались очень прочными. Многие вопросы решались на общем совете. То же наблюдалось почти во всех подразделениях ногайцев. Раздел большой семьи на другие большие семьи вызывался трудностями ведения общего хозяйства, а также и совместного питания. Широко бытовала поговорка: «къазанга авыр болады» (тяжело для котла). Но это было только одной из составных частей общего процесса, ускорившего распад больших семей.

Малые семьи чаще возникали там, где раньше исчезал натуральный хозяйственный уклад. Поэтому у кубанских и кумских ногайцев распад больших семей произошел раньше, чем у степных. Они ближе располагались к городам, кроме того, важную роль играла близость железной дороги.

В образовавшихся малых семьях уже в меньшей степени сохранялись патриархальные отношения. Малая семья была двух- и, реже, трехпоколенной. Трехпоколенность наблюдалась преимущественно там, где имелись старики, с которыми традиционно оставался жить со своей семьей младший из братьев. Однако родственные связи при выделе и разделе не рвались. Они давали себя знать во время свадеб, похорон и других дорогостоящих мероприятий.

Распад больших семей на другие большие и малые семьи приводил к образованию родственных патронимических кварталов. Члены патронимии сохраняли известное экономическое и идеологическое единство. Отношения в семье, как большой, так и малой, права ее членов были закреплены адатом и шариатом. Признаны были эти права также имперскими нормами управления «туземными племенами» Кубанской области, где было сказано, что за основу права должны быть приняты адаты горцев, так как это облегчало управление ими [84]. Я. И. Якобий отмечал, что в «мусульманских степях Северного Кавказа действует три закона: 1) русский имперский, 2) татарский народный, 3) арабский религиозный» [85].

Вся власть в семье была сосредоточена в руках ее главы. Слово главы семьи было «законом для всех остальных» [86]. Вторым лицом в семье была старшая женщина. Младшие подчинялись старшим. Детям предписывалось послушание родителям и выполнение всех их указаний. Вопросы женитьбы сына или выдачи замуж дочери решались старшими. Молодые люди сами об этом могли и не знать. При вступлении в брак также придерживались строгой очередности по старшинству. «Когда сын ослушается родителей и сделает им обиду, подлежит он наказанию 39 ударами палок публично: кроме того, они вправе лишить его наследства и удалить навсегда из своего семейства» [87]. Младшие не имели права первыми заговорить. Курить, танцевать при старшем считалось неприличным. Д. Шлаттер писал: «Молодые уступают старшим дорогу. Если едут на лошадях, старшего берут в середину. Обычно старший начинает разговор первым. Младшие не перебивают старших и в спор не всту-

---

[82] П. З., август 1971, Икон-Халк, Агайгельдиев А., 82 года.

[83] П. З., июль, 1972, а. Адиль-Халк, Казаков Махмуд, 81 год.

[84] ЦГВИА, ф. 14257, оп. 3, д. 518/150, л. 15.

[85] Якобий А. И. Тюрки степей Северного Кавказа. СПб., 1901, с. 17.

[86] Дубровин Н. Ф. Указ. раб., с. 271.

[87] АКАК, т. VIII, 1881, с. 778.

дают, а если возражают, то в лаконичной форме. Считается за честь обслужить старшего. Дети очень почитают отца, подчиняются ему. После отца все его права переходят первенцу. Первый сын есть и остается главой всех братьев»[88]. «Между женщинами в семействе существует также чинопочитание. Младшая слушает старшую, а жена хозяина повелевает всеми женщинами и даже младшими женами своего мужа»[89],— отмечал Н. Ф. Дубровин. Даже ели по старшинству: первыми — старшие мужчины, затем — младшие и т. д. Подчинение младших старшим распространялось не только на членов семьи, но и за её пределы.

В личных внутрисемейных отношениях видное место занимали обычаи избегания. Им, их происхождению и роли посвящен ряд работ[90]. На материале народов Северного Кавказа их изучила Я. С. Смирнова, которая пришла к выводу, что система обычаев избегания поддерживала устои патриархального, а затем и патриархально-феодального общества. Классификация обычаев избегания, предложенная Я. С. Смирновой, вполне применима и к ногайцам. Она подразделяет обычаи избегания на запреты в отношениях между супругами, между родителями и детьми, между женщиной и родственниками ее мужа и между мужчиной и родственниками его жены[91]. У ногайцев все эти запреты соблюдались строго. Так, супруги не разговаривали при посторонних, не называли друг друга мужем и женой или по имени; отец при старших не брал детей на руки, не разговаривал с ними, не ласкал[92].

В то же время даже большая семья не была лишена известных демократических черт. При решении важных вопросов созывался семейный совет. Здесь в основном присутствовали женатые сыновья и братья главы семьи, но по разрешению главы семьи в совете могла участвовать и его жена — анай.

В малой семье, хотя ее строй также сохранял традиционные патриархальные порядки, экономические отношения допускали больший демократизм в положении женщины. Как в той, так и в другой семье ее глава мог пользоваться авторитарной властью и уважением не только в силу экономических порядков, но и постольку, поскольку его поведение было безупречно. Ссоры и разлад в семьях были нечастым явлением[93].

Мы уже отчасти касались семейного положения женщины, но на нем надо остановиться особо. Основным в нем, по адату и шариату, было беспрекословное повиновение отцу, старшему брату, а затем мужу. За ослушание муж мог избить жену, за что не нёс никакой ответственности. Женщина всегда уступала место или дорогу мужчине, даже младшему. Зазорным считалось показаться без платка, которым при встрече со старшими прикрывали лицо. Одежда женщины должна была быть более закрытой, чем у мужчины. Молодые женщины старались не показывать голые руки или ноги.

Как и при вступлении в брак, при разводе решающее слово было за мужчиной. «Господство мужчины в браке есть простое следствие его экономического господства и само собой исчезает вместе с последним»[94],— писал Ф. Энгельс. Развод почти всегда зависел от воли мужчины. Причинами расторжения брака он мог выставить бесплодие, неизлечимую болезнь, неверность жены. При бесплодии жены муж имел право расторгнуть брак с получением обратно

---

[88] Schlatter D. Op. cit. s. 295.
[89] Дубровин Н. Ф. Указ. раб., т. 1, с. 23.
[90] Дарнинский А. Семья у кавказских горцев.— Зап. общества истории, филологии и права при Варшавском университете, вып. 2. Варшава, 1863; Дыренкова Н. П. Брак, термины родства и психические запреты у киргизов.— В кн.: Сб. этнографических материалов. Л., № 2, 1927; Косвен М. О. Этнография и история Кавказа. М., 1961; Смирнова Я. С. Обычаи избегания у адыгейцев и их изживание в советскую эпоху.— СЭ, 1961, № 2, и др.
[91] Смирнова Я. С. Семья и семейный быт народов Северного Кавказа XIX — первая половина XX в. М., 1983.
[92] Дубровин Н. Ф. Указ. раб., т. 1. СПб., 1871, с. 279.
[93] Там же, с. 271.
[94] Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., изд. 2-е, т. 21, с. 84.

калыма [95]. Если у разводившихся были дети, они оставались с отцом. Только грудной ребенок, по шариату, мог остаться с матерью до 2—3-летнего возраста, а затем перейти к отцу [96]. Зачастую страх потерять детей заставлял женщину терпеть притеснения мужа. Что до мужа, то ему для развода достаточно было трижды произнести общепринятое у мусульман арабское слово «талакъ» (отпускаю).

Тяжелое положение женщины было обусловлено патриархальным бытом, усугубленным исламом. Однако сохранялись отголоски древнего, более высокого положения женщины. Некоторые наблюдатели отмечали, что женщины —советчицы мужей, принимают активное участие в увеселениях, не являются рабынями [97]. О том же свидетельствуют народные песни «Шорабаьтир», «Азнавур». Существуют пословицы, показывающие уважение к женщинам: «Эрдиъ атын аты шыгарар яде хатыны шыгарар» («Имя мужа будет известно благодаря коню или жене»), «Орта йолда арбаиъ сынмасын, орта яста хатынынь оьлмесин» («Пусть на полпути арба не сломается, а в среднем возрасте пусть жена не умирает»)[98]. Девушки во время народных и мусульманских праздников участвовали в гуляньях [99]. Вместе с юношами они участвовали в игре «шеншек ойын» (качели). Даже в бракоразводном праве имелись нормы, ограждавшие достоинства женщины. В случае ложного обвинения жены в неверности она могла сама уйти от мужа и при этом сохранить за собой калым [100].

Сведения о законах и обычаях от 1837 г. сообщают о некоторых экономических правах женщин в семье [101].

Но, разумеется, эти отдельные явления былого равноправия в положении женщин не меняли их подчиненного положения.

Родство у ногайцев шло как по отцовской, так и по материнской линии, но преобладало отцовское родство, соответствовавшее патриархальной (так называемой арабской) системе родства.

Термины родства зависели от степени и линии родства, возраста и пола. Например, «ака» — дядя по отцовской линии, «нагаш ака» — дядя по материнской линии, «ага» — брат, «ини» — младший брат, «аьптей» — тетка, старшая сетра, «карындас», «синьли» — младшая сестра. Родные братья и сестры назывались «аданас», двоюродные — «аркъалдас», братья других степеней — «ага-инили», сестры — «аьптели-синьли». Дети сестер называли друг друга «боьле», молочные братья и сестры — «суьтлес». Для обозначения в целом кровных родственников существовало слово «къардашлар».

Терминами «кайната», «кайнана» невестка называла соответственно отца и мать мужа. Все старшие братья мужа для нее «кайнага», младшие братья — «кайнини», старшие сестры мужа — «кайнбийке», младшие — «кайнсиньли». Невестки друг друга называли «абысын». Несколько жен одного мужа, а также женщины-соперницы обозначались термином — «куьндес».

Мужчина по отношению к родным жены обозначался термином «киеу», мужья сестер — «бажа». Муж называл старших братьев и сестер жены соответственно «кайнага» и «кайнбийке», младших — «кайнини» и «балдыз».

В отношении детей и сестер мужа применялся термин «йиен». Патриархальным духом были проникнуты у ногайцев и обычаи, связанные с заключением брака. Минимальный брачный возраст для девушки был очень ранним. Дореволюционные авторы, народные песни и полевые материалы свидетельствуют, что девушка могла выходить замуж с 13 лет [102]. Преобладающий

---

[95] ГАКК, ф. 454, оп. 2., д. 697, л. 12.
[96] АКАК, т. VIII, 1881, с. 777.
[97] Семенов Н. Указ. раб., с. 382; Архипов А. Указ. раб., с. 350.
[98] Джанибеков А. Ш. Сокровищница слов или ногайский фольклор, ч. III, л. 26, 32. Архив КЧНИИ, ф. 2, оп. 2, д. 5.
[99] Архипов А. Райма.— Кавказ, 1850, № 78.
[100] АКАК, т. VIII, 1881, с. 777.
[101] ГАСК, ф. 249, оп. 3, д. 2584, л. 53.
[102] Бентковский И. Указ. раб., с. 110; Пашин П. Указ. раб., с. 36; Фарфоровский С. В. Указ. раб., с. 20; Песни ногайцев. Перевод Н. Капиевой. Ставрополь, 1949, с. 32.

брачный возраст мужчины зависел от наличия средств для уплаты калыма (къалынь). В состоятельных семьях встречались случаи вступления в брак юношей в 16 лет [103].

Брак у ногайцев был экзогамным. Экзогамия распространялась на всю фамилию до шестого поколения [104]. У кубанских ногайцев фамилии, по-видимому, восходили к древним родам: Наймановы, Купчаковы, Керейтовы, Баисовы, Исуновы [105]. У степных ногайцев фамилии в современном понимании, вплоть до первого десятилетия Советской власти, образовывались от имен отцов, и экзогамия у них была менее определенной — вообще родственной [106]. Но бывали родовые подразделения с разными тамгами, которые брали друг у друга невест. Так, юноша из рода мойнапа-найман мог жениться на девушке из рода бакай-найман [107].

Браки были сословными. В высшем сословии они служили укреплению династических связей. В. М. Жирмунский писал, что «семейно-дипломатические связи ногайские властители старались завести и с другими мусульманскими династиями, прежде всего с крымскими ханами, нередко также с правителями Бухары и Ургенча» [108]. В период усиления Ногайской Орды многие правители сопредельных государств старались посредством брака установить близкие отношения с ногайскими ханами. Так, болгарский правитель Тертер выдал дочь за сына хана Ногая [109]. Иван Грозный, женившись в 1561 г. на дочери кабардинского князя Темрюка, стал свояком ногайского мурзы Тинахмета, женатого на другой дочери Темрюка [110]. Сословные браки сохранялись вплоть до XX в. В 1836 г. Корнис писал: «Мурзы или дворяне составляют род особого народа у ногайцев. Они соблюдают обычаи, не смешиваются бракосочетанием с простолюдинами» [111], а в одном из документов 1873 г. читаем: «Мурзы в брачные союзы вступали только между собою или с семействами султанов и кабардинских пши, карачаевских биев, а дочерей своих отдавали за кабардинских князей» [112].

Запрещался брак между названным братом и сестрой (кардаш окынган, карындас окынган). Брак же родных братьев на родных сестрах разрешался.

Существовал колыбельный сговор детей — «бесик къуда» (букв.: «колыбельные сваты») или «нышан салув» (наметить невесту). «Девочка еще в люльке продана. Отцы договариваются о браке своих детей. Это записывается муллой» [113],— писал Д. Шлаттер. Колыбельный сговор не освобождал сторону жениха от уплаты калыма, но она могла постепенно копить и частями выплачивать калым. Поэтому данная форма заключения брака была удобной для широких слоев населения. Отцы обрученных детей называли друг друга «къуда» (сват), а матери — «къудагый» (сватья).

Сродни отмеченной другая, правда, редко практиковавшаяся форма заключения брака — «белкъуда» (букв.: «поясные сваты»). Двое друзей в знак уважения друг к другу уже до рождения детей сговаривались об их обручении, если они окажутся мальчиком и девочкой. В этом случае, при рождении двух мальчиков они считались названными братьями. Подобная форма брака редко влекла за собой уплату калыма.

Существовали обменные браки (оьтелес). Женихи, за неимением средств на калым, обменивались сестрами. Бытовали также левират и сорорат. По сведениям В. В. Радлова, они зафиксированы у тюркоязычных народов уже

---

[103] Фафоровский С. В. Указ. раб., с. 20; Бентковский И. Указ. раб., с. 110.
[104] П. З., апрель, 1975, а. Кара-Тюбе, Зенд Кайбалиев, 77 лет.
[105] ЦГВИА, ф. 14257, оп. 3, д. 486/573, л. 116—126, 225—253.
[106] Фарфоровский С. В. Указ. раб., с. 27.
[107] П. З., апрель, 1975, а. Терекли-Мектеб, Ю. Койбаков, 77 лет.
[108] Жирмунский В. М. Тюркский героический эпос. Л., 1974, с. 426.
[109] Веселовский Н. И. Хан из темников Золотой Орды Ногай и его время. Пг., 1922, с. 41.
[110] Кушева Е. Н. Народы Северного Кавказа и их связи с Россией в XVI—XVII вв. М., 1963, с. 235; Жирмунский В. М. Указ. раб., с. 484.
[111] Корнис. Указ. раб., с. 277.
[112] ГАКК, ф. 348, оп. 1, д. 9, л. 36, 41.
[113] Schatter D. Op. cit. S. 229.

орхонскими надписями VIII в. [114]. По обычаю левирата, вдова должна была стать женой его старшего или младшего брата, при их отсутствии — другого родственника умершего мужа. «Если муж умрет, то жену должен взять к себе брат покойного, к нему же переходят и дети; в случае нежелания вдовы выйти за брата, дети все равно от нее отбираются» [115]. Если вдова не имела детей, она могла уйти в родительский дом, но тогда ее семья должна была возвратить калым. В конце XIX в. левират у ногайцев бытовал в основном в бедных семьях и назывался «кайынларына барув» (выходить замуж за родных мужа). Сорорат назывался «балдызын алыу» (взять свояченицу) или «балдызына уьйленуьв» (жениться на свояченице) и состоял в том, что вдовец был вправе жениться на младшей сестре жены.

Наконец, существовал и брак отработкой «уьй киеу» (букв.: «домашний зять»). Молодой человек, чтобы отработать калым, нанимался в дом тестя, и этим самым обычно закабалял себя [116].

Большинство этих форм заключения брака, как и практиковавшаяся в верхушечных слоях ногайцев полигамия (многоженство), были прямым следствием существования брака покупкой. «Женитьба для магометанина немыслима без калыма, но известно: чтобы его приобрести, нужно трудиться. Вот почему многие из них женятся нередко под старость, а в худшем случае, век остаются неженатыми» [117],— отмечает Бентковский.

Калым в своей большей части исчислялся скотом. «За девку ногайскую, когда она хорошего рода и пригожа, дается от 30 до 40 коров, ценою в 20 рублей каждая, с доплатою еще деньгами от 200 до 300 рублей. Редко весьма случается, чтобы невеста отдавалась дешевле 20 коров и 100 рублей деньгами» [118]. А.-Х. Ш. Джанибеков и С. Т. Даутов определяют средний калым в 40 голов скота [119]. Но размер калыма зависел от социального и имущественного положения сторон. «Богатые родители жениха платили калым в размере 30—40 голов крупного рогатого скота и в придачу 1 тысячу рублей» [120]. В 1893 г. атаман Баталпашинского отдела в рапорте начальнику Кубанской области писал, что «при определении размеров калыма до освобождения зависимых сословий плата взималась по разрядам: к первому разряду принадлежали султаны, князья и уздени 1-й степени, второму — уздени остальных ступеней и азаты, калым у первых был от 1000 до 2000 рублей, у вторых — от 500 до 1000 рублей, а у низших от 200 до 300 рублей» [121]. В состав калыма могли войти также сено, зерно, топливо.

При просрочке уплаты калыма отец невесты имел право выдать дочь тому, кто раньше внесет выкуп [122]. Предприимчивые отцы старались отдать даже уже сосватанную дочь тому, кто платил больше. В 1843 г. А. Джумагельдиев писал приставу: «Я засватал у ногайца аула Аргих Джувутова дочь его за моего сына с отдачею ему в калым 15 штук скота, одной лошади и 100 рублей, но означенный сват мой дочь свою, вопреки нашего условия, просватал другому богатому ногайцу, уже взял в задаток 100 рублей денег» [123].

Для бедноты уплата калыма часто непосильна. Видимо, это было одной из причин возникновения среди ногайцев «казакования». В. В. Радлов и М. К. Милых объяснили слово «казак» как человек вольный, независимый, уходящий ради заработка из своей родины на чужбину [124]. Многие народные песни

---

[114] Radloff W. W. Aus Sibirien. Bd. 1, Leipzig, 1881, S. 131.
[115] Пашин П. Указ. раб., с. 37.
[116] Корнис. Указ. раб., с. 279.
[117] Бентковский И. Указ. раб., с. 111.
[118] Корнис. Указ. раб., с. 27.
[119] Халк йырлары эм эртегилер. Составители: Джанибеков А.-Х. Ш., Даутов С. Т. Пятигорск, 1940, с. 65.
[120] Народы Кавказа, ч. 1, М., 1960, с. 401; Пашин П. Указ. раб., с. 36.
[121] ГАКК, ф. 454, Оп. 2, д. 697, л. 11.
[122] Дубровин Н. Ф. Указ. раб., т. 1, с. 278.
[123] ГАСК, ф. 249, оп. 3, д. 5142, л. 6.
[124] Радлов В. В. Опыт словаря тюркских наречий, ч. 1, СПб., 1889, с. 364; Милых М. К. Ногайские тексты.— В кн.: Языки Северного Кавказа и Дагестана, ч. II, М. — Л., 1949, с. 249.

ногайцев, известные в народе, как «казак йырлары» (песни казаков), свидетельствуют, что молодые люди для получения средств в уплату калыма, часто вынуждены были уходить на заработки. Трагедия двух молодых людей показана в поэме «Карайдар ман Кызыл-Гуль» [125].

Таким образом, если «для высших классов институт калыма служил надежным средством сохранения в «чистом виде» так называемой княжеско-дворянской крови» [126], то для крестьян он нередко был преградой к вступлению в брак. Трудность уплаты калыма и связанные с этим правонарушения заставляли местную администрацию пытаться ограничить калым. В 1893 г. начальник Кубанской области в письме атаманам Екатеринодарского, Лабинского, Баталпашинского и Майкопского округов писал: «Требование калыма, притом в крупных суммах, противно закону и шариату» [127], а в 1902 г. на страницах газеты «Северный Кавказ» было опубликовано постановление собрания доверенных лиц от местных сельских общин, где говорилось: «Поскольку уплата калыма влечет за собой ряд пожертвований, зачастую доводящих жениха до нищеты, то устанавливается единая цена — 500 рублей» [128]. Однако постановление не было выполнено, так как решение было принято бюрократическим путем, и оно не могло повлиять на старинный обычай.

Обычно полученный калым оставался у отца невесты. Незначительная часть раздавалась родственникам. Если невеста была сиротой, то калым получал ее родственник, а при его отсутствии — опекун [129].

В конце XIX в. у кубанских ногайцев существовал обычай «къалынъ алдынъма — тийисли муьлк эт» (получил калым — верни равноценное имущество). Иными словами, размер калыма и приданого приблизительно сравнялся. В документе 1893 г. отмечалось, что ногайцы «убивают на подарки не только задатки полученного калыма, но и гораздо большую часть затрачивают из собственных средств» [130]. Приданое называлось «уьйтурман». В него входили сундуки, матрацы, подушки, одеяла, паласы, ковры, кухонные принадлежности. Особняком стоял «кийит» — подарки родственников невесты родным жениха. В «кийит» входили ковры, паласы, шубы. Дарители рассчитывали на то, что в свою очередь получат хорошую долю скота, данного в калым.

Существовал обычай вознаграждения матери невесты — «суьт акы» (стоимость молока). Сторона жениха делала ей подарки отрезами на платье и украшениями за то, что она вскормила своим молоком дочь.

Тяготы калыма были одной из причин сохранившегося насильственного похищения девушек (разылыксыз акашув) [131]. Нормами обычного права похищение каралось. Оно могло повлечь за собой убийство похитителя. Все же, если юноша увозил девушку в неизвестном направлении и ставил ее родителей перед свершившимся фактом, то дело обычно кончалось миром. Но если девушку возвращали домой, то это считалось позором для жениха, и он на долгие годы уходил на чужбину.

Практиковалось также похищение невесты с ее согласия (разылыкпан акашув). К нему прибегали при несогласии родителей девушки на брак по причинам материального или иного характера.

Свадебный цикл состоял из сватовства (кыз айттырув), бракосочетания (неке къыюв), привода невесты в дом жениха (кыз йыйган той — у кубанских ногайцев и кыз узатар той — у степных ногайцев), обряда открывания лица невесты (бет ашар той).

Свадьбу играли обычно осенней порой, когда основные полевые работы

---

[125] Ногай халк йырлары, бб. 33—47.

[126] Очерки истории Карачаево-Черкесии, т. I, с. 386.

[127] ГАКК, ф. 454, оп. 2, д. 697, л. 15.

[128] Северный Кавказ, 1902, № 2.

[129] ГАКК, ф. 454, оп. 2, д. 729, л. 64.

[130] Там же, д. 697, л. 12.

[131] См.: Смирнова Я. С. К типологии обычаев умыкания (по материалам народов Северного и Западного Кавказа). — В кн.: Проблемы типологии в этнографии. М., 1979.

были закончены, а скоту заготовлено достаточное количество сена. Осень была удобна еще и тем, что это время года достаточно теплое.

Решив женить сына, глава семьи собирал семейный совет, который выбирал невесту. Юношу не приглашали, его мнения не спрашивали. К выбору невесты подходили тщательно. Ее семья должна была соответствовать в социальном и материальном отношении семье жениха. Если с этой стороны все было в порядке, то думали о красоте девушки, здоровье (не имеет ли в роду наследственную болезнь), ее поведении, умении шить, вышивать, изготавливать бурки, башлыки и т. д.

Затем выбирали трех-пятерых сватов (къудалар). В их число входили уважаемый и знающий обычаи старик и родственники. Иногда сватать ездил и отец жениха.

Сваты старались прийти в первой половине дня, обычно в четверг или пятницу. Дипломатическое искусство сватов решало многое. Хозяин дома, даже если он был намерен отказать, обязан был оказать сватам гостеприимство. Положительного ответа при первом визите не давали. Назначали день следующего визита. Родители невесты наводили справки о семье жениха. Если они были удовлетворены, то при повторном визите достигалась договоренность и объяснялась величина калыма. С этого времени девушка считалась просватанной (нышан салынган). Сторона жениха называла теперь девушку «келин» (невестка), а сторона невесты называла юношу женихом (киеу). Молодые люди уже не имели права видеться и разговаривать со старшими свойственниками. Невеста начинала готовить свадебный наряд.

Существовал обычай, по которому «отец жениха, отправляясь сватать сына, везет с собою денежную часть калыма и явлык — простой кашемировый платок, или, у кого есть — шелковый, в углу которого завязываются деньги от 8 до 10 рублей. Этот явлык и завязанные в нем деньги служат подарком невесте и не входят в счет уплаты калыма»[132]. Родители невесты отдаривали гостей. В народе этот обычай получил название «шайтан оьтпес» (шайтан не пройдет).

За скотом, включенным в состав калыма, приезжали посланники стороны невесты, иногда ее отец. Встречали их торжественно.

Во время приготовления калыма сторона невесты собирала на «кийит» («кийим» — одежда и «эт» — сделай). Первоначальный смысл этого обычая состоял в том, что девушка должна была собственными руками изготовить одежду для родителей жениха и тем самым продемонстрировать мастерство в рукоделии. Постепенно круг одариваемых лиц расширялся. Поэтому в эту процедуру включались и родственники девушки, которые приносили уже готовые изделия.

Со стороны жениха приезжали сваты, среди которых был юноша «куда шакырувшы» (приглашающий сватов). Им назначался сын тетки или дяди жениха. Его сажали на почетное место, во время раздачи кийит выделяли ему особые подарки. На этот раз сваты от имени родителей жениха официально приглашали сторону невесты на церемонию бракосочетания.

Важнейшую часть свадебного цикла составлял переход невесты в дом жениха. Сторона жениха оповещала родственников, близких, соседей, что в определенный день приведут невесту.

А сторона невесты у степных ногайцев готовила прежде всего свадебную арбу (куьймэ). «Свадебная арба отличается от обыкновенных арб тем, что она имеет форму арбы с кибиткою, причем кибитка сделана не из рогожи или войлока, а из досок; кибитка эта сзади и спереди прикреплена к арбе дощечками, раскрашенными в разные пестрые цвета. Позади арбы имеется маленькое квадратное отверстие, а спереди двустворчатые дверцы; в таких арбах возят невест в дом жениха, чтобы никто не мог видеть»[133]. У кубан-

[132] Ананьев Г. Указ. раб., с. 13.

[133] Там же, с. 5.

ских ногайцев такой арбы в конце XIX в. уже не было. Приготовить и украсить куьймэ было обязанностью родителей невесты.

С получением калыма в доме невесты готовили приданое. В его состав входили кровать, матрац, одеяло, ковры, паласы. Проводили церемонию «кол сандык коьрсетуьв» (букв.: «показ ручного сундука»), т. е. показывали все приготовленное для кийит. У ногайцев Кубани слово «кийит» постепенно было вытеснено словом «сый» (почет). Составляли кийит или сый отрезы на платье, платки, шубы, украшения и т. д. Принесших подарки угощали мёдом, маслом, национальными кушаньями.

Невесте готовили свадебный наряд. Она навсегда прощалась с девичьей шапочкой и красным платком. Вместо них готовили белый платок — знак замужней женщины. Для надевания поверх меховой шапочки готовили специальную накидку, для закрывания лица невесты во время свадьбы — покрывало. К атласному свадебному платью покупались нагрудные украшения и пояс. Рукава платья также отделывались украшениями, мелкими серебряными монетами, колокольчиками. Грудь невесты украшала подвеска (мойтумар).

Отличительным знаком жениха служила тюбетейка (ракшын). Узоры на ней вышивались золотом, гладью. Нагрудная часть каптала украшалась большими четырехугольными пуговицами (капашык туьйме). На спину пришивали деревянные или железные пластинки (тымар), к которым подвешивались монетки и бусы. Тумары служили амулетами, по мнению исследователей народов Средней Азии [134], восходящими к домусульманским временам.

Для угощения гостей резали жеребят, крупный рогатый скот, овец, варили бузу, приготовляли кумыс. Большую помощь в этом оказывали родственники, соседи.

День перевода невесты в дом жениха согласовывался заранее. Срок был иногда до года. В это время жених у степных ногайцев мог тайно ездить к невесте (киеулеу). Над юртой, где со дня сватовства жила невеста, на длинном шесте вывешивался четырехугольный войлок (тундыкъ) — знак, что здесь живет невеста [135]. Обычай тайного посещения невесты, по-видимому, является пережитком дислокального или матрилокального поселения брачной пары. Обычай добрачных свиданий бытовал у казахов, киргизов, каракалпаков [136].

Бракосочетание у степных ногайцев происходило в доме невесты. Отец жениха приглашал «несколько доверенных лиц и отправлялся с ними, в присутствии духовного лица, к родителям невесты. По прочтении краткой, существующей на этот случай, молитвы, невесту усаживают в приготовленную для нее арбу» [137]. У кубанских ногайцев бракосочетание происходило в доме жениха [138]. Присутствующие угощались ритуальной сладкой водой (сербет сув). Духовное лицо — эфенди присутствовал на свадьбе лишь при проведении обряда бракосочетания. Это показывает, что обряды, связанные со свадьбой, в большей своей части народные и имеют домусульманские истоки. Так же было, например, у казахов: у них введение в брачные церемонии «бракосочетания — неке связано с распространением мусульманства, которое произошло довольно поздно и не имело прочных корней» [139].

Свадебная процессия, перевозившая невесту в дом жениха, называлась «тав коьше». Невесту сопровождала «еньге» — жена старшего брата. У степных ногайцев в составе кортежа могла быть мать невесты, которая на отдельной арбе везла подарки родным жениха. У кубанских ногайцев в XIX в. подобное явление исчезло. Свадебный кортеж иногда сопровождали 150—200 всадни-

[134] Борозна Н. Г. Некоторые материалы об амулетах — украшениях населения Средней Азии.— В кн.: Домусульманские верования и обряды в Средней Азии. М., 1975, с. 290.

[135] П. З., апрель, 1975, с-з им. Ленина Ногайского р-на, Курай Лукпанов, 73 года.

[136] Диваев А. О свадебном ритуале у киргизов Сыр-Дарьинской области. Казань, 1900, с. 16; Борозна Н. Г. Указ. раб., с. 303; Абрамзон М. М. Киргизы..., с. 226.

[137] Архипов А. Этнографический очерк ногайцев и туркмен.— См. Кавказский календарь на 1859 г. Тифлис, 1858, с. 384.

[138] Керейтов Р. Х. Свадебный обряд кубанских ногайцев в прошлом. ТКЧНИИ, серия историческая, вып. VII, 1974, с. 224.

[139] Кисляков Н. А. Очерки по истории семьи и брака..., с. 111.

Свадебная арба.

ков [140], которые устраивали скачки, джигитовку. Навстречу кортежу у степных ногайцев со своими друзьями (ногерлер) выезжал жених, здоровался и уезжал в дом одного из родственников. У кубанских ногайцев со второй половины XIX в. жених во время свадьбы неотлучно находился в доме дяди.

Въезд свадебного кортежа во двор и ввод невесты в дом сопровождались различными играми и магическими приемами. Это и требование выкупа за въезд (капашар — букв.: «открывать ворота») и за распрягание коня (арба туваргыш), ступание невесты по белой бараньей шкуре (табаншал) и введение ее в специальное жилище новобрачных (отав), над которым вывешивалась треугольная полсть. Невеста скрывалась за занавеской (шымылдыкъ), которую готовила ее мать. У степных ногайцев мать невесты оставалась на несколько дней, чтобы раздать кийит — подарки родственникам зятя.

В день привоза невесты жених ночью скрытно в сопровождении дружка (оькил ака) мог прийти к невесте. Еньге стелила постель, за что получала от жениха вознаграждение (орын салар, ювыркан ябар, эсик ашар). Если невеста оказывалась не целомудренной, то ее на второй день отправляли домой и для ее семьи это считалось большим позором.

Обряд открывания лица происходил на второй день после привоза невесты, а бывало, что и через 8—10 дней. К этому дню в доме жениха резали жертвенных животных. Резал известный в ауле мясник (къасапшы). С утра собиралась молодежь, устраивали танцы, состязания конников, силачей, певцов, сказителей. Гости приносили подарки. В доме жениха пекли «бауырсакъ», «къатлама», «локум», готовили различные национальные кушанья, свозили от родственников приготовленный ими кумыс, бузу. Над юртой или домом, где происходила свадьба, развевались флаги (байракъ), красовались «шетлевик боьрк». Все это — древняя традиция кочевников. У каракалпаков, например, родственницы жениха приносили достархан — скатерть с завернутыми в нее отрезом ткани, хлебом, бауырсаком [141], у татар-мишарей — хлеб, катламу [142]. Приношения, по магическо-религиозным представлениям, должны были способствовать богатой и счастливой жизни молодожёнов.

Тогда же раздавали кийит или сый. Это делали родственницы невесты (еньгелер), которые приезжали вместе с ней или же в день открывания лица. Они отдельно угощались медом, маслом, ногайским чаем, различными кушанья-

---

[140] Дубровин Н. Ф. Указ. раб., с. 278.

[141] Есбергенов Х., Атамуратов Т. Традиции и их преобразование в городском быту каракалпаков. Нукус, 1975, с. 89.

[142] Мухамедова Р. Г. Указ. раб., с. 160.

Свадебная юрта «отав».

ми, затем одаривались чашками, ложками и т. д. Тогда же родители жениха преподносили подарки «суыт акы» (стоимость молока).

Большим вниманием на свадьбе окружались присутствующие там дети. Их собирали к столу, потчевали мёдом, маслом, мясными блюдами, угощали конфетами и другими сладостями. Обидеть ребенка на свадьбе чем-либо считалось особенным грехом.

В комнату, где собирались старшие родственники жениха, вводили за руку невесту. Она шла по расстеленному покрывалу. Когда она входила в комнату, ее обсыпали зерном, конфетами и пели ритуальные песни. Лицо невесты было закрыто покрывалом — «буьркоьншек». Мальчик ложкой открывал лицо невесты и давал ей мёд. Ложка и тарелка из-под мёда отдавались еньге. Мать жениха в момент открывания лица наступала невесте на ноги со словами «батып калсын» (пусть в этом доме доживет до глубокой старости). Тогда же или назавтра могли провести обряд знакомства с родными жениха (бет йылытув). Невесту вводили в комнату и ставили спиной к двери, затем уводили в комнату молодых за занавеску — «шымылдык». Вечером жениха приводили в родительский дом и давали ему ритуальную чашу бузы. Он отпивал глоток и уходил в свою комнату. После этого шымылдык убирали.

В знак налаживания родственных отношений на второй день после свадьбы родителям молодой женщины отвозили различные кушанья.

Молодожены жили в отдельном помещении. Свекор, свекровь и старшие родственники мужа не имели права сюда входить. Как уже отмечалось, невеста какое-то время не должна была видеться и говорить со свекром и свекровью. Однако свекровь, исходя из хозяйственных интересов, вскоре одаривала невестку и разрешала ей видеться и говорить с нею. Невестка, в свою очередь, с помощью родителей одаривала свекровь. Избегание свекра всегда продолжалось дольше. Имен свекра и свекрови она не произносила никогда. Молодая женщина не должна была называть по имени даже младших родственников мужа. Мальчиков она называла «шекайдик», «мырзам» (мой мурза).

«саьвле» (луч), «кишкей яс» (маленький мальчик), девочек — «аьруьвкыз» (хорошенькая), «эркем» (баловница), «шикаьрим» (любимая) и т. д.

Избегания придерживался и молодой муж. До совершения послесвадебного обряда знакомства (киеу коьринген той) он не посещал дом родителей жены. Этот обряд совершался после того, как жена уже побывала у родителей (тоьркин). Ее при этом сопровождали несколько родственниц мужа, которые приносили родителям невестки мучные изделия и мясо. Зять приходил в дом тестя (кайната) с друзьями (иогерлер). Они приносили тестю и теще подарки. В знак теплых чувств зятю давали пить сербет сув.

Обычаи и обряды детского цикла имели много общего с традициями как соседних народов, так и кочевых предков ногайцев.

Первое, чего ожидали от молодой женщины, это рождения ребенка, в особенности мальчика.

Бесплодие могло быть причиной развода или же покупки второй жены. Существовала поговорка: «Бал таьтли, балдан да бала таьтли» (Мед сладок, но ребенок слаще). «Мальчики считаются желанными» [143],— писал С. В. Фарфоровский. В период беременности любая просьба женщины выполнялась безотказно. Считалось, что отказ плохо отразится на том, кто не выполнит ее просьбу. Беременная женщина до начала предродовых схваток выполняла только посильную работу.

Мать молодой женщины заранее готовила колыбель (бесик), одеяло (яюв), пеленки (яялыкъ). Колыбель у ногайцев была старинного кавказско-среднеазиатского типа. Мастерили ее из дерева, с дугообразными ножками. Борта были низкие, на дно свободно клали дощечки. Матрац набивали шелухой проса. Существовал и другой вид люльки — «ел бесик» (букв.: «ветряная люлька»). Это было шерстяное полотно размером 1 на 2 м, растянутое веревкой за четыре конца и подвешенное в юрте. В начале XX в. ее делали в форме ящика, с полотняным дном.

Роды происходили в отдельной комнате на полу, устланном мягким сеном, войлоком, полотном. На время родов мужчины покидали дом. Принимала роды бабка-повитуха (эвия). Над роженицей к потолку подвешивался ремень из сыромятной кожи, наверху которого укреплялся подарок бабке-повитухе: кисет, платки, украшения [144]. При родовых схватках роженица тянула за ремень. При тяжелых родах призывался муж роженицы, который должен был трижды перешагнуть через жену. Этот магический акт должен был освободить роженицу от злых сил, препятствующих родам. Также «при рождении дитяти родственники и друзья становятся у ворот отцовского дома и начинают ужасный шум и бряцание молотками в пустые котлы, чтобы тем, как они говорят, устрашить и прогнать дьявола от дитяти» [145]. Если в момент родов в комнату входила посторонняя женщина, ей разрывали подол платья. Пользуясь тем же приемом магии уподобления, в доме отпирали все замки, развязывали все узлы.

Новорожденного, обрезав пуповину специальным ножом, купали в тёплой воде, заворачивали в легкую ткань и одеяло, а через два-три дня купали в подсоленной воде. Воду после купания выливали в яму, ждали пока она уйдет в почву, а затем руками засыпали яму. Если ранее родившиеся дети умирали, то ребенка, еще не обмыв в воде, выносили через окно и вносили в дверь. Считалось, что этим сбивают со следа злых духов.

Повитуха туго завязывала на роженице пояс. Роженице давали куриный бульон и шейку курицы: существовало поверье, что после этого у ребенка быстрее окрепнет шея.

В первые дни после родов ребенка и мать старались не оставлять в доме одних. По поверью, в дом могли явиться джинны, албаслы, другие злые духи, особенно опасные роженице и новорожденному. Мать и ребенка оберегали

---

[143] Фарфоровский С. В. Указ. раб., с. 30.
[144] Мутенин И. Т. Указ. раб., л. 42.
[145] Ферран. Указ. раб., с. 44.

от сглаза, чаще всего с помощью амулета «мой тымар», подвешиваемого на шею. Женщина после родов в течение нескольких месяцев одна не выходила на улицу вечером, не выливала воду и не выносила мусор.

Первый раз ребенка кормила грудью соседская женщина, с которой договаривались заранее. Кормить она должна была обязательно правой грудью. Женщину выбирали здоровую, с хорошим потомством, чтобы роженица стала похожей на нее. Она становилась молочной матерью ребенка (авызландырган ана), а ее ребенок и новорожденный — молочными братьями (суьтлеслер).

Почувствовав себя здоровой, обычно на 5—6 день, роженица начинала ходить. Если женщина рожала впервые, то свекровь обучала ее правилам ухода за ребенком. Мать кормила ребенка грудью до двух, иногда до трех лет.

По истечении 10—15-ти дней ребенку нарекали имя. Имена носили смысловой характер. «Имя дается в честь святых или часто означающее событие, совпадавшее с рождением ребенка, например, Куьнтуган — восход солнца, Орак — серп, Янгелди — душа воротилась, т. е. ребенок казался сначала мёртвым, а потом ожил»[146]. Распространены были мужские имена в честь святых: Магомет, Яхья, Али, Умар, Осман, Абубекир. Если семья давно ждала сына, давались имена Кудайберды (дал бог), Мурат (мечта), Савкат (подарок), Сагындык (заждались), Табылды (нашёлся). Встречались имена, данные по случаю дня рождения: Юмагелди (родился в пятницу), Саьрсемби (среда), Дуьйсемби (понедельник). Многие имена имели смысл пожеланий: Йоллы (пусть жизненная дорога будет прямой), Элгайтар (опора народа), Курыптурсын (пусть всегда строит), Алим-Газы (пусть будет учёным судьей).

Женские имена подбирались понежнее: Айтуган (родилась луна), Юлдыз (звезда), Шолпан (Венера), Маржан (коралл), Алтынай (золотая луна), Куьмис (серебро), Емис (урожай), Аьлиме (ученая).

Имя давали старики, собиравшиеся в определенный день в доме родителей новорожденного. Первое слово предоставлялось самому уважаемому старику. Если с его предложением соглашались, имя давалось сразу же. После этого бабка или тетка вносили ребенка в комнату и мулла благословлял имя, читая молитву. Потом он брал ребенка на руки и вслух произносил имя, причем голова ребенка должна была лежать на его правой руке. Старики поочередно брали ребенка на руки и произносили имя вслух. Затем ребенка уносили, стариков угощали, давший имя получал подарок. Во время этой церемонии родители ребенка в комнату не входили. О корнях наречения ребенка именем у тюркских народов В. М. Жирмунский писал: «Как видно из народных обычаев, «счастливое имя» новорожденному должен «найти» старейшина племени, почетный или знатный гость, шаман (а позднее его заместитель — мусульманский дервиш или мулла)»[147].

После наречения ребенка именем совершали обряд его пеленания или укладывания в колыбель (бесик той). Делалось это через несколько дней после того, как заживала пуповина. Приезжала мать молодой женщины с подарками свату и сватье. Она привозила колыбель, пеленки, одеяла. Пеленала и укладывала ребенка старая женщина со стороны роженицы, пользовавшаяся авторитетом. Во время укладывания ребенка в колыбель она находилась справа от нее. Укладывая ребенка, его привязывали широкими лямками (тарткы). При этом у колен туго перетягивали, а на груди отпускали, чтобы ребенок дышал свободно. Ребенок лежал прямо, кости развивались нормально, без искривлений, но существует мнение, что колыбель — бесик вела к деформации черепа. Моча стекала по трубке из бедренной кости барана (симек), для кала делался войлочный мешочек (тубек). Во время кормления мать убирала мешочек, крепила другой, а первый, вычистив, сушила. Применение симек и тубек было достаточно гигиеничным — пеленки и одеяло содержались сухими.

Для предохранения ребенка от сглаза к колыбели прикрепляли амулет «дуа», под подушку клали какой-нибудь железный предмет, например, ножницы.

[146] Пашин П. Указ. раб., с. 37.
[147] Жирмунский В. М. Тюркский героический эпос, с. 537.

По обычаю, люльку после того как ребенок подрастал, не выбрасывали. Её тщательно хранили в укромном месте и передавали из поколения в поколение. Посторонним ее не отдавали.

Когда ребенку исполнялось 40 дней, с него снимали рубашку и надевали на собаку. Эта рубашка называлась собачьей (ийткоьйлек). Существовало поверье, что ребенок после этого будет выносливым, сильным. Тогда же праздничио происходил первый вынос ребенка на свежий воздух. Его выносила одна из соседок и держала на вытянутых руках, а затем передавала отцу ребенка. Молодой отец, по обычаю, сам ребенка на руки не брал, а предлагал своей матери; если же был в возрасте, то брал на руки, в теплую погоду клал на траву, переворачивал, а затем отдавал женщинам.

Годовалому ребенку в первый раз брили голову (бас кетеруьв). Этот обряд совершал брат матери ребенка, а если его не было — другой старший родственник матери. По этому случаю устраивали угощение, проводили конные состязания, соревнования силачей и т. п.

В возрасте от двух до восьми лет делалось обрезание (бабага олтыртув) [148]. Не подвергшийся обрезанию не имел права резать скот, обрабатывать сырое мясо. «Человека, которого не обрезали, называли «бурундуком» и считали нечистоплотным, с ним за одним столом не ели» [149],— писал Д. Шлаттер. Специалисты по обрезанию (бабашы) нередко нарушали правила гигиены, что вело к серьезным заболеваниям. Еще хуже обстояло дело с акушерством. Из-за антисанитарной обстановки часты были случаи смерти матери или ребенка. Н. Семенов писал, что у астраханских ногайцев «смертность чаще преобладает над рождаемостью», в 1883 г. родилось 112, а умерло 100 душ; в 1888 г. родилось 143, а умерло 180 душ [150]. У кубанских ногайцев в ауле Балтинском в 1868 г. родилось 6 детей, а в возрасте до 5 лет умерло 7 [151]. Конечно, не все эти дети умирали при родах, но несомненно, что доля их была очень велика.

Выпавшие у ребенка молочные зубы заворачивали в кусочки ткани и забрасывали на крышу сарая. Считалось, что если таким образом выбросить молочные зубы, то новые вырастут крепкими и красивыми.

Ногайская поговорка гласит: «Балады ястан, келинди бастан» («Воспитывай ребенка с малолетства, невесту с первых дней замужества»). В детях воспитывали любовь к труду, уважение к результатам чужого труда, почитание старших, скромность, бережливость.

Главными воспитательницами маленьких детей были мать и бабушка, подросших мальчиков — старшие мужчины. Отец по отношению к детям не выказывал нежности и всегда старался быть строгим [152]. Уже с 4—5 лет мальчик обучался верховой езде, и в конных состязаниях участвовали мальчики 11—14 лет. «Дети обучаются с 7 лет до 10 всем требованиям кочевой жизни» [153],— писал А. Павлов. С 8 лет начиналось раздельное воспитание мальчиков и девочек. «Девочек с ранних лет приучают к шитью, вязанию» [154]. С 10—12 лет их уже не выпускали из дому без провожатого. В девочках старались воспитать мягкость и скромность, в мальчиках — мужество, ловкость, силу. И тем и другим сообщалось доскональное знание норм поведения в семье и обществе. Сноровку, ловкость и силу в мальчиках воспитывали народные игры. Популярна была игра в бабки (асыкъ). Жизнь в раздольных степях породила игру в змея (бавындырык), для которой вместо бумаги использовали высушенный и растянутый бычий пузырь. Существовала игра «бычья шея» (оьгиз мойын), во время которой двое участников надевали на шеи широкий пояс и стоя пытались перетянуть друг друга. У детей старшего возраста популярны были игры «шоматаяк» (похожа на русские городки), «кишкей топ»

[148] Дубровин Н. Ф. Указ. раб., с. 279.
[149] Schatter D. Op. cit. s. 168.
[150] Семенов Н. Туземцы Северо-Восточного Кавказа. СПб., 1895, с. 377.
[151] ГАКК, ф. 774, оп. 1, д. 124, л. 63—65.
[152] АКАК, т. VIII, 1881, с. 777.
[153] Павлов А. Указ. соч., с. 34.
[154] Schatter D. Op. cit. S. 114.

(похожа на русскую лапту). Мяч делали из войлока. Девочки играли в куклы (къоршакъ), в «келиншек» (инсценировка перевоза невесты), «коьзбайлавыш» (жмурки).

Детей учили играть в шахматы. «Известные на всем Востоке шахматы популярны у ногайцев под названием «шатраш». Фигуры они делают из дерева или кости» [155],— писал Д. Шлаттер.

В верхушечных слоях населения детям прививали надменность, высокомерие, кичливость. Здесь бытовал уже упоминавшийся институт аталычества.

Получить образование в условиях царской России было возможно только детям богатых ногайцев. Согласно правительственному распоряжению, привилегированное сословие ногайцев от прочих сословий было «отличено предоставлениями права детям мурз получать воспитание как в бывших кадетских корпусах, так и в настоящих военных гимназиях» [156].

Обряд погребально-поминального цикла был тесно связан с религиозными верованиями, в основном исламскими, но также и остаточно доисламского характера.

По обычаю, тяжело больного одного не оставляли. Заметив, что больной уже умирает, родные вызывали духовное лицо. В его присутствии умирающий мог сделать завещание (оьсиет). «Духовные завещания, хотя и бывают у магометан, но не письменные, а лишь только словесные и буде душеприказчик завещает свое имение по линии своего семейства и родственников» [157]. Громкий плач родных извещал о смерти больного. Находящиеся в доме женщины распускали волосы и, царапая лицо, с плачем выходили на улицу.

К дому покойника собирались соседи, близкие.

В другие аулы отправлялись для извещения родных верховые горевестники (атлылар). Всадник при этом садился на коня не слева как общепринято, а справа. О смерти говорили не прямо, а иносказательно: такой-то остался, ушел (калгъан, кешкен). По поверью, дух человека никогда не умирал, а оставался «на этом свете».

Прибывавшие родственники спешивались на расстоянии и громким плачем и словами «бавырым-ав, тувганым-ав» (мой родной, мой близкий) подходили к дому, где лежал покойник. «Не доезжая нескольких шагов до кибитки или сакли покойника, посетители сходят с своих лошадей и своим раздирательным стоном, криком и отчаянным сетованием дают знать о своем прибытии для того, чтобы разделить общую горесть с осиротевшим семейством» [158].

Плакальщица (бозлавшы), обычно в стихотворной форме, рассказывала о покойнике, его жизни, достоинствах, предрекала хорошую загробную жизнь. Оплакивали также на 4-й день и в годовщину смерти.

Родные и близкие покойника надевали темную траурную одежду. «Часто мужчины, родственники покойного, в знак своей скорби и печали надевают на голову траурную шапку особого покроя. Эта шапка снимается по истечении года со дня погребения того, в честь кого она была надета» [159].

Хоронили в день смерти, а если смерть наступила после обеда, то на второй день. Тело покойного (лесин) обмывали мойщики. Женщину обмывали женщины, мужчину — мужчины. При отсутствии мойщика-профессионала, духовное лицо и родные брали обмывание на себя.

Перед обмыванием тело укладывали на специальное деревянное ложе (табыт), подставляя под него корыто. Из предназначенной для облачения покойника материи (кебин) отрезали часть и делали из нее рукавицы для обмывания. Затем покойника облачали в белый саван, состоявший из трех частей (у женщин — из пяти). Саван завязывали у головы, колен и щиколоток.

Могилу копали молодые мужчины. Глубина могилы для мужчин доходила

---

[155] Schlatter D. Op. cit. S. 136.
[156] ГАКК, ф. 347, д. 9, л. 42.
[157] ГАСК, ф. 249, оп. 3, д. 2584, л. 58.
[158] Народы России, вып. 3. СПб., 1880, с. 278.
[159] Там же.

до пояса, для женщины — выше груди. Детские могилы были неглубокие. На южной стороне могилы делали подбой, где и помещали покойника.

Похоронные обряды различались у богатых и бедных. Это касалось не только материальных затрат. А.-Х. Ш. Джанибеков сообщает, что в случае смерти князя или мурзы их подвластные обязаны были расцарапать лицо, плакать, порвать одежды. Плакали семь дней — если умер мужчина, три дня — если умер мальчик, а также не выходили на полевые работы [160]. Один из архивных документов подтверждает: «Похороны мурз в настоящее время совершаются по мусульманскому обычаю, то есть без всяких торжественностей, а до этого пользовались особой церемонией» [161]. Свидетель похорон князя Измаила Алиева писал: «На площадке, против измаиловых саклей, стояли два его коня, на каждом из них были надеты любимые его сбруи и повешено полное рыцарское его вооружение: панцыри, колчаны со стрелами, сабли, луки и прочее. Вокруг находилась толпа жен и рабов. Измаилова жена, сестра и другие женщины были тут с распущенными по лицу волосами... многочисленная толпа, стоявшая в кружок около измаиловских лошадей, обращалась против течения солнца, плакала, кричала, драла волосы, царапала себе лицо» [162].

Заложив подбой саманным кирпичом, могилу засыпали. У изголовья ставился камень (бас къазыкъ) с родовым знаком покойного, звездой с полумесяцем, иногда датой смерти. Надмогильный холм был небольшим. Однако по упоминанию Дж. де Лукки, в XVII в. ногайцы насыпали над могилой большие курганы земли [163]. Некоторое своеобразие могил зафиксировали археологи В. Сизов [164] и Т. М. Минаева [165].

Родные и близкие покойного после похорон возвращались с плачем, который подхватывали все женщины, находящиеся во дворе. В тот же день устраивали поминки. Пищу в доме покойника семь дней не готовили, а приносили родные. Поминки устраивались также на 7-й и 40-й день и в годовщину смерти. «Поминки сопровождаются угощением, состоящим из мяса, чуреков, чая, кымыза, бузы, айрана» [166],— писал А. Архипов.

Ислам распространился среди ногайцев во времена Золотой Орды, когда «перед мусульманским духовенством открылось широкое поле для миссионерской деятельности» [167]. Ногайцы приняли ислам суннитского толка. Главным духовным лицом считался муфтий, затем шли помощники муфтия, эффенди, мулла, ахуны, кади (духовный судья). Службу отправляли в мечетях. Духовенство играло большую роль в жизни народа. Оно активно помогало эксплуататорам и само эксплуатировало народ. Ногайцы едко высмеивали служителей культа в песнях и поговорках, например, «Моллага конъысы болсанъ, ялгыз койнъды соярсынъ» («Если будешь соседом муллы, то последнюю овцу зарежешь»).

Но, как отмечал Ф. Энгельс, «... религия всегда сохраняет известный запас представлений, унаследованный от прежних времен...» [168]. Ногайцы, приняв ислам, сохранили анимистические и тотемистические представления и культ предков. Так, каждый четверг в доме умершего жарили бауырсакъ «для запаха». Это находит параллели у других тюркских народов. «В республиках Средней Азии, в Турции и Иране считается, что после смерти человека душа его продолжает посещать родной дом. В день поминовения (у среднеазиатских

---

[160] Джанибеков А.-Х. Ш. Сокровищница слов, ч. 1. Рукопись. Архив КЧНИИ, ф. 2, оп. 2, д. 9, л. 10.

[161] ГАКК, ф. 348, оп. 1, д. 9, с. 41.

[162] Измаил Алиев, князь мангытовских ногайцев.— Московский телеграф, 1829, № 12, с. 446.

[163] Жан де Люк. Указ. раб., с. 478.

[164] Сизов В. Восточное побережье Черного моря. Археологические экскурсии.— В кн.: Материалы по археологии Кавказа, т. II. М., 1889, с. 90—97, 134—135.

[165] Минаева Т. М. Археологические памятники Черкесии. Труды Черкесского НИИ, т. 2. Черкесск, 1954, с. 296—298.

[166] Архипов А. Этнографический очерк ногайцев..., с. 350.

[167] Сафаргалиев М. Г. Распад Золотой Орды. Саранск, 1960, с. 48.

[168] Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 21, с. 315.

народов каждый четверг после полудня и в пятницу до полудня) полагается готовить горячую пищу с маслом, чтобы запах этой пищи восходил к душам умерших родственников, души будут сыты на том свете, если в это время для них регулярно «возносить запах» [169],— пишет В. Н. Басилов.

В народе жило поверье, что душа покидает тело в образе птиц — ласточки, голубя. Г. П. Снесарев пришел к выводу, что у узбеков истоки этого явления восходят к тотемистическим верованиям [170].

К древнему пласту тотемистических, анимистических верований, вероятно, восходит и такое поверье. «Едва только весть о смерти кого-нибудь разносится по аулу, как все аульные кошки привязываются и держатся в таком заключении до самого погребения покойника, из опасения, чтобы которая-нибудь из них не перескочила через его тело. Ногайцы верят, что если кошка прыгнет через тело, то умерший будет по ночам посещать свое семейство» [171]. По-видимому, присутствие души умершего было желательно днем. Поэтому, когда подметали двор, убирали комнаты, белили дом, двери держали открытыми. В комнате, где умер человек, в течение сорока дней горел свет.

Ногайцы верили «в предопределения (тактир), в существование духов добрых и злых и убеждены, что последние подстрекают человека к греху... в воскресение мертвых, страшный суд, в существование рая и ада» [172]. Существовала вера в оборотней (обыр). Считалось, что душа умершего могла остаться на земле и творить зло: например, принять обличье кошки и воровать куриные яйца, обличье старухи — выдаивать ночью молоко у коров и т. д.

Анимистические верования были многообразны. В народе верили в существование хозяина земли (ер иеси), хозяина воды (сув иеси), хозяина неба (коьк иеси), хозяина дома (уьй иеси). Верили в силу солнца, луны. Домашнего духа-покровителя представляли в виде змея (уьй йылан). Убить змею считалось грехом. В доме для неё в горшке оставляли молоко. Но в то же время фольклорные материалы содержат отрицательный образ трехголовой змеи Аздага, извергающей изо рта пламя, не подпускающей к рекам и съедающей людей — фантастический образ враждебного человеку существа. Этот же образ широко распространен в древнеиранской мифологии, у народов Поволжья, Приуралья, Средней Азии, Кавказа. Сохранялись отголоски веры в древнетюркского бога Танъри. В народных песнях при пожелании добра кому-либо всегда присутствовало имя Танъри [173].

Наряду с духовенством, проводниками идей о сверхъестественном выступали знахари и знахарки (эмшилер), гадатели (жени) и т. д.. Заговорами, внушением, ворожбой и другими средствами они воздействовали на людей, в особенности больных. Некогда к их числу, по-видимому, принадлежали и народные певцы (бакъсы). Роль бакъсы, как это исследовано у казахов, в древности сводилась к лечению больных [174]. В. Н. Басилов считает, что «обозначение певца и шамана одним и тем же словом, видимо, сохранилось от эпохи, когда пение наделялось магической силой и в одном лице совмещался певец и шаман» [175]. Наконец, встречаемый в ногайских народных песнях «дивана» [176] (юродивый, одержимый), может быть связан с мистико-аскетическим направлением в исламе — суфизмом.

В советское время в ногайской семье и ее быту произошли коренные изменения. Они начались уже в первые послереволюционные годы и во многом опре-

---

[169] Басилов В. Н. Культ святых в исламе. М., 1970, с. 135.
[170] Снесарев Г. П. Реликты домусульманских верований и обрядов у узбеков Хорезма. М., 1969, с. 115.
[171] Народы России, вып. 3, с. 378.
[172] Дубровин Н. Ф. Указ. раб., т. 1, с. 172.
[173] См.: Айт десеньиз, айтайым. Сост. А. И. Сикалиев. Черкесск, 1971, с. 92; Джанибеков А.-Х. Ш. Указ. раб., с. 91.
[174] Турсынов Е. Д. Казак ауыз эдебиетен жасаушылардынъ байыргы окилдери. Алматы, 1975, с. 54.
[175] Басилов В. Н. Указ. раб., с. 63.
[176] Ногай халк йырлары, с. 45.

делялись как общим общественно-экономическими сдвигами, так и в частности раскрепощением ногайской женщины.

Для юридического и в особенности фактического раскрепощения ногайки местным партийным, советским, общественным органам пришлось провести огромную организационную, воспитательную работу. Женщины вовлекались в работу делегатских собраний, среди них ликвидировалась безграмотность. В 1924 г. оргбюро ВКП(б) КЧАО в обращении ко всем парторганизациям и ячейкам предлагало обратить особое внимание на вовлечение женщин в состав Советов[177]. Были открыты клубы горянок и при них уголки «мать и дитя». Устраивались выставки ручных работ горянок. В 1927 г. во время одной из таких выставок в ауле Нижне-Мансуровском была открыта амбулатория[178].

В 1926 г. при местных Советах национальных автономий Северного Кавказа были созданы комиссии по улучшению труда и быта горянок (КУТБ). Комиссии и женотделы партийных организаций помогали улучшить экономическое, правовое и бытовое положение горянок, осуществляли указания партии о политическом воспитании женщин, о ликвидации среди них неграмотности, привлекали их к участию в общественной и политической жизни.

Активность женщин в Советах заметно росла. В отчетном докладе Ачикулакского окрисполкома в 1926 г. отмечался «особенный рост активности в выборах женщин-ногаек (с 6% в 1924 г. до 38,4% в 1926 г., т. е. в 6 раз против 1924 г.)»[179].

Уже в 1934 г. М. Бештаова из аула Кызыл-Юрт, выступая на VI областном съезде Советов, говорила: «Женщины-горянки раньше жили в темноте и невежестве, не имели никакого права по адату с мужчинами говорить. Сейчас мы не только говорим, но и практически осуществляем в жизнь решения партии и правительства наравне с мужчинами, строя новую культурную и зажиточную жизнь, и это право нам дала власть Советов»[180]. Женщины вступали в колхозы, получая экономическое равноправие с мужчинами. В 1937 г. Сайлы Шаугараева из аула Куьнбатар стала первой женщиной — председателем колхоза. В эти же годы первые ногайские женщины сели за руль тракторов. Равноправие женщины с мужчиной крепло в борьбе с остатками патриархальных отношений и религиозным мировоззрением.

Уже в предвоенное десятилетие С. Куралаева из Адил-Халка и Т. Кангиева из Эркин-Халка были избраны членами Черкесского облисполкома[181], а студентка Грозненского института Асият Баисова «была одной из лучших по успеваемости»[182].

В годы Великой Отечественной войны ногайские женщины участвовали в защите Родины от фашистов и трудились для победы на фронтах. В регулярных войсках служила Зоя Аюбова из Икон-Халка. Аминат Оразбаева из Терекли-Мектеба, партизанками были Дженетхан Керейтова из Эркин-Халка, пионерка-разведчица Крымхан Мижева из Эркин-Юрта. На трудовом фронте отличились доярки К. Салимгереева, К. Есенеева из колхоза им. Нацэскадрон, П. Утакаева из колхоза им. Бирлик Джашау, трактористка К. Кангиева[183].

В настоящее время ногайки участвуют во всех сферах хозяйственной, общественно-политической и культурной жизни страны. Славятся своими достижениями женщины-чабаны Танзбике Индрисова, Разият Еллыева, Оьтебийке Бальгишиева. Орденами Ленина, Октябрьской революции, Трудового Красного Знамени награждена доярка Клычхан Мижева — делегат XXIII съезда КПСС, свекловод Шахар Карасова и другие.

Звание «Заслуженный работник торговли РСФСР» носит Сафият Каракаева, а Зоя Аюбова является «Заслуженным работником культуры РСФСР».

---

[177] Партархив. КЧАО, ф. 1, оп. 1, д. 1/8, л. 12.
[178] Адыге-Псаукъя, 1927, № 131.
[179] ЦГА ДАССР, ф. р-117, оп. 7, л. 86.
[180] Красная Черкесия, 1935, № 4.
[181] Там же, № 8.
[182] Там же, № 152.
[183] Партархив КЧАО, ф. 1, оп. 2, д. 29, л. 26, 27.

Ногайки участвуют и в управлении государством. Клычхан Умалатова избиралась депутатом Верховного Совета СССР. В исторической сессии Верховного Совета СССР, утвердившей новую Конституцию СССР, участвовала депутат Верховного Совета СССР, работница завода резиновых технических изделий г. Черкесска Келдихан Кумукова. Делегатом XXV съезда КПСС была Эльбийке Оьтегенова, а XXVII съезда КПСС — Гульшаар Эсиргепова.

Из среды ногайских женщин выросли научные работники и преподаватели высших учебных заведений Р. А.-Х. Джанибекова, С. А.-Х. Калмыкова, Ш. А. Курмангулова, Е. С. Огурлиева, М. М. Султанбекова, М. А. Булгарова. Только в одном Ногайском районе работают 264 ногайских женщин-учителей. Высокое звание «Заслуженный учитель РСФСР» присвоено Минат Муратовой, Софье Эльгайтаровой, Раисе Баисовой, Межитхан Булатуковой. Ногайские девушки обучаются в высших учебных заведениях, приобретая специальность инженеров, агрономов, врачей.

Народная артистка Дагестана А. С. Кумратова.

Среди ногайских женщин есть артистки, окончившие консерватории, театральные институты: Л. Джанибекова, Д. Кумратова, Н. Кубекова, Р. Таклиева, А. Еслемесова, А. Кумратова, Ц. Курманакаева и другие. Поэтессы К. Кумратова, К. Темирбулатова, Б. Кулунчакова являются членами Союза писателей СССР.

Большую помощь получили от Советской власти матери-ногайки. Они имеют ряд льгот, получают материальную помощь. С достоинством носят высокое звание «Мать-героиня» ногайки Х. Янгишиева, А. Бастова, Ы. Эсенгельдиева, Т. Идрисова и десятки других.

Таким образом, роль ногайки в обществе полностью изменилась. Соответственно изменилась и ее роль в семье, что не могло не сказаться на новых внутрисемейных отношениях.

В настоящее время у ногайцев господствует малая семья. В большинстве случаев она состоит из двух поколений — родителей и детей. Выросши, дети обзаводятся собственными семьями и выделяются, но не теряют связи с родителями. По традиции, со стариками часто остаются жить семьи младших сыновей, образуя трехпоколенные семьи. Очень редки семьи в одно поколение: обычно это молодые супружеские пары. Престарелые люди, если они бездетны, пользуются помощью близких родственников.

Встречаются неразделенные семьи. Они состоят из семей двух-трех братьев и родителей. В таких семьях отец семейства обычно является главой семьи.

Традиционно главой семьи обычно является старший мужчина. Но это главенство в корне отлично от прошлого. Все важнейшие дела в семье чаще всего решаются по взаимной договоренности супругов и совместно с другими взрослыми членами семьи. Встречаются полные семьи, где главой является женщина.

Семья в среднем состоит из 6—7 человек, т. е. имеет 4—5 детей. Семьи интеллигенции, рабочих г. Черкесска, Нефтекумска, Махачкалы, Кизляра, рабочих поселков насчитывают 4—5 членов, т. е. детей в них 2—3. В последнее десятилетие у кубанских ногайцев заметно сократилось число матерей, имеющих 9—10 детей. В 1969 г. Адыге-Хабльский райсобес выплатил единовремен-

ное пособие 5 женщинам, родившим и воспитавшим 9—10 детей, в 1975 г. таких не было уже ни одной. Несколько иначе обстоит дело в этом отношении у степных ногайцев. Только в одном Ногайском районе 528 многодетных матерей, из них 42 имеют звание «Мать-героиня».

С каждой очередной женитьбой сына встает вопрос о выделении ранее женившегося. Семья сообща строит ему дом, помогает обзавестись обстановкой. В новом доме пищу впервые готовит свекровь, затем уже невестка. На праздник новоселья приглашают родственников, соседей, товарищей по работе. Они делают подарки: что-либо из мебели, баранов, птицу и т. д.

Выбирая из семейных обычаев прошлого лучшее, ногайцы придают им современное социалистическое содержание. В семье крепко уважение к старшему мужчине, но не менее весомо и мнение женщины. Равноправным членом семьи стала бесправная в прошлом невестка. К ее голосу прислушиваются, ее уважают. Большинство молодых женщин работает на заводах, фабриках, в совхозах, колхозах, учреждениях. Но старшее поколение с пониманием относится к невестке и тогда, когда у нее возникает желание продолжить учебу в институте или техникуме.

Стабильной стала экономическая основа семьи. Ее образуют денежная и натуральная оплата, получаемая от участия членов семьи в общественном труде, и доходов от личного подсобного хозяйства. Подсобное хозяйство частично удовлетворяет потребности семьи в мясе, молоке, яйцах, картофеле, овощах, фруктах. Приусадебный участок обрабатывается членами семьи. Обычно участок вспахивается трактором, поэтому члены семьи только пропалывают и окучивают растения. Если в семье одни старики, то им помогают родственники и соседи.

Одну из статей семейного дохода составляет пенсия по старости или инвалидности. Колхозы и совхозы помогают пенсионерам в ремонте дома, в заготовке корма для личного скота, обеспечивают топливом на зиму. В ряде семей часть дохода составляет пособие многодетной матери.

Семейная касса в большинстве случаев находится у матери семейства. Это — показатель нового положения женщины. Она выступает и как ответственное и доверенное лицо семьи. Деньги расходуются на нужды семьи и ее отдельных членов (приобретение мебели, одежды и т. п.).

Намного богаче стала духовная жизнь семьи. Очень многие выписывают газеты и журналы, имеют домашнюю библиотеку. Практически в каждом доме имеются телевизор и радиоприемник.

Давно уже появились новые семейные праздники, отвечающие современным условиям жизни. Детям, помимо дня рождения, отмечают дни начала учебы в школе, приема в пионеры, в члены ВЛКСМ, совершеннолетия, окончания школы. Торжественно отмечается день получения паспорта гражданина СССР. Еще одним праздником стал день призыва в Советскую Армию. В проводах в армию участвуют не только родители и родственники, но и широкая общественность.

Семейным праздником стала встреча Нового года. В прошлом ногайцы встречали Новый год в марте (Навруз ай). Теперь, как и все народы Советского Союза, они встречают его 1 января. В этот день очень многие устанавливают и украшают ёлку, готовят праздничные блюда, детям делают подарки. Часто взрослые встречают Новый год в доме одного из родственников, соседей, товарищей по работе. Появились и такие семейно-общественные праздники, как посвящение в рабочие, хлеборобы, серебряная и золотая свадьбы, проводы на пенсию.

С первых же лет Советской власти началась борьба против форм заключения брака, унижавших достоинство женщины и признанных противозаконными пережитками местных обычаев. Искоренялись калым, принуждение и воспрепятствование к вступлению в брак, брак с несовершеннолетними, многоженство [184].

[184] См.: Адыге Псаукъы, 1926, № 91; Красная Черкесия, 1929, № 2; 1935, № 136 и др.

Путем воспитательной работы преодолевались негативные черты в традиционной свадебной обрядности.

В современном свадебном обряде традиционные формы соединяются с новыми чертами. Этому способствуют и рекомендации сценария современной ногайской свадьбы, разработанного с помощью научных работников облисполкомом КЧАО. Присоединяясь к мнению Я. С. Смирновой [185], отметим, что данный сценарий, учитывая национальную специфику, предлагает и много сходного или общего для свадебной обрядности всех коренных народов области.

Заключение брака начинается с того, что молодые люди сообщают о своем намерении родителям. Родители жениха посылают сватов. В случае согласия невеста может быть заранее поселена в доме родственника жениха (так называемом «другом доме») [186]. Здесь, как и в старину, до перевоза невесты в дом жениха, устраиваются танцы, игры.

В день регистрации брака к дому невесты или к «другому дому» на легковых машинах, украшенных шелковыми платками (казбалы) и флагами (байракъ), подъезжают жених с товарищами. Невеста надевает светлое закрытое платье с длинными рукавами, нарядные светлые туфли, на голову накидывает длинный белый шарф. Лицо открыто. Приезд самого жениха за невестой — новое явление.

С начала 1960-х годов практикуется торжественная регистрация в сельских Советах. Помещение праздничио убирается. Молодых поздравляют и напутствуют председатель сельсовета, один из старейших ветеранов труда, человек, известный как хороший семьянин. Во время речей-пожеланий все присутствующие стоят. После получения свидетельства о браке молодые впервые танцуют вместе. Новым является и обмен обручальными кольцами.

После регистрации молодые люди едут в дом невесты, и здесь устраивается угощение, что является также нововведением в свадебном цикле. Молодые сидят за столом рядом, их просят снова танцевать. Невесту могут в этот же день увезти в дом жениха, но иногда перевозят на другой день. Далее по форме свадьба остается традиционной, но старые обряды нередко наполняются новым содержанием. Происходит процесс, о котором В. И. Ленин писал: «... мы *из каждой* национальной культуры берем *только* ее демократические и ее социалистические элементы, берем их *только* и *безусловно* в противовес буржуазной культуре...» [187]. Это ленинское указание позволяет сохранить лучшее в свадебной обрядности.

Современная ногайская девушка вступает в брак чаще всего в 18—24 года, молодой человек — в 20—27 лет, обычно после службы в Советской Армии и приобретения специальности. Девушка также редко выходит замуж, не получив специальности. Юноши и девушки, обучающиеся в средних специальных и высших учебных заведениях, предпочитают вступить в брак после окончания учёбы.

Возрастает число межэтнических браков [188]. Люди старшего поколения иногда выступают против женитьбы на «иноверках» и выхода замуж за «иноверцев». Молодые люди смотрят на это иначе. При женитьбе на девушке иной национальности свадьба проходит по ногайскому обряду.

Экзогамия сохраняется. Лица, происходящие из одного рода или фамилии, не вступают между собой в брак. Почти изжиты левират и сорорат. Браки с насильственным похищением изжиты.

К сожалению, не изжито полностью мусульманское бракосочетание, на котором часто настаивают представители старшего поколения. В их сознании живо представление, будто ребенок от брака, не оформленного по религиозному обряду, будет как бы незаконорожденным. Сохраняются и такие негатив-

---

[185] Смирнова Я. С. Культурное взаимодействие и семья.— СЭ, 1977, № 5, с. 8.

[186] См.: Косвен М. О. Этнография и история Кавказа. М., 1961, с. 63.

[187] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 24, с. 121.

[188] Подробнее см.: Смирнова Я. С. Смешанные браки у народов Карачаево-Черкесии.— СЭ, 1976, № 4.

ные явления, как свадебное одаривание (сый, куржын). Стоимость каждого подарка невелика, в среднем 30 руб., но количество подарков иногда доходит до 100—120. Эти подарки раздаются родственникам жениха и невесты и, таким образом, нисколько не помогают сложению материальной базы молодой семьи.

Существенно изменились обрядность детского цикла и система воспитания детей.

Беременные женщины не сразу начали обращаться за помощью к врачам. Для этого потребовалась упорная разъяснительная работа партийных и общественных организаций, да и самих медицинских работников. Духовенство, бабки-повитухи, консервативно настроенные представители старшего поколения убеждали, а иногда и принуждали беременных женщин обходиться без врачей. Однако сама жизнь показала преимущество новых форм родовспоможения. Беременная женщина находится теперь на учете в аульной амбулатории и своевременно получает квалифицированную консультацию у гинеколога. Женщины пользуются отпуском по беременности. Роды проходят в роддоме. По случаю рождения ребенка устраивается небольшое традиционное торжество. Уважаемый старик объявляет во всеуслышание имя ребенка, которое заранее выбирается на семейном совете. Вобрав из прошлого лучшие имена, современный ногайский именник стал разнообразнее, богаче, пополнившись за счет проникновения через художественную литературу, кинофильмы, контакты с другими народами многих новых имен. В то же время по-прежнему популярны такие народные имена, как, например, Карлыгаш (ласточка), Таьтли (сладкая), Аьсирет (долгожданная), Аьдил (справедливый), Заман (время) и т. п.

Широко распространилась торжественная регистрация ребенка в сельсовете. Здесь присутствуют представители райсовета, сельсовета, парткома, профсоюзной организации, которые поздравляют родителей с пополнением семьи.

Сохраняется традиция пеленания ребенка бабкой. По-прежнему пользуются традиционной колыбелью — бесик. Но для прогулок покупают детские коляски. Сроки кормления ребенка грудью зависят от характера работы женщины. Домохозяйка, как правило, кормит грудью до одного — полутора лет, работающая мать — до года.

С момента рождения ребенок находится на медицинском учете, регулярно осматривается педиатром. Детская смертность ничтожна. Молодая мать также находится под наблюдением врачей.

По-прежнему радостно встречается в семье появление у ребенка первых зубов. Сохраняется также, но безо всякой религиозной окраски, обычай первого бритья или стрижки волос, что делается дядей ребенка. У кубанских ногайцев обычай обрезания исчез, у степных ногайцев частично сохраняется.

Семейное воспитание детей вобрало в себя из прошлого все лучшее и обогатилось многими новыми чертами. Ребенку прививается любовь к труду, уважение к старшим и другим членам семьи. Различие ролей и статусов отца и матери в воспитании детей не исчезло, но в значительной мере сгладилось. В неразделенных семьях между детьми братьев не делается никаких различий. Так, если одна мать шьет своему ребенку или приобретает что-либо в магазине, то племяннику дарится то же самое.

Развитие чувств коллективизма и товарищества происходит не только в семье, но и в детских учреждениях. Создана значительная сеть детских яслей и садов, все шире распространяются сезонные ясли и сады. Так, например, в ауле Карамурзинском колхоз каждое лето открывает сезонные ясли-сад. Очень много дает ребенку школа. Ученики, наряду с обучением общим предметам, проходят трудовое обучение. С первых классов детей учат пришивать пуговицы, шить, вышивать, резать по дереву, готовить некоторые домашние блюда. В средней школе аула Куьнбатар детей успешно обучают древнему ремеслу ногайцев — изготовлению войлока. Для этого на уроки труда приглашают известных в округе мастериц. В школах работают различные кружки: математический, физический, литературный, спортивный.

Широкое распространение получили ученические производственные брига-

ды. Здесь учащиеся овладевают специальностями тракториста, комбайнера. На заработанные во время работы на полях совхозов и колхозов деньги ученики выезжают на экскурсии в Москву, Ленинград, Волгоград, Краснодар. Многие члены ученических бригад остаются работать в родных местах. Так, выпускницы Эркин-Юртской средней школы остались работать в родном совхозе и организовали женское механизированное звено во главе с Зухрой Кумуковой.

Имеющиеся в школах клубы интернациональной дружбы воспитывают в детях чувство интернационализма. Члены КИД переписываются с ровесниками из союзных республик и городов Советского Союза, а также стран народной демократии — ГДР, Болгарии, Венгрии, Польши, Чехословакии.

Современному ногайскому школьнику дома предоставлены все возможности для учебы. Он имеет свой рабочий уголок. Как и все дети Советского Союза, с 1978 г. ногайские дети начали бесплатно получать учебники. Значительную помощь родителям в воспитании детей оказывают женские советы, родительские комитеты, советы содействия семье и школе. Выпускники школ учатся в вузах Ленинграда, Москвы, Харькова, Ставрополя, Махачкалы, Грозного и других городов.

В основе современной погребальной обрядности лежит традиционная мусульманская. Но в похоронном обряде можно уже проследить и новые элементы. Теперь на кладбище или в доме покойника устраивается гражданская панихида. Здесь выступают с речами сослуживцы, товарищи, друзья покойника. В похоронах участвуют и женщины. На могилу от трудового коллектива возлагаются венки. На кладбище сажают цветы, деревья. Мусульманская обрядность погребения далеко не всегда свидетельствует о религиозности — чаще это только дань привычному. Тем не менее для комиссий по внедрению новых обрядов, в составе которых есть подкомиссии по похоронам, здесь еще имеется обширное поле деятельности.

Как видим, новое в ногайском ауле с каждым годом завоевывает все больший авторитет. Там же, где сохраняются народные обряды, в них существенно внедряются современные элементы. Как отмечает академик Ю. В. Бромлей, характеризуя духовную культуру советских народов: «В наши дни обрядность бытует в двух вариантах: традиционном и новом. Новые обряды нередко включают некоторые элементы традиционной обрядности, а традиционные — сами претерпевают существенные изменения»[189].

Развитие и совершенствование социалистической обрядности — комплексная проблема, и ее решение зависит от скоординированных усилий партийных, советских, профсоюзных, комсомольских организаций, от их кадров. Для этого, отмечал М. С. Горбачев, «...сегодня все кадры должны владеть знанием основных закономерностей развития общественного сознания и идеологии, навыками анализа социально-экономических реальностей, лежащих в их основе, умением правильно оценить значение того или иного явления в его связи с идеологической деятельностью. Словом, нужно уметь видеть и следствия, и причины, конкретно ставить практические задачи и предлагать лучшие способы решений, опираясь на науку, здравый смысл и опыт»[190].

---

[189] Бромлей Ю. В. Современные проблемы этнографии. М., «Наука», 1981, с. 335.

[190] Горбачев М. С. Живое творчество народа. М., «Политиздат», 1984, с. 41—42.

ГЛАВА V

ДУХОВНАЯ КУЛЬТУРА

5.1. Просвещение и культурно-просветительная работа

Примечетские школы суннитского толка стали появляться в регионах кочевников еще в эпоху существования Ногайской Орды. Они продолжали функционировать и после ее распада, а затем и в условиях Российской империи. Накануне Великой Октябрьской социалистической революции их количество в селениях зависело от контингента детей школьного возраста. Так, в плотнонаселенном Тохтамышском ауле действовали четыре примечетских школы, во всех пяти ногайских аулах Баталпашинского отдела Кубанской области — свыше двадцати, а в ауле Канглы в конце XIX в. на 546 дворов приходилось тринадцать мечетей с мектебами [1].

Обычно мусульманские школы размещались при мечетях или в арендованных поблизости помещениях. На Ставрополье и в юго-западном Дагестане, где большая часть ногайского населения продолжала вести кочевой образ жизни, культовые строения и школьные здания помещались в кибитках, приобретенных на средства верующих.

Повсюду среди ногайцев Северного Кавказа большим влиянием пользовались хаджи, т. е. люди, вернувшиеся из паломничества в Мекку. Примечетские школы чаще всего открывались по их настоянию. Роль бывших паломников была особенно велика в Караногае. Здесь дело «дошло до того, что многие люди не ходили в Мекку, а выполняли этот обряд, нанимая за себя какого-нибудь любителя»[2],— писал очевидец.

Примечетские школы были призваны, главным образом, внушать детям веру в Аллаха. Этому была подчинена вся система религиозного воспитания.

Родители отдавали детей в примечетские школы в семилетнем возрасте. Повсюду практиковалось совместное обучение мальчиков и девочек, но последние чаще всего оставляли учёбу после четырехлетнего пребывания в мектебе. Для них это считалось достаточным, поскольку от девочек требовалось меньше, чем от мальчиков. «Обучение девочек грамоте завершается в 10—11-летнем возрасте, замужние же женщины и при желании не могут учиться. Это не принято и считается стыдом»[3],— отмечал Г. Ананьев. Пребывание в мектебе мальчиков зависело от школы, в которой они учились, и колебалось от четырех до шести лет. Наиболее способные и имевшие к тому возможность могли дальше учиться в духовных школах (медресе), но уже за пределами родных мест. Прошедшие курс медресе становились священнослужителями.

В мектебах отсутствовали предметы первой необходимости для удобства обучения детей: столы или парты, стулья, наглядные пособия и т. д. Ученики обычно сидели с поджатыми ногами на циновках. Столы, парты и школьные тетради ученикам заменяли дощечки. Ручки и чернила изготовляли родители или же сами дети. Ручкой служило гусиное перо или тростинка с заостренным концом, а чернильный порошок делали из неочищенного проса.

Система арабского письма была настолько сложной, что ученики усваи-

---

[1] Тваларелидзе С. А. Указ. раб., с. 49.
[2] Капельгородский Ф. Указ. раб., л. 167.
[3] Ананьев Г. Указ. раб., с. 59.

вали ее с большим трудом. «Процедура изучения азбуки крайне долгая, очень медленная. Много труда и мучений испытывают бедные школьники прежде, чем научатся азбуке» [4],— отмечал С. В. Фарфоровский.

Учителя широко применяли телесные наказания. По словам Г. Ананьева, мулла «всегда учит с палкой в руке, чтобы при случае наказывать учеников. Наказания, практикуемые муллами, следующие: бьют палкой по ладони, по пятам и часто — куда попало, оставляют без пищи. Когда же мальчик не в состоянии выговорить известного выражения или буквы, то мулла берет с родителей ученика 20 коп., кладет на язык мальчика и выкручивает его; затем эти деньги поступают в пользу муллы». «Наверное, этот способ муллы выдумали для своего дохода» [5],— заключает он.

Общественно-просветительные деятели Северного Кавказа единодушно отмечали, что «существующие в большинстве аулов туземные школы при мечетях не играют ровно никакой просветительной роли; в них обучают мальчиков чтению корана на чуждом арабском языке и только, да и то это учение ведется по самым примитивным педагогическим методам и что в лучшем случае мальчик приобретает только механическое умение читать непонятные ему тексты» [6]. Всё же среди учеников таких школ оказывались одаренные питомцы, и именно из них создался тот первый костяк учителей, который возглавил новую систему просвещения в первые годы существования на Северном Кавказе Советской власти. В этот костяк вошли также прогрессивно настроенные выпускники светских школ, ставшие на сторону социалистической революции.

Появление светских школ было связано с той положительной ролью, которую сыграла Россия в судьбе народов отсталых национальных окраин. Необходимость в организации такой школы для ногайцев возникла в связи с основанием г. Ногайска на Молочных водах Таврической губернии. Открытие школы состоялось в 1826 г. В официальных документах ее именовали русско-татарской (ногайской) школой, поскольку она была предназначена для светского обучения детей русских и ногайских поселенцев. В первые годы существования ее контингент не превышал и десяти человек. Только в начале 1830-х годов число учеников увеличилось в связи с организацией пансионата. В 1832—33 учебном году в ее стенах обучалось 23 ногайца, 6 русских, 2 армянина и 2 француза. Выпускники школы из числа ногайцев, как правило, становились волостными писарями в ногайских аулах [7].

Если организация светской школы на Молочных водах была продиктована потребностью в образованных кадрах для управленческого аппарата, то в других районах Северного Кавказа со значительной численностью ногайского населения этот вопрос для местной администрации не вставал. Ногайцам долго отказывали в организации общеобразовательных учебных заведений.

После долгой переписки первыми добились этого жители аула Канглы на Куме, по-видимому, благодаря тому, что здесь размещалось волостное управление. В 1868 г. в ауле состоялось открытие одноклассного училища. В 1897 г. в нем обучались 21 мальчик и 4 девочки [8]. Затем школы появились в Мансуровском ауле Баталпашинского отдела Кубанской области (1877 г.), в ставке Ачикулак Ставропольской губернии (1869 г.) и т. д.

Из светских учителей того времени особенно активно отдавал свои знания ученикам заведующий Мансуровским нормальным сельским училищем М. Алейников. Одновременно он занимался и изучением быта ногайского народа [9]. Мансуровскую школу уже до революции окончил будущий общественный деятель М. Санглибаев.

---

[4] Фарфоровский С. В. Указ. раб., с. 33.

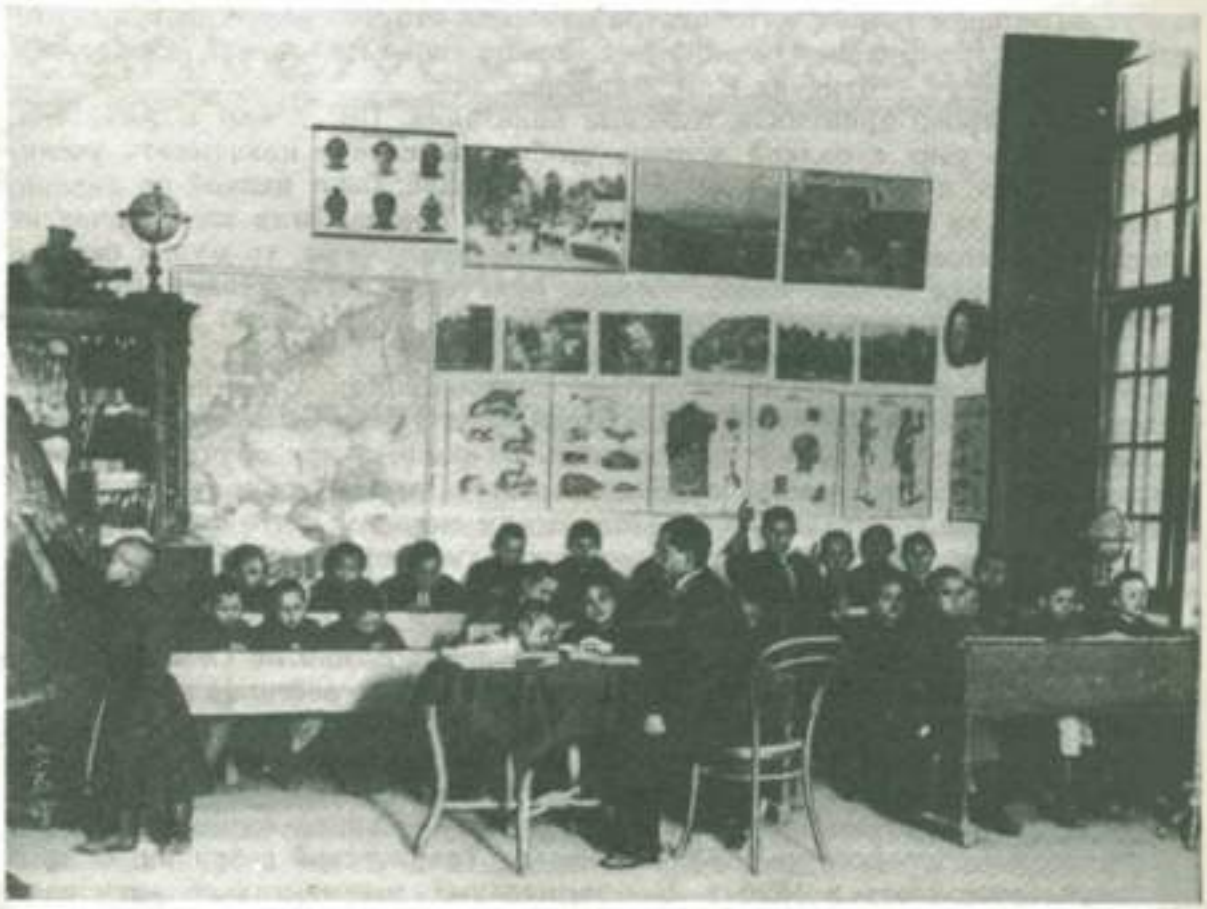
[5] Ананьев Г. Указ. раб., с. 62—63.

[6] ТВ, 1903, № 144.

[7] Сергеев А. Ногайцы на Молочных водах, с. 58—60.

[8] Твалчрелидзе С. А. Указ. раб., с. 53.

[9] Алейников М. Поверья ногайцев Мансуровского селения, Баталпашинского отдела, Кубанской области.— СМОМПК, вып. 17, 1893.

Школа в а. Ачикулак. Начало XX в.

В Караногае ходатайства населения об организации общеобразовательной школы продолжались около двух десятков лет. Даже тогда, когда был разработан проект и изысканы средства на строительство школы, документация пролежала в стенах канцелярии наместника около двух лет. Чтобы наконец заполучить согласие наместника, Ф. Капельгородский должен был направить на имя царя телеграмму следующего содержания: «Поздравляем с тезеименством наследника, посвящаем ему нашу школу, ассигнуем сто тысяч рублей из нашего общественного капитала, находящегося в депозитах военного ведомства...» [10].

С получением разрешения на постройку школы с ее подсобными помещениями население Караногая активно включилось в работу. С этой целью из Астрахани в один из портов Дагестана по Каспийскому морю начали доставлять строительные материалы. Отсюда на арбах груз по бездорожью перевозили через Ногайскую степь в ставку Терекли-Мектеб. Колоссальный труд ногайцев, вложенный в постройку школы, в последующие годы дал положительные результаты в области просвещения народа.

Терекли-Мектебское одноклассное училище с пансионатом и мастерскими вступило в строй в 1914 г. Это событие ногайское население отметило большим праздником, поскольку оно хорошо помнило, с какими трудностями были сопряжены получение права на его строительство и само строительство.

Школы, созданные в ногайских аулах Северного Кавказа, назывались окружными и начальными и работали по специальному уставу. Окончившие начальную школу принимались во второй класс уездных училищ и в гимназию.

В ногайских школах Ставропольской губернии, Кубанской и Терской областей преподавание велось по программе русских школ, но, в отличие от последних, дополнительно преподавалось мусульманское религиозное учение.

[10] Капельгородский Ф. Указ. раб., л. 96.

Первая школа на территории Карачаево-Черкесии в а. Нижне-Мансуровском. Построена в 1877 г. Фото И. Матакаева.

Учителями в школах работали русские, ногайцы и представители других национальностей Северного Кавказа. В школе учили читать, писать, считать, в том числе владеть четырьмя действиями арифметики. В число обязательных предметов входило и пение.

Даже при столь ограниченной школьной программе создание сети народного образования имело прогрессивное значение. Через школу, дававшую знание русского языка, ученики приобщались к русской культуре. Познавая русскую грамоту, ногайцы знакомились с произведениями русской классической литературы, с идеями русских революционеров и становились на путь борьбы против общего врага — царизма.

Не лучше обстояло дело с культурно-просветительной работой среди населения. Достаточно отметить, что из всех ногайских районов только в Карагогайском приставстве имелся так называемый Народный дом, построенный за счет тех же средств кочевников, которые оказались накопленными в депозитах военного ведомства. По словам Ф. Капельгородского, Народный дом имел большой зрительный зал с киноаппаратурой, общественную квартиру и библиотеку из двух тысяч книг. Позднее, во время оккупации Терекли- Мектеба белогвардейскими отрядами, вся мебель и книги были расхищены.

Положение в корне изменилось только после Великой Октябрьской социалистической революции, которая сделала образование достоянием широких слоев населения. В первые же годы Советской власти декретом ВЦИК было утверждено «Положение о единой трудовой школе Российской Союзной Федеративной Советской Республики», ставшее основой организации советских школ. В положении впервые были закреплены демократические принципы народного образования. В соответствии с ним уже в первые годы Советской власти во всех ногайских населенных пунктах были открыты школы. Они создавались на базе дореволюционных школ и работали по программе Наркомпроса.

Не менее важной задачей была ликвидация неграмотности взрослого населения. Но чтобы решить ее, необходимо было прежде всего создать унифицированную письменность на родном языке. К решению этой важнейшей проблемы были привлечены научные силы и практические работники народного образования. В реформе бытовавшей арабской графики активное участие

принял А.-Х. Ш. Джанибеков, который к 1928 г. завершил работу по созданию ногайской письменности на основе латинской графики [11]. Уже в следующем учебном году школы перешли к изучению родного языка на новом алфавите.

После создания алфавита была проделана большая работа по унификации орфографии и терминологии ногайского языка. Решению назревших языковых проблем были посвящены несколько научных конференций, проведенных Дагестанским институтом истории, языка и литературы. Впоследствии их рекомендации легли в основу первых учебников [12] и первого общественно-политического словаря ногайской лексикографии [13]. В 1920—30-х годах ногайская лингвистика была сосредоточена в Дагестане. В создание орфографии ногайского литературного языка и терминологии в 1930-х годах большой вклад внес Н. А. Баскаков. Он впервые исследовал грамматический строй ногайского языка и описал его диалектную систему [14]. В разработанную им систему орфографии был положен фонетико-морфологический принцип [15].

В дальнейшем опыт языкового строительства показал, что назрела практическая необходимость в переводе ногайского алфавита с латинского на русскую графическую основу, что и было сделано в 1938 г. Введение письменности на основе русской графики явилось одним из важных факторов сближения советских народов, укрепления культурных связей между ними, способствовала приобщению ногайцев к культуре русского языка.

Одновременно во всех ногайских районах Северного Кавказа широким фронтом велось школьное строительство. Там, где отсутствовали школьные здания, учебные классы временно открывались в конфискованных домах привилегированных в прошлом сословий. Вместе с тем за счет государства возводились типовые школы и завозились предметы первой необходимости для их повседневной работы. Уже в конце 1930-х годов типовые здания появились во многих ногайских аулах.

Ногайское население как в старых аулах, так и в возникавших новых населенных пунктах оказывало сельским Советам и строительным организациям большую помощь в возведении школьных зданий, их ремонте и оборудовании. В начале 1920-х годов отделы народного образования приступили к заключению с жителями аулов и станиц договоров, по которым население брало на себя обязанность оказывать посильную денежную помощь в укреплении материальной базы сельских школ, пока молодое Советское государство еще продолжало нуждаться в подобной помощи со стороны трудящихся. Для ускоренной подготовки новых учительских кадров в Карачаево-Черкесии и в Дагестане были организованы краткосрочные педагогические курсы, куда направляли учиться горцев. Большую помощь местным молодым учителям оказывали опытные русские педагоги, которые не только их консультировали, но и организовывали первые советские школы. В Дагестане и в Карачаево-Черкесии при отделах народного образования работали научно-методические комиссии, которые систематически занимались повышением культурно-методического уровня учителей. Работников народного образования готовили также учебные заведения многих городов нашей страны.

В январе 1924 г. XI Всероссийский съезд Советов принял решение о ликвидации неграмотности взрослого населения РСФСР. Для проведения в жизнь этого решения в Москве было создано общество «Долой неграмотность» (ОДН) под председательством М. И. Калинина. Решение съезда имело для ногайцев огромное значение. Руководствуясь им, партийные и советские организации развернули широкую работу по ликвидации неграмотности. В Карачаево-

[11] См.: Сикалиев А. И. Жизнь и деятельность ногайского просветителя А.-Х. Ш. Джанибекова. ТЧКНИИ, вып. VII. Сер. филологич., 1973, с. 161—162.

[12] Джанибеков А.-Х. Ш. Балалар уьшин ногай элипбеси эм элипбеден сонъ окув дерслери. М., 1929; его же. Ногай тили. Махачкала, 1935.

[13] Джанибеков А.-Х. Ш. Общественно-политические термины; термины по физике; термины по математике. Махачкала, 1932.

[14] Баскаков Н. А. Ногайский язык и его диалекты. М.—Л., 1940.

[15] Грамматика ногайского языка, ч. 1. Фонетика и морфология под редакцией проф. Н. А. Баскакова. Черкесск, 1973, с. 14.

Средняя школа в а. Эркин-Халк. Фото И. Матакаева.

Черкесии и в Дагестане было открыто большое число пунктов по ликвидации неграмотности (ликбезов).

Ликвидация неграмотности ранее отсталых народов являлась исторической победой национальной политики Коммунистической партии. Однако выдвинутые в годы первой пятилетки задачи как в политической, так и в хозяйственной областях требовали не только ликвидации неграмотности, но и получения прочных систематических знаний, овладевания богатствами духовной культуры. Этому должно было способствовать введение в стране всеобщего начального обучения, а также совершенствование системы школьного образования. Вопрос о всеобуче был рассмотрен XI съездом ВКП(б) в июне 1930 г. 25 июня 1930 г. ЦК ВКП(б) принял постановление «О всеобщем обязательном обучении».

Одной из важнейших задач социалистического строительства в районах с ногайским населением стало осуществление начального всеобуча. Учитывая местные особенности, обязательное начальное образование вводилось в районах с ногайским населением в 1930/31 учебном году. Партийные, советские и общественные организации мобилизовывали общественность на решение связанных с этим вопросов. Проведение начального всеобуча стало всенародным делом.

В процессе школьного строительства проводилась также большая работа по созданию культурно-просветительных учреждений в ногайских регионах. Эта работа была сопряжена с большими трудностями. В аулах не было ни клубов и библиотек, ни подходящих для них помещений, ни подготовленных работников. На первых порах под здания культурно-просветительных учреждений были приспособлены дома бежавших контрреволюционеров, сельские мечети.

С первых же лет Советской власти культурно-просветительные учреждения стали очагами общественно-политического воспитания. Учителя, студенты во время каникул, партийные и советские работники знакомили здесь трудящихся с решениями Коммунистической партии и Советского правительства.

Важным разделом культурно-просветительной работы была уже отмечавшаяся деятельность по раскрепощению женщины.

Благодаря повседневной заботе партийных и советских организаций о расширении сети учреждений культуры, число библиотек, клубов, изб-читален и киноустановок за годы предвоенных пятилеток значительно возросло. Знаменательной вехой в культурной жизни ногайцев явилась радиофикация населенных пунктов.

Большое внимание уделялось также развитию печати на ногайском языке.

Первая газета начала выходить в 1928 г., но ее тираж и формат были пока еще небольшими. С 1933 г. материалы на ногайском языке стали регулярно печататься в газете «Красная Черкесия», а со второй половины 1938 г. ногайская газета начала выходить самостоятельно, как орган Икон-Халковского райкома ВКП(б) и районного Совета депутатов трудящихся. В Ногайском районе Дагестана на родном языке его населения газета начала выходить в 1930 г. под названием «Шьолдик маягы» («Степной маяк»).

В развитии ногайской периодической печати заметный след оставили первые журналисты Абдулла Алакаев, Ажатай Кубанов и другие.

Дальнейшему развитию просвещения и культурно-просветительной работы помешали нападение фашистской Германии на Советский Союз и временная оккупация врагом части Северного Кавказа с ногайским населением. Хозяйничание оккупантов нанесло огромный ущерб, причем особенно пострадали учреждения культуры.

В тяжелые годы войны Коммунистическая партия и Советское правительство проявляли большую заботу об учащихся, об обучении и воспитании подрастающего поколения. Для школьников ежегодно выделялись хлеб, сахар и другие продукты питания, обеспечивались они и горячими завтраками. Остро нуждавшихся обеспечивали одеждой и обувью.

Школьники, в свою очередь, принимали активное участие в сборе вещей для солдат и офицеров Советской Армии, изготовлении тёплых перчаток, носков и шарфов для фронтовиков, в сборе металлолома. Большую помощь оказывали учащиеся колхозам и совхозам в прополке и уборке урожая.

После окончания войны во всех районах с ногайским населением началось восстановление старых и строительство новых школ. Одновременно велась большая работа по подготовке учительских кадров и вообще интеллигенции, значительную роль в ней сыграла областная национальная школа, которая начала функционировать в 1946 г.

Успешное восстановление и дальнейшее развитие школьной системы позволили перейти в 1949/50 учебном году к осуществлению всеобщего обязательного семилетнего образования. В этой связи многие начальные школы были преобразованы в семилетние, а ряд семилетних — в средние общеобразовательные.

Распространение сети семилеток и средних школ способствовало в дальнейшем увеличению притока абитуриентов в техникумы и вузы Северного Кавказа. В 1950-х годах выпускники ногайских средних школ еще продолжали отдавать предпочтение педагогическим техникумам и вузам, о чем свидетельствует состав интеллигенции того времени, а также годовые отчеты учебных заведений. В 1960-х годах картина выбора абитуриентами специальности меняется. Наблюдается широкое стремление выпускников средних школ в технические, сельскохозяйственные, медицинские и другие вузы. В результате в ногайских районах в конце 60-х и в 70-х годах появляются высококвалифицированные специалисты самых различных профессий.

В настоящее время обучение в школах ведется в сочетании с профессиональной подготовкой. В сельской местности Карачаево-Черкесии имеются пять ногайских школ, дающих полное среднее образование. Только средние общеобразовательные школы в 1982 г. выпустили свыше 150 человек. В Ногайском районе Дагестана в 1982/1983 учебном году работали 20 школ, в том числе 6 средних. В органах просвещения данного региона насчитывалось более трехсот учителей, в том числе четверо заслуженных учителей РСФСР и пятеро — Дагестанской АССР. Многие учителя награждены орденами и медалями Советского Союза.

Сельским учителям партией и правительством предоставлены значительные льготы. Они пользуются бесплатной квартирой, освещением, отоплением и на льготных началах другими видами обслуживания.

В начале 1978 г. ЦК КПСС и Совет Министров СССР приняли Постановление «О переходе на бесплатное пользование учебниками учащимися общеобразовательных школ». В этом документе сказалась забота партии и государ-

ства о подрастающем поколении. С 1984 г., как и по всей стране, в ногайских школах начали успешно внедрять в жизнь новую реформу о школе, принятую ЦК КПСС и Советом Министров СССР. «Созданная в СССР,— говорится в Программе КПСС,— подлинно народная школа обеспечила доступ к знаниям всем гражданам, позволила в исторически короткий срок ликвидировать массовую неграмотность и перейти ко всеобщему среднему образованию» [16].

Кроме местных учителей, в ногайских школах трудится много педагогов из числа представителей других народов Советского Союза. Особенно много среди них русских учителей.

Наряду с общеобразовательными школами в административных районах с ногайским населением функционирует большое число средних специальных и высших учебных заведений. Так, только в Карачаево-Черкесии имеется педагогический институт с четырьмя факультетами (физико-математический, филологический, художественно-графический и физического воспитания), филиал общетехнического факультета Ставропольского политехнического института, 12 средних специальных учебных заведений и профессионально-технических училищ. Филологический факультет педагогического института и педагогическое училище выпускают для ногайских районов Северного Кавказа преподавателей родного языка. Его выпускники в настоящее время работают в ногайских школах Дагестана, Ставрополья и Карачаево-Черкесии. В 1977 г. с целью оказания научно-методической помощи преподавателям русского и родного языков в национальных школах в Карачаево-Черкесии была организована лаборатория Института национальных школ Министерства просвещения РСФСР. Почти десять лет ее возглавляла ногайка, кандидат филологических наук С. А. Калмыкова.

Значительную роль в культурной жизни народов Карачаево-Черкесии играет ордена «Знак Почета» научно-исследовательский институт истории, филологии и экономики, который длительное время возглавляла ногайка Р. А.-Х. Джанибекова. За время существования института сотрудники издали ряд фундаментальных трудов по истории, филологии и экономике. Многие из этих книг получили положительные рецензии в центральных журналах и в областной периодической печати.

Другим значительным районом, где ногайская молодежь получает среднее специальное и высшее образование, является Дагестанская АССР. Здесь сейчас пять высших учебных заведений и филиал Академии наук СССР, 26 средних учебных заведений, готовящих кадры для народного хозяйства республики и всей страны. Ногайцы учатся также и во многих других республиках и областях СССР.

Среди ногайцев появились и свои учёные, работающие в различных отраслях советской науки. В районах с ногайским населением насчитывается около двадцати кандидатов наук. Большинство учёных подготовлено институтами Академии наук СССР, а также союзными академиями братских республик.

В период гитлеровской оккупации в части ногайских районов Северного Кавказа наряду со школами были разрушены культурно-просветительные учреждения. Однако уже к 1945 г. многие из них были восстановлены, причем большую роль в этом сыграли отделы политпросветработы, созданные в конце 1944 г. при районных Советах депутатов трудящихся.

Расширилась сеть библиотек, клубов, киноустановок, появилось немало коллективов художественной самодеятельности. Уже в начале 1945 г. в Черкесии начались районные смотры художественной самодеятельности, а вскоре состоялся областной смотр художественных коллективов районов и промышленных предприятий. Лучшими коллективами художественной самодеятельности были признаны коллективы Кировского района и самодеятельных артистов национальной песни и пляски Икон-Халкского района.

В настоящее время в Ногайском районе Дагестана культурно-просвети-

[16] Программа Коммунистической партии Советского Союза (Новая редакция). М., 1986, с. 55.

Выступает фольклорно-этнографический ансамбль «Айланай».

тельную работу ведут 13 Домов культуры, два сельских клуба, 13 библиотек и 2 детские школы — художественная и музыкальная. При районном Доме культуры имеется народный театр. Его артисты ставят пьесы по произведениям местных драматургов М. Киримова, Д. Шихмурзаева и др. на ногайском языке. Для развития культуры в районе и за его пределами много сил приложили заслуженные работники культуры Дагестанской АССР — Мархаба Саллыбаева, Залимхан Зинеев.

Художественный коллектив Дома культуры Ногайского района ежегодно выступает на гастролях в городах и селах республик и областей Кавказа. Так, его коллектив, ставший лауреатом Всероссийского смотра в Москве, в 1974 и в последующих годах неоднократно выступал во многих населенных пунктах Дагестана и Карачаево-Черкесии.

Коллективы художественной самодеятельности имеются также в Адыге-Хабльском районе Карачаево-Черкесии. Из местных коллективов наибольшей популярностью пользуются самодеятельные артисты Икон-Халкского и Эркин-Юртского Домов культуры. При последнем создан народный театр, ставший в 1981 г. лауреатом краевого, а в 1985 г.— Всесоюзного смотра, посвященного 40-летию победы советского народа в Великой Отечественной войне. «Мы обоснованно гордимся достижениями советской многонациональной социалистической культуры. Вбирая в себя богатство национальных форм и красок, она становится уникальным явлением в мировой культуре. Но важно, чтобы здоровый интерес ко всему ценному, что есть в каждой национальной культуре, не вырождался в попытки отгородиться от объективного процесса взаимодействия и сближения национальных культур»[17],— говорил М. С. Горбачев на XXVII съезде КПСС.

Дальнейшее развитие получила в послевоенные годы печать. Газеты на ногайском языке «Шоьллик маягы» (орган Ногайского райкома КПСС и районного Совета народных депутатов Даг. АССР) и «Ленин йолы» (орган Карачаево-Черкесского обкома КПСС и областного Совета народных депутатов) помогали восстанавливать народное хозяйство, а в последующие десятилетия мобилизовали трудящихся на осуществление директив Централь-

[17] Горбачев М. С. Политический доклад Центрального Комитета КПСС XXVII съезду Коммунистической партии Советского Союза. М. 1986, с. 67.

ного Комитета КПСС и Советского правительства по развертыванию социалистического строительства.

Наряду с этими печатными органами на заводах, в цехах, в колхозах и совхозах, в учреждениях выпускаются стенные газеты, помогающие в партийном и хозяйственном руководстве производством.

Значительное развитие за годы Советской власти получило в районах с ногайским населением книгоиздательское дело. Книги на ногайском языке издаются в Дагестане и Карачаево-Черкесии, а Карачаево-Черкесское издательство снабжает ногайские школы учебниками и учебными пособиями. Кроме местных издательств, художественные произведения ногайских писателей и литературу истории и культуры народа издают также московские издательства.

Во всех районах с ногайским населением в настоящее время ведутся радио- и телепередачи. На ногайском языке транслируют передачи Дагестанское республиканское радио и Карачаево-Черкесское областное радио. С начала 60-х годов районы с ногайским населением получили возможность принимать телепередачи. «У нас быстро развиваются, обретая современный технический уровень, телевидение и радио. Они прочно вошли в жизнь как всеобъемлющие средства информации, пропаганды и утверждения наших нравственных ценностей и культуры»[18],— говорил Генеральный секретарь ЦК КПСС М. С. Горбачев на XXVII съезде КПСС.

5.2. Здравоохранение, физкультура и спорт

Тяжелые условия жизни ногайцев и почти полное отсутствие медицинских учреждений ежегодно уносили множество человеческих жизней. Особенно плохо обстояло дело в бескрайних степях Караногая. Среди жителей повсеместно свирепствовали лихорадка, туберкулез, чесотка и т. д. О высокой смертности населения в Караногае убедительно говорят следующие данные[19].

Годы	Численность населения
1846	45000
1862	39500
1872	38300
1882	35200
1892	29300
1902	29060
1912	26500

Как свидетельствует цифровой материал, за 50 лет население Караногая сократилось почти в два раза.

В соседнем Ачикулакском приставстве условия жизни кочевников и оседлой части его населения были также очень тяжелыми. При ставке Ачикулак работал только один фельдшер, в распоряжении которого имелась одна небольшая аптечка. Смертность превышала рождаемость. С 1911 по 1928 гг. численность населения здесь сократилась с 12119 до 6725 человек[20].

Не лучше обстояло дело с медицинским обслуживанием населения в Ба-

[18] Горбачев М. С. Политический доклад Центрального Комитета КПСС XXVII съезду Коммунистической партии Советского Союза. М. 1986, с. 113.

[19] Капельгородский Ф. И. ЗТОЛКС, 1914, с. 48; Гриценко Н. П. Горский аул и казачья станица Терека накануне Великой Октябрьской социалистической революции. Грозный, 1972, с. 43; Гаджиева С. Ш. Материальная культура ногайцев в XIX — начале XX в. М., 1976, с. 12—13.

[20] Мутенин И. Т. Указ. раб., л. 33.

талпашинском отделе Кубанской области. На весь отдел имелась всего лишь одна больница на 45 коек, в которой работали один врач и один фельдшер. Отсутствие медицинской помощи более всего отражалось на детях, смертность среди которых, особенно в возрасте от одного до четырех лет, была очень высока.

В советское время, уже в 1920-х годах, было уделено большое внимание развитию здравоохранения. Сеть медицинских учреждений в довоенный период с каждым годом расширялась. Накануне Великой Отечественной войны в таких районных центрах, как Терекли-Мактеб, Ачикулак и Адыге-Хабль, были построены больницы, оснащенные необходимой аппаратурой для обследования и лечения больных. Кроме того, во всех крупных населенных пунктах были организованы фельдшерские и здравпункты с аптечными отделениями. А для подготовки средних медицинских работников начали функционировать медицинские училища.

Во время гитлеровской оккупации части Северного Кавказа лечебные учреждения пострадали не менее, чем учреждения культуры. Но уже с первых дней освобождения в ногайских районах началось восстановление медицинской сети. Несмотря на трудные условия военного времени, лечебно-профилактическая сеть была в основном восстановлена еще до победоносного завершения Великой Отечественной войны.

В настоящее время, как и по всей стране, в районах с ногайским населением существует широкая сеть охраны здоровья. Еще до рождения ребенка органы здравоохранения начинают следить за его здоровьем. Это медицинские учреждения, действующие в рабочих поселках городского типа и в крупных населенных пунктах. Большую работу по воспитанию здоровой смены ведут детские дошкольные учреждения, а также сельские и городские школьные врачи. Во всех школах практикуются регулярный диспансерный осмотр учеников и другие виды медицинской профилактики.

Ежегодно расширяется сеть школьных санаториев, пионерских и трудовых лагерей, организуемых в местах с хорошими климатическими условиями. Так, в Адыге-Хабльском районе центральный пионерский лагерь с его многочисленными жилыми строениями разместился в окружении зеленого массива в северной части районного центра. Помимо центрального лагеря, при восьмилетних и средних школах также есть свои пионерские лагеря. Аналогичные лагеря ежегодно открываются в Ногайском районе Дагестанской АССР. И особенно большой популярностью у учеников здесь пользуется районный пионерский лагерь «Орленок».

Во всех ногайских районах за последние годы значительно улучшилась материально-техническая оснащенность лечебных учреждений и возросла их численность. Так, в Адыге-Хабльском районе сейчас имеются две больницы на 200 коек и около 200 медицинских работников. Только за 1981—1982 годы количество коек увеличилось на 20. При районной больнице имеется рентгеновский кабинет, работают бригады «скорой помощи» с круглосуточным дежурством. Только в 1982 г. на нужды здравоохранения района было ассигновано около 700 тыс. руб. Большую работу в системе здравоохранения ведут врачи поликлинической службы. В Адыге-Хабльском районе они принимают больных по 15 видам специализированной помощи.

Значительны успехи в области здравоохранения и в Ногайском районе Дагестанской АССР. Здесь имеются 3 больницы на 150 коек, 10 фельдшерских и 4 фельдшерско-акушерских пункта, поликлиника, 2 здравпункта, санэпидстанция и совхозный профилакторий, в стенах которого ежемесячно отдыхают 30 работников животноводства по направлениям хозяйств и врачей. Медицинские учреждения района обслуживают свыше ста квалифицированных работников, в том числе более 20 врачей.

Кроме сельских и районных медицинских учреждений, ногайскому населению оказывает лечебную помощь и центральная сеть здравоохранения Карачаево-Черкесии и Дагестана. Сейчас на страже здоровья жителей в

Национальная борьба. На заднем плане кипчакские каменные изваяния.

одной только Карачаево-Черкесии стоят более 900 врачей и свыше 3000 человек среднего медицинского персонала, а всего в учреждениях здравоохранения занято 5 тыс. чел. В 1970-х годах открылись новые лечебные учреждения, в том числе областная больница на 510 коек, родильный дом с женской консультацией, станция переливания крови, психоневрологический, кожный и противотуберкулезный диспансеры и т. д.

Забота работников органов здравоохранения Дагестана и Карачаево-Черкесии об охране здоровья населения отмечена Коммунистической партией и Советским правительством. Многим из них Верховный Совет РСФСР присвоил звание заслуженного врача РСФСР, сотни медицинских работников награждены орденами, медалями и значками «Отличник здравоохранения».

От современного здравоохранения неотделимы развитие физической культуры и спорта.

Физическая культура и спорт прочно вошли в быт ногайского населения. Физкультурное движение из года в год приобретает все более широкий размах. Число физкультурных коллективов в ногайских регионах превысило сотню.

Физкультурники ежегодно успешно защищают спортивную честь района, области и республики.

Развиваются как традиционные, так и новые виды спорта. К числу первых относится, например, вольная борьба — древнейший вид ногайского национального спорта. В наше время она продолжает пользоваться большой популярностью. В каждом районе имеется секция вольной борьбы. В спортивных командах по вольной борьбе появляются все новые чемпионы, которые с каждым годом совершенствуют свое мастерство и успешно выступают за спортивную честь своих команд.

То же относится и к конному спорту — издревле любимому виду спорта ногайцев. Им особенно увлекаются кумские ногайцы, рядом с которыми расположены конные заводы. Известен достижениями жокей международного класса А. Зекашев.

Растет количество спортивных сооружений. В Карачаево-Черкесии, например, сейчас имеются стадион с трибуной на 12 тыс. мест, свыше 50 комплексных спортивных площадок, 70 футбольных полей, 150 баскетбольно-волейбольных площадок и т. д.

В последние десятилетия особенно популярным стал футбол. Крупные предприятия, совхозы и колхозы имеют футбольные команды. Среди 20 команд, боровшихся за почетное звание в 1983 г., чемпионом Карачаево-Черкесии стал клуб «Юлдуз» (а. Эркин-Юрт). Ежегодно удачно выступают на краевом и областном первенстве и другие футбольные клубы «Шабден» (а. Икон-Халк), «Медеу» (а. Адил-Халк). Очень популярными стали волейбол, легкая атлетика и, как и в прошлом, шахматы. Для широкого развития этих видов спорта созданы необходимые условия во всех районах с ногайским населением Северного Кавказа.

Значительное внимание уделяется подготовке и сдаче норм ГТО школьниками, студентами техникумов и вузов, а также коллективами предприятий, учреждений, совхозов и колхозов. Все шире внедряется в повседневную практику производственная гимнастика, которой охвачено большинство лиц, работающих на заводах и фабриках.

Задачами спортивных организаций в современных условиях является вовлечение десятков тысяч юношей и девушек в физкультурное движение, расширение спортивных мероприятий, создание новых спортивных сооружений, дальнейшее развитие национальных и межнациональных видов спорта.

5.3. Народные знания

На протяжении веков народ вырабатывал эмпирические знания в различных областях жизни. Среди них на первом месте стоят знания в области народной медицины и ветеринарии. Многие наблюдатели отмечали, что в уходе за скотом и лечении его ногайцы не уступали ветеринарам [21].

Специалисты по лечению вывихов и переломов назывались «суьек уста», или «яракшы» (знаток костей). При вывихе или смещении поломанной кости ее приводили к нормальному положению путем вытягивания, вправления и массажа. На перелом накладывали дощечки-лубки и бинтовали тряпкой. Чтобы повязка затвердела, ее предварительно обмазывали тестом или намыливали. Известны были и другие способы фиксации кости. Поврежденный участок обматывали бинтом, смазанным яичным белком. В других случаях накладывали свежесодранную шкуру барана, которая ссыхалась и образовывала тугую повязку. Последний способ был известен и соседним народам, например, карачаевцам [22].

---

[21] Корнис. Указ. раб., с. 221; Павлов А. Указ. раб., с. 39; Бентковский И. Указ. раб., ч. 1, с. 88.

[22] Карачаевцы. Черкесск, 1978, с. 278.

При лечении желудочных и легочных заболеваний народные лекари применяли настои различных трав, молоко, масло. Как уже отмечалось, широко распространено было кумысолечение. Легочные заболевания лечили также барсучьим жиром, кислым молоком с толченым чесноком.

В период военной службы на Кавказе помощью ногайских знатоков народной медицины пользовался Л. Н. Толстой. Он писал: «Ногаец Аип лечил мое горло порошком чернильного ореха. Он уверяет, что гладкий орех полезен для мужчин, а шишковый для женщин»[23].

Для лечения открытых ран изготовляли мазь из топленого масла, яичного желтка, меда, пчелиного воска, муки. Нарывы и раны обкладывали подорожником (каратаспа), который вытягивал гной.

Маска ряженого «теке».

Известны были более двадцати болезней животных и способов борьбы с ними. Некоторые из них кажутся странными, другие вполне рациональны. Так при легочном заболевании животное заставляли утром проглотить кусок соленого мяса ежа. Для лечения легких использовали тюлений жир. При поносе теленку давали выпить теплую баланду из прожаренных отрубей, а затем хвост у кория завязывали красной материей. При поносе у коровы, помимо отмеченного способа, использовали следующий: толкли древесный уголь, сыпали его в теплую воду и вливали корове в рот. От той же болезни кормили верблюжьей колючкой (янтакъ). Если загнивалась рана и заводились черви, ее очищали палочкой и посыпали порошком из сушеной на солнце молодой полыни (ювсан), а затем завязывали.

Народный опыт накопил знания и о пользе грязей. На рану животному иногда накладывали озерную грязь. Рядом со станицей Железноводской были источники минеральной воды. Ногайцы издавна знали их целебные свойства. Эта вода «излечивала их от многих болезней, они опытом дошли, что она весьма значительно останавливала падеж их скота»[24].

Средством лечения были и кровопускания. Для этого с помощью специального инструмента из рога (къартыкъ) высасывали кровь. Если конь растягивал сухожилия, ногу ему выше колена туго завязывали. Овец после стрижки купали в воде с табаком. Глаза им лечили сахарным песком.

Большим бедствием для скотоводов являлись постоянные эпизоотии. От ящура (силекей) скот лечили вырезанием и прижиганием язв, давали нюхать горящую серу, разводили в воде и давали пить квасцы (ашув тас). Но тысячи голов скота погибали от сибирской язвы (карасан), оспы (шешек), чумы (оьлет, талав), против которых рационального лечения не было. Только в конце XIX в. был установлен карантинный контроль на дорогах в Закавказье, а также улучшена ветеринарная служба. Эти меры до некоторой степени способствовали уменьшению эпизоотий.

О религиозно-магических способах лечения людей уже говорилось выше. Сходными способами лечили и животных.

---

[23] Л. Н. Толстой на Кавказе. Подготовка текстов Б. С. Виноградова. Труды ЧИНИИ, т. III. Грозный, 1961, с. 80.

[24] СГВ, 1859, № 12.

В условиях кочевого скотоводческого быта у ногайцев не могли не получить развитие знания в области народной зоотехнии. Наблюдатели и путешественники не раз отмечали, что ногайцы — искусные животноводы.

В ногайском языке богато представлены названия всех видов, по мастям и полу, домашних животных. Общетюркские наименования крупного рогатого скота, коней, верблюдов, овец сохранились у ногайцев до настоящего времени. Длительный опыт дал скотоводам знания о различных качествах коней, крупного рогатого скота, овец. Опытный конник (атшы) мог предугадать в жеребенке его будущие наклонности: ходить под седлом, участвовать на скачках, быть умелым вожаком косяка. По различным признакам могли предсказать, много ли даст корова молока и какого оно качества. Так, считалось, что если у коровы, несмотря на отличный корм, отвислый живот, выступают ребра, хвост длинный, то она должна давать много молока. Слой перхоти (кайызгак) на хвосте и в ушах коровы указывал на жирность молока.

В скотоводческой практике народа встречались случаи, когда верблюдица не подпускала к вымени собственного верблюжонка. Тогда на помощь приходили музыканты-домбристы. Они подходили к верблюдице и играли специальный мотив — «оьрелетейим», который имитировал жалобное мычание верблюжонка.

В случае гибели окотившейся овцы ягненка приучали к другой овце. Если она не подпускала приемыша, прибегали к следующему способу. Чабан ладонью тер вымя овцы, а затем этой же ладонью — голову и спину ягненка. Принюхавшись после этого к собственному запаху, овца принимала чужого ягненка.

Если отмеченные приемы не давали желаемого результата, прибегали к мере, считавшейся крайней. Жеребенка, теленка или ягненка привязывали к столбу, подводили собаку и заставляли ее лаять. Кобыла, корова или овца бросались на защиту, а затем уже подпускали к себе «спасенного».

Прогнозы погоды у ногайцев делались как на ближайшие дни, так и на целые месяцы и времена года. Например, если утренняя заря красная — день будет плохим, вечерняя заря красная — день ожидается хороший, весной стоят туманы — к богатому урожаю, месяц при появлении смотрит вниз — к дождю, вверх или месяц прямой — к засухе.

Поведение птиц и животных помогало людям предугадывать изменения в природе. Ласточки летают низко над водой — к дождю, вороны скапливаются на одном месте и летают стаями — к резкой перемене погоды, скот много ест — к непогоде и т. д.

Видимо, с народными знаниями связан двенадцатилетний цикл календаря «муьшел», известного у тюрков уже в VII—VIII вв.[25] Дело в том, что «та или иная оценка года определяется преобладанием у данного народа земледельческого или скотоводческого хозяйства и принадлежностью оценщика к тому или иному слою населения»[26]. Ведя счет годам по названию определенного животного, народ верил приметам данного года. Но, исходя из названия, к одним годам относились положительно, к другим — отрицательно. В год зайца (къоян йылы), по поверью, урожай небогат, родившиеся дети — трусливы. «Если ногаец едет и встретит перебежавшего ему дорогу зайца, то это значит неуспех в предприятии. Если же, напротив, заяц побежит от него в сторону, то этим выражается исполнение пожеланий в будущем»[27]. Характеризуя год барса, говорили: «Барс йылында баьри битер, баьри битпесе — тары битер» («в год барса уродится все, если же не все, так просо вырастет»). Год змеи (йылан йыл) считали теплым, а значит, и благоприятным для припло-

[25] Захарова И. В. Двенадцатилетний цикл у народов Центральной Азии.— В кн.: Новые материалы по древней и средневековой истории Казахстана. Алма-Ата, 1960, с. 32; См. таблицу.

[26] Самойлович А. Н. К вопросу о двенадцатилетнем цикле у турецких народов.— Восточные записи, т. 1. Л., 1907, с. 160.

[27] ГАСК, ф. 249, оп. 2, д. 42, л. 148.

ЛЕТОИСЧИСЛЕНИЕ ПО ДВЕНАДЦАТИЛЕТНЕМУ ЖИВОТНОМУ ЦИКЛУ[28]

Год цикла	Наименование годов		Соответствие европейскому летоисчислению с начала XX века
1-ый	шышкан йылы	год мыши	1900, 1912, 1924, 1936, 1948, 1960, 1972, 1984, 1996
2-ой	сыйыр йылы	год коровы	1901, 1913, 1925, 1937, 1949, 1961, 1973, 1985, 1997
3-ий	барс йылы	год барса	1902, 1914, 1926, 1938, 1950, 1962, 1974, 1986, 1998.
4-ый	коян йылы	год зайца	1903, 1915, 1927, 1939, 1951, 1963, 1975, 1987, 1999.
5-ый	балык йылы	год рыбы	1904, 1916, 1928, 1940, 1952, 1964, 1976, 1988, 2000.
6-ой	йылан йылы	год змеи	1905, 1917, 1929, 1941, 1953, 1965, 1977, 1989, 2001.
7-ой	ат йылы	год лошади	1906, 1918, 1930, 1942, 1954, 1966, 1978, 1990, 2002
8-ой	кой йылы	год овцы	1907, 1919, 1931, 1943, 1955, 1967, 1979, 1991, 2003
9-ый	мешин йылы	год обезьяны (год божьей коровки)	1908, 1920, 1932, 1944, 1956, 1968, 1980, 1992, 2004.
10-ый	тавык йылы	год курицы	1909, 1921, 1933, 1945, 1957, 1969, 1981, 1993, 2005
11-ый	ийт йылы	год собаки	1910, 1922, 1934, 1946, 1958, 1970, 1982, 1994, 2006.
12-ый	донгыз йылы	год свиньи	1911, 1923, 1935, 1947, 1959, 1971, 1983, 1995, 2007.

да скота. Год лошади (йылкы йыл) — напротив, холодным, гибельным для скота из-за бескормицы[29]. Хорошим годом считался год овцы (кой йылы): будет хороший приплод, мало болезней. Как плохой рассматривали год свиньи, но, возможно, это уже под влиянием мусульманской религии, запрещавшей есть свинину. К числу дурных годов относили год курицы.

Многовековые наблюдения позволили народу дать названия отрезкам времен года в соответствии с их свойствами. Зима делилась на четыре отрезка: «казык батпас каракыс» (зима такая, что в землю кол не забьешь) — со второй половины декабря до восьмого января (по старому стилю); «кыс шилле» (зимний шилле, т. е. сорокадневный отрезок) — с восьмого января до 18 февраля, время ветров и сильных морозов; «уыт» — с 18 февраля до одиннадцатого марта; «бердази» — с одиннадцатого марта по семнадцатое марта, время холодного шквального ветра. Говорили:

Бердазидиҥ берем ели, берем-шереи этмея ели,
Анда бол да, мында бол, бердазиде уьйде бол
(Хлесткий ветер бердази, ветер, разбрасывающий все;
Там будь, здесь будь, а в бердази дома будь).

Говоря о двенадцатилетнем животном цикле, а также о делении зимы на четыре отрезка, следует отметить, что у ногайцев бытовало несколько календарных систем. Самым древним, видимо, был двенадцатилетний животный цикл, которым пользовались до конца XIX в. Старики и сейчас говорят, что родились в «год мыши», в «год барса» и т. д. Мусульманским летоисчислением и лунным календарем в большинстве случаев пользовались служители

[28] Ногайско-русский словарь. Под ред. Н. А. Баскакова. М., 1963, с. 493.
[29] П. З., декабрь, 1977, а. Тамаза-Тюбе, Атауаджиев Аьнекдя, 74 года.

культа, а в жизни народа оно не получило сколько-нибудь широкого применения. Самым распространенным календарем был восстановленный фольклористом А. И. Сикалиевым народный. Началом года считался март (навруз ай — месяц нового года), затем шли апрель (коькек ай — месяц удода), май (курал ай — месяц расцветания), июнь (тамбыз), июль (цилле), август (сары-тамбыз), сентябрь (кырк кийик — месяц диких зверей), октябрь (казан ай — месяц котла), ноябрь (караша ай), декабрь (карагыс — большая зима), январь (каныытар — заставит попрошайничать), февраль (уыт)[30], который следует считать хозяйственным.

С включением ногайцев в состав Российской империи среди них распространился также и юлианский календарь. Точное время его распространения указать трудно. Интересно то, что ногайцы название каждого месяца по юлианскому календарю переделывали и осмысливали по-своему: январь — яны бар (дух есть), февраль — бери бар (есть здесь), март — мырат (мечта), апрель — этер эл (сделает страну), май — май (масло), июнь — уьйин (собирай и складывай), июль — ийин (нагибайся), август — авыс (меняйся), сентябрь — сенде бар (у тебя есть), октябрь — окта бар (есть на стреле), ноябрь — ная бар (ная есть), декабрь — теке бар (козёл есть)[31].

Дни летнего и зимнего равноденствия ногайцы называли «куьнделим». Год делился на четыре части: кыс (зима), язлык (весна), яз (лето), куьз (осень). Возможно, что в древности год делился только на две части — зиму и лето. Об этом говорят бытующие ныне поговорки «язы алтыай» (шесть месяцев лета) и «кысы алты ай» (шесть месяцев зимы). Отрезок времени с 13 июля по 22 августа назывался «яз шилле». Это было время сильной жары, когда выгорала в степи трава и не хватало воды.

Сосуществование в быту ногайцев нескольких календарей свидетельствует о различных этапах исторического развития народа и разнообразных этнокультурных влияниях. Все же наиболее стойко сохранялся древний двенадцатилетний животный цикл, по которому ногайцы старшего поколения и в настоящее время указывают дату своего рождения.

Степные кочевники не могли не иметь начатков астрономических знаний. «Небо их время, по небу они определяют точное время»[32],— писал Д. Шлаттер. Ночью время определяли по положению луны и звезд, а днем по солнцу. Знание звезд и их положения на небосводе позволяло определять стороны света.

Народная метрология ногайцев имела много сходного с метрологиями других народов. Большие расстояния — дороги, пашни, сенокос, пастбища — измеряли мерой «шакъырым» (1 км — от слова «шакъыр», т. е. позови, расстояние, на котором можно услышать человеческий крик). В основе большинства мер длины лежали размеры частей человеческого тела. Небольшие участки земли измерялись шагами (абыт). Длину дома, бревен и т. д. измеряли размахом рук (къулаш). В плотничьем и портняжном деле часто употребляли меру «ярым къулаш»— пол къулаша. Со временем эти меры были заменены саженью, аршином и метром, но и в настоящее время в портняжном деле широко пользуются такими старыми мерами, как «къарыс» (расстояние от конца большого пальца до конца мизинца при растянутых пальцах); «суьем» (пядь); «эли» (толщина пальца); «доьрт эли» (толщина четырех пальцев).

Для измерения объема сена, соломы пользовались мерой «къушакъ» (один охват руками, т. е. объятие). Мерой объема сыпучих тел был «саякъ» (четвертъ одной русской «меры»). Для измерения меньших объемов пользовались деревянными чашками «къырма аякъ», «шара», «тостакъай» и др.

---

[30] См.: Сикалиев А. Йыл токсаным итлап бил.— Шоьллик маяны, 1974, № 78; Этимология непереведенных названий месяцев неясна.

[31] Архив КЧНИИ, ф. 2, оп. 21, д. 14; Сикалиев А. И. Ногайские песни, т. II, л. 20.

[32] Schlatter D. Op. cit. S. 133.

Такие чашки не были стандартизованы и служили лишь для установления пропорций при разделе или при обмене товаров.

В качестве мер веса, наряду с русским фунтом, ногайцы употребляли «куьренке» 500 г. Три «куьренке» составляли одну «окъа». Вес в 2,5 пуда составлял одну «сабу». Для взвешивания применяли «шекки»— деревянный или железный безмен. Заводские весы появились в конце XIX в.

В основу большинства народных знаний лег многовековой опыт ведения хозяйства. Именно он позволил возникнуть различным знаниям по народной ветеринарии, зоотехнии, метеорологии, народному календарю, метрологии и т. д. Часть из них выдержала испытание временем и находит применение в наши дни.

5.4. Фольклор

Исторический путь ногайского народа оставил глубокие следы в фольклоре.

В ногайском народном творчестве представлены языческие заговоры и заклинания, древняя календарная поэзия скотоводов и землепашцев, песни, сопровождавшие ногайцев от рождения до смерти. Среди них широко распространены песни колыбельные, детские, игровые, трудовые, лирические, песни-назидания, частушки, казацкие, исторические.

Обрядовая поэзия ногайцев представлена свадебными и похоронными песнями, а также широко бытующими песнями-здравицами (алгыс) и песнями-проклятиями (каргыс).

Большой популярностью пользуются у ногайцев сказки, легенды, предания, «хабары» — рассказы о реальных событиях, лицах и «таварых» — народные прозаические повести с элементами художественного вымысла.

Особое место в ногайском фольклоре принадлежит народному эпосу. Наконец, большое развитие получило афористическое творчество — афоризмы, пословицы, поговорки, загадки.

А.-Х. Ш. Джанибеков.

Как и у всех народов, основными носителями и распространителями фольклорных произведений с древних времен были певцы, сказители и другие исполнители, выделившиеся из народной среды. Среди них самое почетное место занимали «йырау»— исполнители героических поэм. Лирические дестаны исполняли «бахшы». Популярны были «энгимеши» — рассказчики легенд и преданий, «эртегиши» — сказочники, «шешен» — знатоки пословиц, поговорок, загадок и афоризмов. Слово «шешен» означает «мудрый», «красноречивый». Всеобщей любовью пользовались «йыршы» — исполнители всех видов песен, «шыгышы» — исполнители частушек (шыг, дияр, инар, бейит), «бозлаушы» — ис-

полнители причитаний, «шуклаушы» — исполнители заговоров и заклинаний. Имена прославленных певцов прошлого, таких, как Коркут, Шез-баян, Кет-Буга Найманлы, Сыбра, Жиренше Шешен и многих других, ногайский народ бережно сохранил в памяти до наших дней. После Октября народные певцы и сказители своим искусством активно помогали ногайцам строить новую жизнь; партийные и советские органы окружили их заботой, организовывали публичные выступления и олимпиады.

В 1920-х годах крупнейшим певцом был Ажи-Молла йырау Ногман улы, погибший от рук врагов Советской власти. В 20—30-ые годы в Ногайских степях стали широко известны Муса йырау, Касым, а также Идрис Исхак улы, исполнявший цикл поэм «Сорок ногайских богатырей», Эстувган йырау, Узлюккен Амит кызы — исполнительница причитаний; на Кубани — Хаджи-Исхак Кумук улы, Бекмурза Исун улы (Болай йырау) и многие другие.

Из современных наиболее крупных исполнителей ногайского фольклора следует назвать в Ногайском районе Дагестана Курай Лукманова, Сулеймана Сарсеева, Юмали Аджимурзаева, Абдул-Керима Ганиева, Юманбета Койбакова, в Нефтекумском районе Ставропольского края — Зенда Кайбалиева, Ногмана и Магомета Колдасовых, в Шелковском районе Чечено-Ингушетии — Али-Киси Кадрашова, в Карачаево-Черкесии Хаджи-Исхака Кумукова, Халила Найманова, Хангерея Джемакулова и др.

Во всех торжественных случаях в жизни ногайца звучат песня, поучительный рассказ, устраиваются состязания исполнителей. Стихотворные жанры ногайского фольклора неразрывно связаны с фольклором музыкальным.

Большинство ногайских музыкальных инструментов до нас не дошли. Среди сохранившихся имеются такие, как кобыз, домбра, дутар, сыбызгы, кабал, карнай, зурнай, даулбаз и др.

Современные народные сказители и певцы, в отличие от прежних, не являются профессионалами. Тем не менее они — главные хранители древнейших традиций сказительства.

Первые дошедшие до нас записи и публикации ногайского фольклора принадлежат Алибеку Шарапову[33] и относятся к 1830 г. Во второй половине XIX — начале XX в. стали широко известны фольклористы А. Архипов[34], М. Османов[35], Н. Семенов[36], В. Радлов[37], Ч. Валиханов[38], Г. Ананьев[39], П. Фалев[40].

Систематический сбор и научное изучение фольклорного наследия ногайцев начались только после победы Великой Октябрьской социалистической революции и связаны с именем А.-Х. Ш. Джанибекова. Результатом его тридцатилетней работы (1905—1935 гг.) среди всех групп ногайцев явилось создание рукописного четырехтомника, названного «Сокровищницей слов», куда вошли памятники ногайского эпоса, песенный фольклор, сказки и афористическое творчество[41]. А.-Х. Ш. Джанибеков опубликовал только часть своих запи-

---

[33] В частности, эпическая поэма «Эдиге» переведена А. Шараповым и А. Ходзько сперва на персидский, а затем на английский язык и издана в Лондоне в 1842. См.: Семенов Н. Туземцы Северо-Восточного Кавказа. СПб., 1895, с. 467.

[34] Кавказ, 1850, № 78, 79; 1851, № 27, 70, 71; Москвитянин, 1851, № 20, 24.

[35] Османов М. Ногайские и кумыкские тексты, СПб., 1883.

[36] Семенов Н. Туземцы Северо-Восточного Кавказа.

[37] Радлов В. Образцы народной лит-ры Северных тюркских пл., т. VII, СПб., 1896.

[38] Валиханов Ч. Соч. СПб., 1904.

[39] Ананьев Г. Карагогайские народные предания.— СМОМПК, вып. XXVII, 1900.

[40] Сб. музея антропологии и этнографии при Российской Академии наук; т. V, вып. 1. Пг., 1917; Фалев П. А. Арабская новелла в ногайском эпосе. Симферополь, 1915; его же. Введение в изучение тюркских литератур и наречий. Ташкент, 1922. Более подробно о собирании и публикации ногайского фольклора см.: Сикалиев А. История собирания и публикации ногайского фольклора.— ТКЧНИИ, серия филологии, вып. VI, 1970.

[41] Джанибеков А.-Х. Соь казнасы, тт. 1—4, ф. КЧНИИ. Более подробно о А.-Х. Джанибекове см.: Сикалиев А. И. Жизнь и деятельность ногайского просветителя А.-Х. Джанибекова. ТКЧНИИ, сер. филологии, вып. VII, 1973.

сей[42]. Собиранием и публикацией ногайского фольклора немало занималась С. А. Джаннибекова-Калмыкова[43] и продолжает заниматься фольклорист А. И. Сикалиев[44]. В результате проводимых А. И. Сикалиевым с 1966 г. фольклорных экспедиций собран обширный материал, который хранится в рукописных фондах КЧНИИ.

Ногайский народный эпос насчитывает в своем составе десятки богатырских поэм (баһтир йырлары) и лирических дестанов (ашыклык дестанлары), которые не связаны друг с другом сюжетно. Богатство, а также научное и культурное значение ногайского эпоса даже по дореволюционным, далеко не полным публикациям отмечены Ч. Валихановым[45], В. В. Бартольдом[46], П. А. Фалевым[47], В. М. Жирмунским[48] и другими крупнейшими учеными нашей страны.

Наиболее известны поэмы: «Ахмет, сын Айсыла», «Копланлы батыр», «Эдиге», «Мамай», «Манаша», «Манашы улы Туякбай», «Эр Таргыл», «Мусевке батыр», «Шора батыр», «Адиль-Солтан», «Сорок ногайских богатырей», «Карасай-Казы», «Эр Кусеп», «Эр Косай», «Аманхор», «Эр Кокше», «Камбар батыр» и др.

Исторические факты, имена исторических личностей, этнографические данные, а также топонимика и гидронимика, которые содержатся в ногайском эпосе, позволяют исследователям определить эпоху и территорию формирования ногайских эпических поэм. В основе большинства их лежат исторические события, которые происходили в жизни ногайских государств в лице Большой и Малой Ногайских Орд и Астраханского ханства, занимавших в XIII—XVII вв. степное пространство между Иртышом и Дунаем, включая и степи Северного Кавказа.

Эпос ногайцев сложился относительно поздно — в XIV—XVII вв., т. е. после того, как уже сложились ногайский народ и его государственность, когда социальное развитие и классовое расслоение в ногайском феодальном обществе достаточно определились. Он отличается реалистическим изображением действительности, историчностью, отсутствием религиозного фанатизма.

В эпосе сильно выражен классовый антагонизм. Основным его содержанием является изображение народного героизма. Народность поэм состоит прежде всего в идеях защиты Родины от внешних врагов и борьбы с эксплуататорами. «Только там появлялась народная поэзия,— писал Н. Г. Чернышевский,— где масса народа волновалась сильными и благородными чувствами, где совершались силою народа великие события»[49].

Такими периодами в истории ногайских племен были борьба с монгольскими завоевателями в XIII в. и золотоордынскими ханами в конце XIV в., междоусобная борьба ногайских князей в XVI в. и борьба с джунгарским нашествием в XVII в. При всем этом обострялась социальная борьба трудового люда против произвола мурз и ханов.

Произведения ногайского эпоса представляют собой ценный источник наших знаний о развитии народного мироощущения. Эпос запечатлел не только ратные подвиги народа, его борьбу против эксплуататоров, но и хозяйство,

---

[42] Джаннибеков А.-Х. Карайдар ман Кызыл-Гуьл. М., 1928; его же. Авыл поэзиясы. Махачкала, 1935; Джаннибеков А.-Х., Даутов С. Халк йырлары эм эртегилери. Пятигорск, 1940.

[43] Изданы его сборники: Йырлар, эртегилер, айтувлар... Черкесск, 1955; Ногай халк такпаклары. Черкесск, 1963; Ногай эртегилери. Черкесск, 1967; Ногай халк йырлары. Запись С. Калмыковой и А. Сикалиева. Составление С. Калмыковой. Предисловие А. Сикалиева. М., 1969.

[44] Айт десенъиз, айтайым. Запись и составление А. Сикалиева. Черкесск, 1971; его же. Сынап карап, сырласып. Черкесск, 1975.

[45] Валиханов Ч. Соч., с. 70—71.

[46] Бартольд В. В. Соч., т. 2, ч. 1. М., 1963, с. 797.

[47] Фалев П. А. Введение в изучение тюркских литератур и наречий. Ташкент, 1922, с. 12, 14.

[48] Жирмунский В. М. Тюркский героический эпос. Л., 1974, с. 502.

[49] Цит. по кн.: Устное поэтическое творчество русского народа. М., 1954, с. 384.

общественный строй, быт, обычаи, идеалы ногайцев давно минувших эпох. Если в поэме «Ахмет, сын Айсыла», повествующей о событиях середины XIV в., преобладают мотивы борьбы за создание семьи, освобождение личности и уничтожения сословных привилегий, то в «Эдиге» в конце XIV в. на первый план выдвигаются идеи создания ногайского государства. В эпоху распада Золотой Орды и борьбы народов, входивших в ее состав, за создание своей государственности, ногайский эпос «Эдиге» с его антизолотоордынской направленностью нашел широкое распространение среди казахских, каракалпакских, татарских, башкирских, узбекских, туркменских племен [50].

Наиболее многочисленны те поэмы, в которых народ воспевает героев-батыров — выходцев из трудового народа, поднявшихся на борьбу против несправедливости ханов, против социального неравенства. К этой группе следует отнести поэмы «Копланлы батыр», «Аманхор», «Шора батыр», «Эр Косай» и др. Главные герои, чьими именами названы эти поэмы, являются носителями лучших качеств народа — любви к трудящемуся человеку, с которым их связывает общее происхождение, трудолюбие, героизм и стремление к справедливости. Отношение, в частности, богатыря Копланлы к господствующему классу ясно видно в следующих его словах:

Кровопийцы, нечестными рожденные,
Не насытившиеся кровью, пиявки голодные,
Есть на земле люди, мурзами названные,
Нам с ними тесен мир просторный [51].
(Подстрочный перевод А. Сикалиева)

Только обратившись к простым труженикам, Копланлы находит верных единомышленников, с помощью которых он в конце концов побеждает Алшангир-хана. Нелегко дается герою его успех. Каждая победа над противниками требует от батыра напряжения сил, но герой не одинок — везде и всюду он находит боевых товарищей.

Так же полны энергии, как и Копланлы и его жена, Косай, Мусевке и Аманхор. В поэмах «Мамай», «Ормамбет», «Сорок ногайских богатырей», «Карасай-Казы» красной нитью проходит идея бессмысленности и пагубности для народа междоусобных войн князей и мурз, необходимости укрепления единства и сплоченности ногайцев для успешной защиты от внешних врагов.

Из богатырских поэм, связанных с темой борьбы с иноземными захватчиками, выделяются «Манашн», «Эр Таргыл», «Сорок ногайских богатырей».

Как правило, действие большинства поэм происходит в пределах ногайского государства. При этом ни в одном произведении действия не локализуются в пределах рода или племени, во главе всего государства стоит хан, неизменно характеризующийся в эпосе как деспот, эксплуататор, покровитель мурз и баев, непримиримо противопоставленный богатырю. Так, Копланлы батыр борется с Алшангиром («Копланлы батыр»), Таргыл с Кандазой («Эр Таргыл»), Мусевке с Бура-ханом («Мусевке батыр»), Шора с Али-беем («Шора») и т. д. Эпос рисует картину ханского двора. Здесь, кроме мурз и визирей, присутствуют «кусшы» — сокольничий, «сыншы»— начальник конюшен хана. В эпосе фигурируют купцы (савдегер), караваны (керван), казначеи (казнашы), лавочники. Ханы, мурзы, визири — отрицательные персонажи. Служители культа — муфтии, шейхи, кадии, суфии и муллы — в эпосе выведены как жадные, жестокие, лицемерные люди. Напротив, простых людей — охотников, табунщиков, чабанов, певцов, дружинников — эпос рисует с любовью и теплотой.

Ногайский эпос отразил быт как кочевых («Эдиге», «Эр Косай», «Мамай»), так и оседлых («Ахмет», «Шора», «Мусевке») ногайцев, как городских

[50] См.: Жирмунский З. М. Тюркский героический эпос, с. 351—354.
[51] Сикалиев А. И. М. Ь. айская героическая поэма «Копланлы батыр».— Сб.: Вопросы фольклора народов Карачаево-Черкесии. Черкесск, 1983, с. 28.

(«Адиль-Солтан», «Ахмет», «Копланлы батыр»), так и сельских («Манашы», «Эр Кусеп») жителей. Если бедняк влачит жалкое существование в дырявой юрте, то ногайская аристократия, как правило, праздно живет в крепостях, городах, в укрепленных ханских ставках.

К лирическому эпосу ногайцев относятся дестаны «Боз-йигит», «Козы-Корпеш и Баян-Слу», «Толеген и Кыз-йибек», «Ариз и Ханбер», «Шах-Исмаил», «Кеман и Асимхан», «Тахир и Зухра», «Ашик-Карип», «Корогул» и др. Здесь в отличие от героического эпоса, где отражены взаимоотношения ногайцев с другими народами, его внешняя и внутренняя борьба, выступает жизнь, общественные взаимоотношения народа, его обычаи, бесправное положение женщины и т. д. Главные герои лирических поэм борются за свое счастье, за любовь, за человеческое достоинство.

«Боз-йигит» повествует о трагической любви юноши Боз-йигит и ханской дочери Сахиб-Ямал. Поэма покоряет богатством и красочностью языка, описанием чистоты чувств влюбленных. Однако они наткнулись на непреодолимое препятствие в лице хана — отца девушки, который и слышать не хочет о браке дочери с пришельцем Боз-йигитом. Хан собирается выдать дочь за царевича Зейтуна.

Я не променяю на золотой дворец
Одну волосинку Боз-йигита [52],—

заявляет Сахиб-Ямал своему отцу. Но влюбленные обречены. Боз-йигита убивает жестокий отец его возлюбленной, а обезумевшая от горя девушка кончает с собой над трупом юноши.

Так же трагична судьба главных героев дестанов «Козы-Корпеш и Баян-Слу» и «Тахир и Зухра». Эти памятники народного искусства также ярко повествуют о том, как народные герои предпочитают смерть жизни без любви.

В лирических дестанах, как и в богатырских поэмах проза чередуется со стихами, объясняя обстоятельства возникновения песни.

Одним из древнейших жанров ногайского фольклора, кладезем народной мудрости и своего рода кодексом морали являются сказки. Научное изучение ногайских сказок еще не начато. Не проводилась и серьезная собирательская работа. До сих пор изданы только три небольших сборника сказок [53]. Но и из них видно, что сказочный эпос глубоко оптимистичен. Высказывание А. М. Горького о том, «что фольклору совершенно чужд пессимизм, невзирая на тот факт, что творцы фольклора жили тяжело и мучительно» [54], полностью относится и к ногайским сказкам.

Ногайские сказки составляют три цикла: о животных, волшебные и бытовые. Во всех них богачу противостоит бедняк («Шахархан»), злу — добро («Шах-Исманл»), глупому — сметливый умелец («Три брата»), трусу — храбрец («Золотая птица») и т. д.

Создавая сказочный эпос, трудовой народ роль злых, глупых, трусливых и жестоких отвел ханам, мурзам, богачам и представителям духовенства, которым противопоставлены положительные герои, выходцы из простого народа.

Сказки о животных, по-видимому, представляют собой наиболее древний пласт. В них мы видим преобладание диких животных над домашними. Сказки о животных, как и волшебные, выросли из древних поверий и мифов, где звери и окружающая природа наделялись человеческими свойствами — уменнем мыслить, говорить, жалеть слабого. Они проникнуты остатками анимистических и тотемистических воззрений древнетюркских племен.

В сказках «Золотой петух», «Ласточка и комар», «Глупый волк», «Почему исчезли орлы?» и др. осуждаются кровожадность, зло, несправедливость. Хищные животные, олицетворяющие эксплуататоров, часто оказываются побежденными не силой, а сметливостью своих жертв.

---

[52] Ногай халк йырлары, с. 59.

[53] Ногай эртегилери. Сост. С. Калмыкова. Черкесск, 1967; Ногайские народные сказки. Сост. А. Ногай. М., 1979; Алал косак. Сост. Т. Акманбетов. Черкесск, 1985.

[54] Устное поэтическое творчество русского народа. М., 1954, с. 538.

В волшебных сказках, несмотря на наличие древнейших мотивов, четко видны классовая дифференциация и антагонизм. Центральное место в них занимает народный герой, бедняк. Его непримиримыми врагами, с которыми он ведет борьбу, являются жестокие и жадные ханы, мурзы, коварные ведьмы (обур куртка), людоеды (елимаузы), драконы (аздаха), а также такие персонажи, как отец или старший брат, мешающие влюбленным устроить свое счастье.

В сказках «О храбром молодце», «Сорок небылиц», «Находчивый парень», «Кровожадный хан» и др. бедняку удается победить или убить хана, во всяком случае, заставить уступить. Сказки «Бугай Озерный», «Карабатыр и серый конь», «Падишах нечистых сил» и др. показывает борьбу народа в лице его лучших представителей с враждебными и таинственными силами природы.

Широко распространены и пользуются большой любовью бытовые сказки. Они многочисленны и в сюжетном отношении разнообразны. Герои бытовых сказок — обыкновенные люди, действующие с помощью не волшебных предметов и всесильных помощников, а реальных личных положительных качеств — ловкости, смекалки, ума, храбрости. Врагами положительных героев также являются вполне реальные представители эксплуататорских классов — ханы, баи, кулаки, ростовщики. В большинстве ногайских бытовых сказок («Одинокий парень», «День — месяцу родня», «Охотничья овца», «Старик Женали» и др.) восхваляют ум, трудолюбие, мастерство, верность в дружбе, осуждается жадность, трусость, жестокость и другие пороки. Идеи сказок направлены не только против угнетателей, но и против всех носителей человеческих пороков, что хорошо видно, например, в сказке «Ленивая дочь бая»[55].

Своеобразна и поэтика ногайской сказки. Зачин ее настраивает слушателя на определенный лад, создает эмоциональный фон, подчеркивает древность происходящих в сказке событий, когда еще существовали чудеса. Для многих волшебных сказок характерен такой зачин: «В давно прошедшие времена, когда была четырехлетняя коза, когда дочь хана была судьей, когда были деревянное сито, каменное корыто, был, оказывается, некто, кто, вскипятив чистую воду, снимал сливки, муравьев превращал в овец... Вот тогда же был один...» Зачин других сказок следующий: «В древние времена, когда на льду росла пшеница, когда с гиком её жали серпом, когда грач был судьей, а дочь хана была колдуньей, жил-был бай...»

Конец сказки почти всегда счастливый: герой побеждает, зло наказано, положительные герои и народ начали лучшую жизнь.

Большое развитие получило у ногайцев афористическое творчество. В пословицах (такпаклар), поговорках (айтувлар) и загадках (юмаклар) запечатлены вековые наблюдения народа, его мудрость и жизненный опыт. В них отразились представления минувших поколений о призвании человека, о труде, о добре и зле, о религии и т. д.

Среди этих кратких, чрезвычайно метких изречений по любому поводу, для любого явления и поступка людей имеются готовые, проверенные веками образцы характеристик, объяснений и советов. «В простоте слов,— говорил А. М. Горький,— самая великая мудрость, пословицы и песни всегда кратки, а ума и чувства вложено в них на целые книги»[56].

Любовь к своему народу и Родине выражена в поговорках: «Родная земля — рай, а вода в ней — щербет», «Чем быть падишахом в Египте, лучше быть чабаном на Родине», «Пороки дерева исправляет рубанок, пороки человека — народ»[57].

Поговорки и пословицы воспитывают любовь к труду: «У кого летом мозг кипит, у того зимою котел кипит»; «Паши сорок лет — дойдешь до золота»; «Доля лежащего достается работающему», высоко оценивают мужество,

---

[55] Егорова Л. П. Изучение фольклора народов Карачаево-Черкесии. Ставрополь, 1964, с. 41.

[56] Горький М. Материалы и исследования, т. I. М., 1934, с. 114.

[57] Ногайские пословицы и поговорки. Черкесск, 1963.

гостеприимство, ум, единство, дружбу: «Смелый умирает — слава остается», «Когда храбрый воодушевляется — сила удваивается», «Когда шестилетний приходит в гости — шестидесятилетний поднимается навстречу», «Гость старше отца», «Нет на свете богатства лучше ума», «Богатство не в богатстве, а в единстве», «Что с другом случится, что с тобой — одно и то же». Резко осуждаются многоженство, обжорство, болтливость и другие пороки: «У кого две коровы, у того больше айрана, у кого две жены, у того больше вайрана (ссоры)», «Если рот даже полон крови, не плюй перед врагом». Интересны пословицы и поговорки о религии. Жадность мулл заклеймена такими образными пословицами: «Мулла — курица для тех, у кого просо, кошка для тех, у кого мясо»; «Не подходи близко к мулле, если ты разбогатеешь — сам прибежит к тебе» и т. д.

З. А. Кайбалиев.

Загадки, восходящие к глубокой древности, служили средством испытания ума, развивали наблюдательность, смекалку, помогали глубже познавать окружающий мир. Они передавали подрастающему поколению накопленный опыт и знания предков. Загадки были особенно популярны среди детей. Существовала игра в загадки, один называл приметы предмета или явления, другой должен точно назвать последние. Если отгадывающий не мог отгадать загадку, он должен был откупиться, «отдав» задающему село. Объектом загадок служили явления повседневной жизни и природы.

Неизменной спутницей ногайцев всегда была песня, сопровождавшая их от рождения до смерти. Она служила и оружием, и утешением народа в его борьбе за лучшую жизнь. С древнейших времен слово у ногайцев приравнивалось к оружию. И сейчас бытуют выражения: «Айтылган соьз атылган ок» («Произнесенное слово есть выпущенная стрела»); «Айткан соьз оьтпегенге — соккан таяк та оьтпес» («Кого не смог убедить словом, того не сможешь и палкой»), «Яхшы соьз-ян азык, яман соьз-бас казык» («Доброе слово есть пища для души, а недоброе — надмогильный камень»).

Древней формой словесного искусства ногайцев была обрядовая поэзия: языческие заговоры и заклинания, древние здравицы, календарно-обрядовые и семейно-обрядовые песни, которые характеризовали бытовые устои и обычаи народа. Существовали заговоры для избавления людей и скота от различных болезней, от укуса собаки, змеи. При этом обращались к богу неба Тангри, к духу предков Арваку, к покровителю богатырей Периште, к молодой луне, к древнему языческому святому Коркуту, к разведенному костру, к пауку. Существовали заклинания от сглаза и неразделенной любви и вредоносные заклинания, которые должны были напустить болезнь, внести раздор в семью, испортить скакуна, охотничьих собак и ловчих птиц.

Большое значение придавалось гаданиям, к которым часто прибегали герои эпоса и сказок. Колдуны и гадальщики пытались предсказать будущее, определить характер детей, разгадать замыслы врагов, воздействовать на ход событий. Чаще всего гадали на лопатках животных, на гребенках и саблях,

сопровождая действия словесными заклинаниями. Влюбленные гадали с помощью куриного яйца, простокваши и ложки.

Большой интерес представляет календарная поэзия, уходящая в седую древность и связанная с трудовой деятельностью. Она включает в себя песни, афоризмы, здравицы, заговоры, музыку, танцы и хороводные игры. Основной целью участников церемоний было обеспечение хорошего приплода скота, урожая посевов, счастья и достатка в семье.

Наступление марта, с которого начинался новый год, и апреля, когда пробуждалась степь, появлялась свежая зелень и клеймили скот, народ встречал празднично, устраивал пышный сабантой, молодые люди с веткой кустарника ходили по дворам, исполняли песни «Навруз наступил», «Кокек батыр»[58], требуя подарков и угощения.

Весенние полевые работы начинались с песни первой борозды. В засушливые годы дети обращались к солнцу со словами: «Куьн-айым кет, кет, салкын-айым кел, кел!» («Жаркое солнце уходи, уходи. Влажный месяц приходи, приходи!»). Во время вызывания дождя, обращаясь к богу неба Тангри, пели песню о черной телке, легкие и печень которой приносились в жертву божеству.

В течение всего года исполнялись песни, посвященные земледельческому и скотоводческому труду народа. Одна из древних аграрно-обрядовых песен «Тары, бийдай биз шаштык...» («А мы просо и пшеницу сеяли...») пелась двумя рядами девушек и парней, стоявших на незначительном расстоянии друг против друга. Девушки представляли земледельцев, готовых защитить свои посевы, а парни — всадников, угрожавших затоптать эти посевы. Песня кончалась тем, что парни оставляли посевы в покое, а девушки уступали им одну красавицу. Таким же образом исполнялись игровые песни: «Коьктеги не ди?» (А что на небе?), «Аймелек-Айгерек», «Ишкенинъ не ди?» (А что вы пили?).

Значительно шире репертуар обрядовой поэзии. Рождение ребенка, первое пеленание, бритье головы, наречение имени сопровождались специальными песнями и здравицами. В этом цикле особую группу составляют свадебные песни.

Традиционно ногайская, как и всякая свадьба, имеет важное общественное и хозяйственное значение и представляет собой сложный комплекс обрядовых действий, сопровождаемых песнями, прибаутками, диалогами между ее участниками. Продолжительность ногайской свадьбы в древности отражена в словах: «Отыз куьн ой, кырк куьн той» («30 дней обдумывания, 40 дней пиршества»). Обычной была упорная борьба между женихами — претендентами. В условия борьбы входили скачки, стрельба, разгадывание загадок, игра в шахматы, исполнение песни. Победитель соревновался уже с самой невестой, догоняя на своем коне скачущую девушку. Отсюда ногайская идиома: говорят не «девушка вышла замуж», а «девушка убежала»[59].

В песнях сватания (Кыз-арув) подчеркивались достоинства невесты и ее родителей. Имелись песни прощания «сыньсув» (плач невесты) девушки с родителями, которые она пела при отъезде в аул жениха. Тут же происходил диалог в песнях между невестой и ее братом, между невестой и дружкой жениха. По пути в дом жениха пелись хоровые песни. В доме жениха свадебный поезд встречали «Песней привода невесты» (Кыз келтируьв). В ходе различных свадебных церемоний пелись песни «Той баслар» (Начинающая свадьбу), «Яри-яр», «Беташар» (Открывающая лицо невесты), «Алгыс» (Перед едой). Последняя заключала в себе благопожелания новобрачным. Завершалась свадьба песней «Той таркатув» (Конец свадьбы). Особое место среди этих песен занимает песня «Беташар»— своеобразный кодекс наставле-

[58] Айт десенъиз, айтайым.— Запись и составление А. Сикалиева. Черкесск, 1971, с. 90, 91.

[59] Об исторических корнях этого обычая см.: Краулей Э. Мистическая роза. Исследование о первобытном браке. СПб., 1905.

ний для невесты. Пелась она чаще женщиной, близкой родственницей жениха, которая восхваляла невесту, затем перечисляла ее обязанности, и в конце знакомила с родственниками жениха.

Как уже отмечалось, в господствующих классах широко бытовало многоженство. Но народные массы осуждали его в поговорке: «Бир пишели алгыста оьлер, эки пишели каргыста оьлер» («Мужчина с одной женой умрет, осыпанный благодарностями, с двумя женами — проклятиями»).

Важную по своей художественной значимости и эмоциональному воздействию на слушателей роль играла обрядовая поэзия, связанная со смертью человека. Песни-оплакивания — один из самых древних видов обрядовых песен. Они — неотъемлемая часть древней ногайской эпической поэзии, содержащей в своем составе образцы этого жанра, и представлены в словаре Махмуда Кашкари и орхоно-енисейских надписях V—IX вв.— древнейших тюркских литературных памятниках. Похоронная поэзия представлена циклами песен: «Хошласу», «Эстирту», «Бозлау», «Тонау», «Йоклау», «Юбанту».

Хошласу — предсмертное прощание с жизнью и со всем, что было дорого умирающему. Иногда хошласу также пели люди, которые навсегда прощались с родной землей. Эстирту — песня горестного известия о смерти близкого человека. Родные в ней извещаются очень деликатно, с большой осторожностью. Песни хошласу и эстирту глубоко поэтичны.

Бозлау — похоронные плачи, которые широко бытуют в народе по сей день. Плачи-бозлау создавались и исполнялись женщинами. Плачам свойственны образность и афористичность. Если бозлау исполнялись непосредственно после смерти человека, то йоклау и юбанту — некоторое время спустя. Это — плачи-воспоминания и успокоения близких умершего. Приглашавшиеся для оплакивания профессионалки-плакальщицы и певцы тут же слагали песни о подвигах умершего.

Обрядовая поэзия — свидетельница различных эпох, отражение народных обычаев и поэтому имеет познавательную ценность.

Одно из центральных мест в дореволюционном песенном фольклоре ногайцев занимали казацкие песни (казак йырлары). Как уже говорилось, «казаковать» у ногайцев означало искать счастье на чужбине или мстить богачам за обиды. «Казаковать» шла беднота, поэтому в любой «казацкой» песне присутствует тема социального неравенства и активного протеста. О долге «казака» сказано в «Песне жены казака».

У меня есть муж-казак,
Но если его скакун
Не переговит байского,
Если он не сможет саблей
Пробить ханскую кольчугу,
Хвастливую ханум
Не привяжет к конской гриве,
Обманщика богача
Не затопчет копытом,—
— Такого мужа и знать не хочу!

В другой песне казак угрожает богачам:

Сытая лошадь голодной зимой
Тоньше веревки станет.
Бай, что кичился толстой сумой,
Нищим, плешивым станет [60].

В казацких песнях высмеиваются высокомерие, трусость, жадность, отражается мечта обездоленного народа о справедливой жизни.

Важное место в песенном фольклоре ногайцев занимали трудовые песни. Исследование первобытных форм песни показало, что «возникновение ее надо связывать... особенно с трудовым процессом»[61]. Песня не была простым развле-

[60] Песни ногайцев. Перевод Н. Капиевой. Ставрополь, 1949, с. 25.
[61] Радциг С. И. История древнегреческой литературы. М., 1969, с. 33.

чением, а имела практическое значение — помогала в работе и организовывала ее. Так, в процессе труда ткачей и портных у ногайцев родилась старинная песня «Чекмень»[62]. Исполняя ее, певица изображала ту работу, о которой пела. Ногайцы-скотоводы много песен посвятили разведению четырех основных видов скота: верблюдов, крупного рогатого скота, лошадей и овец. Воспевая животных и восхищаясь выращенными тяжким трудом стадами, часто ему не принадлежавшими, певец требовал уважения к скотоводу. Бедняк больше всего ценил корову, от которой зависело его существование. Он не уставал петь: «Вымя — молочный родник, навоз — света источник, затылок хлеб рождает, запряжешь — станет быком, оседлаешь — он скакун, скот обездоленного — корова». Такие трудовые песни, как «Чекмень», «Охота с соколом», «Песня батрака», «Плохая лошадь» и др., знакомят с характером повседневного труда бедняка.

Среди лирических песен самая большая и популярная группа — любовные песни, воспевающие красоту человека, храбрость джигитов, чистые, возвышенные чувства любящих. Но эти возвышенные чувства редко рисуются как радость. За любовью молодых идет горькая разлука. Красной нитью проходит через эти песни тема неравенства. Часто это неравенство одновременно экономическое и возрастное: молодую девушку насильно берет богач-старик («Сары-кыз», «Девушка без имени», «Ручеек» и др.).

В игровых и сатирических песнях элегический тон переходит в шутливо-саркастический, и тогда осмеянию и насмешке подвергаются неудачники, гордецы, скряги, лентяи.

Таким образом, в дореволюционных ногайских песнях, как в зеркале, отражены основные стороны жизни народа — его труд, борьба и нравственный облик.

После Великой Октябрьской социалистической революции многое в традиционном фольклоре ногайцев сохранилось: не только пословицы, поговорки и т. д., но и значительная часть таких песен, как свадебные и похоронные, не говоря уже о замечательных эпических произведениях. Но теперь в фольклор, в особенности песенный, вошли новые темы. Нынешняя песня ногайца полна радостной уверенности в своем завтрашнем дне. Это песни о партии, о труде, который стал радостью для людей, о любимой Родине, и, конечно, о любви.

В песнях советского периода ногайский народ не только гордится своей счастливой судьбой, но он полон радости за судьбу всей страны. Таковы песни «Матери», «Ногайка», «Приезжай на Алтай», «Карагогай мой» и многие другие.

Песни, рожденные в годы Великой Отечественной войны, отличаются высоким патриотизмом, ненавистью к захватчикам, прервавшим мирный труд народов нашей страны. В песнях, сложенных на фронтах, раскрываются все ужасы войны, лишения фронтовиков и выражается уверенность, что враг будет побежден и понесет заслуженную кару. Победа над захватчиками — основной мотив песен, сложенных ногайцами на фронте и в тылу. Среди них большой популярностью пользуются песни «Мурат»,«Каплан-Герей», «Иду я на фронт» и др., воспевающие мужество и отвагу тех, кто пал в борьбе за независимость Родины.

Народ поет о своих героях тепло и с гордостью. Недавно в а. Икон-Халк родилась песня «О тебе поет народ», успевшая стать популярной. В ней поется о славном сыне ногайского народа Халмурзе Кумукове, повторившем бессмертный подвиг Александра Матросова.

С созданием нового общества и изменениями в социальном положении ногайки коренным образом изменилось содержание песен о любви. В них уже нет места сетованиям на жестокую родню, невозможность соединиться с любимыми и т. п. Но, конечно же, тема разлуки и неразделенной любви — вечная тема, и она присутствует в репертуаре современных лирических песен.

---

[62] Песни народов Дагестана. Вступит. статья и сост. Н. Канневой. Л., 1970, с. 442.

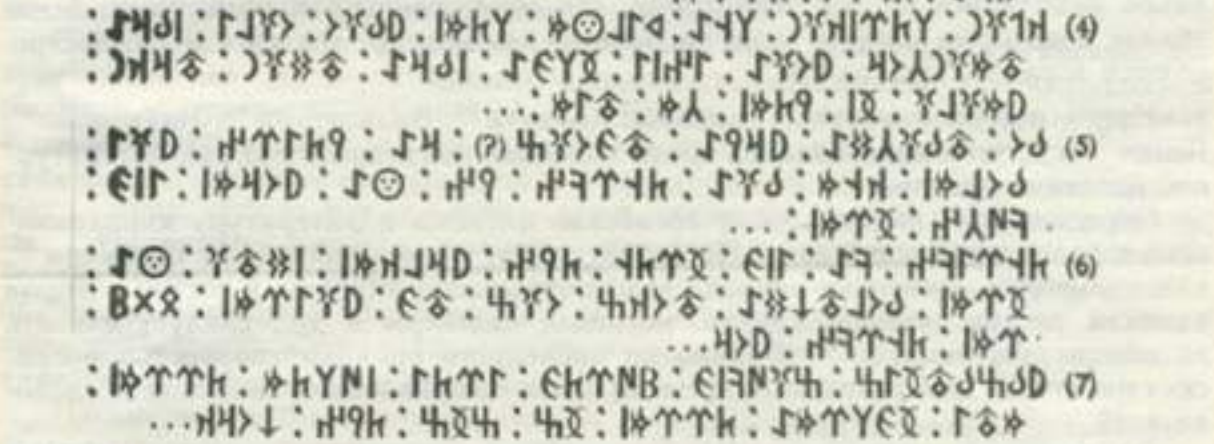
ОНГИНСКИЙ ПАМЯТНИК

(рис. 1, 2)

Памятник найден в 1891 г. Н. М. Ядринцевым у Тарамель (?), в бассейне Онгин, южнее Кошцун-Орхона. Памятник поставлен в честь Ильтэрес-ихгана (Гудулу, Кутлуг) и его жен Ильбильге-хатун — родителей хана Могилляна и принца Кюль — приблизительно между 690—705 гг., после смерти Гудулу-хана, которая случилась между 690—693 гг. (по китайским источникам).

Онгинский памятник — один из старых памятников.
Радлов, 246—252; Орхун, I, 129—139.

ТЕКСТ

Древнетюркская письменность

В большом количестве бытуют дияры (шиир), которые, подобно русской частушке, откликаются на все события в ауле, области или стране.

Трактор кружится в степи,
Весел стал наш труд, дияр!
Милый, домбру мне купи,
Струны пусть поют, дияр! —

пелось, например, в диярах — частушках 30-х годов.

Ногайские дияры — это несложные четверостишия. Обыкновенно они состоят из двух частей, в которых сопоставляются два явления. В настоящее время дияры — один из оперативных жанров ногайских песен. Исполняют на работе, вечеринках, свадьбах. В отличие от остальных песен, дияры не имеют определенных мелодий. Одна и та же мелодия может быть использована для различных текстов. И, наоборот, слова одной и той же песни можно петь на совершенно разные лады.

Устное народное творчество — культурное богатство ногайского народа, живой свидетель его жизни и борьбы. Оно и поныне служит народу одним из источников вдохновения, укрепляет веру в созидательные силы, питает его гордость достигнутым.

5.5. Литература

Литературные традиции ногайского народа уходят в далекое прошлое. Ногайские племена, выделившиеся из общей массы тюркских племен в начале XIV в., получили в наследство от своих предков сравнительно высокую культуру.

Литература племен, участвовавших в этногенезе ногайцев, развивалась в русле древней и средневековой общетюркской литературы[63]. К ней относятся, в частности, орхоно-енисейские рунические памятники V—VIII вв., «Книга гаданий» (IX—X вв.), «Словарь тюркских наречий» Махмута Кашкари и «Кутадгу билиг» Юсуфа Баласагуни (XI в.), творения Ходжа-Ахмеда Ясави и Сулеймана Бакыргани (XII в.), Ахмета Югнаки и Рабгузи (XIII в.), «Мухаббат-наме» Хорезми, «Нахджул-фарадис», «Хосров и Ширин» Кутба, «Кодекс Куманикус» (XIV в.) и многое другое[64].

Как наиболее «многочисленные из всех татар (т. е. тюрков) ногайцы играли большую роль в делах других татарских ханств Восточной Европы и Средней Азии»[65]. Поскольку ногайские племена в XII—XIV вв., как было сказано выше, занимали территорию между Иртышом и Дунаем, включая степи Северного Кавказа, и играли заметную роль в Золотой Орде, они, несомненно, участвовали в создании литературных памятников. Большинство древненогайских племен в эпоху создания орхоно-енисейских рунических памятников находились на той территории, где обнаружены эти памятники. А название некоторых племен (канглы, конгар или кангар, кенгерес и др.) встречаются в самих текстах[66].

Имена и художественные творения Коркута[67], Баласагуни[68], Найманлы[69], Ясави[70] и других пользовались среди ногайцев популярностью как литературное наследие предков.

Определенный вклад внесли ногайские племена в литературу караханидской и золотоордынской эпох. По справедливому замечанию Э. Н. Наджипа[71], «...письменные памятники периода золотоордынской империи, в состав которой входили татары, узбеки, казахи, ногайцы, башкиры и др., следует считать их общим достоянием»[72]. Однако до последнего времени творчество ногайских писателей дооктябрьского времени почти не привлекало внимание исследователей.

О ногайской литературе XIV — нач. XX вв. нельзя говорить, не касаясь письменности и письменного языка ногайского народа того времени. О наличии у ногайцев в XIV — начале XX вв. письменности свидетельствуют многочисленные исторические факты. Как уже упоминалось, тюркские племена с

---

[63] О генетических и культурных связях ногайцев с древнетюркскими племенами и народностями. См.: Сикалиев А. Древнетюркские письменные памятники и ногайцы.— СТ, 1970, № 4, с. 131—135.

[64] Кор-Оглы Х. Г. Узбекская литература. М., 1968, с. 30—31; История литератур народов Средней Азии и Казахстана. М., 1960, с. 124; Хамраев М. К. Основы тюркского стихосложения. Алма-Ата, 1963, с. 14—15.

[65] Очерки истории СССР. XIV—XV вв., ч. II. М., 1953, с. 466.

[66] Кляшторный С. Г. Кангюйская этно-топонимика в орхонских текстах.— СЭ, 1961, № 3, с. 54—63.

[67] Имя Коркута встречается в ногайской дореволюционной поэзии; его имя носил ногайский аул (см.: Кор-Оглы Х. Г. Туркменская литература. М., 1972, с. 48). Имеется тесная связь между «Книгой моего деда Коркута» и ногайским эпосом.

[68] Не случайно кувшин с надписями стихов из «Кутадгу билиг» Ю. Баласагуни найден именно в столице Ногайской Орды — Сарайчуке. (См.: Бартольд В. В. Соч., т. 2, ч. 1. М., 1963, с. 128, 256; Климович Л. И. Хрестоматия по литературе народов СССР. М., 1947, с. 358.

[69] Имя Кет-Бугы Найманлы встречается в ногайской дореволюционной поэзии, в частности, в произведениях ногайского поэта XVI в. Досмамбета Азаулы.

[70] Усманов М. А. Татарские исторические источники XVII—XVIII вв. Казань, 1972, с. 84.

[71] Наджип Э. Н. Кыпчакско-огузский литературный язык мамлюкского Египта XIV в. Авт. докт. дисс. М., 1965, с. 39.

[72] Усманов М. А. Татарские исторические источники XVII—XVIII вв. Казань, 1972, с. 65.

V в. по X в. пользовались древнетюркским руническим алфавитом [73]. С VIII в. среди них стала распространяться уйгурская письменность. М. А. Усманов, говоря о значении уйгурского письма для восточных регионов монгольской империи, пишет: «Несколько иную картину мы наблюдаем в Средней Азии, Восточной Европе XIII—XIV вв., то есть в «западных улусах» монгольской империи, где уйгурское письмо не получило всеобщего распространения. И это вполне понятно: население таких регионов, как Хорезм, Булгар, Северный Кавказ и Крым, уже были письменными — имели свой более или менее развитый литературный язык на основе арабской графики... Поэтому, несмотря на официальное положение уйгурской графики, она не смогла вытеснить арабо-тюркскую письменную традицию» [74]. Ногайские племена, проживавшие от Волги до Иртыша, приняв ислам, не сразу отказались от привычного для них уйгуро-найманского письма. Даже в XVIII в. в ногайской письменности арабская графика не могла окончательно вытеснить уйгуро-найманскую [75]. Все же с XVIII в. до 1928 г. ногайский алфавит уже строился на арабской графике.

Обширная дипломатическая переписка великих русских князей с ногайскими ханами и мурзами XV—XVII вв. сохранилась в архивных материалах Посольского приказа под названием «Ногайские дела». Часть их опубликована в целой серии томов [76]. Говоря о языке грамот и посланий ногайских князей и мурз, Г. Перетяткович писал: «Князья и мурзы ногайские грамоты свои в Москву писали обыкновенно на своёмъ языке, и оне для государя переводились толмачами въ посольскомъ приказе» [77].

В XV—XVI вв. состав переводной тюркской, в том числе ногайской, документалистики на Руси сильно пополнился. «Интересы усиливающегося русского государства,— пишет А. С. Дёмин,— требовали перевода грамот и посланий не только глав государств — ногайских и казанских царей, крымских ханов, турецких султанов, но... и посланий лиц гораздо менее значительных — мурз, купцов и т. д.; переводили... даже их письма к женам и братьям... Например, перевод грамоты ногайского мурзы Мусы... великому князю Ивану III, сделанный в 1490 г., четко и лаконично формулировал принципы дружбы и союзничества...» [78] ...«Ногайский говор также находил некоторый доступ к официальному языку международной переписки крымско-татарского ханского правительства» [79].

Письменность была необходима во внутригосударственном делопроизводстве ногайских ханств и в общественной жизни ногайцев XIV—XVII вв. Выдача ханских тарханных ярлыков [80], указов-фирманов, подсчет населения, налогообложение, подсчет войск, снаряжения и фуража, учет расходов казначейства на военные и государственные нужды, подготовка служителей культа,— все это немыслимо без письменности. Именно поэтому был так высок спрос на писчую бумагу, которую ногайцы часто покупали на Руси [81].

Имеются сведения, почерпнутые из ногайских рукописей начала XX в., что в прошлом у ногайцев существовали исторические сочинения «Тарихи-и-ногай» («История ногайцев») и «Таварих-и-ногай» («Ногайские летописи») [82]. В начале XIX в. Корнис писал, что ногайцы имеют письменную историю под

---

[73] Махмутов А. Как возник древнетюркский алфавит? — В кн.: Исследования по тюркологии. Алма-Ата, 1968, с. 148.

[74] Усманов М. А. Жалованные акты Джучиева улуса XIV—XVI вв. Казань, 1979, с. 111—112.

[75] См.: Алексеева Е. П. Очерки по экономике и культуре народов Черкесии в XVI — начале XVII в. Черкесск, 1957, с. 110.

[76] ПДРВ, т. VII—XI. СПб., 1791—1801.

[77] Перетяткович Г. Поволжье в XV—XVI вв. М., 1877, с. 136.

[78] Дёмин А. С. Элементы тюркской культуры в литературе Древней Руси XV—XVII вв.— В кн.: Типология и взаимосвязи средневековых литератур Востока и Запада. М., 1974, с. 519—520.

[79] Кононов А. Н. История изучения тюркских языков в России. Дооктябрьский период. Ленинград, Наука, 1982, с. 252.

[80] Тарханный ярлык — письменный указ хана о награждении отдельных феодалов и полководцев землей и освобождении от повинностей.

[81] Алексеева Е. П. Очерки по экономике и культуре..., с. 77.

[82] Сикалиев А. Сынап карап, сырласып. Черкесск, 1975, с. 8.

ایکی دن یاغیندہ ایکی قناط صورتی بولور التینشی ایکی قالنوغی قوی دینك
قولنوغی تك یارغاق بولور بدینشی قو بروق سویاکی ایکی توتام دن آرتیق
بولماس سکزنشی ایکی تیسی کلیتین تك بولور دقوزنشی هنکلایی تورتوك
آوزی بر انك بولور دیدی سول تولپارغه مینوب آمت یتیبك قان متان اسکرکه
کندی یتیبك قان یاروب برتك متان دعوا ایدی اما برتك دینك اسکری
غالب بولوب قان یتیبك قاشدی قان سول کون برتك اسکر بدینك
آیاق آستنده قالایق ایدی کریسندن امت مثوب تغاناغی تولپارین بروب
فنکردی آنده قان یتیبك آمت که اراضی بولوب قزیم شهر بیکا سلیك
بولسون دیدی آمت موناوی قیردن هم قوانوب اولماسم قانغه یزنا بولادی
ایکان من دیب اوزی میاوقالوب ایدی یتیبك قان بورتغه کاکان صونك
آیسولغه امت اولکان بولور دیب قانغه ایقودی بوکون لاردہ یاتیبك قان غه
بوغالی دینك اوولی تیردن آستر تون قیر کادی اسکرین ده آلوب قرق کون
قوناق لیوغه کلسون دیب آندن قان توزلغان اسکر من بتوب تیرکه موناق لیو
غه بارایق بولوب تورغان ده ساب ساو امت کاوب شیقدی یاتیبك قان آیتقان
سوزینه اوکونشلی ایدی امت دینك امان ده ایسان کاکانن بك سومدی
اندی موی بر ایلامتان جویسام قزیم شهر بیکه دی بوالادیکان دیب امت
بازیق دی یالغان دن سلمان قانیغه شونغار سلای جیاردی الشمس کون وعده
بر دی آلتمس کوندن کلمسنك بتم بزنام توآول سن دیدی آمت سلیان
قراب بوردی قان تیرکه قوناق لیوغه کندی بوغالی دینك اوولی سول تیمر آو
شانر لار قوردروب اراقی بال لار قوبدروب سیس لیك لسه قومان قوی لار
سویدرور یاتیبك قانده بولغان تورلوتغه لار متان قاندی قرق کون سالادی
قان بوندن امت لاتیب تیمرن سنك متدن مرادنك نه اندی دیب
سورادی آنده تیمر امت سلیاندن کلسه آیتار من دیدی آلایکانده قان
تیمر دینك مرادی ده ایکان بولوب امت آلتمس آیلیق چول دن الشمس
کون دن کلایکی بارمی قزیم شهر بیکه دی ساغه بر دیم دیدی آنده تیمر
داغی اولکان نوی اینوب سنکیل شك لر قوردروب قانغه کیاو بولدیم دیب

Страница с ногайским текстом из сборника М. Османова. СПб., 1883.

заглавием «Таврик»[83]. А.-Х. Джанибеков приводил факты о том, что ногайские феодалы Кубани имели нечто вроде конституции, защищавшей их интересы[84].

Что касается простого народа, то его основной массе грамота была недоступна. Тем не менее с древних времён среди ногайцев был высок авторитет писаного слова и книги. Наравне с такими клятвами, как клятва прахом предков, существовала клятва книгой. Об особенно убедительных словах человека говорили: «Слова его будто взяты из книги».

Существует древняя поговорка: «У мужчины есть два искусства: одно — застрелить и свалить врага, другое — открыть и прочитать книгу».

В произведениях ногайского фольклора и ногайских поэтов XIV—XVIII вв. часто упоминаются учеба, грамотность, ханские указы, книги, письма. Поэты пишут свои стихи на бумаге, посвящают яркие строки каламу. Ногайские поэты второй половины XIX в. призывают народ учиться, объясняют пользу грамотности и просвещения. Значительная часть произведений древней ногайской литературы и фольклора дошли до нас и в рукописном виде. Эти факты говорят сами за себя.

Уход в Турцию в конце XVIII в. свыше 500 тыс. ногайцев привёл к гибели и исчезновению большей части письменной культуры, созданной ногайским народом. Оставшиеся в России кавказские, мелитопольские, астраханские и крымские ногайцы продолжали пользоваться своей письменностью и литературным ногайским языком.

Ногайский язык, испокон веков на Северном Кавказе (исключая Дагестан) выполнявший функцию языка межнационального общения[85], продолжал эту свою роль до 80-х годов XIX в. Тот факт, что в Ставропольском краевом архиве хранится свыше 7000 деловых документов, написанных на ногайском языке арабским шрифтом, свидетельствует о распространенности письменности на ногайском языке и в XIX в.

Грамотность, преимущественно в среде имущих классов, поддерживалась тем, что в каждом крупном населённом пункте всех групп ногайцев России существовали примечетские школы-мектебы[86].

Способные мальчики из зажиточных семей продолжали учёбу в медресе. Из стен таких заведений иногда выходили способные люди, которые пополняли ряды ногайской интеллигенции. Такой человек становился учителем, писарем-письмоводителем (катиб), энтузиастом — собирателем памятников ногайской литературы и фольклора, исследователем родной истории (тарихшы), поэтом (шайде) и т. д.

К числу распространенных языков относился ногайский литературный язык, который часто неверно называли татарским. В 1816 г. в школе г. Ногайска был открыт класс для преподавания письменного «татарского» языка молочанских ногайцев[87]. В Ставропольской духовной семинарии (основана в 1846 г.) преподавался «татарский» язык северокавказских ногайцев[88], в Астраханской духовной семинарии с 1777 г. было введено преподавание «татарского» языка астраханских ногайцев. Преподавание широко распространенного на Северном Кавказе ногайского языка было введено и в Ставропольской гимназии. Под влиянием передовой русской культуры в начале второй половины XIX в. наметились оживление и подъем литературной жизни ногайцев. Представителями русской прогрессивной общественности была начата публикация произведений ногайской словесности. Однако массовое переселение горцев Север-

---

[83] Корнис. Указ. раб., с. 4.

[84] Джанибеков А.-Х. Исторический очерк ногайской литературы. Рукопись. Архив С. А.-Х. Калмыковой, л. 23.

[85] Культура и быт народов Северного Кавказа. Под редакцией В. К. Гарданова. М., Наука, 1968, с. 335.

[86] Сергеев А. Ногайцы на Молочных водах. Симферополь, 1912, с. 57.

[87] Там же, с. 58—60.

[88] Кононов А. Н. История изучения тюркских языков в России. Дооктябрьский период. Л., 1982, с. 198.

ного Кавказа, в том числе и ногайцев, в Турцию в 60-х годах XIX в. было национальной трагедией ногайцев и горских народов.

Систематическим сбором памятников дореволюционного литературного ногайского творчества до 1960-х годов не занимались. Литературные произведения, собранные А.-Х. Джанибековым[89], увидели свет в составе его фольклорных сборников[90]. Со второй половины 60-х годов исследует и публикует дореволюционную ногайскую литературу А. И.-М. Сикалиев[91].

Первые литературные памятники на ногайском языке относятся к XIV в.— ко времени становления ногайского государства.

С самого начала развитие ногайской литературы шло двумя путями, на двух литературных языках.

Одна часть ногайских писателей создавала произведения на старом литературном языке, отличавшемся от ногайского разговорного. Этот язык являлся продолжением прежних тюркских литературных языков — караханидского, хорезмийского, золотоордынского периодов. В ногайских государствах он принял ногайскую окраску. Язык писателей, творивших на этом языке, был насыщен тюркскими архаизмами, арабизмами и фарсизмами, в силу чего произведения на нем были мало доступны широким массам даже читающих ногайцев. Эти памятники староногайской литературы оставались в рукописных книгах, доступных только узкому кругу избранных и образованных читателей из числа господствующих классов.

Другая, большая часть писателей, по социальному происхождению стоявших ближе к трудовым массам, в процессе становления ногайской народности создала новый литературный язык на базе разговорного языка. Их произведения, главным образом поэтические, выражали интересы всего народа и пользовались популярностью, переписывались, заучивались наизусть, широко входили в репертуар народных певцов. Именно эта литература стала зеркалом души ногайского народа, его духовным оружием и о ней далее будет речь.

Распространение литературных произведений в основном через народных сказителей делало литературу доступной широким массам народа, а поэзию — основным её жанром.

М. К. Нурмухамедов характеризует Сыбра йырау, Асана Кайгылы, Жиренше Шешена, Ормамбета и других авторов многих поэтических произведений ногайской литературы как образованных для своего времени людей, а их творчество относит к письменной литературе[92].

К их творчеству применимо сказанное В. М. Жирмунским о распространении ногайского эпоса: «С последней четверти XV до последней четверти XVI века Ногайская Орда, объединившая в своем составе тюркские племена в западной части «кипчакских степей», до границ Москвы и Крыма, играла важную политическую роль в борьбе между Москвой, Казанью, Астраханью и Крымом и в судьбах всех тюркских кочевых племен Средней Азии и Юго-Западной Сибири. Именно в эту пору эпические сказания, связанные с историей Ногайской Орды, получают широчайшее распространение среди тюрк-

[89] Джанибеков А.-Х. Соьз казнасы, т. 1. Рукописный фонд КЧНИИ.

[90] Карайдар ман Кызыл-Гуьл. М., 1928; его же. Авыл поэзиясы яде ногай эл аьдебияты. Махачкала, 1935.

[91] Сикалиев А. И. Оьмирлердиңь давысы.— В кн.: Шолпан. Черкесск, 1969; его же. Голоса веков. ТЧКНИИ, вып. VI, сер. филологии. Черкесск, 1970; его же. Древнетюркские письменные памятники и ногайцы.— СТ, 1970, № 4; его же. Ногайская литература.— В кн.: История советской многонациональной литературы, т. 5. М., 1974; его же. Идеи дружбы народов в ногайском фольклоре и ногайской дореволюционной литературе.— В кн.: Фольклористика Российской Федерации. Л., 1975; его же. Сыпап карап, сырласып... Черкесск, 1975; его же. Бурынгы литературамыздан бир-эки уьлги (Тексты стихов Шал-Кийиза Тиленши улы (XV в.), Асана Кайгылы (XVI в.), Досмамбета Азауулы (XVI в.), Казы-Тугана Суюнши улы (XVII в.), Саркымбая (XVIII в.), Арслана Шабан улы (XIX в.), Ажи-Молла Ногман улы (нач. XX в.).— В кн.: Яшав сокпаклары. Черкесск, 1979; его же. Идеи дружбы народов в ногайской дореволюционной литературе.— Ставрополье, 1979, № 3.

[92] Нурмухамедов М. Каракалпак жазба адебиятының дореуи хаккында.— Амударья, 1968, № 6, с. 120—125.

ских народов Средней Азии и Сибири, входят в состав эпических преданий казахов и находят частично отражение и в киргизской эпопее «Манас»[93].

Имена и произведения Сыбра йырау, Шал-Кийиза Тиленши улы, Кутана Аргын улы, Асана Кайглы, Жиренше Шешена, Досмамбета Азаулы, Казы-Тугана Суюниш улы пользовались известностью и популярностью среди казахов, каракалпаков, башкир. При этом казахские, каракалпакские, киргизские и башкирские читатели и слушатели восприняли этих ногайских поэтов XIV—XVII вв. именно как ногайцев, а их поэзию — как произведения ногайской литературы, что показано в трудах ряда казахских и каракалпакских исследователей.

Например, М. Нурмухамедов пишет, что Сыпыра жырау, Ормамбет, Асан-Кайглы, Жиренше жили в Ногайской Орде и были авторами известных литературных произведений[94]. Другой исследователь каракалпакской литературы А. Алламуратов также отмечает, что Казтуган, Асан Кайглы, Досмамбет, Шал-Кийиз — ногайцы, жившие в Ногайских степях во времена Ногайских ханств[95]. То же указывает один из современных исследователей казахской дореволюционной литературы — М. Магауин[96].

Таким образом, каждый из названных ногайских поэтов стал достоянием не только ногайского, но и соседних братских народов. Читателей и слушателей привлекали в произведениях Сыбра йырау, Шал-Кийиза Тиленши улы, Асана Кайглы, Жиренше Шешена, Досмамбета Азаулы, Казы-Тугана Суюниш улы не только высокие художественные достоинства, но и их идейный заряд, новизна и народность.

Остановимся на творчестве отдельных из названных поэтов.

Творчество Шал-Кийиза Тиленши улы относится к XV в. Поэт родился в 1420 г., умер в конце века[97]. Творения его дошли до нас в сравнительно большом количестве.

Шал-Кийиз был современником ногайского хана Темира. Это был век укрепления и роста могущества Ногайского ханства, поляризации интересов общественных классов и роста эксплуатации трудового населения, особенно в западных, экономически развитых областях государства.

Поэт вышел из трудовой семьи и лишь силой своего таланта достиг славы и почета. Одно время он был близок ко двору Темира. Но поэт никогда не смешивал интересы народа с интересами степной аристократии.

В ответ на упреки Темира в симпатии к народу поэт не без гордости отвечает:

Ты есть шёлк,
А я же шерсть.
Ты есть алтын,
А я же рубль.
Ты — Султан,
А я же холоп *.

Попытки хана приблизить к себе поэта и певца с помощью дорогих подарков и женитьбы на дочери мурзы не смогли заставить Шал-Кийиза порвать с трудовыми ногайцами. Более того, высокомерие жены-аристократки заставило поэта уйти от неё.

Благополучие народа, его мирный труд, свобода составляют основное направление поэзии Шал-Кийиза. В поэме «Эй, душа моя» поэт осуждает неравный брак, когда старый, но богатый мурза женится на молодой девушке, разлучив ее с любимым юношей.

---

[93] Жирмунский В. М. Введение в изучение эпоса «Манас».— В кн.: Киргизский эпос «Манас». М., 1961, с. 147.

[94] Нурмухамедов М. Каракалпак жазба адебиятының дереуи хаккында.— Амударья, 1968, № 6, с. 123—124.

[95] Алламуратов А. Кобыз сазасы.— Амударья, 1972, № 2, с. 104.

[96] Магауин М. Кобыз сарыны.— Жазушы, Алма-Ата, 1968, с. 15, 33, 39.

[97] Сикалиев А. Ногайская литература.— В кн.: История советской многонациональной литературы, т. 5. М., 1974, с. 458, 831; его же. Сынап карап, сырласып. Черкесск, 1975, с. 109.

* Здесь и далее подстрочные переводы А. И.-М. Сикалиева.

Поддерживая миролюбивую внешнюю политику Темира, который установил добрососедские отношения с Московской Русью и прекратил междоусобную борьбу внутри Ногайской Орды, поэт развивал идею дружбы с соседними народами и государствами. В поэме «Вижу я» Шал-Кийиз клеймил позором вынашиваемые ногайским князем Окасом агрессивные планы в отношении соседей:

Когда смотрю на свою
Десятиудельную ногайскую Родину,
Вижу ненавистного Окас-мурзу,
Ненавистники-злодеи,
Собравшись, что-то замышляют,
И вижу я, как этот несчастный мир
Опрокинулся в омут [98].

Когда же хан Темир хотел поехать в Мекку, чтобы замолить свои грехи, то Шал-Кийиз выступил перед ним с поэмой «Нагрузил ты корабль грузом», где призывает хана не ехать в далекую Мекку, не давать повода для междоусобицы из-за трона, а дать облегчение бедным и обиженным. «Таким путем ты и сидя дома освободишься от грехов»,— заявляет поэт.

«Без ветра — нет холода, без богатства среди богатых нет друзей!» — вот основная мысль многих его творений.

В своих стихах и поэмах Шал-Кийиз осуждал антинародную направленность внутренней политики Темира, клеймил позором жадность и лживость некоторых приближенных хана, за что был оклеветан, изгнан из ставки хана и вынужден скитаться. Чувствуя неприязненное отношение к себе ногайских князей Северного Кавказа, поэт с горечью говорил:

Весь мир вмещается
В мою внимательную голову.
Голова же моя одинокая
Не вмещается в эту бескрайнюю степь.

Живя долгие годы на Куме и принимая у себя кабардинских гостей, поэт восклицал:

Тот, кто танцует в моём доме,
Это красавец-кабардинец.
Эй, друзья мои!
То, что кипит в моём котле,
То большая голова
Ногайского барана.
...Я сегодня не пожалею
Ни скота, ни головы
Ради друга-кабардинца [99].

Уже будучи стариком, прожив долгие годы жизни, полной лишений и печальных переживаний, Шал-Кийиз вынужден был признаться:

Скитаясь по земле помногу,
Нигде не видел
Справедливости глазами я.

Стихи Шал-Кийиза призывают к скромности, честности, доброте, клеймят алчность, коварство.

Яркая поэзия Шал-Кийиза не могла возникнуть на пустом месте. Поэзия его была подготовлена творчеством предыдущих ногайских поэтов. Потребовалось целых сто с лишним лет культурного развития ногайского общества, чтобы оно стало способным выдвинуть из своей среды такого поэта, как Шал-Кийиз.

Гуманистическую традицию творчества Кет-Буга, Юмагула, Сыбры, Парыздака Шабан улы, Шал-Кийиза Тиленши улы продолжили поэты XVI в. Асан-Кайглы, Жиренше Шешен, Досмамбет Азаулы, Менгли-Асан и др. В частности, образ Асана Кайглы остался в сознании ногайского народа как образ страдальца за судьбу народа, мечтавшего найти правильный ответ, каким путем создать справедливое общество без войн, взаимных грабежей и обид.

[98] Ленин йолы, 1970, 4 апреля.
[99] Там же, 1969, 6 сентября.

Крупнейшие ногайские поэты XIV—XVI вв, вопреки политике ханов, князей и мурз, веками воспитывали в широких массах чувство гуманности, уважения друг к другу и к соседним народам. Их творчество, развивавшееся в условиях разгула грабительских походов князей, свободно от яда национализма.

Наиболее колоритной фигурой среди поэтов XVI в. был Асан. Родился он около 1490 г., умер в 1570-х годах. «Кайглы» — его прозвище, данное ему народом и означающее не только «печальный», но и «беспокойный», «странствующий».

Асан, как это видно из его поэзии и высказываний, побывал в поисках лучшей доли во всех концах обширной ногайской земли. Сохранились его стихи и поэмы о Кубани, Волге, Сыр-Дарье. Асан Кайглы, известный в народе еще и как Асан Абыз (хафиз), был поэтом-философом. Главным в жизни он считал человеческие взаимоотношения, взаимное уважение, справедливость, высокое назначение человека. Будучи выходцем из богатых и образованных слоев ногайского общества, Асан в своей поэзии старался обойти острые углы социальной несправедливости. Но благодаря природному уму, поэтическому таланту, душевной доброте он часто поднимался выше интересов своего класса. В годы всенародных бедствий Асан без колебания становился на сторону простого народа. В этом проявлялся его высокий, поистине народный патриотизм.

Асан не являлся сторонником низвержения власти господ, но он был за разумное, гуманное руководство трудовыми массами. В этом он сближался со взглядами своего предшественника древнетюркского поэта Юсуфа Баласагуни (XI в.). Асан считал, что могущество ханов в многочисленности подданных, довольных мудрым правлением.

Казахские литературоведы без достаточных оснований утверждают, что Асан Кайглы жил в XV в. Единственным доводом их является тот факт, что в произведениях Асана фигурирует хан Джанибек. Исследователи казахской литературы считают, что Джанибек-хан Асана был основателем Казахского ханства. Между тем, Джанибек-хан Асана — ногаец, живет в Ногайской Орде, старается держаться поближе к реке Эдил (Волге), стоит за союз с Русским государством, разрешает русскому царю строить крепости на реках Урал и Волга, торгует с ними. Под именем Джанибек-хана или Азиз-Джанибека (Джанибек-калеки) Асан Кайглы выводит известного хана Большой Ногайской Орды Исмаила — сына Мусы, союзника Ивана Грозного.

Творчество Асана развивалось в условиях кровавой междоусобной войны в Ногайской Орде XVI в. Поэтому у Асана так много обвинений, адресованных правителям. В стихотворении «Кто несчастен?» Асан пишет:

Если не понимает нужды своей страны,
Несчастен муж, лениво лежащий,
Если не понимает цену справедливости,
Если его имя проклинается в стране,
Несчастен хан, лишенный сострадания.

... Если не видит — несчастен глаз,
Если не дойдет до души — несчастно слово,
Если останется без присмотра — несчастен старик,
Если останется без применения — несчастен молодой,
Если останется без Родины — несчастен муж,
Если останется без мудрых людей — несчастна страна.

Это, по сути дела, целый моральный кодекс, основными нормами в котором являются интересы страны и человека.

В центре всей поэзии Асана стоит человек. Интересны строки Асана о природе и назначении человека:

Сын человека
Является украшением мира,
Срок его жизни на земле
И деятельности — короткий.
Жизнь — дичь убегающая,
А ты — собака догоняющая,

Твоим продолжением
И утешением является твоё дитя.

Далее Асан говорит:

Украшением мира этого
Является дитя человеческое
Не снаружи,
А внутри они отличаются...

Асан понимает человека как создание природы, ее часть и украшение. Для эпохи мусульманина Асана Кайглы такое понимание сути человека — большой шаг вперед. Задумываясь о будущем родного народа, Асан в стихотворении «Эй, друзья, придет время» восклицал:

Народ мой ногайлы,
Когда будет разобщённым,
Потеряв своих богатырей,
Мой народ, согнув колени,
Опустит голову,
Несчастная страна, мой Ногайстан,
Что же ты тогда сумеешь сделать!?

В братоубийственной междоусобной войне, длившейся десятилетиями, в которой ногайские князья и мурзы разоряли и истребляли страну, в результате чего многолюдное и сильное государство обнищало и опустело, Асан Кайглы прежде всего обвиняет Джанибек-хана. Как приговор звучат слова Асана, адресованные Джанибеку:

За истребленных отцов,
За причитающих матерей,
За разоренный народ,
За сыновей, мчавшихся как ветер,
За Родину возмущённую
Наш хан, называемый Джанибеком,
От тебя я потребую ответа!

Это была попытка народного поэта воздействовать на ход политической борьбы в Ногайской Орде. По сути дела это — голос народа.

Поэты Умбет-Али, Умболат, Максут-агай, Самытбай, Шеид-Али-тарихшы, Авал-аксак, Шора Найман улы жили и творили в тяжелом и грозном для ногайского народа XVII веке, когда шла борьба с нашествием джунгарских ханов. Это не могло не наложить отпечаток на их творчество, осуждающее агрессию и воспевающее мирную жизнь.

В эти же годы жил и поэт Казтуган Суюниш улы [100]. Когда волжские ногайцы, раздираемые на части междоусобной войной своих мурз, вступали в жестокую схватку с захватчиками и покидали родную Волгу, взор Казтугана Суюниш улы был обращен на север, к русскому народу:

Придет время — обретем покой,
С русскими дружбу укрепим,
Достигнем взаимного согласия,
Придет время и мы процветем [101].

Переселившись на Кубань, Казтуган установил дружественные отношения с адыгами и воспевал идеи добрососедства и мирного сотрудничества [102].

За укрепление и развитие дружбы и взаимопомощи ногайского народа с горскими народами Северного Кавказа и с русским государством стоял и ногайский поэт начала XVIII в. Исманл Мажарлы. Выражая настроения народных масс ногайцев в стихотворении «Предлагаю вам подумать», он восклицал:

С московским царем
Заключив соглашение,
Жить в мире мы бы хотели.

---

[100] Сикалиев А. Голоса веков.— ТЧКНИИ, вып. VI. Серия филологич., 1970, с. 109—110.
[101] Личный архив А. И. Сикалиева. Рукописный сборник стихов дореволюционных ногайских поэтов.
[102] Там же.

М. К. Курманалиев.

Х. Ш. Булатуков.

Придя к единому мнению,
Обмениваться — торговать мы бы хотели... [103].

Эти строки были продиктованы тем, что ногайский народ не мог обходиться без экономической и военной помощи России. Заинтересованность ногайцев перед лицом грозящей опасности в совместной с соседями борьбе против джунгарских пришельцев мы видим и в другом стихотворении Исманла Мажарлы.

Ближнему другу отправив верхового,
Дальнему другу отправив письмо,
Прогоним врагов наших,
В необходимый день оседлав коней.
Увидев нас, не осмелившись напасть,
Не располагаясь на отдых на нашей земле,
Многочисленные враги пусть уходят от нас [104].

Если ногайских поэтов XIII—XIX вв. волновали судьбы своего народа и ближайших соседей, то поэта начала XX в. Негмата Айбат улы, участника первой мировой войны, глубоко тревожило будущее всего человечества:

Да пусть конец будет хорошим,
Весь мир пришел в движение:
Не видно лица земли,
Всё потоплено в крови.
Многие испили чашу смерти
Корчась от боли, издавая стон.
Не имея возможности в смертный час
Увидеть лица отца, матери, жены и детей... [105]

Творчество ногайских поэтов конца XIX — начала XX в. ознаменовалось усилением социальных мотивов. Причину этого следует видеть как в ужесточении эксплуатации трудовых масс, так и в развитии рабочего движения в России. В отдельных произведениях Ахмедие Адиль улы, Абдул-халык Абдул-Рашид улы, Менгли-Шенх Ембойлук, вышедших из народных низов, звучит протест против произвола баев, призыв бедняков и всех обиженных к сопротив-

[103] Личный архив А. И. Сикалиева. Рукописный сборник стихов дореволюционных ногайских поэтов.
[104] Там же.
[105] Джанибеков А.-Х. Ш. Сокровищница слов, т. I., с. 177.

лению. Поэт предреволюционных лет Баймурза Манап улы верит в победу трудового народа над богачами. В поэме «Маслагат» («Пожелание») он говорит:

Эти бан с черной кровью
В конце концов исчезнут,
Никогда во главе страны не стоявшие,
Никогда добрую плеть не державшие.

Наши ногайцы,
В день, когда настанет черёд,
Не исключая женщин и стариков,
Не считая другие народы за чужих,

Все как один,
Не исключая ни одного,
Возьмутся за золотые боевые пики... [106].

Автор поднимается до понимания того, что трудовые люди всех народов — братья и имеют единую цель — освобождение от эксплуатации.

Дореволюционная литература ногайцев, как и вся ногайская культура, развивалась в крайне неблагоприятных условиях социального и национального гнета в условиях колониальной России. Однако и в этих условиях дореволюционные ногайские поэты, как это видно из нашего неполного обзора, создали значительное количество произведений о дружбе ногайского народа с народами России. Ничто не могло уничтожить стремления ногайских мастеров поэтического слова бороться за счастье народа. Отличительной чертой ногайской дореволюционной литературы было господство поэзии — стихов (ятлау), поэм (дестан), монологов (толгау), од (мактау), элегий (мунглау). Художественная проза, хотя и существовала, но была значительно слабее.

Великий Октябрь открыл путь к развитию ногайской советской литературы, что было обусловлено осуществлением ленинской национальной политики и благотворным влиянием литературы русского и других братских народов СССР.

Возникновение ногайской советской литературы связано с просветительской деятельностью А.-Х. Ш. Джанибекова. В первые годы Советской власти он не только продолжал сбор произведений ногайского фольклора и, как уже отмечалось, готовил перевод письменности на латинскую графику, но и стал одним из создателей ногайского литературного языка советской эпохи. С его деятельностью связано творчество Назиба Ногайлы, Мусы Курманалиева, Басира Абдуллина, Зеида Кайбалиева, Фазиля Абдулжалилова и других писателей.

Ногайская советская литература параллельно развивается в Карачаево-Черкесской автономной области и в Дагестанской АССР. Произведения обеих групп ногайских писателей создаются на одном языке, опираясь на общее культурное наследие, и являются художественным достоянием всех ногайцев.

Но в довоенный период из-за слабости творческих контактов между ногайскими авторами Дагестана и Карачаево-Черкесии трудности, связанные с созданием драматургии и прозаических жанров обеими группами мастеров слова, преодолевались самостоятельно.

М. Курманалиев и З. Кайбалиев много лет работали рука об руку с Джанибековым, развивая школьное образование в ногайских аулах Дагестана, создавая учебники и словари и параллельно — литературные произведения. Их первые поэтические произведения появились на страницах местной печати. Они обращены к юным читателям и носят назидательный характер. М. Курманалиев и З. Кайбалиев, как и А.-Х. Ш. Джанибеков, пропагандировали среди ногайцев новые общественные отношения, призывали учиться, агитирова-

[106] Личный архив А. И. Сикалиева.

ли за коллективизацию и активное строительство социализма. Поэзия М. Курманалиева и З. Кайбалиева, а также публициста Н. Ногайлы («8 марта — новая эпоха», Москва, 1927 г.) приносили в широкие ногайские массы понятие Родины, патриотизма, трудового коллективизма.

Молодая ногайская советская литература набирала силы. Уже в 1920-е и 30-е годы в ногайской литературе стали известны имена таких поэтов и прозаиков, как Хасан Булатуков, Басир Абдуллин, Фазиль Абдулжалилов. С их приходом ногайская литература в короткий срок освоила крупные эпические жанры.

Ф. А. Абдулжалилов.

Творчество Б. Абдуллина и Х. Булатукова было плодотворным и разнообразным. Перу Б. Абдуллина принадлежат первые значительные ногайские пьесы «Враг побежден» (1932), «Батрак» (1932), «Когда победил труд» (1934). Он же автор первых ногайских романов «Степные герои» (1932), «Активист» (1934), «Красные цветы» (1934). Выступал Абдуллин и в жанре повести: «В опьянении богатством» (1934).

В пьесе «Враг побежден» Абдуллин поднимает проблему просвещения, борьбы с невежеством и неграмотностью — коварным врагом новой жизни. В пьесе «Когда победил труд» он воспевает победу колхозного строя. Роман «Степные герои» рисует жизнь ногайского общества, раздираемого классовыми противоречиями накануне Октябрьской революции, победу революции и первые годы Советской власти в ногайских степях. Роман «Активист» посвящен коллективизации, а роман «Красные цветы» — комсомолу 30-х годов. В повести «В опьянении богатством» Абдуллин яркими красками рисует свадебные, календарные и другие обычаи дореволюционных ногайцев, сытую жизнь богачей и полуголодное существование бедняков. В целом творчество Басира Абдуллина служило утверждению идеалов социализма, помогало рождению и становлению нового человека.

Первые поэтические произведения Х. Булатукова, сложенные в 1924—1926 годах, печатались в областной газете Черкесии, одна полоса которой «Ногай бет» с 1927 г. выходила на ногайском языке. Творческий путь Булатукова как драматурга начался с пьесы «Фатимат» (1932). В ней автор рассказал о ногайской девушке, осмелившейся выступить против вековых косных законов адата в защиту своей свободы и любви. Появление этой пьесы Булатукова было знаменательным явлением в литературе ногайцев. Она была первой печатной книгой кубанских ногайцев и наравне с пьесами Б. Абдуллина и М. Курманалиева принадлежала к числу первых крупных произведений ногайской драматургии. Но главным достоинством этого произведения явилось то обстоятельство, что с его рождением в ногайской литературе появился новый герой с совершенно новым отношением к жизни — человек социалистического общества.

В жанре повести Х. Булатуков, как и Ф. Абдулжалилов, выступил в качестве новатора в литературе кубанских ногайцев. В 1936 г. была издана повесть Булатукова «Две жизни». Эта книга, наравне с повестью Ф. Абдулжалилова «Двое из многих», стала событием в культурной жизни кубанских ногайцев. В своей повести Х. Булатуков впервые в ногайской литературе Карачаево-Черкесии поднял тему Октябрьской революции и колхозного строительства.

С. И. Капаев.

В 1931 г. открывается творческий путь крупнейшего ногайского писателя Фазиля Абдулжалилова (1913—1974). Начав со стихов и рассказов, он уже до войны перешел к крупным прозаическим полотнам. Его пьеса «Побежденные враги» (1936) и особенно повесть «Двое из многих» (1936) явились большим вкладом в ногайскую советскую литературу довоенного периода.

Ногайская литература послевоенного времени характеризуется новыми идейными и художественными достижениями. Она вступает в пору своей зрелости. Поэты и прозаики стали глубже проникать в жизнь народа и исторические события, полнее раскрывать характеры своих героев, смелее и органичнее использовать приёмы устного народного творчества и опыт замечательной русской литературы. Литература дагестанских ногайцев представлена поэтами и прозаиками М. Курмангалиевым, З. Кайбалиевым, К. Оразбаевым, Г. Аджигельдиевым, К. Темирбулатовой, А. Култаевым, Б. Кулунчаковой и др., а кубанских ногайцев — Ф. Абдулжалиловым, А. Мурзабековым, С. Капаевым, С. Заляндиным, Б. Карасовым, К. Кумратовой, А. Киреевым, И. Капаевым, Т. Керейтовой, М. Киримовым, Д. Туркменовым, Б. Баисовым и др.

Успехи современной ногайской литературы прежде всего связаны с прозой. В развитии ее и воспитании литературных кадров большую роль сыграл поэт и прозаик Ф. Абдулжалилов. В его произведениях нашли отражение тяжелая жизнь бедняков-ногайцев под гнетом баев и князей, рост их протеста против нещадной эксплуатации (повесть «Асантай», 1955), острая социальная борьба в ногайских аулах в период коллективизации (романы «Бурный поток», 1960; «Хороша нива у коллектива», 1966), ратные подвиги народов нашей страны на полях сражений с фашизмом (повести «Семья сильных», 1950; «Сын отца», 1968), современная трудовая и культурная жизнь ногайского народа, дружба народов, борьба с пережитками прошлого, за коммунистическое отношение к труду и жизни (повести «Крутые повороты», 1961; «Хорошая примета», 1962; «На берегу Аксу», 1962; «Дороги, дороги...», 1964; «Когда приходит весна», 1967; «Серая пыль», 1970).

Другой видный ногайский поэт и прозаик — С. И. Капаев (род. в 1927 г.). Особенно плодотворны были для него 50—60-е годы. За короткий срок он создал большое число стихотворений, рассказов, повестей и роман «Бекболат».

Капаев пришел в ногайскую литературу как мастер рассказа. Опираясь на традиции ногайского народного рассказа «айту» и «хабар», творчески используя опыт русских мастеров рассказа, прежде всего А. П. Чехова, С. Капаев возродил этот слабо развитый жанр ногайской художественной литературы. Рассказы С. Капаева, вошедшие в ряд сборников, поднимают такие острые и актуальные проблемы современности, как воспитание детей («Кто виноват»), взаимоотношения супругов («Чужой дядя»), дружба советских народов («Азиз», «Обида», «Верный друг»), призвание человека («Переправа», «Девушка с сумкой») и т. д. Творческие успехи Капаева в жанре рассказа были серьезным шагом к эпическим полотнам — повести и роману.

Рассматривая жизнь современного ногайского села, автор глубоко раскрывает внутренний мир своих земляков. Так, в повести «В ауле Акшокырак» перед нами зримо предстают жизнь современного ногайского аула, громадные сдвиги, происшедшие как в культурной и трудовой деятельности аульчан, так и в их психологии.

К. Б. Оразбаев.

Теме борьбы с фашизмом посвящены повести «Полноводная Тазасу», «Мост» (1966), «Журавленок» (1974). В образах бесстрашных партизанок Коконай, Канитат и Кырлув (Крымхан) отражены глубоко национальные характеры. Они как бы продолжают патриотические традиции героинь народного эпоса Карлыгаш из «Копланлы батыр», Акюнус из «Эр Таргыл» и др. Но это образы женщин, рожденных и воспитанных при Советской власти. Если героини фольклора боролись и отдавали жизнь за свободу своего народа, то Канитат, Коконай и Кырлув отдали свою жизнь за свободу всей страны, всех советских народов. Героини Капаева одновременно национальны и интернациональны.

В повестях «Очаг» (1967) и «Ювсан» (1969) С. Капаев разрабатывает тему зарождения молодой ногайской интеллигенции. Наконец, в романе «Бекболат» он поднял и осмыслил такую серьезную проблему, как отношение горца к революции и приобщение ногайского народа к революционному движению.

Баубек Карасов (род. 1926 г.) и Салехжан Заляндин (1924—1973) пришли в литературу одновременно. С. Заляндин воспевал трудовые и боевые подвиги своих земляков. Б. Карасов раскрыл их моральный облик.

Почетное место в современной ногайской прозе занимает и К. Оразбаев (род. 1924 г.). С его именем связано возобновление и развитие литературной жизни ногайцев Дагестана, прерванной Великой Отечественной войной. В 60—70-е годы вокруг него собираются его ровесник Б. Аджигельдиев и молодые поэты и прозаики Г. Аджигельдиев, А. Култаев, К. Темирбулатова, Х. Байрашев, Д. Шихмурзаев, С. Аджиков, Б. Кулунчакова, а также ветераны ногайской советской литературы М. Курманалиев и З. Кайбалиев. С 1962 г. в Махачкале возобновляется издание произведений ногайских писателей. Многочисленные рассказы К. Оразбаева, замечательного мастера художественной прозы, вошли в его сборники «Широкие степи» (1962), «Звезда счастья» (1964). Перу его принадлежат и повести «Объятие дедушки» (1970), «Клад под плугом» (1976). Герои рассказов и очерков Оразбаева и его собратьев по перу — труженики суровых Ногайских степей.

Успешно выступает в поэзии и в прозе М. Киримов. Но более всего он нашел себя в драматургии, где разрабатывает тему нерадивого отношения к коллективному труду, бичует тунеядство и пьянство. Среди произведений Киримова особенно выделяется пьеса «Сыйдынъ аьлеги» («Печальные последствия свадебных подарков»), написанная в соавторстве с Т. Керейтовой.

Смело заявил о себе молодой прозаик И. Капаев. Его рассказы, повести, романы («Есть такие парни», «Вокзал», «Гармонистка» и др.) обогатили ногайскую литературу свежими темами и новым видением современной жизни. Больших успехов добился он и в изображении внутреннего мира своих героев.

Образность и богатство лексики языка И. Капаева, в немалой степени заимствованные из родного фольклора, раскованность и искренность в раскрытии сокровенных чувств героев его произведений, использование фольклорных мотивов и приемов в лепке характеров позволили автору создать колоритные образы, понравившиеся и всесоюзному читателю. И. Капаев — лауреат Всесоюзного конкурса им. Н. Островского, лауреат премии комсомола Ставропольского края.

Среди молодых прозаиков, известных своими произведениями, в последние годы выдвинулись Б. Кулунчакова, А. Найманов, В. Казаков, С. Аджиков и др.

Заметных успехов во всех жанрах добилась и современная ногайская поэзия. Увеличилось число поэтов, расширился их тематический диапазон. Если в 50-х годах в поэзии выделялись М. Курманалиев, Ф. Абдулжалилов, С. Капаев, А. Мурзабеков, С. Заляндин, то в 60-е годы стали известны молодые поэты Г. Аджигельдиев, К. Кумратова, А. Киреев, А. Култаев, Т. Керейтова, К. Темирбулатова и др., принесшие в литературу свое мироощущение и свои темы.

Одной из характерных черт ногайской поэзии 60-х годов является то, что в ней заметное развитие получает поэма. Меняется и форма стиха. В творчестве С. Капаева, Г. Аджигельдиева одиннадцатисложные стихи начинают уступать место семисложным. Широко применяются начальная рифма и аллитерация. В этом сказывается возрождение элементов ногайского стихосложения XV—XVII веков.

Первые поэмы на ногайском языке были написаны М. Курманалиевым («Тучи рассеялись», 1935) и Ф. Абдулжалиловым («Много видевшая Кубань», 1940). В 60-е годы развитие национальной поэмы, очень популярного жанра народной поэзии, связано с именами Ф. Абдулжалилова, С. Капаева, Г. Аджигельдиева, К. Кумратовой, С. Кумукова.

Расцвет Родины, дружба советских народов, героизм земляков в минувшей войне, созидательный труд современников, благодарность народа партии и Ленину, борьба за мир — такова основная тематика поэзии Ф. Абдулжалилова, собранной в трех его поэтических сборниках «Шумит Кубань» (1955), «Кубань — моя песня» (1957), «Когда отточено перо» (1969).

Человек труда, умножающий народное богатство, любовь к родному краю, чистота взаимоотношений между людьми занимают центральное место в поэтическом творчестве С. Капаева (сборники «Горный родник», 1957; «Степь проснулась», 1958; «Тайны моего сердца», 1969).

Истоки поэзии А. Мурзабекова уходят в 30-е годы, но как поэт он раскрылся в послевоенное время. Для поэзии Мурзабекова, собранной в трех сборниках («Мое слово», 1959; «Широкие дороги», 1966; «Мои степи») и воспевающей советского современника, характерны афористичность, образность и дидактизм.

В 60-х годах получает развитие философское направление в поэзии. Эта тенденция связана с именем талантливого поэта Г. Аджигельдиева (1939—1969). Лучшие его произведения вошли в сборник «Тропинка» (1962). Они отличаются глубиной содержания и новизной формы. Молодой поэт популярен прежде всего своей любовной лирикой. Перу Аджигельдиева принадлежат такие поэмы: «Оперился» (1962), «Ответ на вопрос», «Украденная любовь» (1966), «Сундук» (1967), «Даровой хлеб» (1969) и др., в которых он поднимает актуальные вопросы современности и часто обращается к теме войны и мира.

В 60-е годы дебютирует в ногайской поэзии К. Кумратова, поэтесса ярко выраженного лирического дарования. Многие ее стихи превратились в популярные песни, получившие широкое распространение, она одинаково известна любовной и гражданской лирикой. Сегодняшний день для нее — это «секунды огромных побед, время космического открывания, время улыбок, счастья, цветения...» [107]. В победе Октябрьской революции она видит возрождение своего народа, а все прекрасное в жизни ногайцев и их будущее связывает с дружбой народов СССР. «Русский народ, мой народ большой... сделал большим, широ-

[107] Кумратова К. Время.— Ставрополье, 1966, № 4, с. 30.

ким душой маленький мой ногайский народ...» [108],— пишет поэтесса. Развивая в своих стихах тему мира, К. Кумратова воспевает подвиги защитников страны, говорит о подвиге отцов, призывает учиться у них мужеству и любви к советской Отчизне. В любовной лирике она воспевает бережное отношение к человеку, его чувствам, в ее стихах о любви мягкая женственность сочетается с требовательностью к любимым («Любовь не шутка»).

Заметное явление в современной ногайской поэзии — поэма Сафарбия Кумукова «Лицом к западу» (1970). Написанная на высоком художественном уровне, в стиле традиции ногайского эпоса, поэма эта является крупным поэтическим полотном, в центре которого образ ногайца Калмурзы, повторившего подвиг Матросова. В поэме воспета героическая борьба советского народа в Великой Отечественной войне.

Современную поэзию Ногайских степей достойно представляла молодая поэтесса К. Темирбулатова. Поэзия ее стремительно набирала силу, сборники стихов на ногайском языке — «Горы начинаются со степей» (Махачкала, 1971), «Тропа, ведущая к дороге» (Черкесск, 1972), «Песни юности» (Махачкала, 1973), «Удивление» (Махачкала, 1978) и в русском переводе — «Улыбка луны» (Москва, 1975), «Спасенные звезды» (Москва, 1977) и др.— тепло встречены читателями и критикой. Поэзии К. Темирбулатовой присущи свежесть мысли, пристальный взгляд в духовный мир человека, искренность, широкое использование образности родного языка. Ей дороги родная природа и земная жизнь людей, полная повседневных забот. Для нее важнее всего душевная доброта и щедрость.

Особого мастерства требует от писателей детская литература. В ногайской детской литературе одни из лучших — стихи А. Киреева, вошедшие в его сборники «Бабочка» (1968), «Телеграмма» (1971), «Зеркало» (1976), «Голубь» (1978). Они играют заметную роль в воспитании у юных читателей чувства дружбы, честности, трудолюбия, любви к родному краю и всей стране.

В дагестанской группе ногайских поэтов плодотворно работает А. Култаев. Первые его стихи напечатаны на страницах ногайских газет в 60-е годы. С тех пор он создал значительное количество стихов и поэм, увидевших свет в его сборниках «В пути» (1966), «Судьба моя» (1970), «Ожидание» (1971), «Встреча» (1974), «Преданность» (1976). Поэзия Култаева обогатила прежде всего гражданскую лирику ногайской литературы Дагестана. Творческие удачи поэта связаны с темой дружбы народов, созидательного труда и роста культурного благосостояния тружеников родного для поэта степного края.

Все громче слышатся в современной ногайской литературе поэтические голоса М. Аубежиева, Д. Туркменова, Д. Шихмурзаева, М. Авезова, М. Калмыкаева, М. Кожаева и др.

Современная ногайская литература, как и литература других братских народов, находится на подъеме. Лучшие достижения ее — романы, повести, рассказы, поэмы, стихотворения — стали достоянием всех народов страны.

---

[108] Кумратова К. Русский народ, мой народ большой.— Дон, 1968, № 5, с. 121.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

История, хозяйство, материальная и духовная культура ногайцев, имея собственное развитие, в то же время представляют собой результат сложных этнических и культурных взаимодействий с другими народами, издавна обитавшими по соседству с ними.

Ногайцы относятся к числу тех отстававших в прошлом в своем развитии народов, которые были возрождены благодаря Великому Октябрю. До этого они прошли ряд исторических этапов. Консолидация различных племен, живших в домонгольский период на широких просторах Приртышья, Средней Азии, Дешт-и-Кыпчака, Северного Кавказа, в состав ногайской народности, произошла после распада Золотой Орды вокруг родо-племенных объединений кипчаков, язык которых составил основу ногайского языка. Кипчаки, явившиеся ядром ногайской народности, представляли огромную силу, противостоявшую экспансии Золотой Орды. Когда монголо-татары в 1223 г. двинулись на Русь, кипчаки вместе с русскими «вышли навстречу врагу»[1], но были покорены и включены в состав Золотой Орды. Однако они не утратили своего языка. По Аль-Омари, «потом они (татары) смешались и породнились с ними (кыпчаками), и земля одержала верх над природными и расовыми качествами их (татар), и все они стали точно кыпчаки»[2].

Ногайская Орда, возникшая в конце XIV в., расшатала устои Золотой Орды и способствовала ее распаду. Она имела дипломатические отношения с Россией, Венгрией, Египтом, Болгарией и другими государствами. В. М. Жирмунский отмечал, что «Ногайская орда, включившая в свой состав кочевые татарские племена на территории распавшейся в конце XV в. Золотой Орды, играла очень большую, до сих пор еще не выясненную полностью роль в истории русского государства на последних этапах его борьбы против остатков татарского ига, за Поволжье, на Казань и Астрахань и его военно-политических отношений с Крымским ханством»[3]. Однако в силу аморфности и слабости политической власти, феодальной раздробленности, преобладания кочевого хозяйства Ногайская Орда распалась.

Крупным событием в жизни ногайцев стало установление уже в XV в. русско-ногайских дипломатических и экономических связей[4]. Не последнюю роль в этом играла служба ногайских князей в русской армии[5].

Веками широкие массы ногайцев подвергались жестокой эксплуатации местных князей, а позднее и русского царизма. Многие участвовали в крестьянских восстаниях под руководством Степана Разина, Емельяна Пугачева, а уже в середине XIX в. и в 1916 году выступили против эксплуататоров, и хотя были разгромлены, приобрели революционный опыт.

В период освоения Россией Северного Кавказа ногайцы оказали русским властям значительную материальную помощь в строительстве г. Ставрополя,

---

[1] Черепнин Л. В. Монголо-татары на Руси (XIII в.).— В кн.: Татаро-монголы в Азии и Европе. М., 1977, с. 187.

[2] Тизенгаузен В. Г. Сб. материалов, относящихся к истории Золотой Орды, т. II. М.—Л., 1941, с. 235.

[3] Жирмунский В. М. Тюркский героический эпос, с. 411.

[4] Посольская книга по связям России с Ногайской ордой. М., 1984.

[5] Юсупов Н. Б. О роде князей Юсуповых. СПб., 1867.

станиц Невинномысской (кстати, название горы Невинная восходит к ногайскому топониму), Баталпашинской, крепостей Марьинской, Георгиевской, Екатеринодарской, Павловской, за свой счет содержали многие почтовые станции по Кизляро-Астраханскому тракту.

Значительную роль в национальном развитии ногайцев сыграло «Положение о кочующих инородцах», разработанное в 1827 г. Оно упорядочило места кочевий, а затем способствовало переходу к оседлости. Введение русского административного управления положило конец междоусобной родоплеменной борьбе. В результате втягивания хозяйства ногайцев в русло российской капиталистической экономики, чему в значительной степени способствовали меновые дворы, а особенно Северо-Кавказская железная дорога, установились тесные экономические связи ногайских районов с другими районами Северного Кавказа.

В XIX в. развитию ногайской культуры способствовали введение преподавания ногайского языка на основе арабской графики в школе г. Ногайска, издание книг на ногайском языке в Астрахани [6], открытие школ с преподаванием русского и ногайского языков в Ачикулаке в 1869 г., в Нижне-Мансуровском в 1877 г.

Связи ногайцев с русскими, а также и соседними народами Северного Кавказа — абазинами, черкесами, карачаевцами, кумыками, осетинами, объединение с ними вокруг одних административных, экономических и культурных центров наложили определенный отпечаток на национальное развитие ногайского народа. В результате взаимовлияний появились новые элементы в хозяйстве, поселениях, жилище, пище, одежде, духовной культуре ногайцев.

Материальная культура ногайцев имеет древние корни. В сложной политической обстановке создавались, а потом постепенно разрушались города, крепости, мечети.

Издавна складывалось и жилище ногайцев. Юрта кочевых ногайцев относится к тюркскому типу. Саманные дома из двух, трех, а иногда и более комнат, расположенных в ряд, характерны не только для ногайцев,— аналогии есть в сельском жилом доме Хорезма эпохи Золотой Орды [7], что допускает предположение о древних корнях таких ногайских домов и их влиянии на распространение подобных жилищ у соседей ногайцев. Уже высказывалось мнение, что «ногайцы создали свой тип дома самостоятельно» [8]. Переселенцы из центральной России на Северный Кавказ, разумеется, начали строить дома по подобию своих новых соседей, главным образом, ногайцев. Можно согласиться с А. А. Шенниковым, что «изучение истории жилого дома северопричерноморских ногайцев позволяет поставить ряд вопросов, касающихся истории украинского и вообще восточнославянского дома»[9].

Разнообразной, в то же время типичной для быта населения была одежда. Ее форма была приспособлена к образу жизни народа. Но одежда, как и другие виды материальной культуры, развивалась во взаимодействии с одеждой соседних народов. «Живя бок о бок с народами Северного Кавказа, ногайцы со своей оригинальной культурой также оказали значительное влияние на культуру этих народов» [10],— пишет С. Ш. Гаджиева.

Особенности культуры народа отразились и в пище, аналогии которой можно найти у народов Северного Кавказа, Средней Азии, Поволжья.

Общественный строй ногайцев в XIX в. характеризовался феодальными отношениями с сохранением патриархально-родового уклада. Но здесь к кочевой и оседлой части ногайцев следует подойти особенно дифференцированно.

---

[6] Schlatter D. Op. cit. S. 128.

[7] Неразик С. С. Сельское жилище в Хорезме (I—XIV вв.). М., 1976, с. 190.

[8] Шенников А. А. Жилые дома ногайцев Северного Причерноморья.— Славяно-русская этнография. Л., 1973, с. 62.

[9] Там же, с. 67.

[10] Гаджиева С. Ш. Материальная культура ногайцев в XIX — начале XX в. М., 1976, с. 222.

У кочевых скотоводов имелась частная собственность на скот, домашнее имущество, феодальная же собственность на пастбища была менее выражена. У них не было такого чёткого сословного деления общества, наблюдавшегося у оседлых кубанских ногайцев, у которых имелись султаны, князья, мурзы, уздени. Верхушечный слой составляли главным образом богачи-баи, зато неимущие слои разделялись на азатов, байгушей, кедеев, тарханов, отсутствовавших уже в этому времени у оседлых кубанских ногайцев.

В XIX — начале XX в. у ногайцев существовали две формы семьи: большая, патриархальная и малая, индивидуальная. В XIX в. шел распад большесемейных общин, и проникновение капиталистических отношений в хозяйство ускорило этот процесс. Быт большой, в несколько меньшей степени малой, семьи был строго регламентирован. Взаимоотношения строились на нормах адата и шариата, что способствовало сохранению авторитарной структуры семьи, неполноправию женщины и младших мужчин.

Семейная обрядность была архаичной и проникнутой религиозно-магическими чертами. Антисанитария, отсутствие медицинского обслуживания были часто причиной заболеваний и смерти детей и рожениц. Лишено медицинской помощи было и население в целом. Народное просвещение, если отвлечься от архаической системы образования в мектебах, делало только первые шаги.

Великая Октябрьская социалистическая революция, которую поддержали и трудовые массы ногайцев, полностью ликвидировала в их среде социально-экономический гнет и создала все условия для развития экономики и культуры. В рядах революционеров выступили А. Ахлов, М. Санглибаев и десятки других лучших представителей народа. Ногайцы участвовали в гражданской войне в рядах Конной армии С. М. Буденного и в бригаде Я. Ф. Балахонова. В годы Великой Отечественной войны сыны и дочери ногайского народа встали в ряды защитников Родины, многие из них награждены боевыми орденами и медалями, есть Герой Советского Союза [11].

За годы Советской власти в хозяйстве и культуре ногайцев произошли коренные изменения. За короткий срок был осуществлен полный переход к оседлости. Государство отпустило бывшим кочевникам строительные материалы, оказало денежную помощь. Была проведена земельно-водная реформа. В колхозах и совхозах получило дальнейшее развитие традиционное занятие ногайцев — скотоводство. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 25 мая 1967 г. государственный племенной овцеводческий завод «Червленые буруны» Ногайского района Дагестанской АССР за большие успехи в развитии тонкорунного овцеводства был награжден орденом Ленина. Семь овцеводов стали Героями Социалистического Труда, один из них, прославленный чабан Н. Эсмухамбетов, первым в стране был удостоен звания «Заслуженный работник сельского хозяйства СССР», а З. Шамаров первым в ДАССР награжден орденом Славы трех степеней. Прославились своими достижениями женщины-орденоносцы К. Мижева, Ш. Карасова, Э. Оьтегенова и другие.

Из среды ногайцев вырос отряд промышленных рабочих. Представители народа работают на предприятиях нефтяной и газовой промышленности, на заводах и фабриках. Сложилась ногайская интеллигенция.

Сегодняшний ногайский аул — это современное поселение с административными и другими общественными зданиями в центре, с удобной планировкой благоустроенных улиц. Все аулы электрифицированы и радиофицированы.

В результате роста благосостояния народа большие изменения претерпело жилище. Теперь это просторный дом под железной или шиферной крышей, на высоком фундаменте, со стенами из силикатного или жженого кирпича. Планировка и внутреннее убранство дома подчинены возросшим культурным запросам населения.

[11] Герои Советского Союза. Историко-статистический очерк. М., 1984, с. 158.

В современной одежде ногайцев ее традиционные элементы можно найти лишь у людей преклонного возраста. А в целом это — обычная городская одежда, что является одним из показателей стирания существующих различий между городом и деревней.

За годы Советской власти в корне изменился общественный быт ногайцев. Как и по всей стране, функционирует стройная система общественных организаций, координируемых и направляемых КПСС. Советы народных депутатов стали важнейшим общественно-политическим институтом, центром организации новой общественной жизни, через которые ногайцы, наравне с другими народами нашей Родины, активно участвуют в общественной жизни страны.

У ногайцев бытует как малая, так и неразделенная форма семьи. Перенимая из прошлого лучшие черты, семейные обычаи и обряды обогащаются новым социалистическим содержанием. Женщина в семье заняла равное с мужчиной положение. Современные брак и свадьба очистились от черт, унижавших достоинство молодых людей, исчез запрещенный законом калым, вступление в брак основано на добровольном желании молодых людей. Регистрация брака производится в торжественной обстановке в красочно оформленных помещениях сельских Советов или Домов культуры в присутствии представителей общественных организаций. Изменились условия рождения и воспитания детей. Возникла широкая сеть учреждений охраны здоровья матери и ребенка и детских дошкольных учреждений.

Преобразилась духовная культура ногайского народа. Ленинская национальная политика дала возможность ногайцам за короткий срок развить свою национальную по форме и социалистическую по содержанию культуру, при посредстве широко распространившегося русского языка приобщиться к культуре других народов СССР, а также и к мировой культуре. Среди ногайцев вырос большой отряд интеллигенции, в том числе писателей и ученых. Доктор физико-математических наук В. Р. Кирейтов удостоен высокого звания Лауреата Государственной премии СССР за 1987 год в области науки и техники. На ногайском языке выходят газеты и книги в Махачкале и Черкесске, ведется радиовещание.

Расцвела ногайская литература, одновременно развивающаяся в Карачаево-Черкесской автономной области и Дагестанской АССР. Ее героями стали труженики, строящие под руководством КПСС новую жизнь. Национальная литература впитала в себя не только давние литературные, но и богатые фольклорные традиции народа.

В целом ногайский народ в условиях социализма получил все возможности для общественно-экономического и культурного развития и успешного строительства новой жизни. В братской семье народов СССР он вносит свой вклад в экономику и культуру страны.

Сокращения

Литература

АКАК — Акты Кавказской археологической комиссии. Тифлис
ВДИ — Вестник древней истории. Москва
ВС — Военный сборник. Санкт-Петербург
ЖМНП — Журнал Министерства народного просвещения. Санкт-Петербург
ЖС — Живая старина. Санкт-Петербург
ЗИРГО — Записки императорского Русского географического общества. Санкт-Петербург
ЗКОИРГО — Записки Кавказского отдела императорского Русского географического общества. Тифлис
ЗИООИД — Записки императорского Одесского общества истории и древностей. Одесса
ЗРАНОИФ — Записки Российской Академии наук по отделению исторических наук и филологии. Петроград.
ЗТОЛКС — Записки Терского общества любителей казачьей старины. Владикавказ
ИОАИЭКУ — Известия Общества археологии, истории и этнографии при императорском Казанском университете. Казань
ИТУАК — Известия Таврической ученой архивной комиссии. Симферополь
КавкС — Кавказский сборник. Тифлис
КВВ — Кубанские войсковые ведомости. Екатеринодар
КС — Кубанский сборник. Екатеринодар
КСИЭ — Краткие сообщения Института этнографии АН СССР. Москва
КЭС — Кавказский этнографический сборник. Москва
МИСК — Материалы по изучению Ставропольского края. Ставрополь
ПДРВ — Продолжение древней российской вивлиофики. Санкт-Петербург
ПСРЛ — Полное собрание русских летописей. Москва
РАЖ — Русский антропологический журнал. Москва
РВ — Русский вестник. Москва
СРИО — Сборник русского исторического общества. Санкт-Петербург
СА — Северный архив. Санкт-Петербург
СА — Советская археология. Москва
СВ — Северный вестник. Санкт-Петербург
СГВ — Ставропольские губернские ведомости. Ставрополь
СМОМПК — Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Тифлис
СРГО — Сборник русского географического общества. Санкт-Петербург
ССК — Сборник сведений о Кавказе. Тифлис

ССКГ — Сборник сведений о кавказских горцах. Тифлис
СТ — Советская тюркология. Баку
СЭ — Советская этнография. Москва
ТВ — Терские ведомости. Владикавказ
ТИЭ — Труды Института этнографии Академии наук СССР. Москва
ТКЧНИИ — Труды Карачаево-Черкесского научно-исследовательского института. Черкесск
УЗИИЯЛ — Ученые записки Института истории, языка и литературы Дагестанского филиала Академии наук СССР. Махачкала
УЗЛГУ — Ученые записки Ленинградского государственного университета. Ленинград
ЧОИДР — Чтения в обществе истории и древностей российских. Москва

Архивы

ГАКК — Государственный архив Краснодарского края
ГАКЧАО — Государственный архив Карачаево-Черкесской автономной области
ГАСК — Государственный архив Ставропольского края
ПАКЧАО — Партийный архив Карачаево-Черкесской автономной области
ЦГАДАССР — Центральный государственный архив Дагестанской Автономной Советской Социалистической Республики
ЦГВИА — Центральный государственный военно-исторический архив

Другие учреждения

ГПИБ — Государственная публичная историческая библиотека
КЧНИИ — Карачаево-Черкесский научно-исследовательский институт
ЧИИИИ — Чечено-Ингушский научно-исследовательский институт

Другие сокращения

ПЗ — Полевые записи

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ 3
ВВЕДЕНИЕ 4

Глава I. **ИСТОРИЧЕСКИЙ ОЧЕРК**

1.1. Этногенез ногайцев 11
1.2. Половцы-кипчаки южнорусских степей и Северного Кавказа . . . 13
1.3. Образование и распад ногайских орд 18
1.4. Занятия и классовая структура ногайского общества 30
1.5. Политическая история ногайцев в XVII—XIX вв. 35
1.6. Ногайцы после Великой Октябрьской социалистической революции . 54

Глава II. **ХОЗЯЙСТВО**

2.1. Традиционное хозяйство 61
2.2. Организация скотоводческого хозяйства и реализация его продуктов . 68
2.3. Современное сельское хозяйство 81
2.4. Современная промышленность 91
2.5. Транспорт 96

Глава III. **МАТЕРИАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА**

3.1. Поселения 97
3.2. Жилище 112
3.3. Одежда 120
3.4. Пища и утварь 137

Глава IV. **ОБЩЕСТВЕННЫЕ И СЕМЕЙНЫЕ ОТНОШЕНИЯ**

4.1. Общественный строй и быт 147
4.2. Семья 158

Глава V. **ДУХОВНАЯ КУЛЬТУРА**

5.1. Просвещение и культурно-просветительная работа 182
5.2. Здравоохранение, физкультура и спорт 191
5.3. Народные знания 194
5.4. Фольклор 199
5.5. Литература 210

ЗАКЛЮЧЕНИЕ 226
СОКРАЩЕНИЯ 230

Калмыков Ибрагим Хамзетович
Керейтов Рамазан Хусинович
Сикалиев Ашим Имам-Аземович

НОГАЙЦЫ

Историко-этнографический очерк

ИБ № 2391

Редакторы В. И. Буяльская, К. И. Кумратова
Художественный редактор Л. А. Асланова
Технический редактор М. Г. Климовская
Корректор О. С. Митяшова

Сдано в набор 24.03.88. Подписано в печать 21.10.88. ВУ 26607. Формат 70×108¹/16. Бумага этикеточная. Гарнитура литературная. Печать офсетная. Усл. печ. л. 20,3. Усл. кр.-отт. 20,8. Уч. изд. л. 22,4. Тираж 3 000 экз. Заказ № 0106. Цена 4 руб. Ставропольское книжное издательство, Карачаево-Черкесское отделение, 357100, Черкесск, пл. Кирова, 23. Дом печати. Адыгоблполиграфобъединение управления издательств, полиграфии и книжной торговли Краснодарского крайисполкома, 352700, Майкоп, ул. Пионерская, 268.